

1 ШЕКСПИР

2 ШЕКСПИР

3 ШЕКСПИР

5 ШЕКСПИР

4 ШЕКСПИР

6 ШЕКСПИР

7 ШЕКСПИР

8 ШЕКСПИР

ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией
А. СМЕРНОВА и А. АНИКСТА

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1957

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1957

Гравюры художника
А. ГОНЧАРОВА

MAILLERIE
E. P. L. / P. 2

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание включает все произведения Шекспира, которые с достоверностью могут быть приписаны ему. В основу текста положено наиболее авторитетное английское издание — так называемое кембриджское издание (*The Cambridge Shakespeare*, ed. by William Aldis Wright, 3-rd ed., 1891—93). Однако в отдельных случаях использованы новейшие текстологические соображения и эмендации из последнего английского критического издания — нового кембриджского издания под редакцией А. Куиллер — Кауча и Дж. Довера Уилсона (*The New Shakespeare*, ed. by A. Quiller — Couch and J. Dover Wilson, 1922 *исслед.*). Издание выходит отдельными выпусками, каждый из которых содержит одну пьесу, и в настоящее время оно еще не закончено.

Данное издание является вторым полным Собранием сочинений Шекспира, выпускаемым в советское время. От первого издания (под редакцией С. С. Динамова и А. А. Смирнова, «Academia» — Гослитиздат, 1936 — 1950, восемь томов) оно отличается тем, что при сохранении той же точности в переводах, недостаточно соблюдавшейся в дореволюционных изданиях, в нем обращено особое внимание на художественную выразительность переводов, в частности, очень важную при использовании их для театральных постановок.

Значительная часть произведений печатается нами в новых переводах, специально выполненных для настоящего издания, остальные — в переводах, уже печатавшихся в советское время, сейчас тщательно проверенных и заново отредактированных.

Советская переводческая культура характеризуется разнообразием методов и богатством индивидуальных дарований, что

получило отражение в существовании параллельных переводов одних и тех же пьес Шекспира, каждый из которых имеет свои особенности и достоинства. Отдавая предпочтение одному из них, редакция вместе с тем считает необходимым отметить, что и другие переводы имеют право на внимание читателей и театров.

По сравнению с предшествующим настоящее издание содержит более обширный вспомогательный аппарат. Наряду с вводной статьей, посвященной общей характеристике творчества Шекспира, каждая пьеса сопровождается отдельным критическим очерком и комментарием. Последний расширен по сравнению с предыдущим Собранием сочинений. В статьях и примечаниях учтены достижения новейшего зарубежного театроведения. В последнем томе будет помещена статья об истории шекспировских постановок на зарубежной сцене, в дореволюционном русском и советском театрах. Статья будет иллюстрирована репродукциями наиболее выдающихся сценических образов из пьес Шекспира, созданных иностранными и отечественными актерами.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Слишком было бы смело и страшно отдать Шекспиру решительное преимущество пред всеми поэтами человечества, как собственно поэту, но как драматург он и теперь остается без соперника, имя которого можно было бы поставить подле его имени.

*В. Белинский*¹.

Величайший драматург мира Шекспир...

*А. М. Горький*².

I

Творчество Шекспира — одна из лучших страниц унаследованного нами культурного прошлого. В его произведениях ярко выразились ведущие силы великой эпохи, их породившей, эпохи огромного напряжения человеческого ума и воли, эпохи великих открытий и великих дерзаний вместе со всеми ее противоречиями, взлетами и трагедиями. Но в то же время своей художественной зоркостью, силой своего проникновения в сущность человеческих страстей и конфликтов шекспировское творчество выходит за рамки своей эпохи, заглядывая в будущее, улавливая и предвидя то, что в те времена еще только приоткрывалось или зарождалось.

Об этих удивительных свойствах шекспировского творчества превосходно сказал Н. А. Добролюбов в своей статье «Луч света в темном царстве»: «В литературе, впрочем, являлось до сих пор несколько деятелей, которые стоят так высоко, что их не превзойдут ни практические деятели, ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены так богато природою, что умели как бы по инстинкту приблизиться к естественным понятиям и стремлениям, которых еще только искали современные им философы с помощью строгой науки. Мало того: истины, которые философы только предугады-

---

¹ В статье «Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета». В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1948, стр. 302—303.

² Статья «О том, как я учился писать». М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 320.

вали в теории, гениальные писатели умели схватывать в жизни и изображать в действии. Таким образом, служа полнейшими представителями высшей степени человеческого сознания в известную эпоху, и с этой высоты обозревая жизнь людей и природы и рисуя ее перед нами, они возвышались над служебной ролью литературы и становились в ряд исторических деятелей, способствовавших человечеству в яснейшем сознании его живых сил и естественных наклонностей. Таков был Шекспир. Многие из его пьес могут быть названы открытиями в области человеческого сердца; его литературная деятельность подвинула общее сознание людей на несколько ступеней, на которые до него никто не поднимался и которые только были издали указываемы некоторыми философами. И вот почему Шекспир имеет такое всемирное значение: им обозначается несколько новых ступеней человеческого развития»¹.

Огромное познавательное содержание шекспировских произведений, глубину проникновения Шекспира в действительность, умение уловить в ней все самое существенное, правдивость и широту его художественных обобщений отмечали и другие наши революционные демократы. В. Г. Белинский, полемизируя с приверженцами теории «чистого искусства», подчеркивал глубокое жизненное содержание шекспировского творчества. «Обыкновенно,— писал он,— ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, как на представителей свободного, чистого искусства; но это одно из самых неудачных указаний. Что Шекспир — величайший творческий гений, поэт по преимуществу, в этом нет никакого сомнения; но те плохо понимают его, кто из-за его поэзии не видит богатого содержания, неистощимого рудника уроков и фактов для психолога, философа, историка, государственного деятеля и т. д. Шекспир все передает через поэзию, но передаваемое им далеко от того, чтобы принадлежать одной поэзии»². Равным образом и А. И. Герцен, необычайно высоко ценивший Шекспира, находил у него «смелое преследование жизни до заповеднейших тайников ее»³ и «глубину понимания жизни, действительно, беспредельную»⁴.

Эти же самые свойства Шекспира ценили и основоположники марксизма, чрезвычайно высоко ставившие его в ряду мировых писателей. Много раз в своих сочинениях К. Маркс использовал цитаты из Шекспира, чтобы лучше разъяснить какую-нибудь важ-

---

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 458—459.

² «Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая». В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 796.

³ «Дилетантизм в науке. Статья вторая». А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. I, 1948, стр. 39.

⁴ «Письма об изучении природы». Там же, стр. 288, прим.

ную мысль или ярче охарактеризовать какой-нибудь современный политический персонаж, подчеркивая этим большое познавательное значение шекспировских образов или выражений. Известный монолог Тимона (в трагедии Шекспира «Тимон Афинский», акт IV, сцена 3) Маркс несколько раз цитирует в своих сочинениях как мастерское изображение тлетворной силы денег, превращающих все естественные человеческие отношения в их противоположность¹. Фальстаф (в «Генрихе IV» и в «Уиндзорских насмешниках» Шекспира) для Маркса — как бы «персонифицированный капитал» «зари капитализма», рождающий буржуа эпохи первоначального накопления. В другой раз Маркс сравнивает с тем же Фальстафом агента Наполеона III, господина Фогта. Образ прилельницы Фальстафа, миссис Куикли, пародийно используется Марксом в том месте «Капитала» (т. I, гл. 1), где он анализирует понятия товара и его стоимости. Нередко на страницах произведений Маркса мелькают образы Гамлета, Шейлока, ткача Основы («Сон в летнюю ночь»), Аякса, Терсита («Троил и Крессида») и т. п.²

В 1859 г. в своих письмах к Ф. Лассалю, разбирая его историческую драму «Франц фон Зикинген», Маркс и Энгельс советуют ему, вместо того чтобы следовать в драматургии методу Шиллера, «превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени», больше «шекспиризировать» и ставят ему в пример «широкое» и «глубокое» изображение у Шекспира «социального фона исторических событий» («фальстафовского фона»)³.

Что же придало художественной мысли Шекспира такую остроту, такую силу критицизма, которая позволила ему осветить самую сущность человеческих чувств и общественно-моральных противоречий, лишь впервые начавшую приоткрываться человеческому сознанию тех времен? То, что, принадлежа по своему образованию и культурному кругозору к тогдашней интеллигенции, Шекспир по своему происхождению и всему строю мыслей и чувств был глубочайшим образом связан с народом. Именно с народной точки зрения, с позиций народных идеалов, чаяний и оценок он освещал изображаемые им жизненные коллизии. И действительно, мало можно назвать мировых драматургов, которые были бы так глубоко восприняты и освоены народом — и в его время

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об искусстве, сборник под редакцией М. Лифшица, 1937, стр. 65, 67, 134—135.

² См. выборку у М. Нечкиной — «Литературное оформление «Капитала» К. Маркса», гл. VIII: «Шекспир в «Капитале», Партиздат, 1932.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 250—253 и 257—263; сокращенно — К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 112—113.

и в последующие века, и на его родине и в других странах, — как Шекспир.

Эпоха, когда жил и творил Шекспир, была полна острых противоречий. В связи с подъемом буржуазии, сменой феодального способа производства капиталистическим, расшатыванием старых феодальных отношений и понятий происходит развитие светской культуры, идущей на смену феодально-средневековому обскурантизму и церковному мракобесию. Великие открытия и изобретения — книгопечатание, порох, новые способы добычи металлов, открытие Америки и морского пути в Индию — расширяют кругозор человека, зовут его на завоевание и освоение материального мира. Все более властно заявляют о себе требования веками угнетавшейся человеческой природы, права энергичной и деятельной личности. Все чаще сквозь толщу веками освященных суеверий и догматов прорывается голос разума, живого опыта, свободной совести. Это — эпоха Возрождения, впервые после долгих веков мрачного аскетизма приоткрывшая перед человеком земную радость и красоту, приоткрывшая образ реального мира и богатство внутренней жизни человека.

Это огромное социальное, научное и эстетическое движение, определяемое Энгельсом как «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством»¹, обозначилось уже в середине XIV века в Италии, которую Энгельс называет «первой капиталистической нацией»²; в других же странах Западной Европы оно проявилось с полной силой лишь в XVI столетии. В Англии, где культурное развитие было замедленным по сравнению не только с Италией, но и с Францией, а в известных отношениях даже с Испанией, Возрождение в области искусства и науки развернулось лишь во второй половине XVI века, но зато оно проявилось здесь сразу с огромной силой, словно наверстывая упущенное. Мы наблюдаем в это время чрезвычайное развитие лирики и эпической поэзии (Спенсер, Сидни, Шекспир как автор поэм и сонетов), авантюрного, психологического и бытового романа (Неш, Делони, Грин), блестящую плеяду драматургов (Шекспир, Марло, Бен Джонсон, Хейвуд, Бомонт, Флетчер и многие другие). Знакомство с античной литературой, с культурой, искусством ренессансной Италии и других передовых стран оплодотворяет английскую поэзию и искусство, помогает им найти законченную форму для воплощения своих собственных, национальных замыслов и идеалов. В эту же пору расцветает основан-

---

¹ Введение к «Диалектике природы». К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1952, стр. 52.

² Предисловие к первому итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 1936, т. XVI, ч. 2, стр. 327.

ная на опыте и разуме философия Ф. Бэкона, которого Маркс называет «настоящим родоначальником *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей науки*», философия, в которой, по выражению Маркса, «материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку»¹.

Но весь этот расцвет в Англии, как и в других странах, имел свою оборотную сторону. Он был результатом роста буржуазии, которая первоначально выступила как сила демократическая, как бы от лица всех слоев населения, угнетенных феодализмом, но затем, по мере того как усиливалось ее влияние, начала раскрывать свое истинное лицо хищницы. «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности... Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»².

Конечно, в Англии XVI века этот процесс еще далеко не завершился, и в экономике, быту, нравах сохранялось еще очень много феодального. Но описанная Марксом буржуазная практика уже проявила себя с огромной силой. Носители ее — не только купцы, ранние промышленники-мануфактуристы, разбогатевшие кулаки-фермеры, дельцы всякого рода, но и новое земельное дворянство, быстро разрастающееся в XVI веке и сменяющее старую феодальную знать, почти сплошь истребленную в войнах Алой и Белой розы (1459—1471). Новые дворяне-помещики, как отмечает Энгельс, хотя и были «большой частью также отпрыски этих старых фамилий, вели однако свой род от столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новую корпорацию. Их привычки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными»³.

Втягиваясь в хозяйственную жизнь страны, переходившую на новый, капиталистический путь, и тем самым до известной степени обуржуазиваясь, английское дворянство приобретало черты, отличавшие его от современного паразитарного дворянства Франции и Испании. Красочно пишет в «Описании Англии» (1578)

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 2, 1955, стр. 142—143.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, стр. 426.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1952, стр. 95.

современник Шекспира Харрисон: «Джентльмены стали торговать овцами, рыцари превратились в горнопромышленников; сыновья крестьян¹ начали посещать университеты; люди, пользовавшиеся большим уважением и обладавшие состоянием, сделались скотоводами, мясниками или кожевниками».

Генрих VII запретил баронам иметь феодальные дружины. Роспуск их лишил знать военно-политической силы, ослабил сепаратистские тенденции и укрепил позиции централизованной власти. Лишь немногие крупные феодалы Севера — из тех, что поддерживали Марию Стюарт против Елизаветы, — еще сохраняют их. Но в целом страна переходит на мирное существование, и феодализму как политической силе приходит конец. Устанавливается система абсолютизма, сыгравшая в XVI веке положительную роль.

В царствование королевы Елизаветы (1558—1603) Англия заметно меняет свое лицо. Промышленность и торговля быстро развиваются. Английское сукно, достигшее высокого качества, легко завоевывает внешние рынки. Одна за другой возникают купеческие компании для торговли с прибалтийскими странами, Средиземноморьем, Россией, Гвинеей, Ост-Индией. Возникает лондонская биржа как крупнейший центр международных торговых и финансовых операций. Растет военный престиж Англии. Победа в 1588 году над испанским флотом, посланным Филиппом II для завоевания «еретической» Англии, дает Англии свободу на морях и открывает эру ее колониальной политики.

Но какой ужасной ценой достигалось это «процветание», в какие жестокие формы отливало все это! Для шерсти нужны овцы, тем самым — обширные пастбища, и вот расчетливые помещики массами сгоняют крестьян с их участков и захватывают общинные крестьянские земли, обращая их в пастбища для своих овец. Уже в начале века Томас Мор в своей «Утопии» сетовал о том, что в Англии «овцы поедают людей». Для нарождающейся капиталистической промышленности это представляло двоякую выгоду: экспроприированные таким образом крестьяне вынуждены были за гроши работать на мануфактуристов, а тех, кто пытался бежать от этой кабалы, объявляли «бродягами», клеймили раскаленным железом, заковывали в кандалы и т. п. Особенно усердствовала в преследовании этих бедняков и в установлении жестокого рабочего законодательства королева Елизавета, которую Маркс называет «ультракровавой».

Сходными были методы английских «накопителей» и за пределами родины. Первыми подвигами смелых английских морепла-

---

¹ Речь идет о новых капиталистических фермерах, о расцвете которых в эту эпоху подробно пишет К. Маркс в указанной главе «Капитала».

вателей — Дрейка, Хокинса, Фробишера — было не завоевание новых земель, а торговля неграми, которых они захватывали на западном побережье Африки, а затем отвозили в испанскую Вест-Индию, чтобы продать там; если же испанцы почему-либо отказывались от этой сделки, английские корабельные пушки обстреливали их, силой навязывая свой «черный товар». Другие же морские разбойники предпочитали попросту грабить испанские корабли, возвращавшиеся с грузом золота и серебра из Нового Света. И сама королева Елизавета, не говоря уже о разных вельможах — министрах и членах государственного совета, — участвовала в обоего рода экспедициях, давая оборотные средства и получая от них свою долю прибыли.

Даже то безусловно прогрессивное дело, каким являлось введение «сверху» отцом Елизаветы Генрихом VIII около 1535 года Реформации, превратилось при его дочери в тяжкие оковы. В вопросах веры и религиозного культа нельзя было отклоняться от официального вероисповедания ни на йоту ни вправо (в сторону католицизма), ни влево (в сторону пуританства) — под угрозой денежного штрафа, ареста или даже отсечения левой руки. Светская цензура при «доброй Бетси» была не ласковее прежней, церковной.

Естественно, что во всех классах общества нарастала резкая оппозиция режиму. Крестьяне время от времени поднимали восстания, беспощадно подавлявшиеся. Народные массы были еще незрелы (вспомним изображение Шекспиром мятежного народа в «Генрихе VI», «Юлии Цезаре», «Кориолане»), пути и средства борьбы за социальную справедливость были им еще неясны, да и реальные предпосылки для победы народа исторически не сложились.

Крестьянские волнения явились одним из признаков наметившегося кризиса абсолютизма, так же как и феодально-дворянская оппозиция, возникшая в конце правления Елизаветы, и оппозиция буржуазного в своем большинстве парламента, негодовавшего на монополии и привилегии, раздаваемые королевским фаворитам в ущерб развитию национальной экономики и интересам буржуазии и народа. Еще хуже стало при наследовавших Елизавете Стюартах (Иаков I, 1603—1625, затем его сын Карл I), возглавлявших феодальную реакцию и самую уродливую форму абсолютизма, пока буржуазная революция в 40-х годах не смела дворянскую монархию.

Как же реагировали в пору Шекспира на эти противоречия наиболее передовые выразители идеалов Возрождения, обычно называемые гуманистами? Действуя и творя в условиях того этапа буржуазного развития, когда люди «не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость влияние

которого мы так часто наблюдаем у их преемников» (Энгельс), и когда буржуазия еще играла положительную роль в обществе, содействуя развитию его производительных сил и материальной культуры, гуманисты «были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»¹.

Восставая против феодально-церковного, мистического и аскетического мировоззрения средневековья под лозунгом свободного развития человеческой личности и защиты ее природных прав и потребностей (в той форме, в какой их исторически ограниченное сознание способно было это понимать), они искренно верили, что борются за освобождение всего угнетенного человечества. Отсюда жизнерадостный и утопический характер творчества большинства ранних гуманистов как в Англии, так и в других странах, грезивших о быстром наступлении справедливой, гармоничной, радостной для всех жизни.

Однако уже в XVI веке буржуазная практика повсеместно обнаруживается в своей противоречивости. Очень ярко она проявила себя, как мы уже видели, в Англии, этой стране «классического» развития капитализма. Общественные отношения, складывавшиеся после ломки феодально-крепостнического строя, породили новую, еще более жестокую форму эксплуатации человека человеком. По мере того как это делалось все более очевидным, предметом критики гуманистов становились уже не столько пороки феодализма, сколько бесчеловечность новых, капиталистических отношений. Практически, однако, обе эти формы общественного зла сливались в сознании гуманистов (как они сливались отчасти в самой действительности), которые с гневом обрушивались на «жестокое время», не сдержавшее своих обещаний. Отсюда тот новый этап в развитии гуманизма, который наблюдается в Англии на исходе XVI века, а в других странах (Италия, Франция) — на несколько десятилетий раньше и который заключается, с одной стороны, в отказе от недавних иллюзий, а с другой стороны — в трагическом осознании огромности и неодолимости общественного зла.

В творчестве Шекспира мы находим отражение всех этих моментов, и именно в указанной последовательности. В первый период своего творчества он веселым смехом провожает уходящее средневековье, прославляя мир гармонических, светлых чувств. Но этот оптимизм не лишает его зоркости, и к ясным, радостным образам Порции, Виолы, Ромео и Джульетты примешиваются тревожные тени новых пришельцев, носителей расчета, корыстолю-

---

¹ Ф. Энгельс, Введение к «Диалектике природы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1952, стр. 52—53).

бия, ненавистничества, то жалких и комичных, как Мальволио, то злобных и опасных, как Шейлок. Во второй период, когда Шекспир уже отчетливо видит наступление эры пошлости, циничного корыстолюбия и разнузданного духа стяжательства, топчущего все благородные и чистые чувства, за идеальными образами (им жизненно Шекспир остается верен до конца) Гамлета, Отелло и Дездемоны, Эдгара и Корделии встают мерзкие фигуры короля Клавдия, Яго, Эдмунда, двух старших дочерей Лира — этих типичнейших хищников, чей склад мыслей и чувств отражал психологию эпохи первоначального накопления, мастерски обрисованную и разоблаченную Шекспиром. И, наконец, третий период творчества Шекспира отмечен более пассивным, созерцательным отношением к действительности.

II

Начало деятельности Шекспира относится к моменту наиболее бурного и блестящего развития национального английского театра эпохи Возрождения. Художественное творчество зрелого английского Возрождения проявило себя в театре и драматургии ярче и полнее, чем в какой-либо другой области искусства. Пробуждение демократических сил и подъем национального самосознания, развитие чувства личности, расширение умственного кругозора, вызванное активной внешней политикой, контактом с другими странами и народами, знакомством с новыми, ранее неизвестными формами культуры, — все это получило выражение в сценических образах большого размаха и огромной действенной силы.

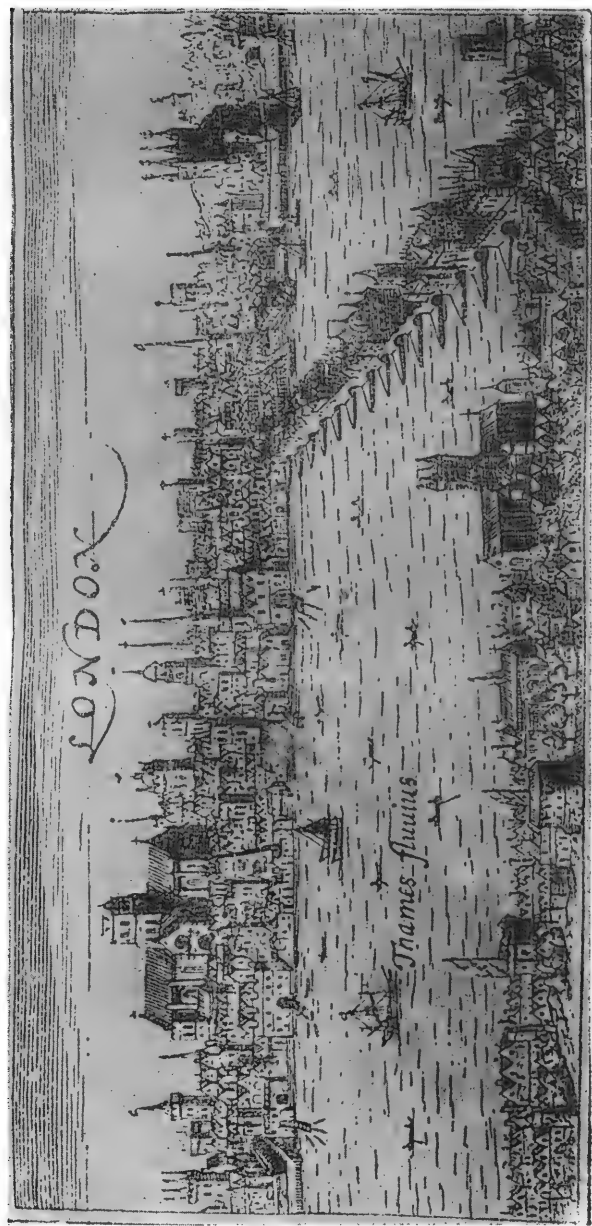
Театр по целому ряду причин был в Англии одним из самых популярных видов искусства. Одна из них — в том, что он был доступен самым широким слоям населения, которое в подавляющем большинстве было еще неграмотным. Другая причина — то, что он не так жестоко контролировался цензурой, как книги, хотя бы вследствие очень сильного в нем элемента импровизации. Между сценой и зрителем существовала самая живая связь. На подмостки нередко выносились актуальнейшие проблемы и злободневные события: разоблачались злоупотребления властей, проскальзывали едкие намеки на государей, осмеивались модные пороки, прославлялись национальные герои и победы над врагами родины, изображалась борьба Реформации с папством.

Новый театр Возрождения развился за три десятилетия, с середины XVI века до 80-х годов его, когда было подготовлено выступление Шекспира как драматурга. Но корни этого театра лежат глубоко. Основным его истоком был средневековый народный театр, сохранивший свою живучесть на протяжении всего XVI века. Это — традиционные, излюбленные народом мистерии, которые

давно уже утратили свой первоначальный религиозный характер — наполнились бытовым, нередко сатирическим содержанием, фарси или интерлюдии, как они назывались в Англии; и, наконец, моралите, в которых, как и в мистериях, религиозная назидательность была уже решительно вытеснена чисто светской моралью и моментами развлекательности и декоративности.

Однако этот старый театр с его узким содержанием и примитивной эстетикой уже не удовлетворял идейным и художественным запросам людей Возрождения. И тут огромную помощь оказали образцы, найденные в античности и в более передовом искусстве итальянского Возрождения. К старому стволу был привит свежий росток, помогший ему расцвести по-новому. Но это был лишь итог, конечный результат процесса, который вначале протекал совсем по-иному. А именно, в кругах интеллигенции, принадлежавшей преимущественно к привилегированным классам и увлеченной культам античности, возникли попытки просто заменить национальную драму воспроизведением древних образцов или подражанием им.

Уже в конце XV века в корпорациях молодых юристов, а также в домашних театрах светских и духовных вельмож любительские труппы стали исполнять сначала на латинском языке, а затем в английском переводе комедии Плавта и Теренция. В первой половине XVI века к этому присоединяется исполнение римских трагедий Сенеки, впоследствии также переведенных и изданных по-английски. А с другой стороны, в придворном театре, расцветающем при Генрихе VIII, в подражание модным в ту пору итальянским пасторалям, маскарадам с живыми картинами и тому подобным аристократическим увеселениям разыгрываются — также любительскими силами — «маски» (пьесы на несложный мифологический сюжет с преобладанием музыки и всяких декоративных эффектов), устраиваются очень пышно оформленные живые картины и т. п. Среди ставившихся здесь пьес или сценок, названия которых до нас дошли, мы встречаем и знаменитую, восходящую к сказаниям о Троянской войне «Историю Троила и Пандара» (сюжет, обработанный потом также и Шекспиром) и, очевидно, сильно эстетизированную в итальянском аристократическом стиле пантомиму «Триумф любви и красоты». Но наряду с этим здесь игрались и пьесы, уходящие корнями в английский фольклор, как, например, «Робин Гуд» или загадочная «Игра с ослом в летнюю ночь» (невольно наводящая на мысль о сюжете шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» с образом ткача Основы, превращенного в осла). Как показывают эти два примера, между придворным театром и традициями народного искусства полного разрыва все же не было, что довольно характерно для тюдоровской монархии с ее антифеодальными тенденциями. Это нам объясняет,

Лондон времен Шекспира

Дом, в котором родился Шекспир

почему пьесы Шекспира часто ставились на придворной сцене, куда его труппа почти каждый год приглашалась на гастроли.

Во главе придворного театра стоял особый чиновник, именовавшийся «распорядителем увеселений». На его обязанности лежало обеспечение этого театра и репертуаром и постановочными средствами и исполнителями. Для этой последней цели он обучал иногда пению и игре юных певчих из королевской капеллы. Выступления детских ансамблей чередовались с выступлениями знатных любителей, а иногда также городских трупп взрослых актеров, специально для этого приглашаемых.

И академический театр классицистов и придворный театр были утонченным искусством для избранных, неспособным стать исходной точкой развития нового национального театра. И тем не менее в них содержались некоторые элементы, которые были национальным театром усвоены. Средневековый народный театр был архаичен и бесформен. Римские комедии при всей узости и чуждости тогдашней Англии их тематики учили драматургов ясной и стройной композиции, логике действия и характеров, искусству диалога, экономии художественных средств. То же надо сказать и о трагедиях Сенеки, несмотря на то, что своей напыщенностью, пристрастием ко всяким ужасам и внешним эффектам, статической риторичностью они неизмеримо уступают греческой трагедии Софокла и Еврипида, в ту пору в Англии почти совсем неизвестной.

Вначале, однако, это были два антагонистических стиля, выражение двух культур, глубоко чуждых одна другой. Но вместе с усилившейся в середине века волной демократизации общества, когда, по словам Харрисона, рыцари «превращаются в горнопромышленников», а сыновья крестьян «начинают посещать университеты», между ними устанавливается взаимосвязь. Появляются пьесы, в которых намечается органическое соединение моментов местного, народного творчества и элементов ученых, воспринятых из античности.

Раньше всего этот синтез обозначился в комедии. В 1553 году на школьной сцене была исполнена написанная Николасом Юделом, занимавшим одно время должность «распорядителя увеселений», первая английская комедия Возрождения с «единством действия» и стройной композицией — «Ралф Ройстер Дойстер». Общий замысел и главные положения комедии прямо взяты из «Хвастливого воина» Плавта, но всюду подставлены современные английские нравы и характеры. Пустоголовый обедневший дворянин Ралф Ройстер Дойстер (Буян-Дойстер) ухаживает за богатой вдовушкой Констанс (Постоянство), жених которой, Гудлек (Удача), уехал по торговым делам. Отвергнутый красоткой, Ройстер Дойстер со своим слугой Мерригриком (Веселый грек), бес-

стыдно лстящим ему и в то же время над ним потешающимся, организует штурм ее дома, но Констенс со своими служанками, вооружившись кочергами и ухватами, отражают нападение. Возвращается Гудлек, и на свадьбу его с Констенс приглашают и Ройстера Дойстера, который мирится со своей судьбой. Прямая дорога ведет от этой комедии к «Уиндзорским насмешницам» и к целому ряду бытовых пьес Томаса Хейвуда, Бена Джонсона и других.

Вскоре появились аналогичные опыты и в области трагедии. Здесь первым образцом может считаться поставленный в 1561 году «Горбодук» Нортон и Секвила с его делением на пять актов, рассказами вестников о событиях, совершающихся за сценой, хором «четырех мудрых старцев Британии», всякими ужасами и пафосом в духе Сенеки. Король Британии Горбодук, утомленный долгим правлением, при жизни делит свое царство между двумя сыновьями; те начинают междоусобную войну, в которой оба погибают, после чего возмущенный народ убивает старого короля, и страна погружается в анархию. Трагедия эта, кое-чем предвосхищающая тематику и образы «Короля Лира» и «Макбета», сюжетно подсказана историей царя Эдипа, но вместе с тем в ней ставится актуальный в эпоху Елизаветы вопрос о необходимости твердого закона о престолонаследии и целостности государства.

Другим истоком ранних ренессансных трагедий и еще в большей степени «хроник» (пьес на сюжеты из национальной истории) послужили старые моралите, в которых абстракции стали постепенно вытесняться конкретными историческими фигурами. Здесь большую роль сыграл религиозно-политический момент — проблема Реформации, очень скоро вынесенная на сцену. На подмостках стали появляться образы «Папы», «Церкви», «Ереси» и т. п., за которыми последовали сам Лютер, его жена, короли и епископы, втянутые в вероисповедную распря. Одна из старейших и вместе с тем самая значительная пьеса этой группы — «Король Иоанн» (около 1548 г.) протестантского епископа Джона Бейля. В ней наряду с аллегорическими фигурами Духовенства, Узурпации, Мятежа и т. п. выведены король Иоанн Безземельный, впервые попытавшийся освободить Англию от папской власти, французский король Филипп-Август, поддерживавший папу, папский легат Пандольф и другие исторические персонажи.

По этому образцу стали затем выводить на сцену других английских королей — Ричарда III, Генриха V, а дальше — и легендарных героев древних сказаний, как король Артур или Лир (анонимная пьеса о котором возникла уже около 1594 года, лет за двенадцать до трагедии Шекспира). Так выросла историческая или псевдоисторическая трагедия, из которой естественным образом развилась затем трагедия могучей личности с титаническими страстями. Влияние Сенеки (главным образом в единстве дейст-

вия, патетике чувств и логике композиции) постепенно проникло и сюда. Исходная жизненность тем и национальный характер сюжетов облегчили слияние этих двух различных начал.

Подлинный синтез двух стилей, ученого и народного, был осуществлен в творчестве группы старших современников Шекспира — Лили, Марло, Грина, Кида и др. Драматургам этой группы в литературоведении присвоено название «университетских умов» по той причине, что, будучи демократического происхождения (один был сыном башмачника, другой — нотариуса и т. п.), они тем не менее все учились в университетах и были людьми весьма образованными.

Джон Лили (1554—1606) приобрел громкую известность прежде всего своим романом «Эвфурс» (две части, 1579—1580), написанным чрезвычайно изысканным и вычурным стилем (нагромождение сложных метафор, антитез, ученых слов, мифологических образов и т. п.). Этот стиль, получивший название «эвфуизм», оказал сильное влияние на большинство английских писателей эпохи, в том числе и на Шекспира в раннюю пору его творчества. Как драматург, Лили писал почти исключительно комедии типа изящных пасторалей, большей частью на мифологические сюжеты («Женщина на луне», «Мидас», «Эндимион» и т. д.). Большим новшеством было то, что пьесы Лили написаны прозой, притом весьма разработанным и гибким языком. Лили ввел в драматургию совсем новый тип комизма, не имеющий ничего общего с комизмом «Ралфа Ройстера Дойстера» и других бытовых комедий эпохи, — тонкий и очень сдержанный юмор, философскую иронию. Сам Лили говорил, что он хотел вызвать «не громкий смех, а мягкую улыбку». Всем этим Лили отчасти подготовил появление «лирических» комедий Шекспира («Бесплодные усилия любви», «Сон в летнюю ночь» и др.).

Кристофер Марло (1564—1593), рано умерший сверстник Шекспира, является истинным основателем английской трагедии Возрождения. Его творчество овеяно духом свободолюбия и глубокого демократизма. Марло создал трагедию могучих личностей и великих страстей. Герои его «Тамерлана», «Фауста», «Мальтийского еврея» — титанические натуры, стремящиеся всем овладеть и все познать, дерзкие аморалисты и почти безбожники (сам Марло был атеистом), не знающие преграды своим желаниям. Тамерлан стремится к завоеванию мира и, умирая, готов вступить в единоборство со смертью. Фауст бросает вызов богу и хочет перестроить мир. Герой «Мальтийского еврея» Варава (один из прототипов шекспировского Шейлока), не признающий ни божеских, ни человеческих законов, в своем безудержном эгоизме безжалостный ко всем окружающим, совершает ряд злодейств и предательств и гибнет, неумолимый и несокрушимый. Лишь

в последней своей пьесе, хронике «Эдуард II» (сюжетно и идейно во многом предвосхищающей шекспировского «Ричарда II»), Марло освобождается от этих крайностей и переходит к более широкому и объективному изображению характеров, к раскрытию не только прав, но и обязанностей личности.

Шекспир, как и вообще вся английская драма, чрезвычайно многим обязан Марло. Титанические фигуры Лира, Макбета, Кориолана, Тимона Афинского имеют своими прототипами героев Марло. У него же Шекспир научился распределению материала в пьесах, величавому трагическому стилю, а также применению в трагедии белого стиха (важное нововведение Марло, давшее драматической поэзии новые ресурсы реалистической выразительности).

Роберт Грин (1558—1592), плодовитый романист и публицист, писал пьесы новеллистически-романтического характера («Монах Бэкон», «Иаков IV», «Джордж Грин, уэксфилдский полевой сторож»). В них сильны патриотические мотивы, с огромным сочувствием и пониманием изображаются писателем представители народа. Для пьес Грина характерно богатое, сложное действие, трагически окрашенное, но всегда имеющее счастливый конец. Тип его драматургии оказал больше всего влияния на последние пьесы Шекспира — «Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря».

Томас Кид (1558—1594) известен главным образом как автор «Испанской трагедии» и не дошедшего до нас «Гамлета», написанного лет за пятнадцать до шекспировской трагедии. Интересно, что «Испанская трагедия» также имеет мотивы, сходные с сюжетом «Гамлета»: это история мести отца за предательски убитого сына, осуществляемой с помощью невесты убитого во время устроенного ими придворного спектакля. У Киды Шекспир многому научился в смысле мастерства интриги, искусной композиции и умения раскрывать характеры в связи с развитием действия.

Шекспир очень многим обязан своим предшественникам: он нашел у них не только целый мир новых идей и чувств, глубоко прогрессивных и демократических, но и пригодные для их воплощения новые драматургические формы и технику. Ему предстояло лишь развить и углубить то и другое. Но сказанным зависимость Шекспира от современного ему искусства не исчерпывается. На его драматургию не могли не оказать влияния театральные условия и, в частности, техника сцены его времени. Драматург Марстон писал: «Комедии создаются для их произнесения, а не чтения. Помните, что жизнь их заключается в их представлении». Чтобы понять пьесы Шекспира до конца, надо их представить себе в тогдашнем театральном воплощении.

Ко времени выступления «университетских умов» прочно установились также организация и техника нового английского театра.

После Генриха VIII вольному существованию театров в Англии приходит конец. При Елизавете центральная власть все более и более стремится взять их под свою опеку. Вскоре после восшествия на престол Елизавета издала декрет, согласно которому ни одно представление не должно было происходить в Англии без разрешения местных властей. В 1560 году она сделала обязательной предварительную цензуру пьес. В 1572 году был издан декрет, согласно которому все труппы должны были быть прикреплены к городу или к какому-нибудь знатному лицу, официально — хозяину, практически же — поручителю за них и покровителю; все актеры, не выполнившие этого, разделяли судьбу обезземеленных и безработных беглых крестьян: они объявлялись «бродягами» и отовсюду изгонялись или даже подвергались разным карам. Вскоре затем все труппы Англии были поставлены под контроль «распорядителя увеселений». Процесс подчинения их непосредственно королевской власти завершился уже после смерти Елизаветы, когда Иаков II в 1604 году зачислил все лондонские труппы на свою службу.

Но пока этого не произошло, труппам приходилось подвергаться еще большему угнетению со стороны другого опекуна — городских властей, стремившихся сократить насколько возможно театральное дело, а если бы удалось, то и вовсе искоренить его. Главная причина такой враждебности заключалась в мотивах религиозно-морального порядка. К концу XVI века среди зажиточной буржуазии, к которой принадлежало большинство членов городского совета, чрезвычайно распространилось пуританство. С пуританской точки зрения театр — суетная и вредная забава, нечестивая и развращающая зрителей картиной непристойностей, переодеванием, притворством. К этому примешивались соображения общественной гигиены. Европа в те времена нередко страдала от эпидемий чумы. Бывало иногда, что в Лондоне заболело по 30—40 человек в неделю. В таких случаях театры, естественно, способствовали распространению заразы, и понятно поэтому, что власти их закрывали, обычно на весь сезон, а труппы уезжали на гастроли в провинцию или даже за границу (обычно в Данию и Германию, где английские актеры очень славились). Пуритане жаловались также на то, что скопление публики в театрах привлекало туда карманных воров и проституток. В результате всего этого театр подвергся жестокому гонению со стороны городских властей и был изгнан с территории, подлежащей их юрисдикции.

Различались два типа театров — «публичные» (или, как мы сейчас сказали бы, общедоступные) и «частные» (привилегированные). Первые, более распространенные, были тем видом демократического типа театра, который был воплощением наиболее ярких и живых форм драматургии позднего Возрождения; к ним относится и искусство Шекспира. Вторые, возникшие, как показывает их название, из домашних, любительских театров вельмож, даже после того как они эмансипировались от своих хозяев, сохранили некоторые черты, связанные с их происхождением: их сцена была лучше и богаче оборудована, места для зрителей более комфортабельны, репертуар иногда более «изысканный» и входная плата выше, вследствие чего их посетители принадлежали к более состоятельным кругам населения.

Вытесненные из Лондона публичные театры нашли пристанище за городской чертой, с северной или южной стороны Лондона, на берегу Темзы, огибающей город с юга, востока и севера. Что касается частных театров, вызывавших по понятным причинам менее сильную ненависть муниципальных властей, то они сохранились по большей части внутри Лондона, но на особых участках — так называемых «слободах», которые, принадлежав некогда монастырям или крупным вельможам, сохранили свою свободу от подчинения городскому совету.

К исходу XVI века в Лондоне действовало четыре или пять трупп, располагавших постоянными театрами, не считая еще детских трупп, набравшихся из певчих собора св. Павла и придворной капеллы, в возрасте от девяти до тринадцати лет. Эти детские труппы, имевшие своих особых руководителей и игравшие в придворном и некоторых привилегированных театрах столицы, исполняли те же самые пьесы, что и взрослые труппы. Они имели некоторое время успех и своей конкуренцией вызвали сильное раздражение со стороны взрослых актеров (см. разговор Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном, акт II, сцена 2). Запрещенные официально с 1590 года, они, однако, продолжали существовать до 1608 года, когда окончательно распались.

Двумя старейшими и художественно наиболее сильными лондонскими труппами были — упоминаемая уже около 1560 года труппа графа Лестера, позже, в 90-х годах, переименованная в труппу лорда-камергера, и другая, возникшая немного позже и состоявшая под патронатом лорда-адмирала. Руководителем первой был даровитый и энергичный Джеймс Бербедж, глава семьи выдающихся актеров. В числе участников ее были талантливый комик Кемп, отличавшийся своими блестящими импровизациями, Хеминг и Конделл (впоследствии выпустившие первое издание сочинений Шекспира, в 1623 году) и виднейший член труппы — Ричард Бербедж (ум. в 1618 г.), сын Джеймса, прозванный совре-

менниками «английским Росцием», ставший другом Шекспира и воплотителем главных его трагических образов, как Ричард III, Гамлет, Отелло, Лир и т. д.

До 1576 года в Лондоне не было специальных театральных зданий, и труппы играли во дворах гостиниц на передвижной сцене, которая туда привозилась. Первое театральное здание, названное просто «Театр», было выстроено Джемсом Бербедрем к северу от города, на берегу Темзы, в 1576 году. Через год рядом с ним возник второй театр, «Куртина», а вскоре, уже к югу от Лондона, еще несколько театров — «Роза», «Лебедь», «Надежда» и др. Здесь же в 1599 году Бербедр, расставшись с «Театром», выстроил новое театральное здание — знаменитый «Глобус», с которым связана основная деятельность Шекспира. Но еще раньше, в 1596 году, Бербедр арендовал также здание старого доминиканского монастыря «Блекфрайерс» («Монахи черной рясы») и переделал его в частный театр. Но использовать его труппа смогла только с 1608 года, когда она стала давать спектакли попеременно — в теплое время года в «Глобусе», а зимой в «Блекфрайерсе».

Из других частных театров, игравших видную роль в развитии театрального искусства, назовем еще театр «Красный Бык», от которого до нас дошло изображение его сцены на старинном рисунке.

Видным театральным предпринимателем, руководителем труппы лорда-адмирала был Филипп Хенсло, арендой деятельности которого являлись театры «Фортуна», «Надежда» и др. Оплотом труппы Хенсло был его зять, выдающийся актер Эдуард Аллен, прославившийся главным образом исполнением ролей из трагедий Марло.

Постоянный состав труппы был очень невелик — от восьми до четырнадцати человек. Женщин в их числе не было, ибо женские роли исполнялись молодыми, безбородыми актерами. При большом количестве действующих лиц в пьесах того времени (вспомним хотя бы драматические хроники Шекспира) такой малый состав труппы не мог обеспечить всех ролей. Путем совмещения нескольких ролей одним актером удавалось распределить все сколько-нибудь значительные роли. Для остальных же ролей существовали, во-первых, мелкие наемные актеры, получавшие разовую оплату, и, во-вторых, ученики, работавшие бесплатно, ради практики. Нередко при театре состоял постоянный драматург, иногда — на годовом жалованье. Из двухсот драматургов елизаветинской эпохи, имена которых дошли до нас, двадцать были также и актерами.

В финансово-хозяйственном отношении труппа, владевшая театром, была совершенно независима от своего знатного кро-

вителя, тем более, что и в субсидиях с его стороны она не нуждалась, ибо театры обычно вполне себя окупали. Среди нескольких разновидностей их организации господствующим был следующий тип. Во главе дела стояла группа собственников здания, реквизита, костюмов или же арендаторов всего этого, причем сами они могли и не быть актерами; это — «хозяева». Они содержали здание и, если пужно было, платили аренду. За все это они получали половину сбора за сидячие места, дававшие наибольший доход. Другая половина его и входная плата за стоячие места шли в пользу труппы, организованной на договорных началах, как товарищество на паях. Она уже сама погашала из этого прочие расходы: оплату разовых наемных актеров, музыкантов, авторский гонорар и т. п. Остаток делился по принципу паев. Паем члена труппы был по преимуществу его актерский труд, хотя бывали и дополнительные взносы деньгами на организационные расходы.

Доходы актеров-пайщиков бывали иногда весьма значительными, вследствие чего такие актеры становились состоятельными людьми. Наоборот, заработок авторов был ничтожным. По сведениям до 1602 года, за предоставление театру в полную собственность большой пьесы они получали от трех до пяти фунтов (меньше, чем стоил в те времена хороший театральный костюм), а за переделку старой чужой пьесы им платили обычно пять шиллингов.

Устройство театрального здания и сцены публичных театров было весьма своеобразным. Лучше всего мы можем установить внешний вид здания «Глобуса», ибо сохранились старинные изображения и описания его. Он представлял собой круглую деревянную башню, невысокую, с очень широким основанием, немного суживающуюся кверху, — нечто вроде усеченного конуса. Окон не было, но помещение освещалось дневным светом, так как крыша отсутствовала; был лишь соломенный навес с одного из краев здания — над сценой и, по-видимому, небольшой навес над ложами по бокам сцены. Здание окружал ров с перекинутыми через него мостками. У входных ворот были два столба с рекламными афишами. Над воротами высилась статуя Геркулеса, поддерживающего на плечах небесную сферу (откуда и название театра), с надписью из римского писателя Петрония: «Totus mundus agit histrionem» («Весь мир лицедействует»). После того как театр в 1613 году при исполнении «Генриха VIII» сгорел от пушечных выстрелов, зажегших соломенный навес, он был спустя несколько месяцев вновь отстроен, причем навес был покрыт уже черепицей, а всему зданию придана восьмиугольная форма.

О внутреннем устройстве публичных театров и о конструкции их сцены некоторое представление дает, при всей его условности и техническом несовершенстве, рисунок, изображающий внутрен-

ний вид театра «Лебедь», сделанный голландцем Юханном Де-Витом, побывавшим в Лондоне в 1596 году.

Внутри театра, вдоль его стен, тянулись галереи с сидячими местами для зрителей, обыкновенно в три яруса. Часть нижнего яруса галлерей была поделена на ложи. Одна из лож, прилежавшая к сцене, служила помещением для музыкантов. Среднее пространство внизу (современный партер), именовавшееся «ямой», или «колодцем», без скамей, заполнялось зрителями, обступавшими сцену с трех сторон.

Сцена представляла собой укрепленный на столбах высотой в несколько футов деревянный помост, который сзади примыкал к соответствующей части стены, образуя в этом месте разрыв в галлерею. Форма помоста была четырехугольная, возможно, несколько суживавшаяся в передней части. В хорошо оборудованных театрах края помоста были обшиты досками; получался полый ящик, внутри которого мог помещаться актер, подававший голос из-под земли. Благодаря возможности передвигаться под сценой достигался, например, следующий эффект: в сцене с духом отца Гамлет менял место, и всякий раз голос духа звучал возле него. С помощью люка появлялись на сцену и проваливались обратно привидения, колдуньи и т. п.

Наряду с простым типом сцены — единой площадкой — был и другой, более сложный, когда она разделялась на две половины: переднюю, сильно выдвинутую вперед в зрительный зал (просцениум, открытый с трех сторон и сверху), и заднюю, покрытую навесом. Их разделяли два столба, поддерживавшие навес. На столбах висела отдергивавшаяся в сторону занавеска, которая могла временно скрывать заднюю сцену от взоров публики. Переднего занавеса не существовало. Фон задней сцены был завешан коврами. Предполагают, что при изображении ночи вешались черные ковры, при изображении дня — светлые, преимущественно голубые. Другое возможное использование ковров — создавать черный фон в трагедии и светлый — в комедии. Задние двери сцены вели в неосвещенное внутреннее помещение, откуда актеры по лестнице поднимались на верхнюю сцену. Последняя была не чем иным, как приспособленной для этого частью галлерей 2-го яруса. Получалась нависающая над нижним ярусом закрытая коробка. Она была снабжена занавеской, которая задергивалась на то время, когда там ничего не изображалось. Иногда задняя сцена уходила частью или целиком под верхнюю, иногда была расположена впереди ее.

Попеременное использование этих трех площадок диктовалось спецификой изображаемых явлений. На верхней сцене разыгрывались те явления, которые по тексту пьесы происходили на высоте: на горе, на башне, на трибуне, на городской стене, в спальне

(которая в жилых домах того времени помещалась всегда в верхнем этаже дома и нередко имела балкон). На нижнюю сцену, или просцениум, выносились все те явления, — а таких в тогдашних пьесах было значительное большинство, — которые происходили где-нибудь на открытом воздухе (на улице перед домом, на площади, в лесу, на проезжей дороге и т. п.), а потому требовали наименьшего количества реквизита. Но иногда и некоторые из «комнатных» сцен разыгрывались тут же; вообще, было вполне понятное стремление как можно больше явлений играть на просцениуме. На задней сцене исполнялись по преимуществу явления, происходившие внутри дома, но иногда также и такие, которые, происходя в открытом месте, требовали психологического «углубления», отдаленности от зрителя, в особенности, когда в них появлялись и исчезали сверхъестественные существа (дух отца Гамлета, три ведьмы в «Макбете»). Но вообще точные правила использования передней и задней сцен установить невозможно. Интересно следующее использование двойной нижней сцены: у Шекспира и у других авторов битва часто изображалась в виде ряда стычек на разных участках поля сражения; в таких случаях применялось чередование просцениума и задней сцены.

Насмешки просвещенного гуманиста Филиппа Сидни («Защита поэзии», 1583) над убожеством тогдашней сцены, где «с одной стороны вы видите Азию, с другой — Африку, а кроме того, еще ряд других маленьких государств», относятся именно к такому перенесению действия из одного места в другое без перерыва, с помощью перехода с просцениума на заднюю сцену, в особенности, когда разделяющего занавеса не было, а еще более — к типу одной сплошной нижней сцены.

Неизвестно, всегда ли занавес между просцениумом и задней сценой задергивался, когда действие шло на просцениуме. Во всяком случае, он задергивался тогда, когда на задней сцене нужно было без потери времени произвести значительные приготовления, скрыв их от зрителей, например поставить котел ведьм в «Макбете» или построить коронационную процессию в «Генрихе VI» (часть третья, акт IV, сцена 1), когда после слов Протектора «Епископ, возложите ему на голову корону» занавес отдергивался и перед зрителем появлялась пышная процессия, готовая к шествию. В пьесах Шекспира и других драматургов многие коротенькие, «проходные» сцены, ничего не дающие для развития главного действия, именно в этом технически театральном моменте находят свое объяснение: разыгрываемые на просцениуме, они давали возможность подготовить для следующего явления заднюю сцену. Но когда требовались не очень сложные приготовления, занавес мог и не задергиваться: мы знаем, что в некоторых театрах вплоть до XIX века работа «слуг

просцениума» на глазах у зрителей во время исполнения пьесы не мешала театральной иллюзии.

Чередованием игры на передней и задней сценах пользовались очень охотно, хотя нельзя возводить этот прием в общее правило; иногда смежные явления, происходящие в разных местах, разыгрывались на одной и той же площадке. Наконец, бывали случаи одновременной игры на верхней и нижней сценах, когда, например, посаженные вели сверху переговоры с осаждающими («Кориолан», «Король Иоанн») или когда изображалась «сцена на сцене»; в таких случаях «зрители», по-видимому, помещались наверху, «играющие» — внизу («Гамлет», «Укрощение строптивой»).

Кулис и декораций в начале описываемого периода не было. Бутафория, реквизит и машинные эффекты были крайне просты. Кусок дерна и пара деревьев в кадках обозначали сад или лес, трон — дворец, молитвенная скамья — церковь. Из предметов реквизита в театральных записях упоминаются стулья, столы, скамьи, носилки, гроб, балдахин, статуи и т. п. Как при таких условиях зритель угадывал, куда переносилось место действия? Вывешивание дощечек с надписями, практиковавшееся в средневековом театре, почти уже вышло из употребления. Но на помощь зрителю нередко приходил драматург, в начале новых сцен вставлявший в речи действующих лиц указания на то, кто они такие и где находятся (пример — описание леса в начале сцены свидания Таморы и Арона, «Тит Андроник», акт II, сцена 3). Машинные эффекты в публичных театрах были крайне элементарны. Световых эффектов из-за постоянного дневного света там вовсе не было. При отсутствии крыши не было и приспособлений для полетов. Если в последних пьесах Шекспира и появляются фигуры в воздухе (в «Буре» Просперо витает над Алонзо и его спутниками, в «Цимбелине» Юпитер на орле спускается с облаков), то из этого нельзя заключать, что после 1610 года в публичных театрах были созданы необходимые приспособления; скорее следует предположить, что до нас дошел тот текст этих пьес, который предназначался для исполнения в придворном или в частных театрах, где легко было спустить сруб с потолка.

Костюмы были очень богаты, но, как и в средневековом театре, совершенно лишены историзма. Боги, дьяволы, драконы имели фантастический вид. Древние римляне, турки, дикари были одеты либо весьма причудливо, либо как современные англичане.

Впрочем, подобно драматургии, и театральное дело в то время развивалось очень быстро. Если в годы расцвета творчества «университетских умов» и к моменту первого выступления Шекспира (около 1590 г.) техника театра была такова, как описано выше, то лет двадцать спустя, к концу деятельности Шекспира, в публич-

ных театрах появились важные нововведения. Одно из них — писанные декорации в виде, во-первых, задника, а во-вторых, двух установленных по краям сцены вращающихся вокруг своей оси трехгранных призм, что давало для пьесы в целом семь разных декораций, из них шесть сменных. Значительно усложнены были также машинные приспособления, костюмерия и т. п.

От описанного типа театров отличались многими существенными чертами частные театры. Так как их здания, подобно жилому помещению, имели крышу и, следовательно, потолок, спектакли здесь давались вечером, при искусственном освещении. В партере стояли скамьи. Сцена была устроена приблизительно так же, как и в публичных театрах, но нижняя обыкновенно не разделялась на переднюю и заднюю. Не всегда бывала и верхняя. Устройство здания допускало более сложные машинные приспособления. Все сказанное относится и к придворному театру, где бутафорская и вообще декоративная часть была, конечно, гораздо богаче.

Суммируя все сказанное об устройстве сцены и зрительного зала елизаветинского театра, особенно театра публичного, мы должны сделать вывод о несколько особенном способе восприятия спектакля тогдашним зрителем, значительно отличающемся от современного. Скучность средств показа, а еще больше плохая видимость происходящего на сцене для очень многих, не только стоящих в глубине партера, но и сидящих в галереях или даже ложах позади сцены или сбоку от нее, заставляла зрителей максимально напрягать свое внимание и воображение. Сценическая речь была главным средством воздействия театра на публику.

Зато от чувства непосредственной близости актеров на сценическом к обступающим его зрителям, от живого восприятия их телесной рельефности возникало такое чувство наглядности и конкретности происходящего, какого не может быть у современного зрителя, наблюдающего происходящее перед ним на нашей сцене-коробке, как отдаленное видение. Этот способ восприятия более понятен современному зрителю зала-амфитеатра или цирка со сценой, расположенной в центре.

Оба эти момента ясно проявляются в тогдашней драматургии, где речевое начало особенно рельефно и разработано, где гораздо меньше недомолвок или «психологических пауз», а игровое начало, наоборот, часто дано условно и схематично, в расчете на воображение. Достаточно обратить внимание на поразительную скучность сценических ремарок в тогдашних изданиях пьес: «уходит», «входит», «целует ее», «закалывает его» — и это все.

Но противники этой системы драматургии, сторонники более «ученого» направления, резко протестовали против нее. «Смотри-те,— писал в «Защите поэзии» Филипп Сидни,— вот две дамы

вышли погулять и нарвать цветов: вы, конечно, представляете себе на сцене сад. Но через некоторое время вы услышите тут же разговор о кораблекрушении, и вас покроют позором, если вы не вообразите себе скал и моря. Вот перед вами две армии с четырьмя мечами и одним щитом — и чье сердце не испытает при этом всех тревожений, вызываемых генеральным сражением?» А Бен Джонсон в прологе к комедии «Всяк в своем нраве» вторил ему, издеваясь над сценой, где «три статиста изображают войну Алой и Белой розы», где «мы видим одновременно множество морей и государств», где «ребенок рождается в первой сцене и, раньше чем пьеса окончится, успевает вырасти. становится рыцарем, совершает в Палестине чудеса храбрости, женится на дочери императора, наследует его престол и сходит со сцены старый и дряхлый, под бременем совершенных им многочисленных деяний и подвигов».

Во имя этого Сидни, как истый классицист, проповедовал соблюдение единств места и времени. А Бен Джонсон шел еще дальше, выдвигая требование избирать сюжеты из современной обыденной жизни, меньше нуждающиеся в обстановочных средствах для создания иллюзии реальности. Но Шекспир вслед за Марло, Грином и другими не захотел ограничивать таким путем свое творчество и, сознавая все недостатки своей сцены и извиняясь за свою смелость перед публикой (см. пролог к «Генриху V»), положился на добрую волю зрителей и на их воображение. И эту его смелость будущее, так же как и современность, всецело оправдали.

Тогда как в придворном театре спектакли давались преимущественно в периоды праздников — на рождество, на масленицу и т. п., всего примерно от 15 до 25 вечеров в год, — в городских театрах, как публичных, так и частных, они шли круглый год, хотя и не каждый день.

Вместимость публичных театров была довольно значительной — от 1500 до 1800 зрителей (в частных театрах несколько меньше), и состав зрителей — весьма разнообразным. В ложах сидели представители аристократии, а нумерованные места на галереях занимали горожане среднего достатка. Но основную массу публики — ту, от которой зависел успех или провал пьесы, — составляла лондонская беднота, заполнявшая «колодез»: ремесленники, мелкие торговцы, приказчики, бедные студенты, матросы. Стремясь занять места поближе к сцене, посетители партера забирались туда задолго до начала спектакля; в ожидании они болтали, играли в кости, курили, закусывали. Это была пестрая и шумная, требовательная и чуткая народная аудитория. Драматург Деккер ворчливо писал в 1609 году: «Доступ в театр открыт всякому — как сыну фермера, так и студенту-юристу. Курильщик,

окутанный клубами вонючего дыма, так же свободно входит туда, как и надушенный придворный. Извозчик и лудильщик, при обсуждении достоинств или недостатков пьесы, имеют такое же право голоса, как и самый надменный зоил из племени критиков».

Для этих публичных театров с их демократической аудиторией главным образом и творил Шекспир.

IV

Жизнь Шекспира нам мало известна. В этом отношении он разделяет судьбу подавляющего большинства других английских драматургов эпохи, личной жизнью которых современники мало интересовались. Все же мы знаем сейчас биографию Шекспира несколько лучше, чем лет тридцать тому назад. За это время были найдены документы, которые пролили дополнительный свет не столько на факты его личной жизни, сколько на то непосредственное окружение, в котором он развивался, главное же — разрушили густую сеть нелепых легенд, окутывавших образ великого поэта и принижавших его. Таковы были недавно еще очень популярные предания о том, что отец Шекспира был человеком совсем неграмотным, что сам Шекспир был недоучкой, не окончившим школы, и в юности занимался браконьерством в заповеднике местного помещика и судьи, от преследований которого он будто бы и вынужден был бежать в Лондон, что там он первое время зарабатывал на жизнь тем, что стерег на улице лошадей джентльменов, приезжавших верхом в театр, чтобы посмотреть спектакль, и т. п. Все эти небылицы, рисующие Шекспира, как человека совершенно необразованного и недисциплинированного, «природного гения», творчество которого было лишь плодом его необъяснимого и таинственного «вдохновения», можно считать теперь окончательно опровергнутыми, и перед нами встает образ совсем другого Шекспира — человека гениально одаренного, но для развития своего дарования нашедшего достаточно материала в своем культурном окружении и сумевшего хорошо его использовать.

Уильям Шекспир родился в 1564 году, по преданию 23 апреля, в городе Стретфорд-на-Эвоне, в графстве Уорикшир, в центре Англии. Отец его, Джон Шекспир, был человек весьма зажиточный, по профессии перчаточник. Он пользовался уважением своих земляков: его несколько раз выбирали на разные общественные должности, и однажды он был даже мэром города. Это был человек стойких убеждений, оппозиционно настроенный по отношению к церковной политике Елизаветы и предпочитавший платить крупные денежные штрафы, лишь бы не посещать официальное «англиканское» богослужение.

Юный Шекспир учился в местной «грамматической» школе, считавшейся в ту пору одной из лучших в Англии. Основным предметом в таких школах был латинский язык и основы греческого. Здесь Шекспир приобрел знакомство с античной мифологией, историей и литературой, получивших такое богатое отражение в его творчестве.

Стретфорд был расположен на большой проезжей дороге из Лондона в Холайхед — порт, откуда корабли отплывали в Ирландию. Благодаря этому через Стретфорд проезжало множество купцов, курьеров, путешественников, с которыми проникали культурные веяния из столицы. Нередко туда заезжали и актерские труппы из Лондона. Но у мальчика Шекспира были и другие возможности познакомиться с театральными представлениями. В тридцати километрах от Стретфорда находился город Ковентри, где ежегодно игрались религиозные драмы-мистерии, посмотреть которые толпами собирались жители близлежащих селений и городов. В двух-трех часах ходьбы от Стретфорда был расположен замок Кенильурт, принадлежавший графу Лестеру, фавориту Елизаветы, и в 1575 году, то есть когда Шекспиру было одиннадцать лет, там по случаю посещения замка Елизаветой были устроены пышные представления, на которых, возможно, побывал и он.

Чем занимался Шекспир после окончания школы (по-видимому, около 1580 г.), нам неизвестно. Но очень правдоподобным кажется сообщение одного современника, что Шекспир был некоторое время помощником учителя в этой самой школе. Очень рано, восемнадцати лет, Шекспир женился на дочери одного соседнего помещика и имел от этого брака троих детей. Но около 1587 года под влиянием, быть может, уговоров приехавшей в Стретфорд странствующей актерской труппы Шекспир, покинув родные места и семью, переселился в Лондон, где сразу же нашел работу в театре в качестве суфлера или какого-то другого служащего.

Через несколько лет, приблизительно в 1593 году, Шекспир вступил в труппу Бербеджа, где работал как актер, режиссер и драматург, а с 1599 года сделался также одним из пайщиков предприятия. Но еще до вступления в эту труппу, начиная с 1590 года, Шекспир писал самостоятельные пьесы, отдавая их в разные театры, а также, может быть, как думают многие его биографы, переделывал по заказу труппы чужие пьесы.

Как актер Шекспир, по-видимому, не пользовался особенной славой. Есть сведения, что он исполнял второстепенные роли — призрака отца Гамлета, старого Адама в «Как вам это понравится», некоторых малозначительных королей в хрониках. Зато как драматург и поэт он вскоре получил признание.

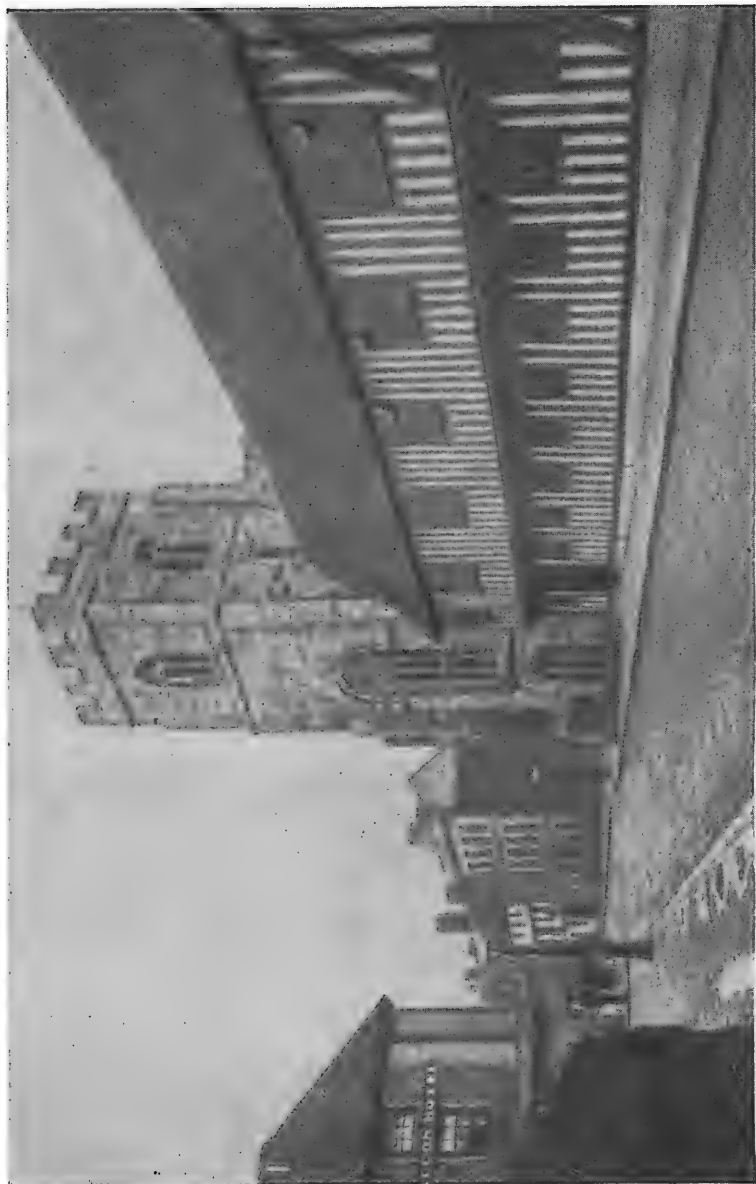
Самое раннее свидетельство об известности Шекспира мы находим в предсмертном памфлете драматурга Роберта Грина «На грош ума, купленного за миллион раскаяния» (1592). Здесь, каюсь в беспутно проведенной жизни, Грин заодно сводит счеты со своими врагами из театрального мира. Особенно нападает он на одного из них, которого, не приводя его имени, он называет «выскочкой», «вороной, шеголяющей в наших перьях», «мастером на все руки, воображающим себя единственным потрясателем сцены» (shake-scene, явный намек на фамилию Shakespeare). Это столкновение двух драматургов было не случайным. Грин принадлежал к группе «университетских умов», которые, несмотря на чрезвычайную прогрессивность и демократичность их драматургии, все же иногда слишком злоупотребляли «ученостью», подражая древним авторам, что отличало их творчество от глубоко народного искусства Шекспира. Вполне понятен гнев Грина на безвестного провинциала, не учившегося в университете и решившего вступить в соперничество с общепризнанными столичными драматургами, к тому же еще, быть может, «подновляя» их пьесы.

Следует добавить, что еще в том же 1592 году писатель и издатель Четтл, опубликовавший брошюру Грина, выразил печатно сожаление по поводу того, что способствовал появлению в свет злобного выпада по адресу ненавистного Грину лица. «Ибо я получил возможность убедиться, что человек этот,— писал Четтл, также не называя Шекспира по имени,— в одинаковой степени отличается как скромностью, так и актерским искусством. Кроме того, многие почтенные люди с похвалой отзываются как о честности его характера, так и о прелестном изяществе его сочинений». Примерно в это самое время Шекспир сблизился с кружком молодых аристократов, любителей театра, в частности с графом Саутгемптоном, которому он посвятил две свои поэмы: «Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция». Ему же, как полагают, посвящен и сборник сонетов Шекспира, написанных в 90-х и в начале 1600-х годов. Эти поэмы и сонеты да еще несколько стихотворений — единственные недраматические произведения Шекспира.

К концу 90-х годов дарование Шекспира было признано уже всеми. Один критик того времени, Франсис Мерес, в 1598 году писал в своем сборнике заметок «Прислужница Паллады» («Palladis Tamia»): «Подобно тому, как Плавт и Сенека среди римских писателей считаются лучшими авторами комедий и трагедий, так среди английских Шекспир является замечательнейшим в обоих этих видах драматургии. Как Элий Стилон сказал, что если бы мудрец захотел говорить по-латыни, он говорил бы языком Плавта, так я скажу, что, пожелай музы говорить по-английски, они усвоили бы тонко отточенную речь Шекспира». Несмотря на чрезвы-

Комната, в которой родился Шекспир

Школа, в которой учился Шекспир

чайную банальность этих похвал, они все же свидетельствуют о действительной популярности Шекспира еще до создания им самих великих произведений. Ценность показания Мереса увеличивается тем, что он тут же приводит список двенадцати пьес, написанных Шекспиром до того времени, — список, очень помогающий при разъяснении крайне запутанного вопроса о хронологии шекспировских произведений.

Но едва ли не еще больше, чем пьесами Шекспира, Мерес восхищается его «сладостными» любовными сонетами, называя его «медвяноречивым» и восхищаясь как его образами, так и стилем.

Лондонская жизнь Шекспира нам совсем неизвестна. Дошедшее до нас предание о том, что он любил проводить время с друзьями-драматургами и актерами в таверне «Сирена», где, распивая вино, вел длинные споры и состязался в остроумии с собратом по ремеслу, драматургом Беном Джонсоном, мало достоверно. С уверенностью можно сказать, что Шекспир вел деятельную и трудовую жизнь, сочиняя в среднем от одной до двух пьес в год и усиленно пополняя свое образование. К знанию древних языков он вскоре добавил знакомство с французским и итальянским. Пьесы Шекспира свидетельствуют о его разнообразных познаниях в области истории, естественных наук, юриспруденции и т. п., но не столько в смысле обширности и точности знаний, сколько в смысле проникновения в сущность явлений и их значение. Все это, конечно, он приобрел, главным образом находясь в Лондоне.

Одна черта бросается в глаза в том, что можно было бы назвать «биографией» Шекспира: это — при обилии всякого рода «анекдотов» о нем — полное отсутствие (в отличие от того, что до нас дошло из «биографий» Марло, Грина, Бепа Джонсона и других виднейших драматургов эпохи) каких-либо фактов или преданий, которые говорили бы о проявлениях со стороны Шекспира честолюбия, алчности, соперничества, как и всяких других страстей, способных замутить душевную ясность.

Живя в Лондоне, Шекспир нередко навещался в свой родной город. Около 1612 года или даже немного раньше он окончательно переселился в Стретфорд, бросив театр и совершенно прекратив свою деятельность драматурга. Нам неизвестны причины, но некоторую роль в этом решении Шекспира, несомненно, сыграло ощущение невозможности работать в прежних условиях, после того как лондонские театры при Иакове I попали под сильнейшее влияние двора и в них утвердилось драматургия аристократического направления, чуждая Шекспиру (как, например, пьесы Бомонта и Флетчера).

Последние годы жизни Шекспир провел тихо и незаметно, в кругу своей семьи. Весной 1616 года, по-видимому, он тяжело заболел. На это указывает то, что сохранившееся его завешание

от 15 марта по всем признакам было составлено наспех и подписано изменившимся почерком. 23 апреля Шекспир умер.

В завещании Шекспира ничего не говорится о его рукописях. Этот факт, удивлявший многих исследователей, скорее всего, объясняется следующим. Авторские рукописи пьес вместе с правом постановки их обычно переходили в полную собственность театра, который хранил их в театральном помещении. Очень возможно, что автографические рукописи Шекспира погибли в 1613 году, когда театр «Глобус» сгорел.

Из дошедших до нас изображений Шекспира лишь два могут считаться безусловно подлинными. Одно из них — раскрашенный бюст работы неизвестного мастера, установленный около могилы Шекспира в Стретфорде. Хотя голова сделана, по-видимому, по маске, снятой с умершего Шекспира, она выполнена так грубо, что не дает никакого представления о подлинных чертах лица великого поэта. Другое — гравюра голландского художника Друсхоута (Droeshout), помещенная на титульном листе издания сочинений Шекспира 1623 года вместе со стихотворением Бена Джонсона:

К ЧИТАТЕЛЮ

Здесь на гравюре видишь ты
Шекспира внешние черты.
Художник, сколько мог, старался,
С природою он состязался.
О, если б удалось ему
Черты, присущие уму,
На меди вырезать, как лик,
Он стал бы истинно велик.
Но он не смог, и мой совет:
Смотрите книгу, не портрет.

(Перевод А. Аникста)

Работа Друсхоута, художника явно неопытного, также нас мало удовлетворяет.

В 1892 году в Стретфорде был найден портрет Шекспира работы неизвестного художника с подписью: «Уильям Шекспир. 1609». Сходство его с гравюрой Друсхоута настолько велико, что, по мнению многих, он послужил образцом для работы голландского гравера, тогда как другие, наоборот, считают, что портрет восходит к гравюре.

Существует еще один портрет Шекспира, называемый Чендоским потому, что раньше он принадлежал герцогу Чендосу. По преданию, он был написан Ричардом Бербеджем, который был не только замечательным актером, но и неплохим живописцем. Вопрос о подлинности этого портрета до сих пор окончательно не решен. Наконец, уже в XX веке был открыт еще один портрет, ко-

торый некоторые считают изображением Шекспира в молодости.

Многие другие изображения Шекспира, найденные в разное время, считаются недостоверными.

Скудость сведений о жизни Шекспира в соединении, между прочим, с анекдотическим, снижающим образ поэта характером некоторых преданий о нем дала повод к возникновению гипотезы, высказывавшейся бегло кое-кем еще в конце XVIII века, но получившей большое распространение в середине XIX века, — что автором пьес, носящих имя Шекспира, был не актер Уильям Шекспир, а какое-то другое лицо, по неизвестным причинам пожелавшее скрыть свое имя. Лицо это будто бы заключило договор с Шекспиром, который за определенное вознаграждение согласился выдавать его пьесы за свои. Сторонники этой гипотезы утверждали сначала, что истинным автором шекспировских пьес был философ Франсис Бэкон, но затем абсурдность этого предположения стала ясна, и тогда начали выдвигать одного за другим разных «кандидатов в Шекспиры» — лорда Ретленда, графа Пембрука, графа Дарби и т. д.

Все эти домыслы не имеют никакого фактического основания, и серьезные ученые всегда отвергали их. Но «антишекспиристы» до сих пор не сдают своих позиций: им представляется невозможным, чтобы какой-то, по их выражению, «провинциальный недоучка», «сын мясника» написал гениальные произведения, которые обнаруживают такой глубокий ум, душевную чуткость и проникательность, такое замечательное искусство и благородство чувств. По их мнению, автором этих произведений мог быть только человек «утонченной» культуры, исключительно образованный, принадлежавший к высшим слоям общества.

Такая точка зрения обнаруживает помимо глубоко враждебной нам аристократической тенденции непонимание эпохи Шекспира и ее культуры. Для эпохи Возрождения как раз типично появление гениальных самородков, выходцев из средних слоев населения или из народа, которые выступали борцами за новое мировоззрение против средневековых предрассудков. Таково большинство великих художников, писателей и мыслителей Возрождения.

Хотя Шекспир и не обладал ученостью в специфическом смысле слова и в его пьесах встречаются иногда исторические, географические и тому подобные ошибки, каких не сделал бы Бэкон, нас поражает размах его мысли, широта кругозора, богатство знаний, культурных интересов, моральных проблем, нашедших выражение в его творчестве. Одна школьная наука того времени, еще сильно окрашенная схоластикой, не могла бы ему этого дать. Достаточно сказать, что почти половина студентов, оканчивавших Оксфордский университет, избирала духовную карьеру. Но дело в том, что истинной школой Шекспира наряду с книгой была сама

жизнь. Его острый ум в соединении с богатейшей фантазией извлек из самостоятельных чтений, бесед и размышлений неизмеримо больше того, что сухой и ограниченный ум мог бы извлечь из всей школьной премудрости того времени.

Что же касается аргументов «фактического» порядка, то все они основаны на передержках или плохой осведомленности приверженцев этой антинаучной гипотезы. Сейчас «антишекспировская» гипотеза, одно время нашедшая и у нас сторонников в лице В. М. Фриче и отчасти А. В. Луначарского, окончательно отвергнута советской наукой.

Совсем иначе следует отнестись к другой гипотезе, сторонники которой, признавая, что под именем Шекспира не скрывается никакой другой автор, все же считают, что далеко не все пьесы, приписываемые Шекспиру, сочинены действительно им самим или сочинены им единолично. Для подобных сомнений имеются довольно серьезные основания. Мы знаем, что нередко театры давали старую пьесу на переработку другому автору, после чего пьеса уже считалась произведением этого второго лица. Таким образом, например, просвещенный и пользовавшийся общим уважением драматург Бен Джонсон в свои молодые годы «подновил» знаменитую «Испанскую трагедию» Кида, кое-что в ней стилистически подправив и присочинив несколько сцен. А кроме того, существовал обычай коллективного создания пьесы несколькими авторами, которые сообща сочиняли сценарий, а затем распределяли между собой текст. Отсюда теоретическая возможность того, что некоторые из пьес Шекспира, вошедшие в так называемый «шекспировский канон» и постоянно переиздаваемые в собраниях его сочинений как на английском, так и на других языках, возникли первым или вторым из указанных способов.

Был период, когда такой подход к шекспировскому наследию получил большое распространение в связи с тенденцией рассматривать шекспировский текст чисто формально, в отрыве от идейного замысла произведений. Это давало возможность дробить шекспировский текст по свободному усмотрению критика, принимая и отмечая в нем что угодно по своему личному вкусу. До крайних пределов произвола доходил здесь английский критик Джеймс Робертсон, которому следовал у нас покойный И. А. Аксенов. По их мнению, чуть ли не половина пьес, носящих имя Шекспира, были созданы другими авторами и лишь «проредактированы» Шекспиром. Названные критики считали возможным установить в точности, принадлежат ли Шекспиру, — а если нет, то кому именно принадлежат, — не только целые сцены, но даже отдельные реплики или просто строки в разных шекспировских пьесах. Критерием для этого по большей части служило либо то, что какое-нибудь место метрически или в другом отношении якобы «не похоже» на Шек-

спира («недостаточно хорошо» для него), либо сходство этого места (фразы, выражения, сравнения) с каким-нибудь местом из пьесы другого драматурга, из чего всякий раз делался вывод, что данное место и в шекспировской пьесе принадлежит также этому драматургу.

За последние десятилетия фантастические догадки подобного рода утратили в научном шекспироведении всякое доверие, и, хотя возможность сотрудничества Шекспира с другими авторами или редактирования им чужих пьес и не отвергнута целиком, ее допускают лишь с большой осторожностью и лишь в тех случаях, когда для этого имеются конкретные, очень серьезные основания.

Все случаи такого рода будут рассмотрены в наших послесловиях к пьесам, допускающим такие сомнения. Пока же резюмируем вкратце нынешнее положение этого вопроса в шекспирологии. Сейчас серьезные сомнения вызывает лишь принадлежность Шекспиру нескольких самых ранних его пьес и некоторых из числа самых последних. Думают, — хотя и без достаточных, как мы считаем, оснований, — что из ранних пьес три части «Генриха VI» и трагедия «Тит Андроник» — лишь проредактированные Шекспиром чужие пьесы. Неясен также вопрос об отношении «Укрощения строптивой» к одноименной анонимной пьесе на тот же сюжет. Из поздних пьес сомнения вызывают «Тимон Афинский» (по крайней мере частично), «Перикл» и особенно «Генрих VIII». Последняя пьеса была, как многие полагают, написана Шекспиром совместно с Флетчером.

С другой стороны, существует несколько пьес, не вошедших в «шекспировский канон», в которых можно допустить частичное участие Шекспира. Таковы пьесы «Эдуард III» (датируемая примерно 1594 г.) и «Два знатных родича» (около 1612 г.), которые даже иногда печатались в приложениях к изданию сочинений Шекспира. Но сейчас в причастность к ним Шекспира мало кто верит. Допускают, что Шекспир участвовал в написании драмы «Сэр Томас Мор» (около 1600 г.), но здесь может идти речь лишь об очень маленьком отрывке, возможно, написанном Шекспиром в пьесе, весьма примитивной в художественном отношении.

Из драматических произведений Шекспира лишь половина (18 пьес из 37) была опубликована при его жизни (некоторые из них по два раза или более), притом, вероятно, по большей части без его ведома и согласия. Объясняется это тем, что театры, покупавшие пьесу у драматурга, были заинтересованы в том, чтобы она не появилась в печати, так как в этом случае ее могла бы поставить другая, конкурирующая труппа. Некоторые из таких «пиратских» изданий делались на основе выкраденного или полученного на несколько дней за взятку суфлерского экземпляра («хорошие» тексты), другие — на основе стенографических записей, сделанных

подосланными на спектакль лицами, или путем сводки отдельных ролей, полученных от нескольких подкупленных актеров («плохие» тексты). Ясно, что издания второго рода полны описок, пропусков и всякого рода искажений. Так как отдельные пьесы издавались всегда небольшим форматом, в четвертушку листа, они называются Quarto (сокращенно — Q).

Через семь лет после смерти Шекспира, в 1623 году, его товарищами по труппе, актерами Хемингом и Конделлом, было выпущено первое полное собрание его драматических произведений, включающее 36 пьес (все пьесы, образующие «шекспировский канон», кроме «Перикла», опубликованного Q в 1609 году под именем Шекспира). Так как оно было выпущено большим форматом, в лист, оно называется Folio (сокращенно — F). В своем предисловии Хеминг и Конделл утверждали, что они впервые дали вполне исправный текст, располагая будто бы для всех пьес подлинными рукописями Шекспира. Новейшая критика доказала, что утверждение это не вполне соответствует действительности и что издатели F, для одних пьес располагая очень хорошими списками, для других использовали списки весьма дефектные. В результате этого тексты F, в общем значительно превосходя по качеству тексты Q, в отдельных случаях уступают некоторым «хорошим Q». Отсюда ведущаяся с начала XVIII века огромная текстологическая работа, которая не закончена еще и сейчас. Среди исследователей идут споры относительно не только чтения отдельных мест, но иногда даже самых принципов восстановления подлинного текста пьес Шекспира.

Не считая двух поэм, сборника сонетов и еще нескольких стихотворений, литературное наследие Шекспира состоит из 37 пьес. Эти пьесы весьма разнообразны по своему внутреннему характеру, в зависимости от времени, когда они были написаны. Вместе с тем они принадлежат к различным существовавшим тогда драматическим жанрам. Во времена Шекспира все пьесы делились на три категории: комедии (внешний признак их — счастливый конец), трагедии (обязательный признак — несчастный конец) и драматические хроники. В конце своей деятельности Шекспир писал еще пьесы четвертого типа, которые в его время причислялись также к комедиям; однако они настолько отличаются по своему характеру от обычного типа комедий, что правильнее было бы назвать их «драмами» или «трагикомедиями»: это пьесы, основанные на сильно драматических положениях, но имеющие счастливый конец. В разные периоды своего творчества Шекспир разрабатывал по преимуществу то те, то другие из этих жанров.

Мы различаем в творчестве Шекспира три периода. К первому (1591—1601), характеризующемуся преобладанием светлых, жизнеутверждающих тонов, помимо недраматических произведений, отно-

сятся прежде всего все (кроме «Генриха VIII») драматические хроники: «Генрих VI» (три части), «Ричард III», «Король Иоанн», «Ричард II», «Генрих IV» (две части), «Генрих V». Одновременно с этим Шекспир создает основную массу своих живописных и веселых, обычно сильно окрашенных лиризмом комедий, из которых наиболее знамениты: «Укрощение строптивой», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский купец», «Уиндзорские насмешницы», «Много шума из ничего», «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь».

Наконец, к этому периоду относятся и две выдающиеся трагедии Шекспира: «Ромео и Джульетта» и «Юлий Цезарь», из которых вторая по своему внутреннему характеру скорее принадлежит ко второму периоду.

Во второй период (1601—1608) Шекспир ставит и разрешает великие трагические проблемы. Оставаясь на позициях жизнеутверждения, Шекспир создает драмы, полные мрачного трагизма. Почти регулярно, по одной в год, он пишет свои знаменитые трагедии: «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан», «Тимон Афинский». Он не перестает создавать и комедии, но все комедии, написанные им в эти годы, носят столь сильный привкус горечи, что сейчас мы склонны были бы назвать их драмами; таковы в особенности пьесы «Троил и Крессида» и «Мера за меру».

Наконец, в третий период (1608—1612) Шекспир пишет пьесы типа трагикомедий, в которых очень сильны мечтательность и примирительное отношение к жизни: «Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря».

Смена этих трех периодов определяется не столько внутренним созреванием мысли Шекспира и углублением его взгляда на жизнь, сколько сдвигами, происходившими к концу царствования Елизаветы и в начале правления Иакова Стюарта в окружавшей Шекспира социально-политической действительности.

V

Недраматические произведения Шекспира — менее яркая и прославленная часть его наследия. Однако взятые сами по себе они представляют огромную художественную ценность.

Обе поэмы Шекспира принадлежат к широко распространенному в ту пору жанру поэм на античные мифологические или легендарно-исторические сюжеты. Однако обработка этих сюжетов носит у него гораздо менее эстетизированный и условный характер, чем у его современников. Уже в первой поэме, «Венера и Адонис» (1593), мы находим немало черт реализма в обрисовке как чувств, так и обстановки действия — много движения, живой стра-

сти, выразительные детали в картинах природы. Еще больше всего этого в «Обесчещенной Лукреции» (1594), где поэт от чувственных тонов любовной истории переходит к гражданской теме и к моральному обличению. Насилие, совершенное царским сыном над женой друга, показано как разгул темных сил, таящихся в глубине человеческой души. Плод преступления и кара за него — народное восстание, кладущее конец царской власти, порождающей злодеяния. Еще более замечателен сборник 154 сонетов, опубликованный в 1609 году, но созданный Шекспиром, несомненно, раньше. В годы необыкновенного распространения в Англии моды на сонеты в позднереnaissanceм стиле, в большинстве своем крайне слащавые и банальные по мыслям и по форме их выражения, сонеты Шекспира поражают своей искренностью и глубиной выраженных в них чувств и раздумий. Как и в поэмах, диапазон тем в них расширяется: от любви — к проблеме дружбы, к показу силы красоты, к темам призвания художника, борьбы со злом, цели жизни. Здесь мы находим перекличку с мотивами трагедий Шекспира: сопоставим хотя бы горький сонет 66 с темой «Гамлета». Тонкость мыслей и простое благородство чувств выделяют эти совершенные по форме сонеты из общей массы лирики того времени.

Принадлежность Шекспиру еще нескольких стихотворений, безусловно менее значительных, сомнительна.

Свою деятельность драматурга Шекспир начал с жанра драматических хроник. Это был наиболее народный вид драмы, какой только появлялся на подмостках публичных театров,— почти совсем не затронутый античным влиянием и наиболее отвечавший чувствам и интересам народного зрителя. Ни в одной из других европейских стран того времени такой жанр не развился. В Англии для его расцвета имелись специальные условия — народные корни драматургии и подъем патриотических чувств в пору борьбы за национальную самостоятельность родины. Народное сознание оглядывалось на свое героическое прошлое, стремясь лучше узнать и осмыслить его, ища в нем примеры и стимулы для текущей борьбы, стараясь понять своих истинных друзей и врагов, уяснить свои подлинные исторические права и перспективы будущего.

Эти запросы достигли своей кульминации в канун решительной схватки с национальным врагом родины — Испанией. Приготовление к этой схватке началось за несколько лет до набега «Непобедимой армады», и не случайно именно с 1586 года наблюдается бурный расцвет драматических хроник, длившийся до начала XVII века, когда уже при Иакове I английская политика заметно утрачивает свой национальный характер. За указанный период было поставлено не менее 150 таких пьес, между тем как после 1610 года они становятся очень редкими.

Расцвету исторической драмы в Англии предшествует появление ряда прозаических хроник, порожденных тем же подъемом национального чувства. Последняя и значительнейшая из этих хроник, составленная Холиншедом (1577, 2-е изд., 1587), дала больше всего материала драматургам, в том числе и Шекспиру. Но помимо этого источниками и образцами для драматических хроник послужили уже названные раньше моралите, а также баллады и появляющиеся к концу средневековья мистерии на светские сюжеты. Отсюда техника ранних исторических хроник: большое количество персонажей, обычно обрисованных суммарно, без разработки характеров, свободное чередование эпизодов, быстрая переброска действия из одного места в другое, любовь к ярким эффектам — к сценам пышных церемоний, сражений, поединков, всяких жестокостей и кровопролитий.

Этот ранний, «эпический» тип драматической хроники Шекспир соблюдает в первой из своих исторических драм — в «Генрихе VI». Но вслед за тем он начинает его развивать, ориентируя в сторону либо трагедии, либо комедии. В «Ричарде III», сохраняя архаическую прямолинейную композицию, Шекспир выдвигает одного героя, доминирующего на всем протяжении пьесы и возвышающегося до трагического величия. Нечто подобное, но с более сложной композицией и с перенесением центра тяжести на борьбу героя с обстоятельствами мы находим в «Ричарде II». В «Короле Иоанне» Шекспир возвращается к примитивному типу хроники, но концентрирует действие вокруг двух или трех проблем, подчиняя им все остальное. В «Генрихе IV» развертывание исторических конфликтов перемежается совершенно неисторическими комедийными сценами, раздробленными, однако, так, что они придают жизнь и особую выразительность исторической части. Наконец, «Генрих V» — снова пьеса об одном герое, но в торжественно-эпическом плане, в тонах панегирика этому герою и Англии вообще.

Вся группа девяти исторических пьес Шекспира пронизана одной общей мыслью, не предвзятой и тенденциозной, но неизменно присутствующей в чувстве Шекспира и драматургически по-разному оформляющейся в зависимости от своеобразия материала. Эта мысль, придающая циклу более глубокое содержание, чем то, каким обладают хроники его современников, и внутренне его объединяющая, сводится к сознанию неотвратимости поступательного развития Англии, шедшей сквозь большие страдания и опасности от первобытной дикости к цивилизации, чести и человечности, от политического хаоса к здоровой государственности. Вот почему, делая в своих пьесах отбор исторических событий, Шекспир останавливается по преимуществу не на самых блестящих и славных событиях, а на моментах кризисных, исторически наиболее важных и через это особенно драматических.

Предшественники Шекспира в исторической драме рисовали прошлое в формах настоящего. Шекспир, отлично улавливая своеобразие различных исторических эпох, подчеркивает в них то, что перекликается с живой современностью и ее актуальными проблемами. Главная тема хроник Шекспира — это разложение средневекового мира, того феодального мира, который далеко еще не изжил себя и в его время.

Одна из основных проблем, занимающих Шекспира, — проблема сущности и значения абсолютизма. Она находится в тесной связи с его истолкованием событий XV века, когда Англию раздирали внутренние смуты и войны. Все эти крупные феодалы — Уоррики и Сомерсеты, Нортемберленды и Хотсперы, строптивые и надменные, стремящиеся дать королю почувствовать свою силу, восстающие против него, организуя заговоры, изображены Шекспиром (главным образом в «Генрихе IV» и «Генрихе VI») как бич страны и народа, как величайшее зло в государстве.

Феодальной анархии Шекспир противопоставляет идею государственности, внутреннего объединения всей страны под единой и твердой центральной властью. В первый период своей деятельности Шекспир еще не в состоянии был возвыситься до республиканской идеи (уже выдвигавшейся в конце XVI века некоторыми передовыми политическими мыслителями), и потому такой единственно возможной твердой и законной системой ему рисовалась монархия. С этим была, естественно, связана мысль о необходимости упрочения королевской власти путем твердого престолонаследия. Тема эта была весьма актуальной во времена Шекспира, когда памятли были не только ужасы войны Алой и Белой розы, но и смуты, предшествовавшие занятию престола Елизаветой (1558), когда при самой Елизавете много лет тяготела угроза со стороны Марии Стюарт и разразился бунт Эссекса, а после смерти королевы грозила возникнуть новая распря за английский престол. Вопрос о твердом законе относительно престолонаследия все время поднимался в английской публицистике и литературе эпохи. В связи с этим становятся понятными подробнейшие генеалогии, печатавшиеся в хрониках Холиншеда и других историков, равно как и кажущиеся нам такими утомительными и бесплодными споры на эту тему в драмах Шекспира.

Все это имеет прямое отношение к освещению у Шекспира исторических событий рассматриваемой эпохи. Царствование Генриха IV изображается им как ряд непрерывных восстаний крупных феодалов. Восстания эти не случайны: в них повинен сам король, точнее — тот «плохой», незаконный способ, каким он добыл себе престол. Это отнюдь не идея морального возмездия или «божественного» правосудия, а трезвая политическая мысль: актом своей узурпации Болингброк («Генрих IV») создал прецедент, от-

крыл дорогу политическим вожделям феодалов. Тут действуют два момента. С одной стороны, поскольку Болингброк добился престола благодаря содействию крупных феодалов (как это ясно показано в «Ричарде II»), они спешат предъявить ему счет и, когда он упрямится, выпускают когти. С другой стороны, если Болингброк сбросил Ричарда II, оказавшись сильнее, то почему бы не попытаться сбросить в свою очередь и его самого, если только хватит сил? Все это показано Шекспиром в его хронике с полной наглядностью. Вот в чем «проклятие», лежащее на короле-узурпаторе.

Крепкая королевская власть, по мысли Шекспира, — высшее политическое благо, ибо она — залог народного блага. Но для этого король должен быть достоин своего сана. Один сан еще не оправдывает короля: он сам должен оправдать свое обладание саном (см. «Генрих IV», часть вторая, акт IV, сцена 5, и «Генрих V», акт IV, сцена 1). Для этого он должен быть сильным, правдиво-честным, мудрым, он должен воплощать в себе разум и волю нации.

Однако правдивость художника оказалась сильнее иллюзий мыслителя: таких безупречных королей в хрониках Шекспира трудно найти. Все его государи либо бессильные, хотя и добродушные святоши, своей дряблостью причиняющие родине неизмеримое зло (Генрих VI), либо пустые и вредные мечтатели (Ричард II), либо хитрые эгоисты (Иоанн, Генрих IV), либо просто злодеи (Ричард III). Единственный вполне положительный, добрый король — Генрих V. Но не случайно его программный, насквозь надуманный образ оказался у Шекспира художественно неубедительным. Подлинно «хороших» королей в эту пору надо у Шекспира искать в вымышленных сюжетах его комедий (позже они и там исчезают: Цимбелин, Леонт в «Зимней сказке» и т. д.).

Но в доброй половине хроник Шекспира король не является ни стержнем, ни главным двигателем действия. В первой части «Генриха VI» главный герой — Толбот, в «Короле Иоанне» — Фокопбридж, поскольку здесь оба они, а отнюдь не короли или претенденты на престол, являются выразителями английского духа в его национальном и героическом плане. Их личные судьбы имеют значение лишь постольку, поскольку они воплощают и отражают в себе судьбы английского народа. Руки, мощь, «тело» Толбота — простые солдаты, идущие с ним и за ним (сцена в замке графини Овернской, II, 3). Вообще, даже в тех хрониках, которые наиболее приближаются к монодраме («Ричард III»), интерес сосредоточен не столько на личности, сколько на целом, на общем ходе истории и судьбах народа, просвечивающих сквозь индивидуальные взлеты и падения.

Отсюда — мощное национальное чувство и страстный патриотизм, пронизывающие хроники Шекспира еще в большей степени, чем пьесы любого из его современников. Как на самые яркие при-

меры этого, достаточно указать на лагерную сцену накануне битвы при Азинкуре («Генрих V», IV, 1); на любовь к родине, одушевляющую не только изгнанников Норфолка и Болингброка, но и самого полубезумного короля («Ричард II»); на пламенную речь Ричарда III, призывающего своих солдат дать отпор вторгшимся иноземцам (V, 3); на славословие родной стране, произносимое умирающим Гантом («Ричард II», II, 1); на замечательную концовку «Короля Иоанна» о несокрушимости Англии, покуда она пребудет верна себе. Но дело не в отдельных местах или сентенциях, а в том общем чувстве, которым пронизаны шекспировские хроники.

Уже это одно как-то приближает Шекспира к пониманию сил, движущих историю, ее закономерностей. Современники Шекспира, не исключая и Бэкона, считали, что ход истории определяется волей или дарованиями отдельных личностей или случайностями. Шекспир, оттеняя — в соответствии с индивидуализмом Возрождения — роль сильных личностей, наряду с ней подчеркивает и нечто иное — идею «времени», понимаемого как совокупность обстоятельств, тенденций, сил эпохи. Во второй части «Генриха IV» (IV, 1) Уэстморленд отвечает на обвинения восставших против короля феодалов:

Попристальпей всмотритесь в вещи, Моубрей,
И вы увидите, что не король,
А время наносило вам обиды.

Таким же образом оправдывает свои действия мятежник Хестингс (там же, I, 3):

Так время нам велит, наш господин.

В «Генрихе V» архиепископ Кентерберийский говорит (I, 1):

...Пора чудес прошла,
И мы должны искать причин всему,
Что совершается.

Шекспир в состоянии был лишь прокламировать причинную связь событий, но не разъяснить ее. Однако, как художник, он ощущал ее и с силой выразил в ряде мест своих хроник. Если падение Ричарда II и Ричарда III определяется, по мнению Шекспира, их изолированностью, то успех Болингброка («Ричард II») объясняется тактикой этого ловкого политика, умеющего прислушаться к голосу дворянства и народа. Блестящая победа при Азинкуре объяснена в двух параллельных сценах «Генриха V» (III, 6 и 7), где обрисован контраст между стремлениями, одушевляющими английский и французский лагеря. Очень выразительна сцена «избрания» Ричарда III королем, в которой выступают лорд-мэр и горожане (III, 7). Необычайно важны «фальстафовские» сцены «Ген-

риха IV» с отразившейся в них «тогдашней, поразительно пестрой плебейской общественностью» (письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Лассалю, уже цитированные).

Монументальный шекспировский цикл драматических хроник — в такой же мере подлинная национальная эпопея, как и выдающийся памятник драматического искусства.

Параллельно с хрониками возникают одна за другой и ранние комедии Шекспира. Они поражают своим искрящимся остроумием, бесконечным запасом жизненной силы, нежностью красок и особого рода изяществом. «В одном только первом акте «Виндзорских проказниц», — писал в 1873 году Энгельс Марксу, — больше жизни и движения, чем во всей немецкой литературе¹; один только Лаунс со своей собакой Крабом (в комедии «Два веронца». — А. С.) стоит больше, чем все немецкие комедии вместе взятые»².

В комедиях Шекспира много искреннего веселья, радости жизни, переливающей через край. Это — выражение характерного для эпохи Возрождения чувства жизни, радости освобождения от религиозно-аскетических пут средневековья. Восстановленная в своих правах плоть берет свой ликующий реванш, не считаясь ни с чем, кроме человеческой воли и разума. Те крайние формы, в которые порой выливается этот разгул чувств у Боккаччо, Рабле, фламандских художников XVII века, мы встречаем и у Шекспира: таковы фальстафовские похождения, сцены с Тоби Белчем («Двенадцатая ночь»), целый ряд шутовских сцен, нередкий фейерверк дерзких острот — иной раз даже в устах чистых девушек. Все же, если сравнить это с аналогичными мотивами у современников Шекспира, мы у него находим недостающее им чувство меры и умение придать изображаемому характер легкой, остроумной игры, снижающей впечатление аморальности.

Но еще существеннее другая сторона комедий Шекспира — воплощенный в них идеальный мир светлых и благородных чувств любви, дружбы, верности, щедрости, великодушия, свободы. Если первая, названная выше сторона была актом борьбы как с католическим средневековьем, так и с современным ханжеским пуританством, то эта вторая сторона являлась положительной программой, которую гуманизм утопически выдвигал в противовес сухому расчету и циничному стяжательству первоначального капиталистического накопления. Выразители светлых чувств у Шекспира — почти всегда молодые, жизнерадостные дворяне. В этом Шекспир следовал литературной традиции, и следовал тем охотнее, что это позволяло его героям проявлять свои чувства, насколько возможно, вне

---

¹ Маркс, понятно, имел в виду низкий уровень немецкой литературы в те годы, когда он это писал.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 289.

зависимости от житейских обстоятельств; а кроме того, это помогло Шекспиру создавать праздничную обстановку, столь существенную для стиля его комедий, со всем типичным для них аппаратом пиров, балов, охоты, прогулок по парку и т. п. Но характерно, что эта условная декорация очень мало окрашивает сословно чувства героев, остающихся по существу простыми и общечеловеческими.

Далеко не всё в комедиях Шекспира — веселье и радость. В них очень сильна примесь черт драматических и даже трагических. Самые чистые и пленительные существа нередко без всякой вины их или ошибки подвергаются смертельной опасности. На волосок от гибели, при самых зловещих обстоятельствах, оказываются и Антонио («Венецианский купец»), и Геро («Много шума из ничего»), и Орlando («Как вам это понравится»). Многие из тем и ситуаций позднейших трагедий Шекспира — честолюбие, ревность, месть и т. д. — встречаются уже в его комедиях, и притом в серьезном драматическом аспекте. Правда, все тяжелые конфликты разрешаются в шекспировских комедиях счастливо и, как правило, даже довольно легко. Тем не менее оттенок затаенной тревоги, задумчивой грусти, сомнения ощущается в самых лучезарных комедиях. Это проявляется даже во внешних признаках, служащих для нас как бы сигналами: такова беспричинная, набегающая, как облачко, меланхолия Антонио или возведенная в систему мизантропия Жака («Как вам это понравится»). Даже некоторые шуты не свободны от налета печали и легкой усталости: Фесте, Оселок.

Эта необычная для комедий той эпохи черта говорит о намечающемся у Шекспира уже в этот ранний период ощущении некоторого неблагополучия в окружающей действительности, горечи замкнутых в ней противоречий, хрупкости радужного мира, в котором живут его герои. Но все же это лишь примесь, не омрачающая глубокой жизнерадостности комедий Шекспира этой поры, с которой гармонирует бодрый и энергический оптимизм его хроник.

В комедиях Шекспира господствует идея судьбы. Ярче всего она выражена в «Сне в летнюю ночь» и в «Двенадцатой ночи», но в большей или меньшей степени она присутствует и во всех остальных его комедиях. Однако эта «судьба» не имеет ничего общего с античной идеей неодолимого «рока», делающего всякое сопротивление со стороны человека бесполезным, или с ее модификацией — христианской идеей «провидения», зовущей к пассивной покорности и смирению. Судьба понимается Шекспиром в смысле «фортуны» или удачи и выражает характерное для людей Возрождения чувство безграничных возможностей жизни, вечной подвижности и изменчивости всего существующего, а вместе с тем бессилия наперед все учесть и предвидеть. Эта идея «фортуны»

призывает человека не к пассивности, а, наоборот, к деятельности, она пробуждает в человеке желание испытать свое счастье, проявив при этом все свои силы и способности, в остальном же пожившись на случай. Но этот случай редко рисуется Шекспиру как враг, подстерегающий из-за угла, а гораздо чаще как неожиданный союзник или как режиссер, приготовивший веселый спектакль. Комедии Шекспира показывают, что самые смелые попытки, если их предпринимают люди талантливые и благородные духом, обычно завершаются удачей. В этих комедиях, занимательных и живописных, полных приключений, неожиданностей и случайностей, в полной мере отражен взгляд на жизнь отважных и предприимчивых людей Возрождения, охотно шедших на риск, на поиски новых открытий, веривших в свою удачу и побеждавших (Валентин, Петручио, Бассанио, Орlando).

Из этого оптимизма проистекает тот дух широкой терпимости, того добродушного приятия самых различных человеческих темпераментов и складов характера, которые исключают сколько-нибудь серьезную сатиру. Безусловно, в шекспировских комедиях можно найти немало сильно комических образов педантов-учителей, глуповатых судей, тупоголовых полицейских, выложенных придворных, молодых пустоцветов-дворян, всякого рода чудаков и маньяков, но все они даны скорее в юмористическом, нежели обличительном плане, с оттенением в гораздо большей мере их глупости, чем низости. Даже Фальстаф, наделенный, казалось бы, всеми пороками, изображен крайне снисходительно, с подчеркиванием тех свойств, которые делают его почти симпатичным. Глупость и слабость, когда они не опасны, могут не вызывать гнева. Только подлинно злые подвергаются у Шекспира каре, не особенно, впрочем, жестокой (суровее других обошелся он с ростовщиком Шейлоком).

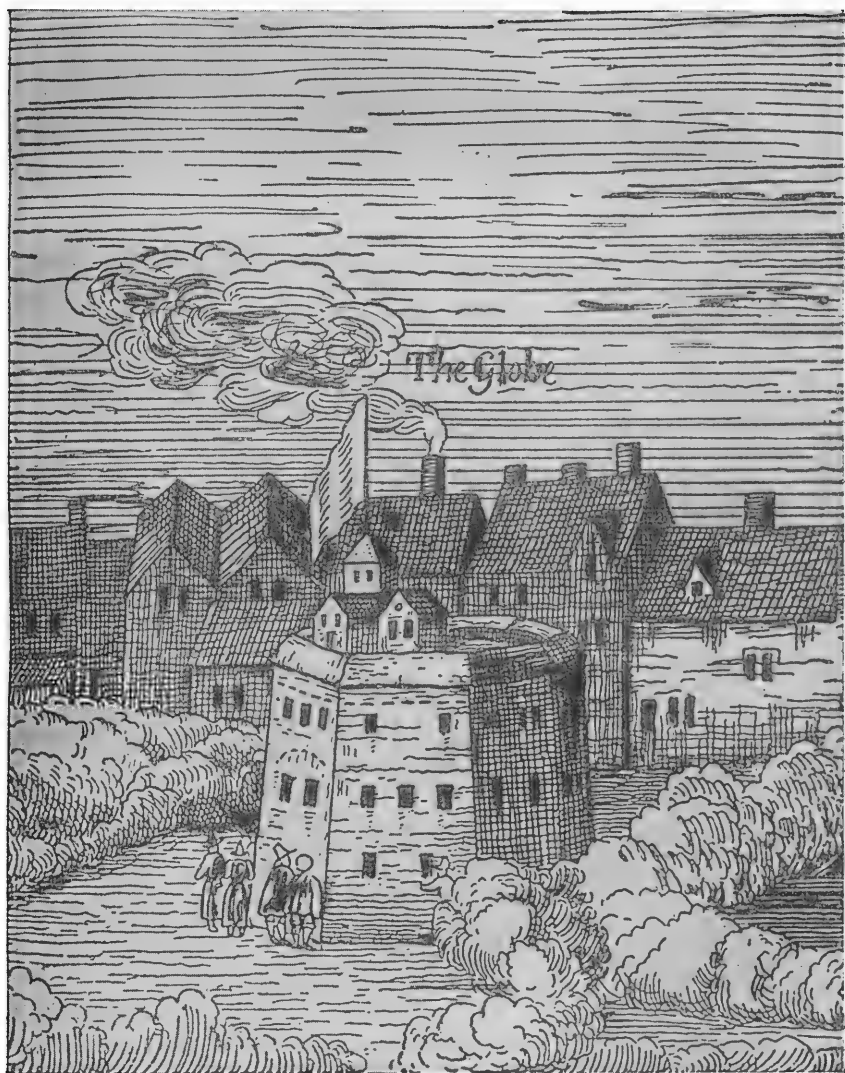
Комическое у Шекспира имеет целый ряд оттенков — от тонкого, порой философского юмора до фарсового или балаганного смеха. Носители его очень разнообразны, и в самом сгущенном виде оно дано в ролях шутов. Этим названием мы объединяем два рода шекспировских персонажей, обычно в подлиннике обозначаемых по-разному. Во-первых, Шекспир нередко изображает профессиональных шутов (fools), состоящих на службе у знатных лиц: таковы шуты в пьесах «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь», позже — в «Конец — делу венец» и в «Короле Лире». Но, кроме того, он часто выводит в своих пьесах шутовские персонажи (clowns, что первоначально значило — деревенщина) — глуповатых крестьян, придурковатых слуг и т. п., потешающих зрителей своими промахами и дурачествами. Таковы слуга Шейлока Ланчелот Гоббо или слуга доктора Кайуса в «Уиндзорских насмешницах», позже — могильщики в «Гамлете» (V, 1) или привратник в «Макбете» (II, 3). Согласно давней традиции то, чего нельзя было говорить

прямо, дозволялось под видом «дурачества» высказывать профессиональным шутам, шутки которых, до нас дошедшие, сохранили нам немало стрел социальной критики и народного вольномыслия. Эта традиция была воспринята драматургами Возрождения, и поэтому речи профессиональных шутов Шекспира гораздо богаче смыслом и интереснее, чем выходки его клоунов.

Для выражения сложного и богатого жизнеощущения, заключающегося в его комедиях, Шекспир использовал два комедийных жанра, выработанных до него, но он чрезвычайно развил и углубил их. Ранние комедии Шекспира делятся на две группы, которые условно можно обозначить как фарсовые и лирические. К первым относятся только три: «Комедия ошибок», «Укрощение строптивой» и «Уиндзорские насмешницы»; довольно близка также к этому жанру пьеса «Бесплодные усилия любви». Ко вторым принадлежат все остальные. Полной противоположности в смысле мировоззрения и стиля между теми и другими нет, но для комедий «фарсовых», восходящих к традиции «Ралфа Ройстера Дойстера», характерно наличие тривиальных бытовых положений, черт натурализма и грубоватого, гротескного остроумия; вторым, по манере примыкающим, до известной степени, к комедиям Лили, свойственна установка на изящество образов главных персонажей, нежность чувств и поэтичность фабулы, нередко примесь трагического элемента, а в чисто комедийном плане — преобладание иронии, легкой улыбки над шумным смехом.

Первый из этих двух типов сосредоточен в самом начале шекспировского творчества, а затем он сменяется вторым. Но это не простой переход от одного жанра к другому, а постепенное объединение их. Придавая своим фарсовым комедиям, в отличие от их слишком абстрактных и дидактических образцов, большую жизненную правдивость, Шекспир тем самым делает возможной их поэтизацию (трагедия отца и любовный эпизод в «Комедии ошибок», колоритность быта и нравов в «Уиндзорских насмешницах»). С другой стороны, очеловечивая изящные вымыслы Лили (борьба влюбленных за свое живое чувство, интермедия с афинскими ремесленниками в пьесе «Сон в летнюю ночь», в других отношениях столь близкой к пасторально-мифологической «Женщине на луне»), Шекспир придает им жизненную теплоту и конкретность. Отсюда встречающиеся токи, идущие от одного жанра к другому и приводящие к полнейшему синтезу их в последних трех, наиболее совершенных комедиях Шекспира: «Много шума из ничего», «Как вам это понравится» и «Двенадцатая ночь».

Этот синтез, который, пользуясь терминологией нашего времени, можно было бы условно назвать синтезом «романтизма» и «реализма», осуществляется сложным образом, в каждой комедии по-разному, и, во всяком случае, не путем простого механического

Театр «Глобус»

Театр «Лебедь». Сцена

Ричард Бербедж

Эдуард Аллен

совмещения. Подобно тому как несколько сюжетных линий в каждой из этих пьес переплетены так, что каждая помогает лучше понять и оценить другую, так и комические мотивы разных планов окрашивают и осмысливают друг друга, образуя единое гармоническое целое.

Но есть еще особый вид синтеза, осуществляемый в этих трех пьесах, — синтез комедии и драмы. Типично для всех трех пьес то, что, хотя главная сюжетная линия в каждой из них — серьезная и трогательная, почти трагическая, тем не менее кульминация каждой из них — апогей комического, которое оказывается тем смешнее, чем оно трогательнее, и тем трогательнее, чем оно забавнее: Беатриче и Бенедикт, давшие себя убедить в том, что каждый из них до смерти влюблен в другого, и потому решившие полюбить друг друга «из жалости»; Розалинда, переодетая юношей и приказывающая не узнающему ее Орlando объясняться ей в любви так, «как если бы» она была его Розалиндой; Виола, служащая под видом пажа герцогу, ею пылко любимому, и посланная им в качестве ходатая по сердечным делам к графине, которая неожиданно влюбляется в красивого посланца. Во всех трех случаях — чувство волнующей миражности, но миражности, основанием и исходом которой служат самые естественные и светлые человеческие чувства.

VI

Около 1600 года в творчестве Шекспира происходит перелом. Прежний оптимизм сменяется суровым критицизмом, углубленным анализом трагических противоречий в душе и жизни человека. В течение примерно десятилетия Шекспир создает, в среднем по одной в год, свои великие трагедии, в которых подходит вплотную к самым жгучим вопросам человеческой совести и дает на них глубокие, грозные ответы. Он не пишет больше хроник, а развивает свое понимание исторического процесса в трагедиях из римской истории, где на исторически более отдаленном материале, отказываясь от своих монархических иллюзий, рисует мрачную картину народных судеб. Две или три комедии, которые он создает в этот период, лишены прежнего света и ласки, и их счастливый конец отравлен сильнейшим привкусом горечи.

То чувство неблагополучия, тревожного разлада в окружающей социальной действительности, которое Шекспир живо ощущал уже в первый период своего творчества, теперь созрело и углубилось под влиянием исторических обстоятельств. В последние годы XVI века былому союзу передовых сил страны пришел конец, и английский абсолютизм вступил в фазу своего разложения. Та покровительственная политика, которая на первых порах благоприят-

вовала быстрому развитию промышленности и торговли, перестала отвечать их нуждам. С 1597 года начинаются конфликты между королевой и буржуазным парламентом, оспаривающим у нее право раздавать привилегии и монополии своим любимцам из дворян. С воцарением Иакова Стюарта (1603), вступившего на путь феодальной реакции, эти конфликты еще более обострились, вылившись в форму отказа парламента королю в кредитах. В то же время гнет капиталистических отношений в стране усиливается, приводя к еще большему разорению крестьянских масс и некоторой части мелкопоместного дворянства. Параллельно возрастает влияние активнейших представителей капитализма — пуритан, стремящихся окончательно ликвидировать феодальные навыки и понятия вместе со всем тем патриархальным и поэтичным, что в них заключалось, расчищая дорогу бездушному эгоизму и сухому расчету. Уже начинается подготовка разразившейся сорок лет спустя английской буржуазной революции.

Эти исторические коллизии Шекспир отразил в новом, разработанном им теперь жанре трагедии с ее новой, еще небывалой в английской драматургии проблематикой и стилем. Правда, уже и до этого Шекспир написал три трагедии. Но первая из них, «Тит Андроник» (около 1593), принадлежит целиком к старой манере, «Ромео и Джульетта» (1595) своим светлым лиризмом и обилием комедийных элементов очень многим связана с мироощущением Шекспира первого периода, и только «Юлий Цезарь» (1599), возникший на стыке двух периодов, приближается к новому типу трагедии.

От того, что обычно называется «драмой», трагедию отличают масштабность, величественность и внутренняя неразрешимость, хотя бы даже при внешне благополучном исходе изображаемого конфликта. Но, в отличие от древнегреческой, римская трагедия в лице единственного нам известного представителя ее, Сенеки, понимала эту величественность чисто внешне, изображая ужасающие катастрофы, которые постигают великих мира сего, низвергающихся с высот своего могущества. Такое внешнее понимание трагического, господствовавшее в европейской литературе в течение всего средневековья и раннего Возрождения, нашло выражение в трактатах теоретиков драмы XVI века, как, например, Ю. Ц. Скалигер, считавших подходящими сюжетами для трагедий «свержения с престола, царевубийства, разрушения городов и царств, изнасилования женщин, кровопролития, предательства, явления мертвецов». Это типичная тематика «кровавых трагедий», столь распространенных в итальянской и английской драматургии всего XVI и даже еще начала XVII века.

Но уже в пьесах «университетских умов» (Марло, Кид) намечается новое понимание трагизма, впервые получающее свое за-

конченное выражение у Шекспира. Правда, и у Шекспира иногда сохраняется отчасти тематика «кровавой трагедии» («Тит Андроник», «Гамлет», «Макбет»), но у него она насыщается совершенно новым, большим идейным содержанием. Это — изображение глубочайших, безвыходных конфликтов натур противоположного душевного склада и мировоззрения, являющихся выразителями двух противоборствующих миров, двух столкнувшихся социальных формаций. Именно исторический характер этого конфликта придавал ему подлинный трагизм, которого не могли ощутить и вложить в свои произведения последователи Сенеки и Скалигера. «Трагической», — писал К. Маркс, — была история старого порядка, пока он был существующей испокон веку властью мира, свобода же, напротив, была идеей, осеменявшей отдельных лиц, — другими словами, пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность. Покуда ancien régime, как существующий миропорядок, боролся с миром, еще только нарождающимся, на стороне этого ancien régime стояло не личное, а всемирно-историческое заблуждение. Потому его гибель и была трагической»¹.

И в другом еще месте К. Маркс писал, без сомнения имея в виду возникновение таких произведений, как «Дон Кихот» и некоторые трагедии Шекспира, о том, что «...гибель прежних классов, например рыцарства, могла дать материал для грандиозных произведений трагического искусства...»².

С потрясающей силой изображает Шекспир в своих трагедиях второго периода крушение и гибель тех представителей старого, патриархального мира, которых он идеализирует в противовес миру бездушной корысти и алчности, несущему им смертный приговор. Таков прочувствованный портрет старого Гамлета, трогательный облик Дункана, благородные фигуры Лира и верных ему Кента и Глостера. Все они, по существу, принадлежат к феодальному миру, но Шекспир отнюдь не представляет их себе сословно окрашенными всеми темными суевериями и предрассудками феодализма. На их фигурах лежит налет некоторой сказочности, легендарности, как если бы они принадлежали к доисторическим временам. Для Шекспира важно противопоставить эти образы вполне современным и «историчным» образам их антагонистов, циничных стяжателей и аморалистов, героев первоначального капиталистического накопления — узурпатора Клавдия, Эдмунда, Яго, двух старших дочерей Лира.

Но величие и глубина мысли Шекспира заключается в том, что настоящими, активными противниками названных современных хищников он делает не этих полусказочных героев безвозвратно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 1, 1955, стр. 418.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7, 1956, стр. 213.

ушедшего прошлого, а реальных, глубоко жизненных борцов против зла, борющихся с ним беззаветно и смело как делом, так и мыслью во имя гуманистических идеалов, одинаково чуждых как феодальному, так и капиталистическому миру,— Гамлета, Отелло, Эдгара, Макдуга.

Сложность шекспировских трагедий состоит также в том, что герои их — как самые светлые, так и самые мрачные — не однотонны (как, скажем, герои классицистических трагедий), но каждому из них наряду с положительными чертами обычно свойственны также и отрицательные,— если даже не пороки, то хотя бы слабости, иногда приводящие к их гибели (Отелло, Лир), точно так же как и худшие злодеи бывают не лишены если не подлинных добродетелей, то хотя бы несомненных достоинств (Клавдий, Макбет). В связи с этим герои шекспировских трагедий наряду с борьбой с внешними врагами или обстоятельствами нередко ведут внутреннюю борьбу с самими собой (Макбет, Гамлет). Судьба шекспировского героя, таким образом, не всегда определяется только его характером или одними лишь внешними обстоятельствами, но обычно сочетанием обоих этих факторов, их глубоким внутренним взаимодействием (хищная хитрость Яго «наслаивается» на благородную доверчивость к людям Отелло, коварство и алчность дочерей Лира — на его самоуверенность). Равным образом под влиянием внешних катастроф или внутренних переломов характеры этих новых героев не просто раскрываются или даже развиваются, как бывало у персонажей его первого периода (например, Ромео), но трансформируются, переламываясь или просветляясь (Макбет, Лир).

Все это сильно повышает реалистическую силу искусства Шекспира по сравнению с его ранним творчеством. Но особенно ярко реализм его проявляется в следующем. Как внешние обстоятельства, так и основные черты трагедийных персонажей Шекспира не имеют случайного или узкоиндивидуального характера, но типичны для его эпохи, для движущих сил и тенденций ее. И тем не менее никогда трагический конфликт у Шекспира не воспринимается нами как показ или иллюстрация чего-то общего, но всегда — как нечто присущее лишь данному, индивидуальному человеку, взятому в его живой конкретности. Синтез этих двух начал — социального и индивидуализирующего — в трагедиях Шекспира яснее всего проявляется в том, что герой является одновременно и продуктом окружающего его общества и антагонистом его (два крайних примера — Макбет и Гамлет). Он проявляется также в том, что не только судьба и характер героя уясняются через показ окружающей его среды, но, в свою очередь, и сам герой служит реактивом для определения свойств и ценности этой среды (Гамлет, Отелло).

Усиление психологической и идейной зоркости Шекспира сказывается и в том, что теперь он уже не ограничивается любовной тематикой (как в «Ромео и Джульетте» и во всех ранних комедиях), но сосредоточивается также на проблемах политических, общего морального значения, философских. И герои его, даже отрицательные (Макбет, Эдмунд), выступают теперь не только как борцы за свои чувства и влечения, но и как мыслители, пытающиеся дать себе отчет в жизни мироздания и так или иначе оправдать или обосновать свои принципы и свое поведение. В связи с этим задача Шекспира теперь — не только и не столько в том, чтобы осудить преступление (наличие этой тенденции отрицать у него невозможно), сколько в том, чтобы объяснить его, — не для того, конечно, чтобы оправдать преступника, но чтобы вызвать к нему своего рода жалость и снисхождение. Тем самым трагедии Шекспира в такой же мере укрепляют в нас истинную гуманность, — что и составляет сущность гуманизма, — в какой разрушают гуманность ложную.

В трагедиях Шекспира люди рисуются бредущими по краю пропасти, в которую они могут ежеминутно сорваться и действительно срываются. Верность природе и следование естественным влечениям человеческой натуры, раньше являвшиеся для Шекспира достаточным критерием поведения и гарантией счастья, теперь перестают ими быть. Человек, освободившись от всех иллюзий, приходит к сознанию того, что он «бедное, голое двуногое животное» (слова Лира).

Основываясь на этом, можно говорить о пессимизме второго периода Шекспира. Однако это выражение требует оговорки. Пессимизм упадочный, приводящий к унынию и отказу от борьбы, чужд Шекспиру. Прежде всего, как бы ужасны ни были страдания и катастрофы, им изображаемые, они никогда не бывают бесцельными, но раскрывают глубокий смысл и закономерность происходящего с человеком. Гибель Макбета или Кориолана показывает роковую силу страстей или заблуждений, охватывающих человека, когда он не находит верного пути. С другой стороны, даже от самых суровых трагедий Шекспира не веет безнадежностью: в них приоткрываются перспективы лучшего будущего или утверждается внутренняя победа правды над человеческой низостью.

Характерны некоторые концовки их. «Гамлет» заканчивается гибелью Клавдия и разгромом порочного датского двора; с воцарением Фортинбраса должна начаться новая эра, позволяющая надеяться на лучшую жизнь. Также и «Макбет» заканчивается гибелью тирана и коронованием законного и достойного правителя. Необходимо заметить, что это не просто условная концовка, потому что, не говоря о том, что такой финал находится

в полном согласии со всем развитием пьесы, трагедии того времени почти сплошь имели самый мрачный и душераздирающий финал.

В других случаях страдания героя производят морально-примиряющее впечатление уже потому, что они перерождают и просветляют его: таков Лир, который из деспота-короля превратился в Человека, в своей простой человечности более великого, чем тот великий король, каким он был раньше. В обоих случаях от трагедий Шекспира веет бодростью, мужественным призывом к борьбе, хотя бы эта борьба и не всегда сулила успех. Героический и гуманистический характер этого пессимизма очень далек от фаталистического отчаяния.

Две пьесы этого периода на сюжеты из римской истории — «Антоний и Клеопатра» и «Кориолан», так же как и возникший раньше «Юлий Цезарь», близки идейно к названным трагедиям. Но их социально-политическая проблематика как бы заменяет прежний жанр национально-исторических хроник. Замена эта не случайна: Шекспир, отходя от прежнего безоблачного оптимизма, теперь отказывается и от бывшего монархического идеала, что ему, конечно, удобнее было показать на материале истории далекого Рима. Его герой — благородный республиканец Брут, а развенчанию он подвергает как носителей императорской (читай — монархической) идеи Юлия Цезаря и Октавиана, так и честолюбивых эгоистов-аристократов Антония и Кориолана. Атмосфера всех трех трагедий — закат великой культуры, осень чувств и деяний с ее переспелыми плодами и роскошными, но пахнущими уже тлением цветами.

Все прежние безоблачные идеалы Шекспира подвергаются теперь пересмотру: в природе наряду со здоровым началом подмечаются больные явления, извращения («Лир», «Макбет»); все чаще ставится проблема обуздания страстей разумом; на каждом шагу встают темы воспитания или перевоспитания личности, критического отбора, перестройки понятий, обычаев, форм человеческих отношений. Гуманизм Шекспира помимо героического характера становится также и «критическим», что острее всего проявляется в «Тимоне Афинском».

Сурового критицизма и внутренней горечи полны также и три написанные в эту пору комедии Шекспира — «Троил и Крессида». «Конец — делу венец», «Мера за меру». Если в трагедиях второго периода жизнь предстает Шекспиру во всем своем суровом и страшном виде, то в этих комедиях она поворачивается к нему своей низкой и грязной стороной. Первая из этих пьес лишена даже счастливой развязки — казалось бы, обязательного признака комедии, а во второй и третьей счастье, заслуженное главной и второстепенной героинями и состоящее в браке с не очень-то заслуживающими

его героями, добывается ими обеими одинаковым, морально не очень красивым способом — путем любовного подмена. Если присоединить к этому большую долю скабрёзности в шутовских сценах, все три пьесы не доставляют нынешнему — как, без сомнения, и тогдашнему — зрителю полного удовлетворения.

Подобные мотивы и стиль мы встречаем у многих комедийных авторов, младших современников Шекспира, особенно у писавших для аристократических зрителей, любивших фривольные, развлекательные пьесы. Не следует, однако, усматривать в этом уступку Шекспира шедшим из верхов вкусам или просто «творческую неудачу» его. Это лишь результат его изменившегося взгляда на жизнь, муть которой стала ему теперь виднее. Чистые, но не героические натуры вынуждены в этой обстановке порока и низости идти на компромиссы, если они хотят жить, вынуждены мириться со злом, смягчая или парализуя его любыми средствами, вплоть до названного выше подмена. Другой возможный исход для них — уход от жизненной суеты. Этот мотив звучит дважды в «Мере за меру» — сначала глухо в характере герцога, который не любит толпы и временно уезжает из столицы, чтобы понаблюдать ход жизни со стороны, а затем уже отчетливо в характере Изабеллы, настойчиво стремящейся уйти в монахиши, чтобы избежать соблазнов и грязи жизни.

Но и тот и другой путь изображения людей и жизни претил Шекспиру. Утратив свое прежнее наивное доверие к людям и жизни, он утратил тем самым и ключ к созданию своих жизнерадостных комедий. После «Меры за меру» в течение всех восьми последних лет своего творчества (1604—1612) ни одной комедии в точном смысле слова он более уже не написал.

VII

После серии насыщенных борьбой, полных кипения мысли и страстей героических трагедий Шекспира в его творчестве последних лет наблюдается странная успокоенность. Чувствуются усталость и разочарование, объясняемые изменениями в политической и общественно-культурной обстановке — резким спадом ренессансных настроений и крушением веры в скорое осуществление гуманистических идеалов, которое все яснее обозначается при феодально-реакционном режиме Иакова I Стюарта. Королевская опека над театром привела к торжеству в нем *трагикомедий* — пьес, лишенных подлинного трагизма. Этот драматургический жанр, признанными мастерами которого являлись Бомонт и Флетчер, слегка волнуя зрителей, в основном имел целью развлечь их, доставить им острые и занимательные впечатления.

Последние пьесы Шекспира — «Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка» и «Буря» — по своим внешним признакам могли бы быть причислены к жанру трагикомедий. Шекспир как будто бы уступает господствующему течению, пользующемуся покровительством двора, желая сохранить возможность дальнейшего творчества и связь с театром, но он пытается усвоить лишь внешние черты нового жанра, вложив в него более глубокое и человеческое содержание. Соединение этих двух моментов достигается Шекспиром путем внесения в пьесы сказочного тона. Шекспир не изображает в них (как он это делал в прежних своих пьесах) типичные жизненные положения и борьбу чувств в конкретной исторической обстановке. Он уводит зрителя в воображаемый мир, в далекие полусказочные страны или в легендарную старину и на этом поэтическом фоне показывает столкновения страстей, которые без борьбы или каких-нибудь осложнений всегда оканчиваются благополучно — торжеством добрых свойств человеческой души над дурными инстинктами. При этом всегда бывают выведены представители молодого поколения — добрые и чистые существа, охваченные взаимной любовью (очень абстрактной, как они сами), не способные к жестокости или лжи и не ведающие о существовании на земле зла. Это как бы мечта о золотом веке, но перемещенном из прошлого в будущее, утопическая и убаюкивающая сказка о возможности жизни светлой и блаженной, свободной от насилия и себялюбия, под властью которых были обречены жить их родители.

В этих эфирных и абстрактных сказочных пьесах мы встречаем темы и положения, которые уже раньше трактовались Шекспиром в плане героической борьбы, в конкретной обстановке и на реальном общественном фоне; но здесь эти темы и положения оказались сниженными и обесцвеченными. Такова, например, в «Цимбелине» тема «Ромео и Джульетты» (любовь Постума и Имогены), «Отелло» (Якимо как крайне редуцированный Яго), «Макбета» (королева в «Цимбелине» как слабый отгиск образа леди Макбет). Ту же тему «Отелло», но с полным снятием подлинного трагизма, находим мы в «Зимней сказке», как и тему «Ромео и Джульетты» — в «Буре» (любовь Фердинанда и Миранды, долженствующая примирить их отцов). В «Перикле» мы находим мотивы «Комедии ошибок» (разлука во время бури), «Меры за меру» (картина распутства с образом сводника или сводни) и т. п. Но счастливое разрешение драматических ситуаций (о «коллизиях» здесь почти не приходится говорить) обеспечено заранее, ибо самый тон и характер изложения таковы, что мы ощущаем это обычно уже в первом акте (в «Буре» это даже прямо высказано устами Просперо). Трагического напряжения нет, есть лишь увлекательное, слегка волнующее действие с благополучной развязкой.

Два момента, внутренне связанные между собой, принципиаль-

но отделяют эти пьесы от всего остального творчества Шекспира. Первый относится к пониманию жизненного процесса в его существенных проявлениях, второй касается моральной оценки человеческого поведения.

В последних пьесах Шекспира отчетливо выступает идея «судьбы», более сильной, чем человеческая воля и разум. Это — нечто совсем другое, чем идея «фортуны», занимающая столь видное место в ранних комедиях Шекспира. Если в «Сне в летнюю ночь» Пек, выжимая волшебный сок в глаза спящих влюбленных, казалось бы, направляет их чувства по собственному желанию, то на самом деле он этим приводит лишь к тому, к чему они стремились сами, хотя и не могли до конца разобраться в своих чувствах, и что составляет их благо. Счастливая развязка комедии определяется не столько вмешательством Пека, играющего роль лишь помощника любящих, сколько той энергичной борьбой за свое чувство, которую они вели против враждебных им сил. Наоборот, в последних пьесах Шекспира все определяется судьбой, превосходящей человеческую волю и разумение. Она прямо названа своим именем в том эпизоде «Зимней сказки», где сбывается предсказание оракула, столь благоговейно восхваляемого посланцами короля (III, 1). Добавим, что такое же «предсказание», да еще прямо из рук Юпитера (в форме записки), получает Постум в «Цимбелине» (V, 4). Сверхъестественное перестает быть поэтическим образом, своего рода отражением или проекцией реальных сил («Сон в летнюю ночь», «Гамлет», «Макбет»), оно становится активным (закуписным, и от этого еще более могущественным) фактором действия. Оно становится «фатумом», доминирующим в этих пьесах Шекспира. Им целиком наполнена первая из пьес данной группы — «Перикл». Только в «Буре» эта трансцендентная сила вторгается в действие и направляет его изнутри, будучи под видом «магии» вложена в руки Просперо, который, более похожий на божество, чем на человека, может заставить других не только поступать, но даже чувствовать так, как он им повелевает.

Вполне закономерно, что в связи с этим абсолютированием идеи судьбы или фатума крайне ослабевают психологический анализ, мотивировка поступков и душевных движений персонажей, раскрытие их характеров. Переходы от одного чувства к другому у них неожиданны, иногда совсем непонятны: таково поведение Леонта в «Зимней сказке», легкомыслие Постума в «Цимбелине», внезапное «моральное перерождение» врагов Просперо в «Буре».

Второй момент заключается в отношении Шекспира к творимому в мире злу. Если в его комедиях обоих предыдущих периодов и выступал нередко принцип «милости» и «прощения» по отношению к раскаявшемуся и исправившемуся грешнику (Протей в «Двух

веронцах», Шейлок и т. д.), то все же осуждение зла звучало в них резко и непримиримо, а нередко «прощенный грешник» уходил из пьесы с клеймом позора на челе (Анджело в «Мере за меру», брат герцога в «Как вам это понравится»).

Между тем последние пьесы Шекспира, несмотря на явное осуждение в них дурных страстей, полны кротости, примирения. Конечно, у Шекспира нет сострадания к зверю в человеческом образе — Клотену («Цимбелин»), получающему должное возмездие, как нет у него и жалости к «полузверю» (как он себе представлял его) Калибану, не подвергающемуся, впрочем, никаким особенным карам. Но всякий раскаявшийся получает в этих пьесах, рано или поздно, прощение, сколь бы легким и поверхностным ни было его раскаяние, а главное, в изображении творимого этим человеком зла, хотя и есть горечь, но нет истинного гнева, есть ощущение страха за человека, но нет подлинного ужаса. Самые яркие примеры этого — прощение, получаемое без всяких усилий с их стороны врагами Просперо, или прощение, получаемое Леонтом в конце «Зимней сказки». При этом разница между участием Леонта и, скажем, Анджело та, что будущее семейное счастье второго очень сомнительно, тогда как первый получает именно то, чего он более всего желал.

И, однако, это не есть еще полный отказ от всей прежней программы Шекспира. Во всех четырех пьесах, хотя и в сильно заглушенном, завуалированном всякой декоративностью виде, звучат требования правдивости, моральной свободы, великодушия, творческой любви к жизни.

Шекспир, несомненно, не мог долго удержаться на этих новых, частично вынужденных позициях, так противоречивших мироощущению и художественному методу цветущей поры его творчества. Чувствуя нестерпимое внутреннее противоречие, он предпочел расстаться со сценой и уйти в частную жизнь стретфордского горожанина и семьянина. Решение его было, конечно, сознательным. И правы те критики, которые видят в «Буре» прощание Шекспира с театром. Это придает пьесе оттенок глубокой грусти, сконцентрированной в образе Просперо. Соединив Миранду и Фердинанда, обеспечив им и себе счастливое будущее, он сразу же после великолепной феерии, показанной обрученным, впадает в печальное раздумье, предсказывая наступление момента, когда весь мир разрушится и все, что было так прекрасно и так нас радовало, «исчезнет без следа», ибо

Из вещества того же, что и сон,
Мы созданы. И жизнь на сон похожа,
И наша жизнь лишь сном окружена.

(Акт IV, сцена 1)

Творческая деятельность Шекспира продолжалась недолго — всего два с небольшим десятилетия (приблизительно 1590—1612). Но и за это короткое время и в его мировоззрении и художественном методе произошли, как мы видели, большие сдвиги. В пределах указанного срока надо выделить еще более краткий период — немногим более одного десятилетия (1595—1607), — когда возникли все крупнейшие и наиболее зрелые его произведения, в которых с наибольшей силой выразилось и его проникновение в смысл и красоту человеческой жизни, и его художественное мастерство. Это те его произведения, начиная с «Ромео и Джульетты» и кончая «Кориоланом», откуда критики больше всего черпают доказательств и иллюстраций, когда говорят о «мудрости» Шекспира и о его искусстве. И тем не менее в мироощущении и творчестве Шекспира на всем протяжении его деятельности есть какие-то общие свойства и тенденции, которые, видоизменяясь и углубляясь или, наоборот, ослабевая, все же не меняют своей сущности. Это прежде всего глубоко гуманистическое восприятие жизни, соединенное с внутренней правдивостью его искусства.

Живя на стыке двух эпох — отмирающего феодализма и зарождающегося капитализма, Шекспир одинаково боролся против обоих этих начал. С одной стороны, он неустанно обличает корыстолюбие, власть золота — в «Тимоне Афинском» (знаменитый монолог Тимона о золоте, извращающем все человеческие чувства); в «Короле Лире», где старый король, умудренный страданиями, восклицает: «Сквозь рубище порок малейший виден: парча и мех — все спрячут под собой. Позолоти порок — копье закона сломаешь об него...» (IV, 6); в «Венецианском купце» (образ Шейлока, сцена с тремя ларцами, III, 2) и т. п. С другой стороны, Шекспир разоблачает ничтожество аристократической спеси в комедии «Конец — делу венец», раскрывает некоторые черты феодального паразитизма в образе Фальстафа и т. п.

Но при этом Шекспир не проводит разграничения между двумя этими началами. Мысля и воспринимая жизнь комплексно, Шекспир брал черты феодальные и буржуазные, как они выступали в практике его эпохи, — в их слитном проявлении, причем единство таких комплексов определялось в его сознании их враждебностью началу здоровой человечности. Таково происхождение его замечательных, чрезвычайно сложных образов Ричарда III, этого соединения кровавого феодала и блестящего хищника-авантюриста эпохи первоначального накопления, или Фальстафа, который «дух времени усвоил» («Уиндзорские насмешницы», I, 3) и, распустив свою феодальную свиту, затеял прибыльную аферу.

Враг средневековых представлений о наследственном благородстве, религиозного фанатизма, расовых предрассудков и т. п., Шекспир в своих произведениях объективно утверждает принцип равенства, моральной равноценности людей всех сословий, всех рас и вероисповеданий. Об этом достаточно говорят образы Отелло — черного африканца, стоящего в моральном и умственном отношении много выше окружающих его аристократов-венецианцев; Шейлока, который, при всей его личной низости, в религиозном и расовом отношении показан как жертва травящих его христиан (см. его монолог, III, 1), признаваемый многими критиками лучшей в мировой литературе защитой равноправия всех наций и религий; Елены в комедии «Конец — делу венец», где развенчивается идея аристократического благородства, и т. д.

Шекспир — горячий сторонник свободы чувств молодого поколения, борющегося против средневековой, домостроевской тираннии отцов. Примеры таких деспотических отцов — Эгей в «Сне в летнюю ночь», грозящий заточить непокорную дочь в монастырь и ссылающийся на «древний афинский закон», дающий отцу право жизни и смерти над своими детьми; старик Капулетти, желающий насильно выдать дочь за выбранного им жениха; отец Дездемоны Бранцио, не верящий, чтобы его дочь могла полюбить мавра иначе, как под влиянием волшебства, и готовый проклясть ее за эту любовь. Во всех случаях такого конфликта Шекспир полон горячего сочувствия к героиням, готовым бороться за свою любовь (Гермия, Дездемона, Джессика, Джульетта), в то время как слепая покорность несчастной Офелии отцу определенно изображается им как выражение слабости и неполноценности ее характера.

С огромной силой также проводит Шекспир идею интеллектуальной и моральной равноценности мужчины и женщины. Отметим явное превосходство в отношении ума и воли Елены над графом Бертрамом, Виолы над герцогом Орсино, Порции над Бассанио, отчасти, пожалуй, Джульетты над Ромео. Замечательно, что одну из самых блестящих иллюстраций богатства и полноты женской натуры Шекспир захотел и сумел дать на сюжетном материале, изображающем «строптивую», т. е., условно выражаясь, «отрицательный» тип женщины.

Исключительно высоко ставит Шекспир правду в человеческих отношениях, правдивость мыслей и чувств. Правды все время ищет Гамлет, находящий в книгах и слышащий вокруг себя лишь пустые «слова, слова, слова». Также и Лир, ранее ценивший только все внешнее, после своего просветления начинает стремиться лишь к правде. Правды все время добивается и Отелло.

Самое отвратительное для Шекспира — противоположность правды, — ложь и лицемерие. Мало можно назвать писателей, у которых найдется такая коллекция всевозможных разновидностей

лицемеров. В большинстве случаев это обычного рода расчетливые лицемеры, надевающие маску в определенных случаях и для определенных целей. Таковы Яго, Розенкранц и Гильденстерн и т. д. На время надета маска, по необходимости и вследствие наслаждения, которое она доставляет лицу, ее носящему, ставшая постоянной, — таков образ Ричарда III. Еще интереснее изображение у Шекспира таких характеров, для которых лицемерие стало второй натурой, которые лицемерят, так сказать, перед самим собой. Таков Мальволио, притворная «добропорядочность» которого — маска, раз навсегда надета им для карьеры и сросшаяся с его лицом. Но если у Мальволио такое «органическое» лицемерие окрашено гротескными тонами, то у Анджело («Мера за меру») оно приобретает зловещий характер.

Еще важнее для определения мировоззрения Шекспира, чем эти перечисленные гуманистические принципы морального порядка, его общее понимание жизненного процесса и связанные с этим общие оценки жизненных явлений.

Рассмотрев все творчество Шекспира с этой точки зрения, мы должны будем прийти к выводу, что руководящей для него является идея природы (nature — одно из любимых его слов). Он не только черпает из понятия природы и ее образов аргументы для своих самых значительных мыслей, но она также является для него нормой и мерилom при оценке достоинства всех человеческих поступков. При этом два свойства природы в шекспировском понимании ее выступают на первый план. Первое — творческий процесс, происходящий в природе. Отсюда у Шекспира, с одной стороны, идея движения, развития, находящая выражение в динамичности его образов и мастерском показе развития характеров его героев; с другой стороны, идея избытка, превышения нормы, необходимой лишь для поддержания жизни, требование какого-то добавления к этой норме, которое лишь одно придает жизни цену и красоту, — как цветение плодовых деревьев или как свет, более яркий, чем это практически необходимо для зрения. Иллюстрацией последнего могут служить речь Порции о «милости», как необходимом добавлении к «закону», избыточная жизнерадостность Меркуцио, переливающее через край остроумие Беатриче, грохочущий смех Фальстафа, все вообще «игровое», что мы находим в образах Шекспира; сопоставим с этим замечательные слова Лира: «Самый жалкий нищий в своей нужде излишком обладает. Дай ты природе только то, что нужно, — и человек сравнивается с животным» (II, 4).

Второе свойство природы, по Шекспиру, это ее «красота», или, что в данном случае одно и то же, «благодать», понимаемая без всякой примеси отвлеченной морализации, — то, что превосходно передается любимым шекспировским словом fair (прекрасное, благородное, чистое, светлое) в противоположность foul (вредоносное,

гадкое, грязное, темное). Резюмируя, можно сказать, что природа для Шекспира это — здоровая, прекрасная, творческая жизнь, это — развитие.

То же самое, что о мировоззрении Шекспира, можно сказать и о его искусстве — его драматургической системе, о совокупности применяемых им художественных средств выражения. Все это испытало на протяжении его творчества значительное развитие, не всегда притом прогрессивное, но основные принципы и тенденции были и остались, по существу, до конца теми же.

Творчество Шекспира отличается масштабностью — необычайной широтой интересов и размахом мысли. В его пьесах нашло свое отражение огромное разнообразие типов, положений, образов, эпох, народов, общественной среды. Это богатство фантазии, так же как стремительность действия, сгущенность образов, энергия изображаемых страстей и волевого напряжения персонажей типичны для эпохи Возрождения. Эти черты можно встретить, например, и в творчестве Марло. Но у Шекспира они смягчены чувством меры и подчинены закону внутренней гармонии. Шекспир изображает расцвет человеческой личности и богатство жизни со всем изобилием ее форм и красок, но все это приведено им к единству, в котором господствует строгая закономерность.

Источники драматургии Шекспира разнообразны, причем, однако, все заимствованное он своеобразно осваивал. Очень многое он воспринял от античности. Его ранняя «Комедия ошибок» — вольное подражание «Менехмам» Плавта. В «Тите Андронике» и «Ричарде III» очень заметно влияние Сенеки. «Римские» трагедии Шекспира восходят не только сюжетно, но отчасти также и идейно к Плутарху, который в эпоху Возрождения был учителем свободолюбия и гражданских чувств. В произведениях Шекспира постоянно встречаются чувственно жизнерадостные и выразительные образы античной мифологии.

Другим источником явилось для Шекспира искусство итальянского Возрождения. Сюжеты «Отелло», «Венецианского купца» и еще нескольких комедий заимствованы у итальянских новеллистов. В «Укрощении строптивой» и некоторых других комедиях можно обнаружить влияние итальянской комедии импровизации. Нередко мы встречаем итальянскую обстановку, собственные имена и разного рода мотивы в пьесах Шекспира, имеющих совсем иные источники. Если у античности Шекспир учился конкретности и ясности образов, художественной логике, отчетливости речи, то итальянские ренессансные влияния способствовали усилению в его творчестве эстетических и живописных элементов, его восприятию жизни — с внешней стороны — как неисчерпаемого богатства движения и событий, красок и форм. Но еще существеннее то, что оба эти ис-

точника укрепляли гуманистическую и реалистическую основу шекспировского творчества.

Тем не менее наряду с такого рода влияниями Шекспир в основном продолжает традиции народной английской драматургии. Сюда относится, например, систематически применяемое им смешение трагического и комического, которое воспрещалось представителями учено-гуманистического направления в драматургии Ренессанса. Точно так же, кроме редчайших случаев, когда специфика пьесы (например, в «Буре») делала их желательными, он не соблюдает единства времени и места. Не признавая никаких педантических правил, Шекспир давал полную волю своей фантазии и применял «открытую» форму построения пьес, при которой действие развивается скорее по законам психологическим, чем логическим, допуская вторжение неожиданных эпизодов и дополнительных штрихов, не являющихся строго обязательными. У Шекспира мы наблюдаем пестрое смешение лиц и событий, необычайно быстрые темпы действия, стремительную переброску его из одного места в другое. Эта живость, красочность, непринужденность стиля, обилие движения и ярких эффектов в основном соответствовали духу народной драмы. Но народность Шекспира этим далеко не исчерпывается. Высшее проявление ее заключается в том, что для своих гуманистических идей он находит такую форму выражения, при которой они становятся подлинным воплощением народных чаяний и оценок. Это относится не только к речам шута в «Короле Лире», представляющим квинтэссенцию народной мудрости, но и к высказываниям персонажей утонченно образованных, как, например, Гамлет.

В неразрывной связи с народностью Шекспира находится его реализм. В основе шекспировского реализма лежит живое, непосредственное отношение ко всем явлениям мира. При этом Шекспир не только правдиво изображает действительность, но и умеет глубоко проникнуть в нее, подметив и раскрыв то, что в ней наиболее существенно. Взгляды Шекспира на реалистическую сущность искусства выражены в беседе Гамлета с актерами (III, 2). Гамлет говорит: «Будьте во всем пристойны; ибо в самом потоке, в буре, я бы даже сказал — в вихре страсти, вы должны соблюдать и сохранять меру, которая придает ей мягкость... Но не будьте также и слишком вялы, и пусть ваше собственное чутье будет вашим учителем. Согласуйте действия с речью, речь с действиями; особенно следите за тем, чтобы не переходить границ свободной естественности, ибо все, что преувеличено, идет вразрез с искусством игры, а цель этого искусства как прежде была, так и теперь есть — держать как бы зеркало перед природой и показывать добродетели ее истинное лицо, а наглости ее подлинный образ, и каждому веку и сословию — их вид и отражение». Сказанное здесь об актерской

игре, без сомнения, должно быть распространено и на искусство поэзии, как на всякое искусство вообще.

Реализм Шекспира проявляется в том, что он изображает явления в их движении и взаимной обусловленности, отмечая все существенные оттенки и переходы чувств. Это дает ему возможность рисовать цельных людей во всей их сложности и развитии. В этом отношении глубоко реалистично построение характеров у Шекспира. Подчеркивая в своих персонажах черты типические, имеющие общее и принципиальное значение, он в то же время их индивидуализирует, наделяя разнообразными добавочными чертами, которые делают их подлинно живыми. Эту разносторонность и жизненность шекспировских характеров подметил и отлично выразил Пушкин: «Лица, созданные Шекспиром,— писал он,— не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные характеры» (Table — talk, 1834). Герои Шекспира меняются и вырастают в борьбе. Точно так же и Гегель отметил, что Шекспир создает «индивидуальные субъекты», образующие «целое само по себе», что, иными словами, он изображает типическое в индивидуальном.

Реализм Шекспира обнаруживается также в правдивом анализе душевных переживаний его персонажей, в отчетливой мотивации их действий и побуждений. Это, конечно, относится главным образом к крупнейшим образам его трагедий и хроник, где ответственность (как Шекспир представлял себе это) его героев за свою судьбу делает их психологически более ответственными и за свои чувства. Напротив, в комедиях Шекспира, особенно ранних, где господствует идея «фортуны» и очень сильны мотивы новеллистически-комедийной условности, действия и чувства персонажей иногда оказываются более подчиненными логике сюжета и стиля пьесы, чем логике характеров; и еще сильнее это проявляется в группе последних пьес, где господствуют сказочно-поэтические тона, исключаящие реалистические мотивации поведения и естественное развитие характеров и страстей.

У Шекспира движение человеческих чувств и переживаний показано гораздо детальнее и отчетливее, чем у его современников (как в Англии, так и в других странах Европы того времени), а главное — все отмечаемые переходы и этапы их полны глубокого смысла и значительности. Классическим примером может служить анализ душевных переживаний Отелло, где нарастание страсти и мотивация эмоциональных оттенков и переходов даны с такой отчетливостью и убедительностью, что мы имеем уже не только *схему* движения чувств и мыслей Отелло, но и детальную *диаграмму*, приближающуюся к законченному психологическому *рисунку*. Но и в тех случаях, когда чувства персонажей по самому

T H E
Tragicall Historie of
HAMLET

Prince of Denmarke

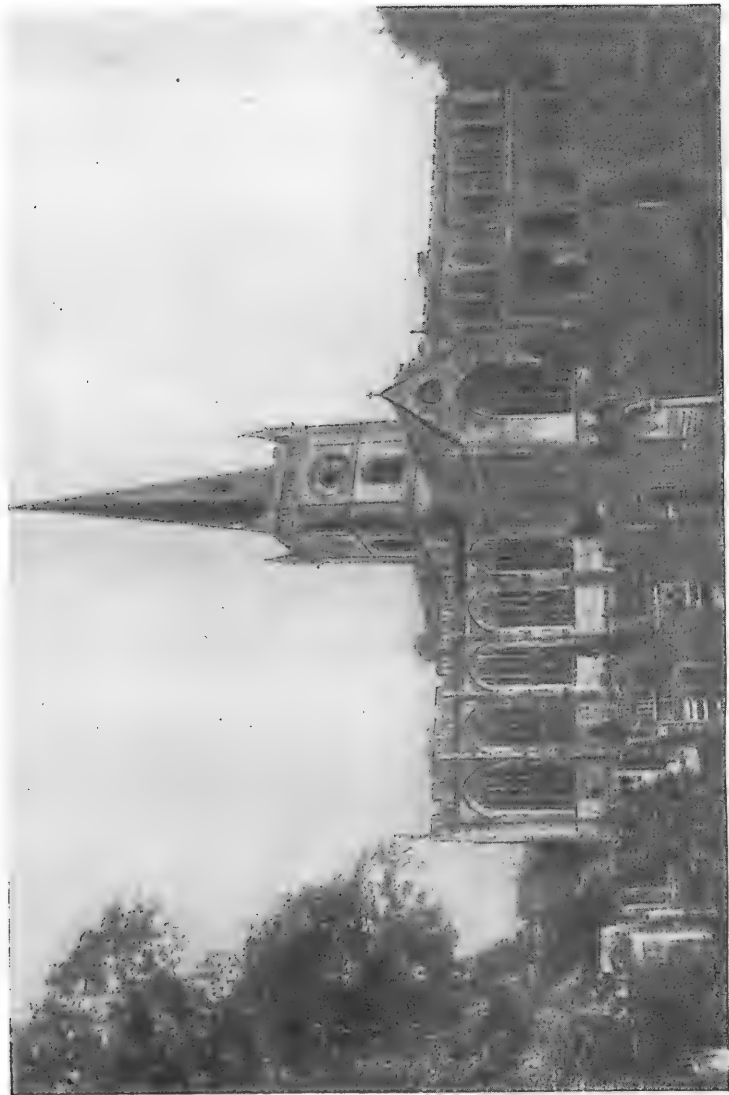
By William Shake-speare.

As it hath beene diuerſe times acted by his Highneſſe ſer-
uants in the Cittie of London : as alſo in the two V-
niuerſities of Cambridge and Oxford, and elſe-where

At London printed for N.L. and Iohn Trundell.
1603.

Первое издание «Гамлета», 1603 год

Церковь св. Троицы, в которой похоронен Шекспир

авторскому замыслу отклоняются от норм душевной жизни здорового человека и приобретают гиперболический, болезненный или фантастический характер, создавая впечатление неожиданности и ненормальности, в них все же обнаруживается известная закономерность. Примером может служить изображение внезапно овладевшей Леонтом (в «Зимней сказке») ревности, о которой можно сказать словами Полония о Гамлете: «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность».

Наконец, реалистические тенденции можно усмотреть и в языке Шекспира, исключительно богатом не только по количеству слов, но и по множеству смысловых оттенков отдельных употребляемых им слов и речений. Различные персонажи постоянно говорят у Шекспира неодинаковым языком, в зависимости от их общественного положения. Очень сильна в языке Шекспира народная стихия, выражающаяся в обилии чисто народных оборотов речи, пословиц, поговорок, отрывков из народных песен и т. п. Шекспир избегает общих, туманных выражений, выбирая слова конкретные и точные, по возможности передающие чувственно-материальную сторону каждого впечатления или переживания.

Замечателен стиль Шекспира, очень разнообразный и подвергшийся сложному развитию. В первый период своего творчества Шекспир стремится преимущественно к легкости и изяществу выражения; он определенно предпочитает стих, причем любит закрывать фразу на конце стиха, избегает резких переносов (*enjambements*) и охотно применяет украшающую рифму. В эту пору у него можно нередко встретить эвфуизмы (например, в «Бесплодных усилиях любви» и даже еще в «Ромео и Джульетте»). Но к концу первого периода и особенно во второй период он постепенно освобождается от поэтических прикрас и всё более приближается к живым и непосредственным интонациям разговорной речи. Постепенно проза начинает у него занимать все более видное место («Уиндзорские насмешницы», например, написаны почти сплошь прозой), а в стихотворных частях рифма становится все реже. Энергия и драматическая выразительность речи сменяют былую декоративность и изящную гладкость. Наконец, в третий период речь персонажей Шекспира становится еще более драматической и непосредственной, порой нервной и запутанной под натиском овладевающего говорящим волнения (Леонт в «Зимней сказке», многие персонажи «Цимбелина»), повинаясь более психологическим, нежели логическим импульсам. Не случайно, что в последних пьесах Шекспира рифма почти совсем исчезает (в «Зимней сказке» нет ни одной, в «Буре» — почти ни одной рифмованной строчки).

Эта сложность шекспировского стиля второго и третьего периодов, соответствующая сложности мыслей и образов Шекспира зре-

лой поры его творчества с их многопланностью, острой контрастностью и диалектическими различиями, отражает глубокие изменения в его мировоззрении, о которых мы говорили выше.

Сказанным, конечно, не исчерпывается все многообразие и гибкость стиля Шекспира. Помимо общей охарактеризованной выше эволюции, стиль Шекспира меняется от пьесы к пьесе, иногда от сцены к сцене. Места лирические, патетические, гротескные, риторические написаны у него разными стилями. Было замечено, что речь некоторых особенно колоритных персонажей Шекспира (Отелло, Яго, Шейлок, Фальстаф) окрашена особенными, индивидуальными чертами. Но иногда она изменяется у одного и того же персонажа в пределах пьесы, в зависимости от его внутреннего развития и изменившегося положения (Гамлет).

Тонкость художественного мастерства Шекспира выражается в передком подчинении художественных приемов, мотивов, всяких средств выражения идейному содержанию, смыслу пьесы, взятой в целом, или главных ее характеров. Было отмечено преобладание в некоторых пьесах Шекспира определенных красок, гармонирующих с основным настроением, которое господствует в той или иной пьесе, например в «Ромео и Джульетте» — радужных, светло-желтых, оранжевых тонов, в «Макбете» — сумрачных, темно-серых, черных («ночь»), прорезываемых вспышками ярко-красного, багрового цвета («кровь»), и т. п. Было, далее, обнаружено наличие в отдельных пьесах Шекспира доминирующих образов, тесно связанных с основной мыслью каждой такой пьесы. Так, в «Гамлете» чрезвычайно многочисленны образы болезни, язвы, нарыва, червоточины, связанные с темой сплошного морального разложения общества, которое изображено в этой трагедии. В «Макбете» усиленно обыгрывается образ «платья с чужого плеча», платья великана, присвоенного карликом, — образ, характеризующий Макбета, который узурпировал королевскую власть, природой и законом ему не назначенную. В «Отелло» и в «Короле Лире» особо выделяются образы зверей, но трактуемые по-разному: в первой трагедии — с подчеркиванием животного, «скотского» начала (мерещащиеся Отелло «козлы и обезьяны», как символ низменной похоти), во второй — начала хищного, «зверского» («медведи», «змеи», «волки», о которых так часто упоминает Лир). В «Отелло» к тому же усиленно повторяется образная антитеза светлого, гармонического мира и «хаоса».

Примером того, как композиционный прием по самому своему характеру соответствует общей мысли той пьесы, к которой он применен Шекспиром, может служить фигура повторения или параллелизма, с вариациями или без них, много раз встречающаяся в «Гамлете»: пара Розенкранц — Гильденстерн; одинаковые советы, которые поочередно дают Офелии относительно того, как она дол-

жна держать себя с Гамлетом, сначала ее брат, затем отец; два случая подслушивания Гамлета Полонием, с участием и без участия короля; два случая применения королем яда; два случая низкой угодливости — сначала Полония, затем Озрика, готовых из безличности и раболепства наружно соглашаться с Гамлетом во всем, что бы тот ни сказал, — по поводу формы облака (III, 2) или относительно того, жарко или холодно в зале, где находятся говорящие (V, 2), и т. д. Цель этого приема, ни в какой другой из шекспировских пьес так широко не использованного, заключается в том, чтобы создать впечатление массовости придворного ничтожества, сплошного потока низости и пошлости, окружающих Гамлета, что и составляет одну из основных, специфических мыслей этой трагедии.

Если перебрать обширный запас общих мест и типических композиционных мотивов, столь широко распространенных во всей европейской драматургии той эпохи и очень часто встречающихся и у Шекспира, как, например, переодевание, подслушивание, случайные совпадения и т. п., то можно убедиться, что Шекспир неизмеримо более, чем кто-либо из его современников, варьирует эти мотивы. А именно, он вносит в них дополнительные детали и оттенки, соответствующие характеру персонажей, к которым они приурочены. Бойкая Джессика, переодевшаяся, чтобы бежать с Лоренцо («Венецианский купец»), относится к этому игриво и развязно в противоположность нежной и деликатной Розалинде, также нарядившейся мальчиком («Как вам это понравится»). Ромео, «подслушивающий» признания в любви к нему Джульетты, наглое двукратное подслушивание Гамлета Полонием и фатальная попытка Отелло подслушать Кассио, который будто бы разговаривает с Яго о Дездемоне, по своей технике, психологической окраске и внутреннему смыслу — три совершенно разные вещи, различия между которыми определяются различиями между основными замыслами этих трех пьес и их ведущими характерами.

Даже такая деталь, как частота рифм в стихах, во многих случаях явно определяется у Шекспира внутренним характером соответствующих пьес. Огромное количество рифмованных стихов в «Бесплодных усилиях любви» (62,2 проц.) и в «Сне в летнюю ночь» (43,4 проц.) объясняется тем, что первая из этих комедий основана на развернутом анализе культуры речи, на показе состязания в остроловии блестящего придворного общества, которое тут же добродушно высмеивается Шекспиром, вторая — на легкой и изящной, похожей на танец игре фантазии. Ясно, что в обоих случаях рифма является немаловажным смысловым моментом. Напротив, редкость рифмы в «Укрощении строптивой» (4,4 проц.), написанной примерно в те же самые годы, отлочно

согласуется с сугубо «прозаическим» тоном и грубоватой моралью этой пьесы, в которой какая-либо декоративность была бы неуместна.

Искусство Шекспира характеризуется тонким чувством стиля, побуждающим его разнообразить художественные приемы, им применяемые, в зависимости от оттенков характеров, положений или основного идейного содержания пьесы. Для его поэтической и драматической техники чрезвычайно типично несравненно более полное и последовательное, чем у кого-либо из его современников, подчинение приема смыслу или адекватность формы содержанию.

Все это заставляет нас видеть в Шекспире не гения-самородка, творившего инстинктивно, лишенного какой-либо «философии» или художественной системы, но сознательного и чуткого художника-мыслителя, облакавшего свои замечательные идейные замыслы в глубоко прочувствованную и продуманную поэтическую форму. Очень верно сказал о Шекспире Кольридж: «Шекспир — не просто дитя природы, не просто гениальный самоучка; он не пассивный носитель вдохновения, которое владеет духом, вместо того, чтобы он сам владел им. Шекспир сначала терпеливо изучал, глубоко вдумывался, вникал во все подробности, пока знание не стало для него привычным и интуитивным, пока оно не связалось теснейшим образом с его обычными чувствами и не породило, в конце концов, той изумительной мощи, в силу которой он стоит особняком».

IX

Посмертная судьба Шекспира представляет большой интерес. Историю его оценок, истолкований, влияний¹ можно разделить на три периода, гранью между которыми является расцвет буржуазного Просвещения в середине XVIII века и начало упадка буржуазной культуры во второй половине XIX века.

В первые два-три десятилетия после смерти Шекспира отношение к нему в Англии было двойственным. С одной стороны, демократически настроенные ценители Шекспира восхищались его правдивостью, силой его воздействия на человеческие сердца, его доступностью народу. В своем предисловии к F (1623) Хеминг и Конделл писали: «От лиц самых образованных до тех, кто едва разбирает по складам, — таков круг его читателей. Он был удачливым подражателем природы и благородным выразителем ее... Читайте его поэтому; читайте его снова и снова. И если вы его не полюбите, вам

---

¹ Здесь речь будет идти только о литературной судьбе Шекспира. Очерк его истории на западной, русской и советской сценах будет дан в последнем томе настоящего издания.

будет грозить опасность никогда не понять его». В анонимном стихотворении, предпосланном второму F (1632), говорится:

Плебей сын создал, взойдя на троп,
Мир целый, им и правит; знает он
Пружины тайные людского рода,—
Как тронуть жалостью сердца народа,
Как вызвать радость или гнев в душе;
Умеет он в божественном огне
Нас сделать заново из нас самих...

(Перевод А. Аникста)

Этим голосам вторит Мильтон, в своем стихотворении «Allegro» (1632—1634) восхваляющий «сладчайшего Шекспира, сына фантазии, распевającego дарованные ему природой дикие лесные песни».

С другой стороны, приверженцы ученого направления, тяготевшего к классицизму, признавая природное дарование Шекспира, ставили ему в упрек недостаток образованности, отсутствие «искусства», недоработанность, по их мнению, его произведений. В качестве выразителя такого отношения к Шекспиру можно назвать Бена Джонсона, который подчеркивал посредственное знание Шекспиром древних языков, отмечал, что ему «недоставало искусства», и на замечание какого-то актера, что Шекспир, «какое бы произведение он ни писал, ни разу не вычеркнул в нем ни одной строчки», ответил: «Жаль, что он не вычеркнул их тысячи. Слова у него лились с такой легкостью, что временами его хорошо было бы остановить». А драматург Бомонт, отмечая тоже «недостаточную ученость» Шекспира, изумлялся тому, «как далеко может уйти смертный человек при тусклом свете одной только природы».

В 1640 году театры в Англии были закрыты пуританами, а когда в 1660 году, после реставрации Стюартов, они возобновили свою деятельность, характер их совершенно изменился. Дворянское общество периода Реставрации требовало от спектакля не жизненной правды, а живописности, не проблемности, а легкой занимательности. Временно утвердившийся в английском искусстве классицизм отличался от французского классицизма эклектизмом и безыдейностью.

В этих условиях двойственность отношения к Шекспиру еще обостряется. Критики-классицисты, как, например, Драйден («Опыт о драматической поэзии», 1668), восхищаясь «природной» genialностью Шекспира, его интуицией и способностью «осознательно» передавать все то, что он изображает, одновременно упрекают Шекспира в «недостатке искусства» и возмущаются его употреблением слов, взятых из домашнего обихода, или ремесленных, более уместных, по их мнению, в устах какого-нибудь подмастерья. С этого

времени начинается длинная серия переделок Шекспира для сцены, цель которых — смягчить «грубоватого» Шекспира, приукрасить его, сделать более «приятным» и занимательным.

Перелом происходит в середине XVIII века в связи с ростом буржуазного просветительства. В Шекспире начинают ценить уже не столько живописность, сколько правдивость, верное изображение человеческой природы. Знаменитый английский актер и режиссер Девид Гаррик (1716—1779) начинает ставить подлинные тексты Шекспира, ограничиваясь сравнительно небольшими купюрами. Появляются также первые английские научно-критические труды о Шекспире; в частности, больших успехов достигают ученые-текстологи и создатели реального комментария к его пьесам. Крупнейший из старых английских исследователей Шекспира, писатель и критик Семюэл Джонсон, в предисловии к своему изданию сочинений Шекспира (1765) писал: «Шекспир стоит выше всех писателей, по крайней мере писателей нового времени, будучи поэтом природы, — поэтом, который держит перед своими читателями правдивое зеркало прав и жизни... Его произведения отличаются от произведений более правильных писателей так, как лес отличается от сада».

К этому времени относится и первое знакомство с Шекспиром на континенте. Впервые познакомил с ним Францию, а вместе с тем и другие страны Вольтер («Философские письма», 1734). Однако отношение к Шекспиру самого Вольтера, сторонника классицизма в поэзии, было очень двойственным: он считал Шекспира «гением, полным силы, естественности, возвышенности, но лишенным хорошего вкуса и знания правил». Так же смотрело на Шекспира и большинство других французских критиков и писателей XVIII века, в том числе даже Дидро. Естественно поэтому, что ранние переводы Шекспира на французский язык (Лапласа, Летурнера, Дюсиса) были не столько переводами его, сколько переделками, стремившимися приспособить «дикого» и «хаотического» Шекспира к требованиям «здравого смысла» и «хорошего вкуса». Особенно это относится к Дюсису, обработки которого получили в XVIII и начале XIX века широкое распространение в других странах, в том числе в России. В «Ромео и Джульетту» Дюсис вводит дантовский эпизод Уголино, в «Макбете» леди Макбет у него наказана тем, что, думая, что убивает сына Макдуфа, она убивает собственного сына. «Король Лир» превращен Дюсисом в сентиментальную мелодраму. «Гамлет» искажен до неузнаваемости.

В Германии впервые глубоко оценил Шекспира Лессинг («Гамбургская драматургия», 1767—1769), часто опиравшийся на пример Шекспира в своей борьбе с французским классицизмом. Первую попытку понять своеобразие поэтики Шекспира, объяснить ее не как соединение гениальности с неуклюжей наивностью, а как

определенную, осознанную систему, предпринял Гердер (статья «О Шекспире», 1773). Почти одновременно с ним выступил со своими тонкими суждениями о Шекспире и Гёте. С 1760-х годов начинают появляться и немецкие переводы Шекспира, гораздо более близкие к подлиннику, чем французские, — Виланда, Эшенбурга, наконец, перевод А. В. Шлегеля и Тика, замечательный по своей точности и поэтичности.

Вопрос о путях первого проникновения Шекспира в Россию не до конца ясен. Мы не знаем, что представлял собой «Юлий Цезарь», сыгранный еще при Петре Великом труппой Кунста. В 40-х годах Аккерман ставил у нас какого-то «Гамлета» и «Ричарда III», текст которых также не сохранился. Знаменитый «Гамлет» Сумарокова (1748; представлен в 1750 г.), восходящий к французскому тексту Лапласа, является, согласно прямо высказанному намерению автора, весьма вольной обработкой шекспировской трагедии. У Сумарокова Гамлет, покарвав узурпатора, наследует престол и женится на Офелии. Вскоре в журналах начинают появляться переводы отрывков из шекспировских пьес, а Екатерина II пишет вольные подражания пьесам «Уиндзорские насмешницы» и «Тимон Афинский» — «Вот каково иметь корзину и белье» и «Расточителя», в которых всюду подставлены русские имена и нравы и сохранены только основная фабула и характеристика главных персонажей.

Более глубокое понимание и подлинную посмертную славу Шекспир получил на Западе после революции 1789 года, в первую половину XIX века, когда западноевропейская буржуазия переживала свой высший подъем и еще не вступила в стадию загнивания. В эту пору творчество Шекспира, с одной стороны, столь богатое элементами социальной критики, с другой стороны, полное героического и поэтического воодушевления, приобрело огромную убедительность для всех передовых писателей, во многих отношениях служа образцом для их творчества и доставляя аргументы и иллюстрации для их эстетических теорий. В этом смысле Шекспир был поднят на щит всеми романтиками, а вместе с тем он оказался близок и критическому реализму на ранних ступенях его развития. Отсюда подчеркивание в высказываниях лучших критиков этого периода познавательного содержания произведений Шекспира, значения открытий, которые он сделал в области человеческих отношений и душевной жизни человека, целостности и гуманистической основы его мировоззрения, наличия в его творчестве глубокой общественно-моральной тенденции, но тенденции внутренней, облеченной в формы полнейшей художественной объективности; наконец, эти критики нередко отмечают тот факт, что Шекспир стимулирует наши жизнетворческие силы, призывает нас к жизненной борьбе.

Приведем несколько наиболее пронизательных и ярких по форме высказываний о Шекспире западных писателей до начала кризиса буржуазной культуры во второй половине XIX века.

Гёте за свою долгую жизнь множество раз обращался мыслью к Шекспиру. Еще в своей юношеской речи «Ко дню Шекспира» (1771) он говорил: «Первая же страница Шекспира, которую я прочел, покорила меня на всю жизнь, а одолев первую его вещь, я стоял как слепорожденный, которому чудотворная рука вдруг даровала зрение. Я познавал, я живо чувствовал, что мое существование умножилось на бесконечность; все было мне новым, новым; и непривычный свет причинял боль моим глазам. Шекспировский театр — это чудесный ящик редкостей, в котором мировая история как бы по невидимой нити времени шествует перед нашими глазами. Его планы — не планы в обыденном значении слова. Все пьесы его вращаются вокруг скрытой точки (которую не увидел и не определил еще ни один философ), где все своеобразие нашего «я» и дерзновенная свобода нашей воли сталкиваются с неизбежным ходом целого... И я восклицаю: природа, природа! Что может быть больше природой, чем люди Шекспира!»

В романе «Годы ученья Вильгельма Мейстера» (1795) Гёте устами своего героя говорит: «Я не помню, чтобы какая-нибудь книга или какое-нибудь событие моей жизни произвели на меня такое неотразимое впечатление, как драмы Шекспира... Это не поэтические произведения. Читая их, с ужасом видишь перед собой книгу человеческих судеб и слышишь, как бурный вихрь жизни с шумом переворачивает ее листы... Все предчувствия о человечестве и его судьбах, которые у меня были, которые незаметно сопровождали меня с юных лет, я нашел выполненными и развитыми в шекспировских пьесах. Кажется, будто он нам разгадал все загадки, хотя и нельзя сказать определенно: вот тут или там — слово разгадки. Его люди кажутся нам действительными людьми, но они не таковы. Эти таинственнейшие и сложнейшие создания действуют перед нами в пьесах Шекспира словно часы, у которых и циферблат и все внутреннее устройство сделаны из хрустала; они, по назначению своему, указывают нам течение времени, и в то же время нам видны те колеса и пружины, которые заставляют их двигаться. Эти немногие взгляды, которые я успел бросить в шекспировский мир, более, чем что-либо другое, побуждают меня двинуться вперед в действительной жизни, устремиться в поток судеб, лежащих на ней завесой».

В своей статье «Шекспир и несть ему конца» (1813—1816) Гёте, между прочим, писал: «Если мы считаем Шекспира одним из величайших поэтов, мы тем самым признаем, что мало кто

познал мир так, как он его познал, мало кто из высказавших свое внутреннее видение сумел в большей степени возвысить читателя до осознания мира. Мир становится для нас совершенно прозрачным; мы внезапно оказываемся поверенными добродетели и порока, величия, ничтожности, благородства, низости,— и все это при помощи простейших средств... Все, что веет в воздухе, когда совершаются великие мировые события; все, что в страшные минуты таится в людских сердцах; все, что боязливо замыкается и прячется в душе,— здесь выходит на свет свободно и неприпужденно: мы узнаем правду жизни и сами не знаем, каким образом». Уже в глубокой старости, в 1825 году, Гёте, рассматривая альбом с гравюрами к пьесам Шекспира, сказал Эккерману: «Ужасаешься, рассматривая эти картинки! Только таким образом отдаешь себе отчет в том, как бесконечно богат и велик Шекспир! Ведь нет ни одного мотива в человеческой жизни, который он не изобразил бы и не выразил бы. И все это с такой легкостью и свободой!»

Под сильным воздействием Шекспира написаны драмы Гёте «Гец фон Берлихинген» (1773) и «Эгмонт» (1787). Очень велико также значение Шекспира для формирования драматургии Шиллера, хотя последний был более восприимчив к внешним сторонам поэтики Шекспира и в меньшей степени, чем Гёте, уловил сущность шекспировского реализма.

Гейне, называвший произведения Шекспира «светской библией» и написавший замечательный этюд «Девушки и женщины Шекспира» (1838), говорил, что неправы те, кто утверждает, будто у Шекспира нет «трех единств»: «Арепа его драм — земной шар: это — его единство места; вечность — тот период времени, в течение которого разыгрываются его пьесы; это — его единство времени... Человечество — тот герой его, который непрестанно умирает и непрестанно воскресает, непрестанно любит и непрестанно ненавидит... сегодня заслуживает дурацкий колпак, завтра — лавровый венок, еще чаще — оба одновременно». Гейне отмечает то глубокое значение, которое Шекспир придает каждому частному явлению: «Когда его взору предстает внешний вид ничтожнейшего обрывка из мира явлений, он вскрывает всю мировую слитность этого обрывка с целым; ему словно ведомы законы вращения и центры всех вещей; он постигает все вещи в их широчайшем объеме и их глубочайшем средоточии».

Английский романтик, поэт и критик Кольридж говорил, что Шекспир, как поэт, «обладал десятью тысячами душ» (*myriad-minded*) и что он «больше, чем кто-либо другой, был одарен способностью вкладывать глубочайшие проявления мудрости туда, где их меньше всего можно было бы ожидать и где тем не менее они оказываются самыми естественными».

В кругах французских романтиков и реалистов 20-х и 30-х годов, боровшихся против общего врага — классицизма, — за создание более правдивого и свободного искусства, Шекспир становится знаменем этой борьбы. Стендаль ставит имя Шекспира в заголовке своего этюда — манифеста романтического направления (в том особом смысле этого термина, в каком Стендаль его понимал): «Расин и Шекспир» (две части, 1823—1825).

Ссылки на Шекспира испещряют страницы «Предисловия к Кромвелю» (1827) В. Гюго, многим обязанного в своей драматургии, хотя и одностороннее им понятому, художественному методу Шекспира. Впоследствии, уже на склоне лет, Гюго написал целую книгу о Шекспире (1865) — этом «человеке-океане», как он его называет, в которой, правда, идеалистическая риторика сильно перевешивает и заслоняет верные мысли и наблюдения. Даже романтики реакционного лагеря, как, например, А. де Випьи (его переделки шекспировских пьес: «Шейлок», 1828, «Отелло», 1829), пытались на свой лад использовать и освоить Шекспира. Хорошо знал и очень любил Шекспира Мериме, во многом следовавший Шекспиру в своей «Жакерии» (1828). Высоко ценил Шекспира и Бальзак, у которого в восприятии и оценке процесса жизни есть несомненное внутреннее родство с Шекспиром.

В конце рассматриваемого периода мы встречаем фигуру Флобера, который, несмотря на чрезвычайное несходство его мировоззрения с мировоззрением Шекспира, безгранично восхищался последним и живо ощущал силу и величие его реализма. В письмах к своей подруге Луизе Коле за 1846—1854 годы Флобер писал: «Читая Шекспира, я становлюсь больше, умнее, чище. Когда я дохожу до вершины его произведения, мне кажется, что я на высокой горе, — все исчезает и все появляется в новом виде...». «Кто посмеет сказать, что Шекспир любил, ненавидел, что он чувствовал? Это колосс, он ужасает; трудно даже поверить, что он был человеком». И еще, по поводу 1-й сцены III акта «Короля Лира»: «Этот человек сведет меня с ума. В сравнении с ним другие кажутся мне, более чем когда-либо, детьми».

Во второй половине XIX века оценки Шекспира в Западной Европе резко меняются. После 1848 года, когда «революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹, когда буржуазия перестала быть заинтересованной в расширении активного познания действительности, в западноевропейской философии, науке, критике все более и более утверждаются позитивизм и агностицизм, которые выражают начинающийся распад

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10.

буржуазной мысли. В связи с этим в западной шекспирологии, как и во всех других областях литературоведения и литературной критики, проявляется сильнейшая реакция против того, что многие буржуазные литературоведы-позитивисты произвольно и очень неточно называют «романтическими идеями». Возражая по существу против всякого целостного понимания творчества великого писателя, как выражения определенного этапа в истории общественного сознания его нации и всего человечества, они сводят изучение писателя к рассмотрению оболочки или внешнего облика его творчества, считая внутреннюю сущность, то есть объективный исторический смысл его, несуществующим или недоступным для познания. Это анализ с принципиальным отказом от синтеза.

Очень отчетливое выражение этот позитивизм и агностицизм нашли в посвященной Шекспиру главе «Истории английской литературы» (1865) И. Тена, который видел в Шекспире лишь соединение «национального темперамента» и богатой фантазии, не замечая в его творчестве никакого познавательного содержания.

Такое затуманивание или обесцвечивание идейной стороны творчества Шекспира, доходящее очень часто до полного и принципиального ее отрицания или, наоборот, искажения, еще усилилось с наступлением эры империализма, когда названные тенденции осложнились крайними, наиболее реакционными формами идеализма, безудержным эстетизмом, декадентством, символизмом, мистицизмом. Равнодушие к связи искусства с действительностью или недооценка этой связи сменяется теперь решительным ее отрицанием: искусство противопоставляется действительности как якобы «высшая форма реальности». Уже Суинберн, один из предтеч новейшего эстетства, в своей книге о Шекспире (1880) восхищался сильнее всего тем «редким», «странным», «таинственным», что он находил у великого драматурга. О шекспировских образах Суинберн писал: «Место, отведенное для них в тайнике нашего сердца, непроницаемо для света и шума повседневной жизни. Есть часовни в соборах высшего человеческого искусства, не созданные для того, чтобы быть открытыми для глаз и ног мира». С предельной отчетливостью выразил эту мысль несколько позднее О. Уайльд: «Шекспир — не безупречный художник. Он чересчур прямо подходит к жизни, заимствуя у жизни естественное выражение мысли».

С внешней стороны популярность Шекспира на Западе в XX веке еще усиливается. Постановки его пьес учащаются, и академически-научная или популярная критическая литература о нем чрезвычайно возрастает. Но слишком часто в буржуазных кругах Шекспир воспринимается в основном уже не как носитель идейных ценностей, а как виртуоз, гениальный техник, мастер раз-

влекать и будить воображение, писавший произведения, привлекающие именно тем, что смысл их — если только в них заключен действительно какой-либо смысл — загадочен и непонятен.

Значительная часть научной литературы о Шекспире носит эмпирический характер. Несомненные достижения имеются в изучении биографии Шекспира: уточнены фактические сведения о жизни великого драматурга, тщательно изучена вся документация, собран обширный материал, характеризующий условия его деятельности и т. д. (Э. К. Чемберс, Дж. К. Адамс, Л. Хотсон, Дж. Б. Харрисон, П. Александер, Э. Николл и др.). Шекспировская текстология разрабатывает тонкие, научно обоснованные методы эмендации (Э. У. Поллард, У. У. Грег, Дж. Довер Уилсон и др.). Углубляется знание театральных условий, в которых работал Шекспир (У. Дж. Лоуренс, Т. У. Болдуин, А. Харбейдж и др.).

В шекспировской критике XX в. на Западе идет напряженная идеологическая борьба. Почти все течения буржуазной философской, эстетической и критической мысли притязали на право толкования Шекспира в своем духе. Идеализм лежал в основе работ неогегельянского направления (Э. С. Бредли), духовноисторической школы (Ф. Гундольф); прилагали свою руку к Шекспиру фрейдисты (Э. Джоунз) и декаденты всякого рода вплоть до мистиков-символистов (У. Найт). В реакционном духе толкуют также Шекспира литературоведы и критики, отрицающие прогрессивный характер Ренессанса, в котором они видят лишь поздний этап развития средневековой идеологии (Т. Спенсер, Э. М. У. Тильярд и др.).

Всем этим разновидностям упадочной буржуазной идеологии империализма противостоят те критики и литературоведы, которые остаются на позициях признания Ренессанса прогрессивным явлением культуры и искусства, подчеркивают гуманистический и демократический характер шекспировского творчества. Хотя и эта критика носит печать буржуазной ограниченности, но все же ее оценки и суждения приближают к пониманию подлинного Шекспира (У. Роли, Х. Греввилл-Баркер, Л. Л. Шюкинг, Г. Б. Чарлтон, К. Сперджен и др.).

Среди огромной массы узкоэмпирической или идеологически неполноценной литературы о Шекспире звучат, как глубоко положительное явление, голоса критиков, настроенных подлинно демократически и близких к сознанию народных масс. Таков — назовем самого яркого представителя этой группы — Ромен Роллан, видевший в Шекспире прежде всего критика современного ему общества, разоблачителя лицемерия и силы денег, великого гуманиста, стимулирующего нас к борьбе с социальным злом своими произведениями, содержащими элементы революционности. «Его му-

зыка,— писал Роллан в своих «Четырех очерках о Шекспире»,— не отвлекает нас от забот настоящего. Если прислушаться, то с удивлением начинаешь узнавать в этом ревущем потоке голоса нашего времени, мысли, которые кажутся прямым выражением того, что мы думаем об угнетающих нас событиях...». Он писал также: «Шекспир, творчество которого отражает все содрогания мира, порой улавливает в них отдаленные раскаты революции...» («Истина в творчестве Шекспира», в книге «Спутники»).

История восприятия Шекспира в России заслуживала бы специального исследования, так богаты материалы русской литературы и критики откликами на творчество великого драматурга. Мы коснемся здесь лишь самых основных фактов.

Еще в конце XVIII века оценил мощный психологический реализм Шекспира, а вместе с тем его поэтическую стихию Н. М. Карамзин, который в предисловии к своему переводу «Юлия Цезаря» (1787) писал: «Шекспир знал все сокровеннейшие побуждения человека, отличительность каждой страсти, каждого темперамента, каждого рода жизни. Для каждой мысли находил он образ, для каждого ощущения выражение, для каждого движения души наилучший оборот. Гений его, подобно Гению Натуры, обнимал взором своим и солнце и атомы. С равным искусством изображал он героя и шута, умного и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмеримому театру Натуры, исполнены многообразия, все же вместе составляют совершенно целое». Позже, в «Письмах русского путешественника», Карамзин писал: «Величие, истина характеров, занимательность приключений, откровение человеческого сердца и великие мысли, рассеянные в драмах британского гения, будут всегда их магиею для людей с чувством. Я не знаю другого поэта, который имел бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображение; и вы пайдете все роды поэзии в шекспировских произведениях. Он есть любимый сын богини Фортуны, которая отдала ему волшебный жезл свой; а он, гуляя в диких садах воображения, на каждом шагу творит чудеса!»

Исключительно интересны и разнообразны высказывания о Шекспире Пушкина, находившего, что произведения Шекспира «стоят на высоте недосыгаемой», составляя «вечный предмет наших изучений и восторгов». «Правдоподобие положений и правда диалога,— писал Пушкин Н. Раевскому-сыну в 1825 году,— вот настоящие законы трагедии. Я не читал ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человек этот Шекспир! Не могу придти в себя! Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним!.. Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый на свой лад — читайте на этот счет Шекспира... Читайте Шекспира (таков мой припев): он никогда не боится скомпрометировать свое действующее лицо, он заставляет его говорить со всею жизненною непри-

нужденностью, ибо уверен, что в свое время и в своем месте он заставит это лицо найти язык, соответствующий его характеру». В статье 1826 года «О народности в литературе» Пушкин замечает: «Но мудрено отнять у Шекспира в его «Отелло», «Гамлете», «Мера за меру» и проч. достоинства большой народности». В набросках предисловия к «Борису Годунову» от 1827 и 1829 гг. Пушкин заявляет: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира...» (1827). «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием — Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов» (1829). В наброске статьи о драме М. П. Погодина «Марфа Посадница» (1830) Пушкин писал: «Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ — судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки».

Очень содержательны высказывания о Шекспире Лермонтова, писателя-декабриста В. К. Кюхельбекера, который переводил его на русский язык, другого писателя-декабриста — А. А. Бестужева-Марлинского.

Необыкновенно высоко ценили Шекспира наши великие революционные демократы — Белинский, Добролюбов, Чернышевский, отмечавшие глубину его проникновения в действительность, умение уловить в ней все самое существенное, правдивость и широту его художественных обобщений, а вместе с тем его изумительный поэтический дар.

Особенно многочисленны и подробны высказывания о Шекспире В. Г. Белинского, посвятившего ему весьма замечательную статью «Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838)¹ и много раз возвращавшегося к Шекспиру в других своих работах. В статье «Литературные мечтания» (1834), сравнивая Байрона, Шиллера и Шекспира, Белинский писал: «Байрон, выразивший в своих произведениях муки сердца, ад души, постигнул только одну сторону бытия вселенной; Шиллер поступил совершенно обратно: он передал нам тайны неба, показал одно прекрасное жизни, ибо зло жизни у него или неверно, или искажено преувеличениями, и только Шекспир, божественный, великий, недостижимый, постиг и ад, и землю, и небо. Царь природы, он взял равную долю и с зла, и подсмотрел в своем вдохновенном ясновидении биение пульса вселенной! Каждая его драма есть мир в миниатюре; у него нет, как у Шиллера, любимых идей, любимых героев».

В статье о повестях Гоголя (1835) Белинский с жаром утверждал реалистический характер шекспировского искусства: «...в XVI веке совершилась окончательная реформа в искусстве: Сервантес убил своим несравненным «Дон Кихотом» ложно-идеальное направление поэзии, Шекспир навсегда помирил и сочетал ее с действительной жизнью. Своим безграничным и мирообъемлющим взором проник он в недоступное святилище природы человеческой и истины жизни, и подсмотрел и уловил таинственные биения их сокровенного пульса. Бессознательный поэт-мыслитель, он воспроизводил в своих гигантских созданиях нравственную природу сообразно с ее вечными, незывлемыми законами, сообразно с ее первоначальным планом, как будто бы он сам участвовал в составлении этих законов, в начертании этого плана. «Новый Протей», он умел вдыхать душу живую в мертвую действительность; глубокий аналитик, он умел в самых, повидимому, ничтожных обстоятельствах жизни и действиях воли человека находить ключ к разрешению высочайших психологических явлений его нравственной природы. Он никогда не прибегает ни к каким пружинам или подставкам в ходе своих драм; их содержание развивается у него свободно, естественно, из самой своей сущности, по непреложным законам необходимости. Истина, высочайшая истина — вот отличительный характер его созданий. У него нет идеалов в общепринятом смысле этого слова; его люди — настоящие люди, как они есть, как должны быть».

В цитированной выше статье о Гамлете Белинский, между прочим, писал: «Обладея даром творчества в высшей степени и одаренный мирообъемлющим умом, он в то же время обладает и той объективностью гения, которая его сделала драматургом по преимуществу и которая состоит в способности понимать предметы так, как они есть, отдельно от своей личности, переселяться в них и жить их жизнью».

К концу жизни в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский отмечал глубокое жизненное содержание шекспировского творчества.

Очень богаты плодотворными мыслями замечания Белинского, помимо «Гамлета», о пьесах «Ромео и Джульетта», «Макбет», «Сон в летнюю ночь», «Буря» и др. Если разрозненные мысли Пушкина о Шекспире — глубокие прозрения в сущность его творчества, то высказывания о нем Белинского, гораздо более систематические и подробные, послужили основой, на которой развилось все дальнейшее изучение Шекспира в русской науке, всегда видевшей в нем великого реалиста, правдиво изображавшего человеческие чувства и отношения.

О взглядах на Шекспира Н. А. Добролюбова мы сказали достаточно в начале нашей статьи.

Часто упоминал Шекспира в своих произведениях Н. Г. Чернышевский, восхищавшийся его глубокой правдивостью. В романе «Что делать?» (гл. VIII) Лопухов говорит: «Почему Шекспир величайший поэт? Потому, что в нем больше правды жизни, меньше обольщения, чем в других поэтах».

Не менее восторженно, чем Белинский, относился к Шекспиру А. И. Герцен, в письмах и статьях которого имя великого драматурга встречается очень часто. «Душа Шекспира была необъятна...». «Страшный Шекспир огромен, велик», — писал он в 1837 году Н. А. Захарьиной. Два года спустя Герцен вспоминает «широкое, многообразное изящество, которое находим мы в трагедиях Шекспира», отмечает, что «его создание имеет непреложную реальность и истинность». «Протестантский мир, — пишет он в 1843 году, — дает Шекспира. Шекспир — это человек двух миров. Он затворяет романтическую эпоху искусства и растворяет новую... Для Шекспира грудь человека — вселенная, которой космологию он широко набрасывает мощной и гениальной кистью». И в «Письмах об изучении природы» (1845) Герцен повторяет снова: «Поэтическое созерцание жизни, глубина понимания, действительно, беспредельна у Шекспира».

С 60-х годов и до начала XX столетия все наши большие писатели, литературоведы и критики, за исключением лишь Л. Н. Толстого, отрицательное отношение которого к Шекспиру имело особые причины, проявляли к Шекспиру отношение, в большей или меньшей степени восходящее к традициям наших революционных демократов середины века. Одним из проявлений этого было непрекращавшееся сознание идейного значения для нас шекспировского наследия, внутренней близости Шекспира передовым устремлениям русской общественной мысли. Это прекрасно выразил И. С. Тургенев в своей речи о Шекспире в 1864 году по случаю 300-летия со дня рождения великого драматурга. «Мы, русские, — заявлял Тургенев, — празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только огромное, яркое имя: он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь».

В своей речи «Гамлет и Дон Кихот» (1860), содержащей интересный, хотя и не совсем правильный анализ образа Гамлета, Тургенев, подобно Белинскому и Герцену, сказал: «Шекспир берет свои образы отовсюду — с неба, с земли — нет ему запрету; ничто не может избегнуть его всепроникающего взора; он исторгает их с неотразимой силой, с силой орла, падающего на свою добычу. Все человеческое кажется подвластным могучему гению английского поэта». И под конец своей жизни Тургенев писал: «В течение всей литературной деятельности я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и вопло-

Надгробный памятник

Памятник Шекспиру в Стретфорде перед Шекспировским
театром-музеем работы английского скульптора
Роналда Гауэра. Установлен в 1888 году

тить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет *The body and pressure of time*¹, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений».

Очень характерно высказывание (в заметках 80-х годов) А. Н. Островского, глубоко изучившего Шекспира и даже переведшего его («Усмирение своеправной»): «Изобретение интриги потому трудно, что интрига есть ложь, а дело поэта — истина. Счастлив Шекспир, который пользовался готовыми легендами: он не только не изобрел лжи, но в ложь сказки вкладывал правду жизни. Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснять законами жизни».

В этот же период возникает и русское академическое шекспироведение, возглавляемое московским профессором Н. И. Стороженко, давшим весьма ценные для того времени работы о Шекспире и организовавшим перевод на русский язык ряда иностранных книг о нем. К этому времени относится и появление двух лучших наших дореволюционных изданий Шекспира — под редакцией Н. В. Гербеля (1863—1868) и под редакцией С. А. Венгера, изд. Брокгауза — Ефрона (1902—1904).

В годы черной реакции, перед революцией, когда наша интеллигенция в некоторой своей части была захвачена декадентскими и символистскими настроениями, Шекспир подвергся у нас, как и на Западе, искажающему переосмыслению. Сюда относятся эстетские, мистические и иного рода реакционно-идеалистические толкования Шекспира такими писателями и критиками, как Ф. Зелинский, Ю. Айхенвальд, Л. Шестов, поэт К. Бальмонт, равно как и ряд театральных постановок пьес Шекспира.

Новая эра освоения у нас Шекспира наступила вместе с Великой Октябрьской социалистической революцией. Однако здесь надо различать два периода. В течение примерно первых десяти лет после революции Шекспир еще не получил у нас должного признания, а главное — правильного осмысления. Одной из причин этого были сильные пережитки настроений предшествующих лет среди той части русской интеллигенции, которая отказалась усвоить подлинное марксистское мировоззрение и стояла на распутье. Это сказалось, например, в статьях и заметках о Шекспире А. Блока последних лет его жизни (1918—1921), проникнутых абстрактнофилософскими и почти мистическими идеями, а также в шекспировских постановках тех лет Ленинградского Большого драматического театра, когда Блок заведовал там литературной частью. Вторая причина заключалась в том, что в связи с «рет-

¹ Подобие и отпечаток века («Гамлет», III, 2).

лендовской» теорией, по недоразумению нашедшей у нас влиятельных сторонников (В. Фриче, Ф. Шипулинский, отчасти А. В. Луначарский), и методологически неверными выводами из нее, некоторое время был распространен взгляд на Шекспира как на писателя аристократического.

Однако в начале 30-х годов советское литературоведение и критика, а вместе с ними и советский театр выходят на правильный, подлинно научный путь восприятия и истолкования Шекспира. Конечно, это отнюдь не есть просто возврат к позициям передовых русских ученых и критиков дореволюционной поры, но выработка совершенно нового подхода к шекспировскому наследию и нового его осмысления в свете марксистско-ленинского понимания исторического и историко-литературного процесса, в свете марксистско-ленинского анализа художественных произведений. Работы советских литературоведов и театроведов за последние двадцать лет — М. Морозова, А. Дживелегова, В. Кеменова, А. Аникста, К. Державина, Н. Берковского, Н. Верховского, А. Булгакова, Ю. Юзовского и многих других, включая и пишущего эти строки, стремятся раскрыть подлинный смысл шекспировских произведений, корни и историческое значение его творчества, а также те стороны творчества Шекспира, которые нам созвучны и которые делают его, как и других великих представителей эпохи Возрождения, отдаленным предшественником нашего социалистического мировоззрения.

Много сделал в советскую эпоху для раскрытия ценности шекспировского творчества, несмотря на некоторые его ошибки в истолковании идеологии Шекспира, А. В. Луначарский. Еще в своей «Истории западноевропейской литературы» (т. 1, 1924) он писал о Шекспире: «Он был влюблен в жизнь. Он ее видит, как никто до него и после него не видел. Он видит страшно широко. Он видит все зло и добро, он видит прошлое и возможное будущее. Он глубоко знает людей, он знает мечты этих людей, видит все внутри этих людей, сердце каждого, и это всегда, смотрит ли он в прошлое, или выражает настоящее, или создает свой собственный тип, из своего сердца: все живет жизнью полной, как живой человек». Позже Луначарский говорил: «Провозглашая любовь к жизни, несмотря ни на что, Шекспир всеми фибрами содрогался вместе с многогранным бытием, вместе с этой развивающейся материей; благословляя жизнь, он чувствовал ее горечь и неустроенность; он возвышался над классовой ограниченностью».

М. Горький, называвший Шекспира «величайшим драматургом мира» (см. эпиграф к нашей статье), метко определил ту ценность, которую для нас, людей социалистической культуры, и для нашего социалистического искусства может представлять Шекспир: «Вот этот учитель, деятель, строитель нового мира

и должен быть главным героем современной драмы. А для того, чтоб изобразить этого героя с должной силой и яркостью слова, нужно учиться писать пьесы у старых, непревзойденных мастеров этой литературной формы, и больше всего у Шекспира»¹.

В советское время возникло огромное количество новых переводов шекспировских произведений. Некоторые из пьес появились в двух, трех или даже большем числе различных переводов. Несмотря на некоторые различия в методе и художественном уровне этих переводов, в целом они по точности и выразительности, по вниманию к малейшим оттенкам мыслей и чувств, выраженных в шекспировских образах, намного превосходят переводы дореволюционного времени. С 1918 по 1956 год произведения Шекспира выходили в СССР 230 раз общим тиражом в 2 641 тыс. экземпляров. Кроме русского они издавались на 27 языках братских народов нашего Союза. Добавим, что в нашей стране выпущено издание Полного собрания сочинений Шекспира также и на английском языке (четыре тома, М., 1937—1938).

Необычайно расцвели и художественно углубились постановки Шекспира на советской сцене, в которых принимают участие наши лучшие постановщики, артисты, художники, композиторы. Но этой огромной теме в нашем издании будет посвящена отдельная статья.

В 1934 году при Всероссийском театральном обществе в Москве был создан Кабинет Шекспира, в 1938 году переименованный в Кабинет Шекспира и Западноевропейского театра, который вел научно-исследовательскую работу, давал консультации театрам и критикам, организовывал шекспировские конференции и доклады по отдельным вопросам шекспириологии, подготовлял к выпуску в свет различные шекспириологические издания Всероссийского театрального общества.

В дни расцвета социалистической культуры в СССР Шекспир обрел у нас вторую родину, найдя то верное понимание и плодотворное использование его наследия, которые с каждым днем все более и более учитываются деятелями культуры за рубежами нашей страны.

---

¹ Статья «О пьесах». М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 607.

А. Смирнов

ГЕНРИХ VI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перевод
Е. БИРУКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих VI.
Герцог Глостер, дядя короля, лорд-протектор.
Герцог Бедфорд, дядя короля, регент Франции.
Томас Бофорт, герцог Эксетер, внучатный дядя короля.
Генри Бофорт, внучатный дядя короля, епископ Уинчестерский, затем кардинал.
Джон Бофорт, граф Сомерсет, затем герцог Сомерсет.
Ричард Плантагенет, сын Ричарда, покойного графа Кембриджа, затем герцог Йоркский.
Граф Уорик.
Граф Солсбери.
Граф Сеффолк.
Лорд Толбот, затем граф Шрусбери.
Джон Толбот, его сын.
Эдмунд Мортимер, граф Марч.
Сэр Джон Фастолф.
Сэр Уильям Люси.
Сэр Уильям Гленсдел.
Сэр Томас Гаргрев.
Лорд-мэр Лондона.
Вудвил, комендант Тауэра.
Вернон, приверженец Белой розы, или Йоркского дома.
Бассет, приверженец Алой розы, или Ланкастерского дома.
Стряпчий.
Стража Мортимера.
Карл, дофин, затем король Французский.

Рене, герцог Анжуйский, король Неаполитанский.

Алансон, герцог.

Герцог Бургундский.

Бастард Орлеанский.

Комендант Парижа.

Оружейный мастер в городе Орлеане.

Его сын.

Командующий французскими войсками в Бордо.

Французский сержант.

Привратник.

Старик пастух, отец Иоанны Девственницы.

Маргарита, дочь Рене, затем жена короля Генриха.

Графия Овернская.

Иоанна Девственница, обыкновенно называемая Жанной д'Арк.

Лорды, стражи Тауэра, герольды, часовые, офицеры, послы, солдаты, гонцы и слуги; злые духи, являющиеся Иоанне.

Место действия — частью Англия, частью Франция.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Уэстминстерское аббатство.
Похоронный марш.

Вносят на парадном траурном ложе тело короля Генриха V. Его окружают герцоги Бедфорд, Глостер и Эксетер, граф Уорик, епископ Уинчестерский, герольды и другие.

Б е д ф о р д

Померкни, день! Оденься в траур, небо!
Кометы, вестницы судьбы народов,
Взмахните косами волос хрустальных,
Бичуйте возмутившиеся звезды,
Что Генриха кончине обрekli!
Он слишком славен был, чтоб долго жить!
Наш край такого не терял монарха.

Г л о с т е р

Наш край такого короля не знал.
Он был могуч, повелевать достоин,
Его воздетый меч слепил лучами.
Объятия были шире крыл дракона,
И взор, пылавший яростным огнем,
Разил и гнал его врагов сильнее,
Чем солнце полдня, бьющее в лицо.
Что мне еще сказать? Его деянья

Безмерно превосходят все слова:
Он руку подымал лишь для победы.

Эксетер

Мы в трауре,— зачем мы не в крови?
Ведь умер Генрих, не воскреснет вновь.
Над деревянным гробом мы стоим
И чтим бесславную победу смерти
Присутствием своим, подобно пленным,
Влекомым триумфальной колесницей.
Иль будем клясть зловещие планеты,
Что нашей славе гибель принесли?
Иль допустить, что хитрые французы
Из страха подлого прибегли к чарам
И колдовством ему насили смерть?

Епископ Уинчестерский

Король, царем царей благословенный!
Не столь ужасен будет страшный суд,
Как вид его ужасен был французам.
Во имя бога сил сражался он:
Ему успех молитвы церкви дали.

Глостер

Что церковь? Не молись попы так рьяно,
Не кончилась бы жизнь его так рано.
Безвольный государь желанен вам,
Который слушался бы вас, как школьник.

Епископ Уинчестерский

(Глостеру)

Чего б мы ни желали,— ты протектор
И хочешь править принцем и страной.
Твоя жена горда, ее боишься
Ты больше бога и духовных лиц.

Глостер

Не говори о духе,— плоть ты любишь,
И если изредка заглянешь в церковь,
То молишься о гибели врагов.

Бедфорд

Оставьте распрю и смиритесь духом.
Идемте к алтарю.— Сюда, герольды! —

Мы сложим вместо золота оружие,
К чему оно, коль Генриха не стало?
Потомство, ожидай лихих годин,
Когда слезами мать младенца вскормит,
Край станет озером соленых слез,
И женщины одни оплачут мертвых.
О Генрих Пятый! Дух твой призываю!
Храни страну, оберегай от смут,
Со злыми звездами борись на небе!
Звезда твоей души славнее будет,
Чем Цезарева, ярче...

Входит гонец.

Г о н е ц

Привет мой вам, достойнейшие лорды!
Из Франции принес я злые вести:
Потери, неудачи, поражения.
Шампань, Гюйенну, Реймс и Орлеан,
Жизор, Париж, Пуатье мы потеряли.

Б е д ф о р д

Что ты у гроба Генриха сказал?
Потише говори,— не то, пожалуй,
Он, о таких потерях услышав,
Взломает крышку гроба и воскреснет.

Г л о с т е р

Париж утрачен? Взят у нас Руан?
Когда бы Генриха вернули к жизни,
От этой вести вновь бы умер он.

Э к с е т е р

Как потеряли их? Что за измена?

Г о н е ц

Измены не было,— лишь недостаток
Людей и средств. По войску ходят слухи,
Что здесь на партии разбились вы.
В то время как спешить на битву надо,
О полководцах вы ведете споры:
Тот хочет долгих войн при малых тратах,
Другой помчался бы, да крыльев нет,
А третий без издержек предпочел бы
Добиться мира сладкими речами.

Проснись, проснись, английское дворянство!
Пусть юной славы лень не омрачит.
С герба у нас все лилии сорвали,
Английский щит наполовину срублен.

Эксетер

Когда б над гробом недостало слез,
Поток их вызвали б такие вести.

Бедфорд

Мне — им внимать; я — Франции правитель.
Дать панцырь мне! За Францию сражусь —
Прочь, неуместные одежды скорби!
Я раны дам французам вместо глаз,
Чтоб кровью плакали о новых бедах.

Входит второй гонец.

Второй гонец

Вот письма, лорды, — в них дурные вести.
Вся Франция на англичан восстала,
За исключением мелких городов.
Был в Реймсе коронован Карл, дофин,
В союзе он с Бастардом Орлеанским,
Рене, Анжуйский герцог, за него;
Спешит к нему и герцог Алансонский.

Эксетер

К дофину все бегут? Он коронован?
Куда бежать от этого позора?

Глостер

Мы побежим, чтоб в грудь врага вцепиться. —
Коль медлишь, Бедфорд, ты, сражусь один.

Бедфорд

Зачем во мне ты, Глостер, усомнился?
Я в мыслях уж собрал такое войско,
Которое всю Францию затопит.

Входит третий гонец.

Третий гонец

О лорды! Я сейчас умножу слезы,
Что льете вы над гробом государя,
Вам рассказав о злополучной битве
Меж Толботом достойным и врагами.

Епископ Уинчестерский
Что ж? Толбот победил французов? Так ведь?

Третий гонец

О, нет, в сражение Толбот был разбит.
Подробности вам расскажу сейчас.
Десятого числа наш грозный лорд,
Осаду сняв, ушел от Орлеана.
Шесть тысяч войска он имел, не больше,
Когда французов двадцать с лишним тысяч
Напали, быстро окружив его.
Он не успел своих людей построить,
Прикрыть стрелков своих рядами копий.
Лишь вырывая колья из оград,
Их беспорядочно воткнули в землю,
Чтоб конницы напор остановить.
Бой продолжался больше трех часов.
Своим мечом творил отважный Толбот
Такие чудеса, что не расскажешь:
В ад сотни душ послал. Никто не смел
Сразиться с ним. Рубил он здесь и там.
Враги кричали: «Это дьявол в латах!»
Вся рать дивилась, глядя на него.
Солдаты, увидав его отвагу,
Все закричали дружно: «Толбот! Толбот!» —
И ринулись в пучину битвы злой.
Победа наша славно б завершилась,
Когда бы не был трусом сэр Джон Фастолф.
Он, будучи поставлен в арьергарде,
Чтоб в нужный миг прийти на помощь войску,
Бежал, как трус, не обнажив меча.
Тут начались смятение и резня;
Врагами были мы окружены.
Валлонец подлый, угождая Карлу,
Направил в спину Толбота копье, —
Провзил того, кому еще не смели
Все силы Франции взглянуть в глаза.

Бедфорд

Убит наш Толбот? Так убью себя —
За то, что в пышной праздности живу здесь,
Меж тем как предан, помощи лишен,
Пал славный вождь, врагами окружен.

Третий гонец

О нет, он жив, хотя захвачен в плен,
С ним взяты лорды Скелс и Хенгерфорд,
А большинство в плену или убиты.

Бедфорд

Лишь я один весь выкуп заплачу.
Вниз головой дофина сброшу с трона:
Венец его за друга будет выкуп.
За лорда каждого я четырех
Вельмож французских дам.— Прощайте, лорды.
Огонь потешный стану зажигать
Во Франции, Георгия справляя.
Сберу десятитысячную рать,
И будет вся Европа трепетать.

Третий гонец

Спешите же: в осаде Орлеан;
Устало и ослабло наше войско;
Граф Солсбери о подкрепление просит:
Едва он сдерживает бунт в войсках;
Их горсть, а полчищам дают отпор.

Эксетер

Вы клятву дали Генриху, милорды,
Припомните: дофина уничтожить
Иль нашей власти покорить его.

Бедфорд

Я помню это и прощаюсь с вами,—
К походу приготовиться я должен.
(Уходит.)

Глостер

Со всей поспешностью отправлюсь в Тауэр —
Орудья и припасы осмотреть;
Затем объявим принца королем.

Эксетер

Я — в Элтем, к молодому государю;
Ведь избран я в наставники ему
И должен охранять его надежно.
(Уходит.)

Епископ Уинчестерский

У каждого свой пост, своя забота;
Лишь я один забыт и обездолен,
Но не останусь долго не у дел:
Из Элтема похищу короля
И встану у кормила корабля.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Франция. Перед Орлеаном.
Фанфары.

Входят с трубами и барабанами Карл, Алансон, Рене и войско.

Карл

Движенья Марса на земле и в небе
До сей поры еще не изучили.
Недавно Англии сиял он, ныне ж
Нам, победителям, он шлет улыбки.
Как, недостает нам городов?
Мы весело стоим под Орлеаном.
От голода, как привиденья, бледны,
Раз в месяц нас тревожат англичане.

Алансон

Им худо без похлебки и без мяса:
Откармливать их надобно, как мулов,
Подвесив к мордам их мешки с овсом,—
Не то на дохлых крыс похожи станут.

Рене

Прогоним их. Зачем стоять у стен?
Ведь Толбот, страшный нам, захвачен в плен;
Остался лишь безумный Солсбери.
Пушай с досады он исходит желчью:
Нет у него ни денег, ни людей.

Карл

Бить, бить тревогу! Ринемся на них!
Отмстим за честь униженных французов!
Готов заранее простить врагу,
Что поразит меня, коль побегу.

Уходят.

Тревога. Стычки. Затем отбой. Возвращаются Карл, Алансон и Рене.

А л а н с о н и Р е н е

Где это видано? Ах, что за люди! —
Псы! Труссы! Никогда б я не бежал,
Не брось они меня среди врагов.

Р е н е

Отчаянный рубака — Солсбери!
Он бьется, словно жизнь ему посылала.
Подобно львам голодным, лорды их
Бросаются на нас, как на добычу.

А л а н с о н

Историк Фруассар нам сообщает,
Что Англия Роландов, Оливье
При Эдуарде Третьем порождала.
Теперь мы убедились: это правда.
Как на подбор, Самсонов, Голиафов
Шлет против нас — один десятка стоит!
Мерзавцы тощие! Кто б мог подумать,
Что в них такая дерзость и отвага?

К а р л

Оставим город. Вот головорезы!
От голода еще свирепей стали.
Я знаю их давно: скорее стены
Зубами сгложут, чем осаду свимуг.

Р с н е

Их руки, верно, тайная пружина
Заводит, чтобы били, как часы,—
Иначе бы им не сдержатъ напора.
Непрочь бы я оставить их в покое.

А л а н с о н

Пусть будет так.

Входит Бастард Орлеанский.

Б а с т а р д

Где наш дофин? Принес ему я вести.

К а р л

Бастарду Орлеанскому привет.

Б а с т а р д

Сдается мне, вы грустны, побледнели.
Иль поражение удручает вас?
Но не тревожьтесь: помощь вам близка.
Святую девушку я к вам привел.
Видение, ниспосланное с неба,
Велело ей избавить Орлеан
От этой изнурительной осады
И англичан из Франции прогнать.
В ней — дар пророчества, еще сильнееший,
Чем был у римских девяти сивилл:
Откроет все, что было и что будет.
Могу ли к вам ее ввести? Поверьте,
Мои слова правдивы и верны.

К а р л

Ступай за нею.

Б а с т а р д уходит.

Чтоб се проверить,
Рене, со мною поменяйся местом;
Стой гордо, строго задавай вопросы:
Так прозорливость испытаем в ней.
(Отходит в сторону.)

Входят Жанна д'Арк и Бастард Орлеанский.

Р е н е

Красотка, ты ль сулишь нам чудеса?

Ж а н н а д'А р к

Рене, ты ль обмануть меня задумал?
Но где дофин? — Пройди, пройди вперед!
Тебя я знаю, хоть и не видала.
Не удивляйся: все открыто мне.
Наедине поговорю с тобою.—
На время отойдите, господа.

Р е н е

Она отважно двинулась на приступ.

Ж а н н а д'А р к

Дофин, я дочь простого пастуха,
И разум мой не искушен в науках;
Но жалкий мой удел угодно было

Владычице и небу озарить.
Однажды смирных я пасла овец,
Лучам палящим подставляя щеки,
Вдруг мать божья предо мной предстала
И, славою блистая неземной,
Велела бросить низкое призванье
И родину от бедствия спасти;
Открывшись мне во всем своем величье,
Мне обещала помощь и удачу.
Была я неприглядною и смуглой,
Она ж, лучом небесным осеня,
Красой, как видишь, облекла меня.
Какой угодно мне задай вопрос —
Тебе отвечу я без промедленья.
Коль смеешь, испытай меня в бою,—
Увидишь: я превосхожу свой пол.
Доверься мне: тебя победа ждет,
Коль рать твою в бой дѣва поведет.

Карл

Твоим речам высоким я дивлюсь,
Но испытать твою хочу я доблесть.
В единоборство ты вступи со мной;
Коль победишь,— слова твои правдивы;
Иначе не поверю ничему.

Жанна д'Арк

Готова я. Вот он, мой острый меч;
Пять лилий на клинке его видны.
На кладбище святой Екатерины,
В Турени, в груди лома он был найден.

Карл

Начнем же, с богом; не страшусь я женщин.

Жанна д'Арк

Пока жива, не побегу пред мужем.

Сражаются; Жанна теснит Карла.

Карл

Стой! Руку опусти! Ты амазонка!
Мечом Деборы бьешься ты со мной.

Жанна д'Арк

Мне, слабой, помогает мать божья.

Карл

Кто б ни помог тебе, ты мне поможешь.
Но я огнем желаний горю:
Десницу ты и сердце покорила.
О дева,— если так тебя зовут,—
Твоим слугой я буду, не монархом.
Тебя о том дофин французский просит.

Жанна д'Арк

Должна отвергнуть я любви исканья.
Освящено с небес мое призванье;
И лишь изгнав всю вражескую рать,
Я о награде стану помышлять.

Карл

Взгляни на своего раба нежнее.

Рене

Как долго с нею говорит дофин!

Алансон

Он девушку узнать поближе хочет,—
Иначе б так не затянул беседу.

Рене

Прервать его? Не знает меры он.

Алансон

Где нам его намеренья узнать?
А женщины искусны в обольщенье!

Рене

Так как же вы решили, государь?
Сдадим врагу мы Орлеан или нет?

Жанна д'Арк

Нет, нет, я говорю вам, маловеры!
Сражайтесь до конца! Я вам защита.

Карл

Согласен с ней. Сражаться до конца!

Жанна д'Арк

Я избрана быть карой англичан.
Осаду вражью в эту ночь сниму я,

Настанет сразу ясная погода,
Как только я приму в войне участие.
Земная слава — на воде круги,
Что беспрестанно ширятся, растут,
Пока в просторе водном не исчезнут.
Смерть Генриха — конец кругам английским:
Рассеялась в них замкнутая слава.
Но я подобна дерзостной галере,
Что Цезаря с его судьбой несла.

Карл

Не вдохновлял ли голубь Магомета?
Тебя ж орел, наверно, вдохновляет.
Елену, мать святого Константина,
И дочерей Филиппа превзошла ты.
Звезда Венеры, павшая на землю,
Чем я могу почтить тебя достойно?

Алансон

Довольно медлить нам: врага прогоним!

Рене

Спаси, коль можешь, дева, нашу честь;
Разбей врагов и обрети бессмертье.

Карл

Мы испытаем тотчас. — Все за мной!
Пророков нет, коль нас она обманет.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Перед Тауэром.

Входят герцог Глостер и его слуги в синих кафтанах.

Глостер

Пришел я осмотреть сегодня Тауэр:
Со смертью Генриха страшусь я козней.
Но где же сторожа? Что их не видно?
Открыть ворота! Глостер вас зовет.

Первый сторож
(за сценой)

Кто это повелительно стучит?

Первый слуга
То прибыл благородный герцог Глостер.

Второй сторож
(за сценой)

Кто б ни был он, не впустим ни за что.

Первый слуга
Протектору так отвечаешь, дрянь?

Первый сторож
(за сценой)

Храни его господь,— так отвечаем.
Мы поступаем, как велели нам.

Глостер
Кто вам велел? Лишь я могу велеть.
Лишь я один — протектор над страною.
Рубить ворота! Разрешаю вам.
Иль дам я над собой скотам глумиться?
Слуги Глостера ломятся в ворота. К воротам подходит изнутри
комендант Вудвил.

Вудвил
(за сценой)

Что там за шум? Что это за измена?

Глостер
Не ваш ли слышу голос, комендант?
Открыть ворота! Глостер к вам идет.

Вудвил
(за сценой)

Терпенье, герцог. Не могу открыть:
Мне кардинал Уинчестер запретил.
Особый от него приказ имею —
Ни вас, ни ваших не впускать сюда.

Глостер
Презренный Вудвил! Иль меня он выше,
Уинчестер гордый, дерзостный прелат,
Кого терпеть не мог покойный Генрих?
Ты враг и господу и государю.
Открой, иль вышвырну тебя я вон.

Первый слуга

Протектору ворота отворите!
Да торопитесь, иль взломаем их!

Входят епископ Уинчестерский и его слуги в бурых
кафтанах.

Епископ Уинчестерский
Вот как! Что это значит, дерзкий Хемфри?

Глостер

Ты, бритый поп, меня впускать не хочешь?

Епископ Уинчестерский
Да, я. Знай это, наглый самозванец,
А не протектор короля и края!

Глостер

Прочь, заговорщик явный, уходи!
Ты замышляя погибель государя;
Распутницам грехи ты отпускаешь.
Тебя в твою же шляпу я упрячу,
Коль дерзости своей не умиришь.

Епископ Уинчестерский
Ты отойди! Не двинусь ни на шаг.
Здесь твой Дамаск; будь Каином проклятым;
Коль хочешь, брата Авеля убей.

Глостер

Я не убью тебя, но прогоню.
В твоей одежде красной, как в пеленках,
Я унесу тебя отсюда прочь.

Епископ Уинчестерский
Посмей-ка! Начихать тебе в лицо!

Глостер

Что? Что сказал он? «Начихать в лицо!»
Эй, за мечи, — хоть здесь не место биться!
Вы, синие, на бурых! — Поп, держись!

Глостер и его слуги нападают на епископа.

За бороду я оттреплю тебя!
Я шляпу кардинальскую топчу,

На папу и на церковь не взирая,
Тебя таскать за шиворот я стану.

Епископ Уинчестерский
Ответ за это перед папой дашь!

Г л о с т е р

Ах, гусь Уинчестерский! — Сюда канат!
Гнать их! Нет места здесь для своры злой.
Ты, волк в овечьей шкуре, с глаз долой! —
Прочь, бурые! — Прочь, алый лицемер!

Слуги Глостера оттесняют слуг епископа. Во время схватки входит
л о р д - м э р Л о н д о н а со свитой.

Л о р д - м э р

Стыд, лорды! Вы, верховные вельможи,
Позорно нарушаете здесь мир!

Г л о с т е р

Молчи! Не знаешь ты моих обид.
Вот Бофорт — враг он бога и престола:
Хотел он Тауэр силой захватить.

Епископ Уинчестерский

Вот Глостер, враг всех добрых горожан,
Что сеет войны, презирая мир.
Налогам он вас обременяет,
Религию стремится ниспровергнуть,
Затем что он — протектор над страной.
Он в Тауэре добыть оружие хочет
И королем венчаться, свергнув принца.

Г л о с т е р

Я на слова ударами отвечу.

Стычка возобновляется.

Л о р д - м э р

Мне остается в этой шумной свалке
Лишь перед вами огласить приказ. —
Сюда, глашатай, и кричи погромче.

Г л а ш а т а й

«Люди всех сословий, собравшиеся нынче здесь с оружием в руках
вопреки миру божьему и человеческому, приказываем вам именем

его величества разойтись по домам и впредь запрещаем, под страхом смерти, носить, пускать в ход и употреблять меч, кинжал или какое-либо другое оружие».

Г л о с т е р

Закона не нарушу, кардинал,
Но мы поговорим с тобой при встрече.

Епископ Уинчестерский

Ты мне заплатишься при встрече, Глостер:
Кровь сердца твоего пролью за это.

Л о р д - м э р

Я стражу позову, коль не уйдете.—
Да, кардинал надменной сатаны.

Г л о с т е р

Прощай, лорд-мэр, исполнил ты свой долг.

Епископ Уинчестерский

Проклятый Глостер, голову храни,—
Ее добыть я в скорости намерен.

Глостер и епископ Уинчестерский со своими слугами
уходят в разные стороны.

Л о р д - м э р

Пушай очистят место — и уйдем.
Как разъярились эти господа!
Я в жизнь свою не дрался никогда.
Уходят.

С Ц Е Н А 4

Франция. Перед Орлеаном.

Всходят на стену оружейный мастер и его сын.

О р у ж е й н ы й м а с т е р

Ты знаешь, сын, что Орлеан в осаде;
Предместья захватили англичане.

С ы н

Увы, я знаю; сам по ним стрелял,
Хоть, к сожалению, не попадал.

О р у ж е й н ы й   м а с т е р

Не промахнешься впредь, меня лишь слушай.
Я главный оружейный мастер здесь,
И отличиться чем-нибудь мне надо.
Шпионы принца сообщили мне,
Что англичане, укрепясь в предместье,
Из этой башни наблюдают тайно
За нами сквозь железную решетку
И узнают, как лучше досадить нам —
Стрельбою или приступом лихим.
Но чтобы эту устранить напасть,
На ту решетку я направил пушку
И трое суток здесь я сторожил,
Высматривал их. Теперь, сынок,
Ты сторожи: стоять нет больше сил.
Коль выследишь кого, беги сказать мне;
Меня найдешь ты в доме коменданта.

(Уходит.)

С ы н

Отец, спокоен будь, ручаюсь я,
Увидев их, тебя не потревожу.

На башню поднимаются граф Солсбери и лорд Толбот,
сэр Уильям Гленсдел, сэр Томас Гаргрев и другие.

С о л с б е р и

Вернулся Толбот, жизнь моя и радость?
Как там в плену с тобою обращался?
Как удалось тебе освободиться?
Прошу, все расскажи мне здесь на башне.

Т о л б о т

У Бедфорда в плену был дворянин;
Понтоном де Сантрайль храбрец тот звался.
Отпущен был я на него в обмен.
Раз обменять меня хотели насмех
На человека низшего, чем я;
Но я отверг, предпочитал смерть
Такой оценке, для меня позорной;
И наконец я выкуплен достойно.
Но ранил сердце мне изменник Фастолф:
Его убил бы голыми руками,
Когда бы он теперь попался мне.

Солсбери

Но как они с тобою обходились?

Толбот

С глумленьем гнусным, бранью и насмешкой.
На рыночную площадь, напоказ
Всему народу вывели меня:
«Вот,— говорили,— Франции гроза,
Вот пугало, каким ребят страшат».
Но тут я вырвался у сторожей,
Ногтями камни выдрал из земли
И стал швырять в свидетелей позора.
Мой грозный вид их в бегство обратил;
Никто не смел приблизиться ко мне.
Не доверяли и стенам железным.
Так был велик их страх передо мной,
Что думали: могу стальные прутья
Ломать, столбы алмазные дробить.
Отборные стрелки мне были стражей;
Они за мной следили каждый миг,
И стоило подняться мне с кровати,
Готовы были сердце прострелить.

Солсбери

Мне горько слышать про твои мученья;
Но будем мы отомщены достойно.
Сейчас все ужинают в Орлеане:
Всех сквозь решетку сосчитать могу;
Как враг наш укрепляется, мне видно.
Быть может, ты взглянуть захочешь сам? —
Сэр Томас Гаргрив и сэр Уильям Гленсдел,
Прошу вас, изложите ваше мнение:
Куда направить лучше жерла пушек?

Гаргрив

К воротам северным: там все вельможи.

Гленсдел

По мне ж, на бастион, что на мосту.

Толбот

Как видно, город надо взять измором
Иль перестрелкой ослаблять его.

Выстрел из города. Солсбери и сэр Томас Гаргрив падают.

Солсбери

Нас, бедных грешников, помилуй, боже!

Гаргрев

Меня, несчастного, помилуй, боже!

Толбот

Что за беда обрушилась на нас! —
Скажи хоть слово, Солсбери, коль можешь.
Всех воинов зеркало, что с тобой?
Твой выбит глаз и вырвана щека! —
Проклятье башне и руке проклятье,
Что совершила страшное деянье!
Солсбери выиграл тринадцать битв;
Им Генрих Пятый был войне обучен.
Пока гремели барабаны, трубы,
На поле брани меч его разил.—
Ты жив еще, хоть говорить не в силах;
Один лишь глаз поднять ты можешь к небу,—
Так солнце видит мир единым оком.—
Не милуй больше никого, о небо,
Коль не помилуешь ты Солсбери!
Взять тело; похороны я устрою.—
Сэр Томас Гаргрев, жив ли ты еще?
Промолви Толботу, хоть погляди.
Утешься этой мыслью, Солсбери:
Ты не умрешь, пока...
Он улыбнулся и махнул рукою,
Как будто говоря: «Когда умру,
Ты за меня французам отомсти».
Отмщу, Плантагенет, и, как Нерон,
На лютне стану я играть, любясь
Горящим городом. Отныне будут
При имени моем дрожать французы.

Тревога; гром и молния.

Что там за шум? Что за смятенье в небе?
Откуда этот грохот и тревога?

Входит гонец.

Гонец

Милорд! Французы двинулись на нас.
Идет дофин, с ним Девственница Жанна,

Пророчица и новая святая.
Хотят заставить нас осаду снять.

Солсбери приподнимается и стонет.

Т о л б о т

Вот, умирая, стонет Солсбери!
Скорбит он, что не будет отомщен.—
Я буду Солсбери для вас, французы!
Дофин и дева, девка и дельфин,
Я раскрошу в грязи ваш мозг, и конь мой
Копытами растопчет вам сердца! —
В палатку Солсбери снести! Посмотрим,
На что отважатся французы-трусы.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Там же.

Снова тревога.

Входит Т о л б о т, преследуя дофина, и уходит за ним. Затем входит
Жанна д'Арк, гоня перед собою англичан, и уходит вслед за ними.

Снова входит Т о л б о т.

Т о л б о т

Где сила, мужество и мощь моя?
Бсжали наши — их не удержать.
Их гонит эта женщина в доспехах.

Входит Жанна д'Арк.

Вот, вот она идет.— Сражусь с тобой.
Черт иль чертовка, закляну тебя,
Я кровь тебе пушу, лихая ведьма,
И душу ты хозяину отдашь.

Жанна д'Арк

Приди. Тебя должна я посрамить.

Сражаются.

Т о л б о т

Потерпишь ли победу ада, небо?
Пусть лопнет грудь от яростной отваги,
Пусть разорвутся сухожилия рук,
Но покараю эту потаскушку.

Снова сражаются.

Жанна д'Арк

Толбот, прощай: твой час еще не пробил.
Должна я в Орлеан ввезти припасы.
Лови меня. Смеюсь я над тобой.
Иди утешь голодных, помоги
Составить завещанье Солсбери.
День наш, и будет много дней таких.

Входит в город с солдатами.

Толбот

Гончарным кругом голова кружится,
Где я и что со мною, не пойму.
Как Ганнибал, не силой — страхом ведьма,
Куда захочет, гонит наше войско,
Так дымом пчел из ульев, голубей —
Зловонием из голубятен гонят.
За злость зовут нас английскими псами,
Мы ж, как щенята, с визгом удираем.

Краткая тревога.

Эй, земляки, возобновите бой
Иль с нашего герба сорвите львов!
От родины своей вы отрекитесь,
На место львов поставьте в герб овец.
Однако не бежит овца так гнусно
От волка, конь и бык — от леопарда,
Как вы — от покоренных прежде вами.

Шум битвы. Новая схватка.

Пропало все. — Назад в свои окопы!
Вы все повинны в смерти Солсбери:
Никто ведь за него не отомстил.
Вступила Девственница в Орлеан,
И помешать мы ей не в силах были.
О, почему я с Солсбери не умер?
Готов лицо я спрятать со стыда.

(Уходит.)

Бой барабанов. Отступление.

Трубы.

СЦЕНА 6

Там же.

Всходят на стену Жанна д'Арк, Карл, Рене, Алансон
и солдаты.

Жанна д'Арк

Знамена водрузите здесь на стенах:
Прогнали мы волков от Орлеана!
Так Жанна Девственница держит слово.

Карл

Небесное создание, дочь Астреи,
За этот подвиг чем тебя почтить?
Как сад Адониса — твои обеты:
Цветут сегодня, завтра ж плод приносят.—
Пророчицею, Франция, гордись!
Нам возвращен прекрасный Орлеан.
Счастливей дня не видела страна.

Рене

Что ж колокольного не слышно звона?
Дофин, вели потешные огни
Зажечь по городу, — пусть все ликуют
На улицах и славят божью помощь.

Алансон

Вся Франция исполнится восторгом,
Услышав, как геройски мы сражались.

Карл

Не мы, а Жанна славу дня стяжала;
А посему — с ней разделю венец.
Пусть все священники и все монахи
В процессиях ей воспоют хвалу.
Я пирамиду ей воздвигну выше,
Чем памятник Родопы иль Мемфисский.
Когда ж не станет Девы, прах ее
Храниться будет в урне драгоценней,
Чем Дария блистательный ларец,
И в дни торжеств он будет выноситься
Пред очи королей и королев.
Не «Сен-Дени!» теперь взывать мы будем,
Святая Франция — лишь Жанна д'Арк.
На торжества идемте все со мной,
Победы день прославим золотой!

Трубы.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Перед Орлеаном.

К воротам подходят французский сержант и двое часовых.

Сержант

Все по местам и бдительными будьте.
Заслышав шум иль увидав солдат
У стен, заметным знаком сообщите
Об этом нам на двор сторожевой.

Первый часовой

Мы все исполним.

Сержант уходит.

Бедные служаки,
Когда другие сладко спят в постелях,
В дождь, в холод, ночью сторожить должны мы.

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский и войска
со штурмовыми лестницами. Барабаны бьют под сурдинку.

Толбот

Милорд-регент, и вы, Бургундский герцог,
Благодаря которому Артуа,
Валлонь и Пикардия с нами в дружбе,—
Французы нынче ночью спят спокойно,
Весь день пропировав, повеселившись.

Немедленно воспользуемся этим,
Чтоб расплатиться с ними за обман,
Подстроенный проклятым колдовством.

Б е д ф о р д

Трусливый враг! Он посрамил себя,
Когда, в оружии своем изверясь,
В союз вступил он с ведьмою и с адом.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Предателям подстать друзья такие.
Но кто ж та Дева, чистоту которой
Они так славят?

Т о л б о т

Говорят, девица.

Б е д ф о р д

Как, девушка? И так смела в бою?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Дай бог, чтоб мужем вскорости не стала,
Коль будет впредь под знаменем французским,
Как начала, сражаться против нас.

Т о л б о т

Пускай хитрят и призывают духов.
Господь нам помощь. Именем его
Взберемся мы на каменные стены.

Б е д ф о р д

Иди! Мы за тобою, смелый Толбот.

Т о л б о т

Не сразу все. Я полагаю, лучше
Нам вторгнуться различными путями,
Чтоб, если не удастся одному,
Могли другие сокрушить врага.

Б е д ф о р д

Так. Я сюда ударю.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Я — туда.

Толбот

Подымется здесь Толбот иль умрет.—
О Солсбери, и ты, король мой Генрих,
Я нынешнюю ночью покажу,
Как я вам предан, и свой долг исполню.

Англичане взбираются на стену с криками: «Святой Георгий!», «Толбот!»
и проникают в город.

Часовой (за сценой)

К оружию! Враги идут на приступ!

Французы в одних рубашках перепрыгивают через стену.
Входят с разных сторон полуодетые Бастард, Алансон, Рене.

Алансон

Что это, господа? Вы не одеты?

Бастард

Мы рады, что и так могли удрать.

Рене

Проснулись мы и спрыгнули с кровати,
Тревогу услышав у самой двери.

Алансон

С тех пор, как я оружие ношу,
Не приходилось мне еще слышать
О подвиге столь дерзком и отважном.

Бастард

Мне кажется, исчадь ада — Толбот.

Рене

Когда не ад, им помогает небо.

Алансон

Вот Карл. Дивлюсь, как мог он уцелеть.

Бастард

Ну, что ж! Ему защитой святая.

Входят Карл и Жанна д'Арк.

К а р л

Так вот твое, обманщица, искусство?
Сначала ты, стремясь нас обольстить,
Нам подарила малую победу,
Чтоб в десять раз мы больше потеряли!

Ж а н н а д ' А р к

За что на друга гневаешься, Карл?
Могу ль всегда я быть такой же сильной?
Во время сна возможно ль побеждать?
Вы на меня вину свалить хотите.
Беспечные! Будь стража хороша,
Беде не приключиться бы неожиданной.

К а р л

Вы виноваты, герцог Алансон;
Ведь были вы начальником над стражей
И не радели о столь важном долге.

А л а н с о н

Когда бы так надежно охранялись
Участки все, как охранялся мой,
Нас не застигли бы врасплох позорно.

Б а с т а р д

Мой был надежен.

Р е н е

Также, принц, и мой.

К а р л

Что до меня, я большую часть ночи
Обхаживал и вдоль и поперек
Участок Девы и участок свой,
Сменяя непрестанно часовых.
Откуда ж вторгнуться они могли?

Ж а н н а д ' А р к

Расспрашивать, сеньоры, толку мало —
Откуда, как... Враг место отыскал,
Где караул был слаб, и вторгся там.
И нам теперь одно лишь остается —

Скорей собрать рассеянное войско
И план измыслить, как им повредить.

Тревога.

Входит английский солдат с криком: «Толбот, Толбот!» Все бегут,
бросив свое платье,

С о л д а т

Что бросили, я смело подыму.
Крик «Толбот!» здесь мне заменяет меч.
Изрядно нагрузился я добычей,
Сражаясь только именем его.
(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Орлеан. Внутри города.

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский,
капитан и другие.

Б е д ф о р д

Забрезжил день, и убежала ночь,
Что смоляным плащом скрывала землю.
Трубить отбой и прекратить погоню!

Трубят отбой.

Т о л б о т

Вы тело Солсбери сюда несите
И выставьте на площади торговой —
Центр города проклятого она.
Я уплатил свой долг его душе:
За каплю каждую бесценной крови
Погибло пять французов в эту ночь.
Чтоб видели грядущие века,
Каким разгромом был он отомщен,
В их главном храме я вслю воздвигнуть
Гробницу, где покоиться он будет.
Чтоб всяк читал, на ней пусть начертают,
Как разорен был город Орлеан,
Как был герой предательски убит,
Какой грозой был он для французов.
Но удивляюсь, лорды, в бойне этой
Не встретил я ни славного дофина,

Ни воина его, достойной Жанны,
И никого из их клеветов подлых.

Б е д ф о р д

Лорд Толбот, можно думать, что они,
Лишь битва кончилась, вскочив с постелей,
С толпой вооруженною смешались
И, перепрыгнув стену, скрылись в поле.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Мне кажется, насколько мог увидеть
Сквозь дым и сумрачный ночной туман,
Что я спугнул дофина с этой девкой:
Рука с рукой, они бежали быстро,
Как парочка влюбленных голубков,
Что врозь не могут жить ни днем ни ночью.
Когда мы здесь порядок водворим,
Последуем за ними с нашим войском.

Входит гонец.

Г о н е ц

Привет вам, лорды! Кто в собрание славном
Воинственный лорд Толбот, чьим деяньям
Дивится вся французская страна?

Т о л б о т

Вот Толбот. Кто с ним хочет говорить?

Г о н е ц

Достойная Овернская графиня,
Дивясь смиренно доблести твоей,
Тебя, высокий лорд, прибыть к ней просит
В убогий замок, где она живет,
Дабы могла хвалиться, что видала
Того, чья слава наполняет мир.

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Ужели правда? Вижу, наши войны
Невинною становятся забавой,
Коль дамы нам свиданья назначают.
Нельзя, милорд, графине отказать.

Т о л б о т

Коль откажу, вы больше мне не верьте.
Где красноречье тысячи мужчин

Не помогло, там женская любезность
Верх одержала.— Передай, что я
Благодарю и вскоре к ней прибуду.—
Угодно, лорды, вам со мной поехать?

Б е д ф о р д

Нет, этого приличье не велит;
Я слышал, что непрощенные гости
Приятнее всего, когда уходят.

Т о л б о т

Пойду один, когда нельзя иначе.
Любезность дамы испытать хочу.—
Приблизьтесь, капитан.

(Шепчет ему на ухо.)

Вам все понятно?

К а п и т а н

О да, милорд. Надеюсь на меня
Уходят,

С Ц Е Н А 3

Овернь. Замок графини.

Входят графиня Овернская и привратник.

Г р а ф и н я

Привратник, помни, что я приказала.
Когда исполнишь, мне ключи отдай.

П р и в р а т н и к

Исполню все.
(Уходит.)

Г р а ф и н я

Мой план готов, и если все удастся,
Не меньше подвигом своим прославлюсь,
Чем скифянка Томирис смертью Кира.
О грозном рыцаре гремит молва,
И подвиги его неисчислимы.

Хочу я слухом собственным и взором
Проверить дивные рассказы эти.

Входят гонец и Толбот.

Гонец

Графиня,
Согласно вашему желанию, к вам
Лорд Толбот, приглашенный мной, явился.

Графиня

Привет ему. Как! Этот человек?

Гонец

Он, госпожа.

Графиня

И это — бич французов?
И это — Толбот, что так страшен всем,
Чьим именем пугает мать ребенка?
Я вижу: лжива, сказочна молва.
Я думала увидеть Геркулеса,
Второго Гектора — с лицом суровым,
Могучего и ростом и сложеньем.
А предо мной — ребенок, карлик жалкий!
Возможно ль, чтоб морщинистый урод
Такого страху задавал французам?

Толбот

Графиня, я дерзнул вас потревожить;
Но, вижу я, вам нынче недосуг —
Так лучше я приду в другое время.

(Хочет уйти.)

Графиня

(гонцу)

Что хочет он? Спроси, куда уходит?

Гонец

Милорд, постойте. Хочет знать графиня
Причину столь внезапного ухода.

Толбот

Черт побери, она не верит мне.
Уйду, чтоб доказать, что Толбот я.

Входит привратник с ключами.

Графиня

Когда ты вправду Толбот, ты — мой пленник.

Толбот

Я — пленник? Чей?

Графиня

Мой, кровожадный лорд!

Затем и зазвала тебя в свой дом.

Давно я тень твою поработила:

Портрет твой средь моих картин висит,—

Теперь и сам неволю испытасешь,

Я в цепи заковать велю того,

Кто столько лет опустошал наш край,

Французов убивал и слал в неволю,

Лишая нас мужей и сыповей.

Толбот

Ха-ха!

Графиня

Смеешься ты, несчастный? Будешь плакать.

Толбот

Смеюсь, графиня, над безумьем вашим:

Вы не меня, а тень мою пленили

И можете расправиться лишь с ней.

Графиня

Как! Разве ты не Толбот?

Толбот

Да, он самый.

Графиня

Так я и сущностью твоей владею.

Толбот

Нет-нет, лишь тень я самого себя.

Ошиблись: сущности моей здесь нет.

Вы видите лишь малую толику,

Ничтожную частицу человека.

Когда б мой образ целиком предстал вам,

Так ростом я огромен, так велик,
Что не вместился бы под вашей кровлей.

Г р а ф и н я

Вот славный мастер задавать загадки —
Он здесь, и в то же время нет его!
Как примирить противоречья эти?

Т о л б о т

Сейчас вам покажу.

(Трубит в рог.)

Бьют барабаны, залп орудий. Входят солдаты.

Что скажете, графиня? Убедились,
Что Толбот — тень лишь самого себя?
Вот сущность — руки, мускулы и сила,
Которой он смиряет непокорных,
Сметает крепости и города,
В единый миг опустошая их.

Г р а ф и н я

Прости меня, победоносный Толбот!
Я вижу, ты своей не меньше славы
И больше, чем по виду мне казался.
На дерзость не прогневайся мою.
Жалею я, что с должным уважением
Не приняла тебя, каков ты есть.

Т о л б о т

Прекрасная графиня, не пугайтесь;
Прошу вас, не судите столь превратно
О духе Толбота, как вы ошиблись,
По виду о его сложенье судя.
Поступок ваш не оскорбил меня.
Другого не прошу вознаграждения,
Как только, чтобы вы нам разрешили
Отведать ваших вин и вкусных блюд;
Бойцов желудки им охотно служат.

Г р а ф и н я

От всей души. За честь я почитаю
Героя угостить в своем дому.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Сад Темпля.

Входят графы Сомерсет, Сеффолк и Уорик;
Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий.

Плантагенет

Что значит, господа, молчанье ваше?
Ужель никто не вступится за правду?

Сеффолк

Там, в зале Темпля, было слишком шумно;
В саду удобней будет говорить.

Плантагенет

Признайте же, что я стою за правду,
Иль хоть скажите, прав ли Сомерсет.

Сеффолк

К законам я влечения не имею:
Им воли никогда не подчинял;
Но подчинял закон своей я воле.

Сомерсет

Граф Уорик, рассудите нас, прошу.

Уорик

О соколах — который выше взмыл,
О псах — который голосом звончей,
О шпагах — у которой лучше сталь,
О скакунах — который лучше в беге,
О девушках — которая красивей, —
Еще судить я мог бы кое-как;
Но в этих хитрых тонкостях закона,
Клянусь душой, я не умней вороны.

Плантагенет

Учитывая лишь отговорка это.
Так очевидна правота моя,
Что полузрячему — и то заметна.

Сомерсет

Моя же так наряжена прекрасно
И так ясна, проста и непреложна,
Что и слепцу она блеснет в глаза.

П л а н т а г е н е т

Коль так упорны вы в своем молчанье,
Откройте мысль нам знаками немymi.
Пусть же тот, кто истый дворянин
И дорожит рождением своим,
Коль думает, что я стою за правду,
Сорвет здесь розу белую со мной.

С о м е р с е т

Пусть тот, кто трусости и лести чужд,
Но искренно стоять за правду хочет,
Со мною розу алую сорвет.

У о р и к

Я красок не люблю и потому,
Без всяческих прикрас ползучей лести,
Рву розу белую с Пантагелетом.

С е ф ф о л к

Рву алую я с юным Сомерсетом
И говорю при этом, что он прав.

В е р н о н

Постойте, господа; не рвите больше,
Пока мы не условимся, что тот,
Кому вы меньше роз с кустов сорвете,
Признать обязан правоту другого.

С о м е р с е т

Совет прекрасный, добрый мистер Вернон.
Коль получу я меньше, подпишусь.

П л а н т а г е н е т

И я.

В е р н о н

Итак, для ясности и правды дела
Срываю белый девственный цветок,
Свой голос отдавая белой розе.

С о м е р с е т

Не уколите палец вы, срывая,
Чтоб не окрасить розу в алый цвет
И против воли мне не дать свой голос.

Вернон

Коль я пролью за убеждения кровь,
Врачом мне будет убеждение всех
И там меня удержит, где стою.

Сомерсет

Так, так. Ну, кто еще?

Стряпчий

Когда не лгут мне знания и книги.
Грешат все ваши аргументы ложью.
Я розу белую срываю тоже.

Плантагенет

Ну, Сомерсет, где ваши аргументы?

Сомерсет

Здесь у меня в ножнах, и этот довод
Окрасит вашу розу в алый цвет.

Плантагенет

Цвет ваших щек подобен нашей розе:
От страха побледнев, вы утвердили
За мною правду.

Сомерсет

Нет, Плантагенет,
От гнева, не от страха бледен я.
Твои ж краснеют щеки от стыда,
Пытаясь нашей розе подражать.
И все ж не признаешь своей неправды!

Плантагенет

Не червь ли в вашей розе, Сомерсет?

Сомерсет

Не шип ли у твоей, Плантагенет?

Плантагенет

Колючий, острый, чтоб стоять за правду.
Твою ж неправду пожирает червь.

Сомерсет

Найду друзей своей кровавой розе,

Что правду слов моих удостоверяет
Там, где нет места для Плантагенета.

П л а н т а г е н е т

Клянусь я этим девственным цветком,
Тебя, мальчишка дерзкий, презираю.

С е ф ф о л к

Не направляй сюда свое презренье.

П л а н т а г е н е т

Пуль гордый, и тебя с ним презираю.

С е ф ф о л к

Тебе верну презренье сталью в глотку.

С о м е р с е т

Прочь, прочь, достойный Уильям Де-Ла-Пуль:
Бессдовать с мужланом — много чести.

У о р и к

Клянусь, его порочишь, Сомерсет:
Ведь герцог Кларенс, Лайонел, который
Эдварда Третьего был третьим сыном,
Дед Ричарду. Таких корней глубоких
Нет у мужлана, что лишен герба.

П л а н т а г е н е т

Сейчас ему охраной это место;
Иначе трус так говорить не смел бы.

С о м е р с е т

Клянусь творцом, я повторить все это
Готов в любой из христианских страп.
Иль не был Ричард Кембридж, твой отец,
При Генрихе казнец, как злой изменник?
Иль той изменой не запятнан ты
И не изъят из древнего дворянства?
Отцовский грех живет в твоей крови;
Пока не обелишься, ты — мужлан.

П л а н т а г е н е т

Отец был осужден, но невиновен;
В измене обвинен, но не изменник;
Я это тем, кто выше Сомерсета,

Когда созреют сроки, докажу.
Тебя ж и твоего клеветы Пуля
Внесу я в книгу памяти моей,
Чтоб вас за нареканья проучить,
Смотрите же, я вас предупредил.

Сомерсет

Ты нас всегда готовыми найдешь.
Врагов узнаешь по цветам,— их будут
Мои друзья носить тебе пазло.

Плантагенет

Клянусь душою, бледный, гневный розан
В знак ненависти, сердца кровь сосущей,
Носить я стану и мои друзья,
Пока со мной в могиле не увянет
Иль не достигнет пышного расцвета.

Сеффолк

Иди — и честолюбьем подавись;
Итак, прощай — до нашей новой встречи.
(Уходит.)

Сомерсет
(Сеффолку)

Идем.— Прощай, честолюбивый Ричард.
(Уходит.)

Плантагенет

Я оскорблен — и должен все терпеть!

Уорик

Пятно, которым ваш порочат род,
Сотрется в заседании ближайшем
Парламента, что должен примирить
Уинчестера и Глостера вражду.
И если ты не будешь сделан Йорком,
Пусть Уориком меня не величают.
Меж тем я, в знак своей любви к тебе
И пазло Сомерсету-гордецу,
Носить с тобою стану эту розу.
Предсказываю: нынешний раздор,
Что разгорелся здесь, в саду при Темпле,—
В борьбе меж розой алою и белой

Заставит сотни душ покинуть тело.

П л а н т а г е н е т

Я вам обязан, добрый мистер Вернон,
Что вы сорвали за меня цветок.

В е р н о н

В честь вас носить его всегда я буду.

С т р я п ч и й

И я.

П л а н т а г е н е т

Спасибо, добрый друг.—
Пойдемте все обедать. Эта ссора,
Решусь сказать, ухнет кровью скоро.
Уходят.

С Ц Е Н А 5

Тауэр.

Мортимера в кресле вносят два стража.

М о р т и м е р

Вы, стражи дряхлых лет моих, здесь дайте
Пред смертью Мортимеру отдохнуть.
Как после дыбы, у меня все члены
От заточенья долгого разбиты;
А смерти вестники, седые кудри,
Что средь скорбей состарились, как Нестор,
Вещают Мортимеру про конец.
Как в лампе гаснувшей, в глазах иссяк
Свет жизни; скоро их покроет мрак.
Под бременем тоски согнулись плечи
И руки изможденные висят,
Как ветви мертвые лозы увядшей;
А поги, что бессильны и недвижны
И поддержать не могут жалкий прах,
Стремление к могиле окрыляют,
Бедь мне она отраду представляет.—
Скажи мне, страж, племянник мой придет?

П е р в ы й   с т р а ж

Ричард Плантагенет придет, милорд.
За ним послали в Темплъ, в его покои,
Последовал ответ, что он придет.

Мортимер

Так. У меня душа спокойна будет.
Бедняга! Он обижен, как и я.
Я нахожусь в проклятом заточенье
С тех пор, как воцарился Генрих Мопмут.
А до него я в битвах был велик.
С тех самых пор и Ричард опозорен,
Наследия и почестей лишен.
Но вот теперь заступница несчастных,
Судья всех правых и виновных — смерть,
Целительница всех людских печалей,
Свободу мне желанную дарит.
О, если б и его иссякли беды
И получил он все, что потерял.

Входит Ричард Плантагенет.

Первый страж

Милорд, пришел ваш любящий племянник.

Мортимер

Ричард Плантагенет, мой друг? Пришел он?

Плантагенет

Да, славный дядя, мучимый бесславно,
Пришел ваш опозоренный племянник.

Мортимер

Направьте руки мне, чтоб мог за шею
Его обнять и на его груди
Последний вздох отдать. Скажите мне,
Когда коснусь его щеки губами,
Чтоб дал ему я слабый поцелуй.
Поведай, отпрыск милый корня Йорков,
Ты о каком позоре говоришь?

Плантагенет

Спиною старческою прислонись
К моей руке,— и, облегчив тебя,
Я расскажу о тяжести своей.
Сегодня, споря об одном предмете,
Поговорил я крупно с Сомерсетом;
Он распустил без меры свой язык

И попрекнул меня отца кончиной.
Той клеветой он мне связал язык,
Не то б я тем же отплатил ему.
Итак, прошу тебя, любезный дядя,
По чести, ради нашего родства,
Как истинный Плантагенет, поведай
Причину казни моего отца.

М о р т и м е р

Племянник мой прекрасный, та причина,
Что в юности цветущей обрекла
Меня темнице мерзкой, оказалась
Орудием гибели его.

П л а н т а г е н е т

Подробней разъясни причину эту;
Не знаю я, и мне не догадаться.

М о р т и м е р

Скажу, коль хватит слабого дыхания
И смерть, придя, не оборвет рассказа.
Дед короля, Четвертый Генрих, сверг
Кузена Ричарда, что сыном был
Эдварда Третьего и стал законным
Наследником, как первенец его.
В его правленье северные Перси,
Решив, что Генрих — дерзостный захватчик,
Пытались возвести меня на трон.
И вот что побуждало этих лордов
Воинственных: потомства не оставил
Лишенный трона Ричард молодой;
Я был ближайшим по родству и крови,
Затем что герцог Кларенс Лайонел,
Мой дед по матери, был третьим сыном
Эдварда Третьего, а Болингброк
От Джона Ганта свой ведет исток,
Четвертого в геройском поколенье.
Заметь: в попытке смелой посадить
Законного наследника на трон
Лишились Перси жизни, я ж — свободы.
А много лет спустя, когда царил
Отцу наследовавший Генрих Пятый,
Граф Кембридж, твой отец, прямой потомок
Эдмунда Ленгли, доблестного Йорка,
Мою сестру себе в супруги взявший,

Скорбя о тяжелой участи моей,
Собрал войска, чтоб дать свободу мне
И короля законного — стране.
Но храбрый граф погиб, как и другие;
Он обезглавлен был. Так Мортимеров,
Права на трон имевших, отстранили.

П л а н т а г е н е т

Из них последний — вы, милорд достойный.

М о р т и м е р

Да. Но ведь нет потомства у меня,
И слабый голос мой — предвестник смерти.
Ты — мой наследник; все — в твоих руках.
Но осторожен будь в стремленье пылком.

П л а н т а г е н е т

Как важно все, что вы мне сообщили!
Но, думается, казнь отца была
Лишь деспота кровавою расправой.

М о р т и м е р

Молчи! Будь осмотрителем, племянник:
Ланкастерский основан прочно дом.
Он как гора стоит, его не сдвинуть...
Но вот, переселяется твой дядя,
Как государь с двором переезжает,
Коль жить ему паскутит в том же месте.

П л а н т а г е н е т

Я отдал бы часть юных лет своих,
Чтоб только отдалить кончину вашу.

М о р т и м е р

Жесток ты, как убийца, что наносит
Десяток ран, когда одной довольно.
Не плачь: ведь счастье не должно печалить.
Лишь погребеньем ты распорядись.
Прощай. Пусть расцветут твои надежды,
И будь удачлив в мире и войне.

(Умирает.)

П л а н т а г е н е т

Мир отлетающей душе твоей!
Паломничество ты свершил в темнице

И, как отшельник, ты свой прожил век.—
Совет его замкну в груди своей;
Что я задумал, пусть хранится в ней.—
Несите прах его. Я позабочусь,
Чтоб лучше жизни было погребенье.

Стража уходит, унося тело Мортимера.

Померк печальный факел Мортимера,
Погашенный тщеславием постыдным.
А что до оскорблений и обид,
Которые нанес мне Сомерсет,
Уверен я, что честь восстановлю.
А потому я поспешу в парламент.
Иль нашей крови право возвращу,
Иль зло себе во благо превращу.

(Уходит.)

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Лондон. Парламент.

Трубы.

Входят король Генрих VI, Эксетер, Глостер, Уорик, Сомерсет, Сеффолк, епископ Уинчестерский, Ричард Плантагенет и другие. Глостер пытается подать бумагу; епископ Уинчестерский хватает ее и разрывает.

Епископ Уинчестерский

Сюда являешься ты, Хемфри Глостер,
С обдуманым посланием, с доносом,
Измышленным усердно. Если хочешь
Со мной тягаться, обвинять меня,
Без подготовки делай это, сразу,—
И я на обвинения твои
Отвечу вмиг внезапными речами.

Глостер

Кичливый поп! Почтенье к этим стенам
Сейчас повелевает мне стерпеть,
Не то б увидел ты, как я разгневан.
Но если я в записке изложил
Все преступления мерзкие твои,
Не думай, что тебя я оболгал
Иль не могу о том сказать открыто!
Нет, нет! Но такова твоя порочность,
Так подлы и гнусны твои проделки,

Что дети о твоей болтают спеси.
Ты самый злостный ростовщик на свете,
Мятежник по природе, миру враг,
Распутен более, чем подобает
Лицу такого звания и сана.
А что твоей измены очевидней?
Ведь ты, прелат, на Лондонском мосту
И в Тауэре убить меня пытался.
К тому ж, коль у тебя просеять мысли,
Боюсь, что и король не огражден
От злобы и коварства твоего.

Епископ Уинчестерский
Глостер! Тебя я презираю! — Лорды,
Благоволите выслушать ответ мой.
Коль я порочен, алчен и спесив,
Как он сказал, то почему я беден?
Иль почему подняться не стремлюсь,
Возвыситься, но верен я призванью?
А что до ссор, — кто так стоит за мир,
Как я, когда меня не задевают?
Милорды, нет, не в этом корень зла,
Не это герцога воспламенило,
А то, что хочет править он один
И никого не подпускать к монарху.
И это гром в душе его рождает
И заставляет изрыгать наветы.
Я покажу ему, что равен...

Г л о с т е р

Равен?

Ты, деда моего побочный сын?

Епископ Уинчестерский
Ах, боже мой! А ты кто, — я спрошу, —
Как не тиран, на трон чужой воссевший?

Г л о с т е р

Поп наглый! Разве не протектор я?

Епископ Уинчестерский
А разве не прелат я божьей церкви?

Г л о с т е р

Да, как разбойник, что гнездится в замке
И грабит, маской рыцаря прикрывшись.

Епископ Уинчестерский
О нечестивый Глостер!

Глостер

Ты-то очень
Благочестив,— но саном лишь, не жизнью.

Епископ Уинчестерский
Мне Рим — ограда.

Уорик

Что ж, беги туда.

Сомерсет

Милорд, не наносите оскорблений.

Уорик

Пусть не заносится епископ ваш!

Сомерсет

(Глостеру)

По мне, вам должно быть благочестивей
И уваженье к сану соблюдать.

Уорик

По мне, епископ должен быть смиренней;
Прелату эти распри не к лицу.

Сомерсет

Да, но коль так затронут сан священный...

Уорик

Священный, не священный — все равно.
Иль герцог не протектор короля?

Плантагенет

(в сторону)

Плантагенет сдержать язык свой должен,
Чтоб не услышать: «Помолчи, любезный,
Не вмешивайся дерзко в речи лордов».
А то бы, Уинчестер, тебе я задал!

Король Генрих

Прошу вас, дяди Уинчестер и Глостер
Верховные правители страны,—
Я вас прошу, коль вы не глухи к просьбам,
Соединить сердца в любви и дружбе.
Какой престолу нашему позор,
Что два таких высоких пэра в ссоре!
Поверьте мне, милорды, я могу
Сказать, хотя и очень юн годами:
Раздор гражданский — ядовитый червь,
Грызущий внутренности государства...

За сценой крики: «Бей бурые кафтаны!»

Что там за шум?

Уорик

Ручаюсь, это бунт,
Что подняли приспешники прелата.

Снова крики: «Камней! Камней!»

Входит лорд-мэр Лондона.

Лорд-мэр

О лорды добрые и славный Генрих!
И город наш и нас вы пожалейте!
Протектора и Уинчестера слуги,
Хоть запретили им носить оружие,
Набив камнями свои карманы
И на два лютых стана разделясь,
Так молотят друг друга по башкам,
Что мпогим уж повышибли мозги,
На улице все окна перебили,
И заперли мы лавки с перепогу.

Входят, продолжая драться, слуги Глостера и епископа
Уинчестерского с окровавленными головами.

Король Генрих

Как подданным, повелеваем вам
Остановить убийственные руки.—
Уймите, дядя Глостер, эту драку.

Первый слуга

Ну, нет! Когда вы запретите нам
Камнями драться, вцепимся зубами.

Второй слуга

А ну, посмейте! Мы вам не уступим.

Снова дерутся.

Глостер

Оставьте, слуги, яростный раздор
И прекратите беззаконный бой.

Третий слуга

Мы знаем, ваша светлость — человек
Прямой и справедливый и рождением
Уступит одному лишь королю.
Мы не потерпим, чтоб такой вельможа,
Всей нашей Англии отец родной,
Был оскорблен чернильною душонкой.
В борьбе готовы все мы — жены, дети —
Погибнуть от руки твоих врагов.

Первый слуга

А коль умрем, то башмаков подметки
Сражаться будут вместо нас.

Снова дерутся.

Глостер

Стой! Стой!

Коль предапы вы мне, как говорите,
Послушайтесь меня и бросьте драку.

Король Генрих

О, как раздор мне угнетает душу!
Иль вы, милорд Уинчестер, равнодушны
К моим слезам и стонам? Не смягчитесь?
Кому быть милосердным, как не вам?
И кто теперь стремиться будет к миру,
Коль слуги церкви тешатся раздором?

Уоррик

Прелат, миритесь; уступите, герцог,
Коль не хотите яростным отказом
Страну и государя погубить.
Смотрите, сколько бед, смертоубийств
Порождено несчастной вашей распрей!
Миритесь, коль не жаждете вы крови.

Епископ Уинчестерский
Пусть он смирится; я не уступлю.

Г л о с т е р

Мне жалость к королю велит смягчиться,
Не то бы вырвал сердце у него
Скорей, чем дал ему торжествовать.

У о р и к

Глядите, лорд-епископ, герцог Глостер
Из сердца ярость лютую изгнал;
Вот у него разгладилось чело.
Что ж смотрите так сумрачно и злобно?

Г л о с т е р

Уинчестер, вот тебе моя рука.

К о р о л ь   Г е н р и х

Стыдитесь, дядя Бофорт. Ведь при мне
Учили вы, что злоба — грех великий.
Ужель не подтвердите речь свою,
Но первый в этом тяжко провинитесь?

У о р и к

Король, прелату мягкий дан урок.—
Не стыдно вам, епископ? Уступите ж.
Ужель дитя добру учить вас будет?

Епископ Уинчестерский
(*протягивая руку Глостеру*)

Ну, так и быть. Любовью на любовь
Отвечу я, пожалуйем на пожалуйе.

Г л о с т е р
(*в сторону*)

Боюсь, что пусто в сердце у него.
(*Громко.*)

Смотрите же, друзья и земляки,
Вот знак, который будет флагом мира
Для нас и всех приверженцев моих.
Свидетель бог, что я не лицемерю.

Епископ Уинчестерский
(в сторону)

Свидетель бог, что поступлю иначе.

Король Генрих

О милый дядя, добрый герцог Глостер,
Как радует меня согласие ваше!

(Слугам.)

Друзья, ступайте, не тревожьте нас,
Но дружбою сердца соедините,
Как помирились ваши господа.

Первый слуга

Готов. Я к лекарю пойду.

Второй слуга

Я тоже.

Третий слуга

А я лекарства поищу в трактире.

Лорд-мэр, слуги и другие уходят.

Уорик

Примите этот свиток, государь,
От имени Плантагенета; в нем
Мы изложили все его права.

Глостер

Так, так, лорд Уорик.— Добрый государь,
Все взвесив, вы найдете основанья
Восстановить в правах Плантагенета,
Особенно приняв в соображенье
То, что я в Элтеме вам говорил.

Король Генрих

Имеют эти основанья силу.
Поэтому, милорды, нам угодно
Вернуть ему все кровные права.

Уорик

Получит Ричард кровные права,
И тем отца обида возместится.

Епископ Уинчестерский
Того же, что и все, Уинчестер хочет.

Король Генрих
Коль будет верен нам Плантагенет,
Не только те права я дам ему,
Но и наследье дома славных Йорков,
Из недр которого исходит он.

Плантагенет
Слуга тебе в покорности клянется
В покорной службе до скончанья дней.

Король Генрих
Так преклони же предо мной колени.
В награду за свершенный долг тебя
Мечом великих Йорков опояшу.
Встань, Ричард, истинный Плантагенет,
Встань, вновь пожалованный герцог Йоркский.

Плантагенет
Пусть мой успех врагов твоих низвергнет!
Я совершу свой долг, и все погибнут,
Кто зло на вас замыслит, государь.

Все
Привет тебе, могучий герцог Йорк!

Сомерсет
(в сторону)
Погибни ты, презренный герцог Йорк!

Глостер
Теперь пора вам, государь, отплыть
Во Францию и там короноваться.
Присутствие монарха порождает
Любовь в друзьях и подданных его
И страх наводит на его врагов.

Король Генрих
По слову Глостера король идет;
Так дружеский совет врагов сметет.

Глостер
Готовы ваши корабли к отплытию.

Трубы.
Уходят все, кроме Эксетеера.

Эксетер

Во Франции иль в Англии мы будем,
Неведомо, что ожидает нас.
Возникшая меж перами вражда
Под лживым пеплом мнимой дружбы тлеет
И вспыхнет пламенем в конце концов.
Как тело медленно гниет, покуда
Не распадутся кости, жилы, мышцы,
Так эта распря будет развиваться.
Боюсь я рокового предсказания,
Что было у младенцев на устах,
Когда страною правил Генрих Пятый:
«Что добыл в Монмуте рожденный Генрих,
Утратит в Уиндзоре рожденный Генрих».
Так явно это, что хотел бы я
Окопчить дни до той поры злосчастной.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Франция. Перед Руаном.

Входят переодетая Жанна д'Арк и четыре солдата,
одетые крестьянами, с мешками на плечах.

Жанна д'Арк

Вот города врата, врата Руана,
В которых наша хитрость брешь пробьет.
Теперь следите за своею речью;
В словах крестьянам грубым подражайте,
Что продают свое зерно на рынке.
Коль нас пропустят, как надеюсь я,
И мы найдем, что стража нерадива,
Моим друзьям я сообщу сигналом,
Что может Карл дофин идти на приступ.

Первый солдат

Не мешкая, в мешок засадим город
И станем господами над Руаном.
Ну, постучим.

(Стучит.)

Ч а с о в о й
(за сценой)

Qui est là?

Ж а н н а д ' А р к
Paysans, pauvres gens de France ¹.
Крестьяне, что пришли продать зерно.

Ч а с о в о й
(открывая ворота)

Входите. Колокол звонил на рынке.

Ж а н н а д ' А р к
Теперь, Руан, падут твои твердыни!
(Входит с солдатами в город.)

Входят К а р л, Б а с т а р д О р л е а н с к и й, А л а н с о н, Р е п е
и войско.

К а р л
Святой Дени пусть в хитрости поможет,
И снова будем мирно спать в Руане.

Б а с т а р д
С солдатами в Руан вошла уж Дева;
Но как она оттуда нам укажет,
Где лучше, безопасней нам вступить?

А л а н с о н
Вон там на башне факел водрузит,
И это будет означать, что место,
Где вторглась Дева, всех других слабей.

Всходит на укрепление Ж а н н а д ' А р к с пылающим факелом в руках.

Ж а н н а д ' А р к
Смотрите, вот счастливый брачный факел,
Что с Францией Руан соединяет
И гибелью пылает для толботцев.
(Уходит.)

---

¹ Кто там? — Крестьяне, бедные французы. (Франц.)

Б а с т а р д

Взгляни, дофин, на знак, что шлет нам друг:
На башне той пылает ярко факел.

К а р л

Пусть он горит кометою отмщенья,
Пророча гибель нашим всем врагам.

А л а н с о н

Спешим! Бывают гибельны отсрочки.
Входите и кричите все: «Дофин»!
Затем, не медля, перебейте стражу.
(*Входит в город.*)

Тревога.

Входит Т о л б о т, сражаясь.

Т о л б о т

Свое коварство, Франция, оплачешь,
Коль выйдет Толбот жив из переделки.
Проклятая колдунья, злая ведьма
Свершила это дьявольское дело;
Едва избегли силы вражьей мы.
(*Уходит в город.*)

Шум битвы. Стычки.

Из города выносят в кресле герцога Бедфорда. Входят с ним Т о л б о т и герцог Бургундский. Затем на стену всходят Ж а н н а д'Арк, Карл, Бастард, Алансон и Рене.

Ж а н н а д'А р к

Привет вам, рыцари! Зерна не надо ль?
Бургундский герцог попостится прежде,
Чем вновь получит по такой цене.
Оно все в спорынье. По вкусу ль вам?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Глумись, распутница, проклятый дьявол!
Тебя заставлю скоро подавиться
Твоим зерном и урожай проклясть.

К а р л

До той поры вы с голоду умрете.

Б е д ф о р д

Мы отомстим не словом, а делами.

Жанна д'Арк

Что хочешь делать, борода седая?
Со смертью биться в кресле на турнире?

Толбот

Злой дух французов! Мерзостная ведьма!
Среди толпы любовников своих
Тебе ли над сединою глумиться,
Полуживого в трусости корить?
С тобою, девка, снова я сражусь,
Не то от срама пусть погибнет Толбот.

Жанна д'Арк

Какой горячий! — Но потише, дева.
Коль гроыхает Толбот, — хлынет дождь.

Англичапе совещаются между собой.

Парламенту бог в помощь. Кто оратор?

Толбот

Осмелюсь выйти и сразиться в поле.

Жанна д'Арк

Милорд, сочли вы нас за дураков,
Иль станем достояние свое
Испытывать мы — наше или нет?

Толбот

Я говорю не этой злой Гекате,
Но, Алансон, тебе и остальным:
Согласны вы как воины сразиться?

Алансон

О нет, синьор.

Толбот

Сгинь ты, синьор! Погонщики мулов!
Как мужики, засели за стеной;
Не смеют выйти в поле, как дворяне.

Жанна д'Арк

Прочь, полководцы! Со степи уйдем.
Взор Толбота добра не предвещает. —
Храни вас бог, милорд. Мы приходили
О том лишь доложить вам, что мы здесь.

Жанна д'Арк и другие уходят со стены.

Толбот

Мы тоже скоро попадем туда
Иль на позор сменяет славу Толбот.—
Клянись, Бургундский герцог, честью рода,
Затронутой неправдами французов,
Вернуть назад Руан иль умереть.
А я клянусь иль этот город взять,
Иль умереть,— и это столь же верно,
Как то, что Генрих, государь наш, жив,
Что был отец его завоеватель,
Что в городе, изменнически взятом.
Ричарда Сердца Львиного могила.

Герцог Бургундский
Своею клятвою моя дружна.

Толбот

Но, уходя, на Бедфорда взгляни:
Отважный герцог при смерти.— Милорд,
В другое место вас мы отнесем:
Так требуют недуг и возраст ваш.

Бедфорд

Лорд Толбот, вы бесчестите меня.
Здесь буду я сидеть, у стн Руана,
И с вами разделяю печаль и радость.

Герцог Бургундский
Отважный Бедфорд, дайте убедить вас...

Бедфорд

Не в том, чтобы уйти. Читал, я помню,
Как храбрый Пендрагон, больной, в носилках
На бой явился и разбил врагов.
Хочу ободрить я сердца солдат,
В них самого себя я обретаю.

Толбот

Несокрушимый дух в груди бессильной!
Пусть будет так. Да сохранит вас небо!
Довольно слов. Теперь мы, храбрый герцог,
Сберем свою рассеянную рать
И по врагу хвастливому ударим.

Уходят все, кроме Бедфорда и его слуг.

Шум битвы. Стычки.

Входят сэръ Джон Фастолф и офицер.

Офицер

Куда вы так спешите, сэр Джон Фастолф?

Фастолф

Куда я так спешу? Спасаясь бегством.
Мне кажется, опять нас разобьют.

Офицер

Как! Толбота бросаете вы?

Фастолф

Да,
Всех Толботов на свете: жизнь дороже.
(Уходит.)

Офицер

Трусливый рыцарь! Да погибнешь ты!
(Уходит.)

Отбой. Стычки.

Из города выбегают Жанна д'Арк, Алансон, Карл и другие.

Бедфорд

Теперь, душа, спокойно отлетай,
Затем что видел я разгром французов.
Где сила и уверенность безумцев?
Те, что недавно дерзко насмехались,
Довольны, что спасают бегством жизнь.
(Умирает, его уносят в кресле.)

Шум битвы.

Входят Толбот, герцог Бургундский и другие.

Толбот

Потеряно и в тот же день отбито!
Бургундский герцог, в том двойная слава.
Восхвалим небо за свою победу.

Герцог Бургундский

О Толбот доблестный! Бургундский герцог
Твой образ в сердце заключил своим:
Там памятник воздвиг твоим деяньям.

Толбот

Благодарю вас, герцог. Где же Дева?
Должно быть, спит ее дух-покровитель?
Где хвастовство Бастарда, дерзость Карла?
Нет никого. Руан поник главой,
Скорбя, что эти храбрецы бежали.
Мы в городе порядок водворим,
Там опытных поставим офицеров
И к королю отправимся в Париж,
Куда со свитой прибыл юный Генрих.

Герцог Бургундский

Что хочет Толбот, то и мне угодно.

Толбот

Но пред уходом вспомнить падлежит
О Бедфорде, который здесь скончался.
Мы похороним герцога в Руане.
Храбрее воина не видел свет,
Добрее сердца во дворе не встретить.
Но и король и мощный властелин
Подвластны смерти. Всем конец один.

Уходят.

СЦЕНА 3

Равнина близ Руана.

Входят Карл, Бастард, Алансон, Жанна д'Арк и войско.

Жанна д'Арк

Случайным не смущайтесь пораженьем;
Не огорчайтесь, что Руан отобран.
Унынье — не лекарство, горький яд,
Когда поправить дело невозможно.
Пусть Толбот бешеный теперь ликует
И, как павлин, свой распускает хвост.
Повыдергаем перья у него,
Коль ты, дофин, и все за мной пойдете.

Карл

Ты до сих пор руководила нами;
В твоём искусстве мы не сомневались.
Несчастный случай нас не поколеблет.

Б а с т а р д

Нам хитрость новую изобрети,
И мы тебя прославим на весь мир.

А л а н с о н

Поставим статую тебе во храме,
И, как святую, будем чтить тебя,
Лишь позаботься, милая, о нас.

Ж а н н а д ' А р к

Так быть должно, как предрешает Жанна:
Медовыми речами, увещаньем
Мы герцога Бургундского побудим
Оставить Толбота и к нам примкнуть.

К а р л

Душа моя, коль это нам удастся,
Во Франции не будет больше места
Для войска Генриха, и англичане
Пред нами перестанут величаться;
Мы их прогоним из своей страны.

А л а н с о н

Из Франции изгоним их навеки,
И графства даже здесь не сохранят.

Ж а н н а д ' А р к

Увидите, как я примусь за дело,
Чтобы желанной цели нам достичь.

В отдалении слышны барабаны.

Чу! Слышите по звуку барабанов,
Что силы их направились в Париж?

Английский марш.

Входит и проходит в отдалении Толбот со своим войском.

Вот со знаменами проходит Толбот
И все войска английские за ним.

Французский марш.

Входит герцог Бургундский со своим войском.

Вот в арьергарде выступает герцог;
На наше счастье, он отстал от прочих.
Трубите вызов. Будем говорить с ним.

Трубы к переговорам.

Карл

Переговоры с герцогом Бургундским!

Герцог Бургундский

Кто речь заводит с герцогом Бургундским?

Жанна д'Арк

Дофин французский Карл, твой соплеменник.

Герцог Бургундский

Что ты мне скажешь, Карл? Я тороплюсь.

Карл

(Жанне д'Арк)

Ты говори; плени его речами.

Жанна д'Арк

Бургундский герцог, Франции надежда,
Помедли, выслушай твою служанку.

Герцог Бургундский

Что ж, говори, но только покороче.

Жанна д'Арк

Взгляни на плодородную страну,
Взгляни на Францию, на край богатый,—
Ее селенья все и города
Обезображены разгромом вражьем.
Как смотрит мать на хладного младенца,
Когда глаза ему закроет смерть,—
Смотри на Франции недуг жестокий.
Взгляни на раны, роковые раны,
Что ты нанес ее груди больной.
В другую сторону направь свой меч,
Рази вредящих родине твоей,
А не того, кто ей помочь хотел бы;
И капля крови, из груди отчизны
Исторгнутая, пусть тебя печалит
Сильнее, чем озера вражьей крови.
Итак, вернись, пролей потоки слез
И смой пятно, позорящее край.

Герцог Бургундский
Речами ли меня околдовала,
Иль уступить природа мне велит?

Жанна д'Арк

К тому ж вся Франция теперь в сомненье:
Законно ли твое происхождение?
С кем ты идешь? С жестокими врагами,
Что лишь из выгоды тебя возносят!
Коль укрепится Толбот в нашем крае
И сделает тебя орудьем зла,
Кто, как не Генрих, воцарится здесь?
И будешь изгнан ты, как перебежчик,
Я лишь один пример тебе напому:
Не враг ли твой был герцог Орлеанский
И не попал ли к англичанам в плен?
Когда ж узнали, что он недруг твой,
Без выкупа его освободили
Назло тебе и всем твоим друзьям.
Ты бьешься против родины своей
Среди своих грядущих палачей.
Вернись, вернись назад, заблудший герцог.
Тебя в объятья примет Карл с друзьями.

Герцог Бургундский

Я покорен. Возвышенною речью
Она меня сразила, как пальбой;
Чуть не принудила склонить колени.
Прости, отчизна! Земляки, простите!
От сердца дайте вас, друзья, обнять.
Вся власть моя и все солдаты — ваши.—
Прощай же, Толбот, я тебе не вверюсь.

Жанна д'Арк

(в сторону)

Вот истинный француз: то их, то наш.

Карл

Добро пожаловать, отважный герцог!
Ты воскресил нас дружбою своей.

Бастард

И новым мужеством наполнил грудь.

А л а н с о н

Отменно Дева роль свою сыграла
И заслужила графскую корону.

К а р л

Идем соединим войска, сеньоры,
И будем думать, как вредить врагу.

Уходят,

С Ц Е Н А 4

Париж. Дворец.

Входят король Генрих VI, Глостер, епископ Уинчестерский, Йорк, Сеффолк, Сомерсет, Уорик, Эксетер, Вернон, Бассет и другие. Навстречу им Толбот со своими офицерами.

Т о л б о т

Король могучий, доблестные пэры,
Про ваш приезд во Францию узнав,
Я действия военные прервал,
Чтоб долг воздать монарху своему.
И в знак сего рукой, что вам стяжала
Полсотни крепостей, семь цитаделей,
Двенадцать городов и сверх того
До пятисот высокородных пленных,
Свой меч к стопам монаршим повергаю
И, в сердце верность крепкую храня,
Приписываю славу всех побед
Лишь господу и вам, мой повелитель.

(Преклоняет колени.)

К о р о л ь   Г е н р и х

Тот самый Толбот это, дядя Глостер,
Что так давно во Франции живет?

Г л о с т е р

Да, государь, коль будет вам угодно.

К о р о л ь   Г е н р и х

Приветствую вас, храбрый полководец,
Победоносный лорд! Когда был юн я,—
Хоть и теперь не стар,— отец мой, помню,
Говаривал, что не бывало ввек

Бойца отважней вас. Мы убедились
И в вашей верности, и в честной службе,
И в рвенье воинском. Все ж до сих пор
Награды не вкусили вы от нас
И благодарности не знали нашей,
Затем что вас еще мы не видали.
Так встаньте. За отменные заслуги
Мы жалуем вас графом Шрусбери.
При коронации займите место.

Трубы.

Уходят все, кроме Вернона и Бассета.

Вернон

Ну, сэр, вы на море так горячились,
Пытаясь опорочить этот цвет,
Что я ношу в честь доблестного Йорка...
Дерзните ль повторить свои слова?

Бассет

Да, сэр, дерзну коль языком бесстыжим
Облаять вы посмеете опять
Достойнейшего лорда Сомерсета.

Вернон

Чту по заслугам лорда твоего.

Бассет

Что ж! Он ничуть не хуже, чем твой Йорк.

Вернон

Ну, нет! Вот покажу тебе сейчас.

(Ударяет его.)

Бассет

Мерзавец! Знаешь ты закон военный:
Повинен смерти обнаживший меч,—
Не то кровь сердца твоего б я пролил.
Но к королю пойду и попрошу,
Чтоб разрешение дал отмстить обиду;
Тогда с тобой сойдуся тебе на горе.

Вернон

Подлец! Пойду я тоже к государю,
И мы с тобою встретимся потом,—
Не терпится с тобою расквитаться!

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Париж. Тронный зал.

Входят король Генрих VI, Глостер, епископ Уинчестерский, Йорк, Сеффолк, Сомерсет, Уорик, Толбот, Эксетер, комендант Парижа и другие.

Глостер

Корону возложите, лорд-епископ.

Епископ Уинчестерский

Храни, всевышний, Генриха Шестого.

Глостер

Клянитесь вы, Парижа комендант,
Что никогда другого короля
Не изберете, что у вас не будет
Других друзей, кроме его друзей,
Других врагов, за исключением тех,
Кто злоумыслит на его державу.
Так действуйте — и бог вам да поможет.

Входит сэр Джон Фастолф.

Фастолф

Мой государь, когда я из Кале
На вашу коронацию спешил,

Для вашей милости вручили мне
От герцога Бургундского письмо.

Т о л б о т

Позор тебе и герцогу! Я клялся,
Трусливый рыцарь, встретившись с тобой,
Сорвать Подвязку прочь с ноги презренной.

(Срывает с него орден Подвязки.)

Так сделал я, затем что недостойно
Ты в этот сан высокий возведен.—
Простите, Генрих царственный и лорды,
Трус этот в битве при Патè, когда
Со мной всего шесть тысяч войска было,
А у французов больше в десять раз,
Пред схваткою, до первого удара,
Удрал, как новичок-оруженосец.
В тот приступ больше тысячи людей
Убитыми лишились мы. Я сам
И множество дворян попали в плен.
Судите ж, лорды, дурно ль поступил я,
И заслужил ли трус такой носить
Знак лучших рыцарей? Да или нет?

Г л о с т е р

Поистине, поступок тот позорен
И воину простому не к лицу,
А рыцарю, начальнику — подавно.

Т о л б е т

Когда Подвязки орден учрежден был,
Милорды, были рыцари его
Высокой крови, доблестны, отважны,
Смелы, горды, прославлены в боях.
Опасностей и смерти не страшась,
Они в беде отваги не теряли.
Кто качествами теми не украшен,
Похитил рыцаря священный титул,
И славный орден лишь позорит он.
Он должен быть,— когда судить я смею,—
Лишен всех прав, как подзаборный нищий,
Что выдал бы себя за дворянина.

К о р о л ь   Г е н р и х

Позор отчизны! Вот мой приговор:
Ступай отсюда прочь ты, бывший рыцарь;
Тебя под страхом смерти изгоняем.

Ф а с т о л ф   у х о д и т .

Теперь, милорд протектор, прочитайте,
Что пишет дядя наш, Бургундский герцог.

Г л о с т е р

Что это значит? Слог переменял он.
Лишь коротко и просто: «Королю».
Забыл он, что ему вы государь?
Иль означает этот краткий титул,
Что изменил он к вам расположение?
Ну что там?

(Читает.)

«По причинам чрезвычайным,
Скорбя о бедствиях родной страны,
Тобою угнетенным сострадаю,
Я разорвал постыдный наш союз
И под знамена Карла перешел».
Чудовищный обман! Возможно ль это?
При дружбе, клятвах верности, родстве —
Столь низкая, коварная измена?

К о р о л ь   Г е н р и х

Бургундский герцог, дядя мой, восстал?

Г л о с т е р

Да, государь, и вашим стал врагом,

К о р о л ь   Г е н р и х

И это худшее, что есть в письме?

Г л о с т е р

Да, худшее, король, и это все.

К о р о л ь   Г е н р и х

Тогда пусть с ним поговорит лорд Толбот
И кару за обман ему воздаст. —
Что скажете, милорд? Довольны вы?

Т о л б о т

Еще бы! Вы меня опередили.
Я сам хотел об этом вас просить.

К о р о л ь   Г е н р и х

Собрав войска, идите на него.
Пусть видит, что не терпим мы измены
И что нельзя глумиться над друзьями.

Т о л б о т

Да, государь. От всей души желаю,
Чтоб увидали вы разгром врагов.
(Уходит.)

Входят Вернон и Бассет.

В е р н о н

Дозвольте, государь, мне с ним сразиться.

Б а с с е т

И мне дозвольте, добрый государь.

Й о р к

То мой слуга. Внемли ему, король.

С о м е р с е т

А этот мой. Будь благосклонен, Генрих.

К о р о л ь   Г е н р и х

Терпенье, лорды. Дайте мне сказать.—
Что, господа, шуметь вас заставляет?
С кем биться вы хотите? И зачем?

В е р н о н

С ним, государь: он оскорбил меня.

К о р о л ь   Г е н р и х

В чем оскорбление это состоит?
Скажите мне, и я отвечу вам.

Б а с с е т

Когда во Францию мы плыли морем,
Вот этот малый дерзким языком
Корил меня за розу, что ношу я;
Он говорил, что цвет ее кровавый
Напоминает, как пылали щеки

У господина моего, когда
Отверг он правду в споре о правах,
Что с Йоркским герцогом затеял он.
Сказал еще он много слов обидных.
Чтоб злую опровергнуть клевету
И господина честь восстановить,
Прошу мне разрешить с ним поединок.

В е р н о н

И я прошу о том же, государь.
Хоть он стремится выдумкою хитрой
Лоск навести на умысел свой дерзкий,
Все ж — знайте, государь, — меня задел он
И первый опорочил этот знак,
Сказав, что бледность моего цветка
Обозначает слабодушие Йорка.

Й о р к

Когда вражду оставишь, Сомерсет?

С о м е р с е т

Твой лютый гнев, лорд Йорк, наружу рвется,
Хоть ты его старательно скрываешь.

К о р о л ь   Г е н р и х

Бог мой! Что за безумье мозг дурманит,
Когда столь мелкой, вздорною причиной
Такой раздор мятежный порожден!
Кузены наши, Сомерсет и Йорк,
Прошу вас, успокойтесь, помиритесь.

Й о р к

Сперва пусть битва разрешит раздор;
Потом вы, государь, нас примирите.

С о м е р с е т

Наш спор затрагивает только нас,
Так пусть меж нами будет он решен.

Й о р к

Вот мой залог. Бери же, Сомерсет.

В е р н о н

Пусть там решится спор, где он возник.

Бассет

Согласье дайте, благородный лорд.

Глостер

Согласье дать? Да пропади ваш спор!
Проклятье вам, надменные вассалы,
И дерзкой вашей болтовне! Не стыдно ль
Нахальной, шумной яростью своей
Тревожить короля и нас? — А вы,
Милорды, думается мне, неправы,
Что терпите их злые пререканья.
Но что прискорбнее всего — их речи
И среди вас вот-вот зажгут вражду.
Послушайте меня и образумьтесь.

Эксетер

Миритесь. Не печальте короля.

Король Генрих

Вы, жаждущие битвы, подойдите.
Велю вам впредь, коль страшен вам мой гнев,
Оставить спор, забыть его причину. —
Вы ж, лорды, вспомните, что мы сейчас
В стране изменчивой, непостоянной.
Когда раздор приметят в наших взорах,
Про наши разногласия узнают,
Сердца озлобленные подстрекутся
К непослушанию и мятежу.
К тому ж, какой нам учинится срам,
Коль станет королям чужим известно,
Что ради прихоти пустой, забавы,
Цвет нашей знати, Генриховы пары
Лишились Франции, подняв раздор!
О, вспомните отца завоеванья,
Мой возраст нежный и не потеряйте
Из-за безделки то, что стоит крови!
Посредником я буду в вашем споре.
Коль эту розу приколю, ужель
Даст основанье это заподозрить,
Что Сомерсета Йорку предпочел я?

(Прикалывает алую розу.)

Родня мне оба, и люблю обоих.
Еще меня короной попрекните:
Король шотландский тоже, мол, в короне?
Но вас благоразумье убедит

Скорее, чем смогу я научить вас.
А посему, как в мире мы пришли,
Так пусть пребудем мы в любви и мире.
Брат Йорк, мы вашу светлость назначаем
Наместником во Франции.— А вы,
Мой Сомерсет, своих кавалеристов
С его пехотою соедините
И, соблюдая честь отцов и верность,
Идите вместе, дружно, чтобы гнев
На головы врагов своих обрушить.—
Здесь, отдохнув, мы двинемся в Кале,
Оттуда ж в Англию, куда, надеюсь,
Пришлете скоро вы в подарок нам
Дофина, Алансона, всю их шайку.

Трубы.

Уходят все, кроме Йорка, Уорика, Эксетера и Вернона.

У о р и к

Лорд Йорк, не правда ль, наш король сегодня
Отлично роль оратора сыграл?

Й о р к

Конечно. Но мне все ж не по вкусу,
Что приколол он Сомерсета знак.

У о р и к

Ну, полно! Это ведь пустая прихоть.
Не осуждай его! Готов ручаться,
Он умысла дурного не имел.

Й о р к

Когда б то было так!..— Но бросим это,
Другие нынче предстоят дела.

Уходят все, кроме Эксетера.

Э к с е т е р

Отлично сделал, Ричард, что смолчал ты;
Когда б наружу страсть твоя прорвалась,—
Боюсь, пришлось бы нам тогда узреть
Такую ненависть, такую ярость,
Каких не в силах мы вообразить.
Но всякий видит, всякому понятно,
Что бешеный раздор среди вельмож,
Заносчивость и козни при дворе,
И наглая грызня любимцев знати,—

Все предвещает пагубный исход.
Беда, когда в руках ребенка скипетр,
Но хуже, коль разлад родится лютый:
Приходят вслед за ним разгром и смуты.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Перед Бордо.

Входит Толбот под звуки труб и барабанов.

Толбот

Трубач, приблизься к воротам Бордо
И вызови на стену их вождя.

Трубач трубит.

На стену всходят ко м а н д у ю щ и й французскими войсками и д р у г и е.

Сюда зовет вас Толбот, полководец,
Что служит в битвах своему монарху.
Он вам велит: ворота отворите
И моего признайте короля.
Как подданные честь ему воздайте,—
И с беспощадным войском я уйду.
Но если мир отвергнете упрямо,
Вы навлечете гнев трех слуг моих:
То голод, острый меч и жадный пламень.
Коль сами вы отклоните их милость,
Все ваши гордые, крутые башни
В единый миг сравняются с землей.

К о м а н д у ю щ и й

Зловещий, грозный сын, глашатай смерти,
Кровавый бич народа моего,
Жестокости твоей конец приходит!
Лишь мертвый можешь ты проникнуть к нам.
Узнай: мы хорошо укреплены,
И хватит сил, чтоб выйти и сразиться.
Коль двинешься назад, дофин с войсками
Тебя опутает железной сетью.
Со всех сторон расставлены отряды,
Что бегство преградить тебе должны.
Куда б ни бросился, нища спасенья,
Тебя везде подстерегает смерть,
И бледную погибель встретишь ты.

Французов десять тысяч поклялись
Святым причастием, что злые пушки
Ни на одну из христианских душ,
Кроме тебя, не станут направлять.
Вот ты живой стоишь передо мною,
Храбрец с несокрушимою отвагой!
Тебе последнюю хвалу и славу
Я воздаю сейчас, хоть ты и враг.
Песок, что начал сыпаться в часах,
Течения своего не завершит,
Как взор мой, что тебя цветущим видит,
Тебя узрит окровавленным, бледным,
Бесчувственным, безгласным мертвецом.—
Чу, барабан дофина! Трепещи!
Он погребальный марш тебе играет,
А мой тебе отходную пробьет.

Командующий и другие уходят.

Т о л б о т

Не обманул он: слышу я врага.—
Их фланги осмотреть, кавалеристы! —
В военном оплошали мы искусстве!
Оленей наших маленькое стадо
В ограду загнано, окружено
Собак французских лающею сворой.
Отважны будем, с первого удара
Не задрожим от страха, по свирепо,
Как яростные рогачи, направим
Стальные лбы на кровожадных псов,
Врага заставив отступить бесславно.
Пусть каждый жизнь свою продаст, как я,—
Найдут, что стоят дорого олени.—
Святой Георгий, Толбот, бог и право!
Да осенит знамена наши слава!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 3

Равнина в Гасконии.

Входит Йорк с войском, к нему подходит гонец.

Й о р к

Вернулись ли разведчики назад,
Следившие за армией дофина?

Г о н е ц

Милорд, они вернулись; сообщают,
Что с войском он направился в Бордо —
Сразиться с Толботом, а по дороге,
Как говорят лазутчики, к дофину
Примкнули два отряда покрупнее
И вместе с ним направились туда же.

Й о р к

Проклятье негодяю Сомерсету,
Что медлит в подкрепление мне прислать
Отряд кавалеристов для осады!
Ждет добрый Толбот помощи моей;
Меня ж дурачит мерзостный изменник,
И я не в силах славному помочь.
Господь, заступник будь ему в нужде!
Коль он падет, конец войне французской.

Входит сэр Уильям Люси.

Л ю с и

Высокий предводитель сил английских!
В такой подмоге спешной никогда
Мы не нуждались на земле французской.
Скачи на помощь Толботу скорей;
Он поясом железным опоясан
И гибелью ужасной окружен.
В Бордо, отважный герцог Йорк, в Бордо!
Иль Толбот, Франция и честь, прощайте!

Й о р к

О, если б вместо Толбота был там
Надменный Сомерсет, что портит дело,
Мы спасли бы храброго бойца,
Изменника и труса потеряв.
Я чуть не плачу, гнев меня объемлет:
Мы гибнем, а предатель гнусный дремлет.

Л ю с и

О, помогите лорду в час суровый!

Й о р к

Он гибнет, — должен я нарушить слово;
Француз ликует, — мы в пучине бед.
Всему виной предатель Сомерсет.

Л ю с и

Так душу Толбота помилуй, боже,
И Джона, сына юного его!
К отцу поехал он: его я встретил.
Семь лет был Толбот с сыном разлучен,—
И вот с ним вместе смерть увидит он.

Й о р к

Ах, не на радость сын приедет милый,—
С ним встретится лорд Толбот у могилы.
Прочь! Задыхаюсь я, скорбя о том,
Что встретится в час смерти сын с отцом.
Люси, прощай! Могу лишь проклинать
Того, кто не послал нам в помощь рать.
Пуатье, Блуа и Тура больше пет,—
Всего лишил нас подлый Сомерсет.

Л ю с и

Пока раздора коршун роковой
Терзает грудь высоких полководцев,
Небрежность, лень лишают нас всего,
Что нам стяжал недавно опочивший
Король, навеки славный Генрих Пятый.
Пока они враждуют меж собой,
Все гибнет — жизнь, и честь, и край родной.
(Уходит.)

С Ц Е Н А 4

Другая равнина в Гаскони.

Входяг Сомерсет с войском, с ним офицер Толбота.

С о м е р с е т

Теперь уж поздно, не могу послать.
Толбот и Йорк с поспешностью чрезмерной
Затеяли поход. Всех наших сил
Не хватит, чтобы вылазку отбить
Из города. Чрезмерно храбрый Толбот
Сиянье прежней славы омрачил
Безумным, диким, вздорным предприятием.
Йорк Толбота решил на смерть послать,
Чтоб самому великим Йорком стать.

Входит сэр Уильям Люси.

О ф и ц е р

Вот и сэр Люси, что со мною послан
За помощью для гибнущих полков.

С о м е р с е т

Сэр Уильям, кем вы посланы, скажите?

Л ю с и

Кем? Толботом, что продан был и куплен.
Бедою дерзостною окружен,
Он призывает Йорка, Сомерсета,
Чтоб натиск смерти отвратить от слабых
Своих полков. Меж тем как вождь достойный
Кровавым потом истекает в битве,
Чрез силу держится, подмоги ждет,
Вы, лживая опора и надежда,
Стоите в стороне, пылая распрей.
Пусть личный ваш раздор не помешает
Послать ему готовую подмогу.
Ведь лорду знаменитому грозят
Со всех сторон враги несметной силой:
Бургундский герцог, Карл, Бастард, Рене
И Алансон кольцом его сдавили,
И Толбот погибает из-за вас.

С о м е р с е т

Йорк подстрекнул его,— пусть он поможет.

Л ю с и

А Йорк во всем винит лишь вашу светлость,
Клянясь, что задержали вы отряды,
Предназначавшиеся для похода.

С о м е р с е т

Лжет Йорк! Он мог за конницей прислать.
Чтить и любить его я не обязан.
Унизился бы я пред ним, послав
Ему без просьбы конные отряды.

Л ю с и

Обман английский, не французов мощь,
Опутал сетью славного героя.
Он не вернется в Англию живым:
Погублен он раздором роковым.

С о м е р с е т

Я конницу пошлю без промедленья,
Через шесть часов получит подкрепление.

Л ю с и

Уж поздно: он в плену или убит.
Когда б и захотел, не мог бежать он,
А если б он и мог, не захотел бы.

С о м е р с е т

Коль умер Толбот, — так прощай, герой!

Л ю с и

Он славою покрыт, а вы — хулой.
(Уходит.)

С Ц Е Н А 5

Английский лагерь близ Бордо.

Входят Толбот и Джон, его сын.

Т о л б о т

О юный Джон! Я за тобой послал,
Чтоб научить военному искусству, —
Чтоб имя Толбота в тебе воскресло,
Когда иссохшей старостью, бессильем
Прикован к ложу будет твой отец.
Но — о губительные, злые звезды! —
Приходишь ныне ты на праздник смерти,
Беды ужасной и неотразимой.
Садись на лучшего коня, мой мальчик;
Я научу тебя, как быстрым бегством
Спаستись. Иди, не медли. Бог с тобой!

Д ж о н

Я Толботом зовусь, вам сын родпой —
И побегу? Коль мать моя мила вам,
Вы не позорьте имени ее,
Меня Бастардом, трусом почитая.
Все скажут: «Он не Толботом рожден,
Коль убежал, вождя покинув, он».

Т о л б о т

Беги, чтоб за меня отмстить нещадно.

Д ж о н

Кто так бежит, тот не придет обратно.

Т о л б о т

Оставшись, оба встретим свой конец.

Д ж о н

Я остаюсь. Бегите вы, отец.
Смерть ваша принесет ущерб несметный,
Моя ж погибель будет незаметной.
Моею смертью хвастать враг не станет,
А с вашей гибелью надежда канет.
Честь вашу не убьет побег такой,
Мою ж убьет, — нет подвигов за мной.
Про ваше бегство скажут: «Здесь расчет», —
Меня же всякий трусом назовет.
Надежды нет на то, что буду смел,
Когда в сражение первом оробел.
Молю вас, дайте с честью умереть;
Отрадней это мне, чем срам терпеть.

Т о л б о т

Не любишь матери, коль рвешься к гробу.

Д ж о н

Я не хочу срамить ее утробу.

Т о л б о т

Иди. Отцовской покоряйся воле.

Д ж о н

Пойду, но в битву, на врага, не с поля.

Т о л б о т

Честь твоего отца с тобой спасется.

Д ж о н

Нет, лишь позор на долю мне придется.

Т о л б о т

Ты не был славен. Срам тебе грозит ли?

Д ж о н

А вашей славе бегство повредит ли?

Т о л б о т

Мой сын, приказ отца сотрет твой стыд.

Д ж о н

Но, коль умрешь, кто это подтвердит?
Коль неизбежна смерть, бежим вдвоем.

Т о л б о т

Ну, а войска? Их смерти обречем?
Я стар и не срамился никогда.

Д ж о н

Иль юности бесчестье — не беда?
Вам от себя меня не отделить,
Как пополам себя не разделить.
Везде за вами я пойду вослед;
Коль мой отец умрет, мне жизни нет.

Т о л б о т

Тогда прощусь с тобой, сын милый Джон.
Ты в этот день угаснуть обречен.
Идем. Бок о бок мы умрем с тобой
И к небу полетим душа с душой.

Уходят.

С Ц Е Н А 6

Поле сражения.

Шум битвы. Стычки.

Сын Толбота окружен. Толбот его выручает.

Т о л б о т

Святой Георгий и победа! Бейтесь!
Регент нарушил данное мне слово
И нас обрек мечу врага лихого.
Где Джон? — Постой, набраться надо сил;
Тебя от смерти спас я, жизнь продлил.

Д ж о н

Я дважды сын твой, ты отец мне дважды!
Терял я жизнь, что ты мне дал однажды,
Но ты, на зло судьбе, свой меч извлек,
Даруя дням истекшим новый срок.

Когда мечом ты искры высекал
 Из шлема Карла, вдруг я воспылал
 Надеждой гордой на победу. Старость
 Познала юную отвагу, ярость.
 Отбит Бастард, Бургундец, Алансон,
 И от надменных галлов ты спасен.
 Бастард, что течь заставил кровь твою,
 С кем девственный ты меч скрестил в бою,
 Мне вскоре встретился; я поспешил
 Кровь незаконную из гнусных жил
 Пролить и говорил, глумясь над ним:
 «Бастард, вот пролита мечом моим
 Твоя худая, мерзкая, гнилая
 И низменная кровь; тебе отмщаю
 За чистую кровь сына моего,
 Что пролил ты». Хотел убить его,
 Но помощь к ним пришла. Скажи, мой Джон,
 Как чувствуешь себя? Не утомлен?
 Теперь, надеюсь, ты готов бежать,
 Когда ты принял рыцарства печать?
 Беги, чтоб отомстить за смерть мою.
 Что значит помощь одного в бою?
 Безумие, пускаясь в быстрину,
 Всем доверяться одному челну!
 Коль ныне не убьет французов ярость,
 На завтра в гроб меня уложит старость.
 Враг от меня не многим поживится,
 И жизнь моя лишь на день сократится;
 С тобой же юность, мать твоя, наш род,
 Отмщенье, честь отчизны — все умрет.
 Их ожидает гибель здесь с тобой;
 Их сохранишь ты, коль покинешь бой.

Д ж о н

Мне зла не причинил Бастарда меч,
 Но сердца кровь исторгла ваша речь.
 О, прежде чем бесчестье наживая,
 Спасая жизнь и славу убивая,
 Отца покинет Джон и убежит,
 Пусть будет мой трусливый конь убит!
 Пусть мужиком французским стану я,
 И срам и беды хлынут на меня!
 Клянусь величьем вашим, коль один

Я с поля убегу — я вам не сын.
Не говори о бегстве! Честь дороже!
Сын Толбота у ног отца умрет.

Т о л б о т

Так за отцом иди, Икар Злосчастный!
Я жизнью дорожу твоей прекрасной,
Сражаться будешь рядом ты с отцом
И доблестною смертью мы умрем.

Уходят,

С Ц Е Н А 7

Другая часть поля сражения.

Шум битвы. Стычка.

Входит раненый Т о л б о т, поддерживаемый с л у г о й.

Т о л б о т

Где жизнь вторая? Я своей лишен.
Где Толбот молодой? Где храбрый Джон?
Смерть горестная, плена жребий злой,
Вы мне смешны, коль здесь мой сын — герой.
Увидел он, что сломлен я борьбой,
Взмахнул мечом кровавым надо мной
И, разъярившись, как голодный лев,
Он в подвигах излил свой лютый гнев.
Когда же страж мой гневный увидал,
Что он один, что враг пред ним бсжал,
Ему затмило очи иступление,
И от меня он ринулся в сражение,
В толпу врагов, рубя что было сил,
И в этом море крови утолил
Своей души воспламененной жар, —
И доблестно погиб мой сын, Икар.

С л у г а

Милорд, вот сына вашего несут.

Входят солдаты, неся тело Джона Толбота.

Т о л б о т

О смерть глумящаяся, дерзкий шут!
Избежим мы твоих позорных уз,
Чтоб в вечности скрепить святой союз.

Два Толбота, мы воскресим в эфире,
На зло тебе стяжав бессмертье в мире.—
О ты, в чьих ранах смерть гнездится злая,
Скажи отцу хоть слово, умирая.
Вообрази, что смерть — француз, и ей
Брось вызов речью смелою своей.
Ты словно говоришь улыбкой слабой:
«Будь смерть французом, нынче умерла бы». —
Сюда его, в объятия отца!
Мой дух страдать не может без конца! —
Прощайте, воины! — О сын мой милый!
Объятия отца — твоя могила.

(Умирает.)

Солдаты и слуги, оставив тела Толбота и его сына, уходят.
Входят Карл, Алансон, герцог Бургундский, Бастард,
Жанна д'Арк и французское войско.

Карл

Приди на помощь Йорк и Сомерсет,
Нам выпал бы сегодня день кровавый.

Бастард

Толбота львенок бился разъярен;
Лил нашу кровь мечом презренным он.

Жанна д'Арк

Он встретился мне, и сказала я:
«Ты будешь девой побежден, дитя!»
Он гордо поглядел и мне в ответ:
«Джон Толбот не затем рожден на свет,
Чтоб гнусной девкой побежденным быть», —
И ринулся француз он крошить,
Меня себе не почитая равной.

Герцог Бургундский

Да, из него бы вышел рыцарь славный.
Вот он лежит в объятиях того,
Кто на несчастье породил его.

Бастард

Рубите и кромсайте тех, что славу
Британцам дали, нам же — стыд кровавый!

К а р л

Нет! Тех, пред кем бежали столько раз,
Не станем мертвых оскорблять сейчас.

Входит сэр Уильям Люси со свитой, перед ним французский
сержант.

Л ю с и

Герольд, води меня к шатру дофина,
Чтоб мне узнать, кто славу дня стяжал.

К а р л

Сюда с капитуляцией ты прибыл?

Л ю с и

С капитуляцией? То ваше слово:
Оно нам, англичанам, незнакомо.
Пришел узнать я, кто захвачен в плен,
И осмотреть тела сраженных в битве.

К а р л

О пленных спрашиваешь ты? Мы в ад
Послали их. Скажи, кого ты ищешь?

Л ю с и

Где ж доблестный Алкид, лорд храбрый Толбот,
Граф Шрусбери,— за бранные заслуги
Он был пожалован великим графом
Уошфордским, Уотерфордеким и Валенским,—
Лорд Толбот Гудригский и Эрчинфилдский,
Лорд Верден Олтонский, лорд Стрендж Блекмирский,
Лорд Кромвель Уингфилдский, лорд Фернивал,
Трикат прославленный лорд Фоконбридж,
Георгия святого славный рыцарь,
Святого Михаила и Руна,
Великий маршал Генриха Шестого
В боях, что он во Франции ведет?

Ж а н н а д ' А р к

Дурацкая напыщенная речь!
Сам Турок, что полсотней царств владеет,
Таким пространным слогом не напишет.
А тот, кого так пышно величаешь,
Лежит, облеплен мухами, гниющий,
Смердящий под ногами у меня.

Л ю с и

Так Толбот умерщвлен? Французов бич,
Гроза державы вашей, Немезида?
О, если б очи превратились в ядра,
Чтобы метнуть их вам, враги, в лицо!
О, если б мог вернуть его я к жизни,
На всю бы Францию навел он ужас!
Когда б его портрет остался тут,
Храбрейшего из вас он устранил бы.
Отдайте мне тела, чтоб унести их
И погребению предать с почетом.

Ж а н н а   д ' А р к

Не Толбота ли дух в него вселился?
Так властно он и гордо говорит.
Тела ему отдайте, ради бога,
Они лишь воздух заражают здесь.

К а р л

Отдать ему тела.

Л ю с и

Я унесу их.
Но феникс будет пеплом их рожден,
И Францию повергнет в трепет он.

К а р л

Бери и делай с ними, что захочешь.—
Теперь в Париж. К победам путь открыт;
Всем завладеем,— Толбот ведь убит.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Лондон. Покой во дворце.

Трубы.

Входят король Генрих VI, Глостер и Эксетер.

Король Генрих

Прочли вы письма, что прислали папа,
Граф д'Арманьяк и римский император?

Глостер

Да, государь. Вот содержание их:
Ваше величество смиренно просят,
Чтоб заключен был мир благочестивый
Между державой вашей и французской.

Король Генрих

Как смотрите, милорд, на предложенье?

Глостер

Я вижу в нем единственное средство
Унять потоки христианской крови
И повсеместно мир восстановить.

Король Генрих

Вы правы, дядя. Думал я всегда,
Что неестественно и нечестиво,

Коль царствует раздор бесчеловечный
Между приверженцами той же веры.

Г л о с т е р

К тому ж, король, чтобы скорей свершить
И затянуть покрепче узел дружбы,
Граф д'Арманьяк, дофину кровно близкий
И человек с влиянием огромным,
Единственную дочь вам предлагает
В супруги, с крупным, царственным приданым.

К о р о л ь   Г е н р и х

В супруги, дядя? Ах, так молод я,
И мне к лицу скорей ученье, книги,
Чем нежности игривые с любезной.
Однако пригласим сюда послов;
Ответ им дайте, как найдете нужным.
Я всякому решению буду рад,
Что к славе божьей и стране во благо.

Входят легат, два посла и епископ Уинчестерский
в кардинальском облачении,

Э к с е т е р

Как! Лорд Уинчестер уж повышен в званье
И получил он кардинальский сан?
Я вижу, оправдается теперь,
Что предсказал когда-то Генрих Пятый:
«Когда Уинчестер станет кардиналом,
Сравняет шляпу он свою с короной».

К о р о л ь   Г е н р и х

Высокие послы! Мы рассмотрели
И обсудили ваши предложенья.
Разумна и прекрасна ваша цель,
И посему решили начертать мы
Условия дружеского мира; их
Епископу Уинчестеру поручим
Во Францию немедля отвезти.

Г л о с т е р

А что до предложенья Арманьяка,
Я доложил подробно королю
О качествах возвышенных графини,
О красоте и о приданом ценном.—
Ее решил он сделать королевой.

Король Генрих

И в подтверждение нашего согласия
Свезите ей брильянт — залог любви.—
Итак, милорд-протектор, позаботьтесь
Ее со свитою доставить в Довер;
Затем доверим их судьбу волнам.

Король Генрих со свитой, Глостер, Эксетер и послы
уходят.

Епископ Уинчестерский

Постойте, господин легат, сперва
Вручу вам сумму, что я обещал
Его святейшеству за сан высокий,
Которым он облек меня недавно.

Легат

К услугам вашего преосвященства.

Епископ Уинчестерский (в сторону)

Теперь уж Уинчестер не покорится;
Сильнейшим перам не уступит он.
Ты скоро убедишься, Хемфри Глостер,
Что властью и рождением никогда ты
Не превзойдешь высокого прелата.
Уверен будь, что я тебя согну
Иль возмущеньем разорю страну.

Уходят.

СЦЕНА 2

Франция. Равнина в Анжу.

Входят Карл, герцог Бургундский, герцог Алансонский,
Бастард, Рене, Жанна д'Арк и войско.

Карл

Наш дух унылый эта весть ободрит.
Как слышно, возмутились парижане;
Французская проснулась доблесть в них.

Алансон

Так путь к Парижу, славный Карл, свершай;
Здесь времени напрасно не теряй.

Жанна д'Арк

Мир парижанам, если к нам примкнут,—
Не то дворцы их гордые падут.

Входит разведчик.

Разведчик

Успехов славному вождю желаю
И счастья вам, сподвижникам его!

Карл

Что говорят разведчики? Скажи нам.

Разведчик

Английские войска, что прежде шли
Двумя отрядами, соединились
И собираются вам битву дать.

Карл

Известье неожиданно, сеньоры;
Но приготовимся немедля к встрече.

Герцог Бургундский

К нам призрак Толбота не прилетит;
Коль нет его, ничто нас не страшит.

Жанна д'Арк

Из низких чувств постыднейшее — страх.
Победе прикажи — слетит к тебе
На зло врагу, вселенной и судьбе.

Карл

Вперед, друзья! За Францию! В час добрый!

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же. Перед Анжером.

Шум битвы. Стычки.

Входит Жанна д'Арк.

Жанна д'Арк

Регент теснит нас, и бегут французы.
Так помогайте, чары, амулеты

И вы, руководящие мной духи!
Явите знак событий предстоящих.

Гром.

Проворные заступники мои,
Вы, что владыке севера покорны,
Явитесь, помогите мне сейчас!

Входят злые духи.

То, что явились так поспешно вы,
Обычное доказывает рвенье.
Вы, духи — покровители мои,
Слетевшиеся из глубин подземных,
Доставьте снова Франции победу!

Духи безмолвно ходят вокруг нсе.

О! Не томите же меня молчаньем!
Как я своею кровью вас кормила,
Готова руку отрубить свою
И вам отдать ее в залог успеха,—
Вы только помогите мне теперь.

Духи склопляют головы.

Надежды нет? Тогда отдам все тело,
Коль просьбу вы исполните мою.

Духи качают головами.

Ужель ни телом, ни кровавой жертвой
Не вымолю я помощи обычной?
Тогда возьмите душу, тело, все,—
Лишь Англии торжествовать не дайте.

Духи уходят.

Покинули меня! Настало время
Для Франции пернатый гордый шлем
Склонить пред Англией, главой поникнув.
Заклятья прежние мои бесплодны,
И с адом мне бороться не под силу.
Ты снова, Франция, падешь во прах.

Шум битвы.

Входят французы и англичане, сражаясь. Жаппа д Арк
вступает в единоборство с Йорком. Ее берут в плен. Французы
бегут.

Йорк

Поймал тебя, французская красотка!

Скорей спусти заклатьем духов с цепи,
И пусть они тебе вернут свободу.
Добыча славная,— достойная и черта.
Вот ведьма хмурит брови, как Цирцея:
Мой образ, верно, хочет изменить.

Ж а н н а д'А р к

На худший образ твой не переменишь.

Й о р к

О! Карл дофин — красавец хоть куда!
Твой прихотливый взор его лишь ценит.

Ж а н н а д'А р к

Погибель вас возьми — тебя и Карла!
Пусть неожиданно, во время сна,
Придушат вас кровавыми руками.

Й о р к

Колдунья, ведьма гнусная, молчи!

Ж а н н а д'А р к

Прошу тебя, дозвожь мне проклинать.

Й о р к

Ты будешь клясть, злодейка, на костре.

Уходят.

Шум битвы.

Входит С е ф ф о л к, ведя за руку М а р г а р и т у.

С е ф ф о л к

Кто б ни была, ты — пленница моя.

(Смотрит на нее.)

Красавица, не убегай, не бойся!
Коснусь тебя почтительной рукой;
В знак мира вечного я эти пальцы
Целую и кладу на бок твой нежный.
Кто ты? Скажи, чтоб мне тебя почитать.

М а р г а р и т а

Кто б ни был ты, зовусь я Маргаритой,
И мой отец — Неаполя король.

Сеф ф о л к

Я граф, и Сеффолком меня зовут.
Не оскорбляйся же, природы чудо,
Что жребий твой — быть пленницей мосей.
Так лебедь лебедят своих пушистых
Под сенью крыл в плену хранит любовно.
Но коль обидно быть тебе рабой,
Будь вольным другом мне. Иди домой.

Маргарита хочет уйти.

Останься! Отпустить ее нет сил:
Рука освобождает, сердце ж — нет.
Как солнце в зеркале реки играет,
В глаза бросая отраженный луч,
Так взор мой красота ее слепит.
Хотел бы я ухаживать за нею,
Но говорить не смею. Попрошу
Чернила и перо и объяснюсь ей.
Стыд, Де-Ла-Пуль! Не унижай себя.
Иль нем ты? Иль не пленница она?
Пред женщиной ужели ты робеешь?
Да, таково величье красоты,
Что поражает чувство и язык.

Маргарита

Скажи, граф Сеффолк, — если так зовешься, —
Какой мне выкуп за свободу дать?
Ведь я, как вижу, пленница твоя.

Сеф ф о л к (в сторону)

Почем ты знаешь, что тебе откажут,
Раз ты не признавался ей в любви?

Маргарита

Что ты молчишь? Какой мне выкуп дать?

Сеф ф о л к (в сторону)

Она прекрасна — попытаться надо,
И женщина — так можно победить.

Маргарита

Скажи, ты примешь выкуп? Да иль нет?

Сеф ф о л к

(в сторону)

Безумец! Вспомни про свою жену.
Как может быть твоею Маргарита?

Мар г а р и т а

Уйти мне лучше; он меня не слышит.

Сеф ф о л к

(в сторону)

Пропало все: легла дурная карта.

Мар г а р и т а

Несвязна речь; наверно, он помешан.

Сеф ф о л к

(в сторону)

И все ж достать возможно разрешение.

Мар г а р и т а

И все ж хочу я получить ответ.

Сеф ф о л к

(в сторону)

Добьюсь я Маргариты. Для кого же?
Для короля! Фу! Глуп я, как бревно!

Мар г а р и т а

Он говорит о бревнах: верно, плотник.

Сеф ф о л к

(в сторону)

Однако я свою исполню прихоть,
И водворится мир между двух держав.
Но все ж одна здесь трудность остается:
Отцу ее — Неаполя король
И герцог Мена и Анжу, но беден,
И наша знать отвергнет этот брак.

Мар г а р и т а

Послушайте меня. Иль недосуг вам?

Сеф ф о л к

(в сторону)

Как ни сердись они, все ж будет так.
Ведь Генрих юн и быстро согласится.

(Маргарите.)

Принцесса, тайну вам хочу открыть.

Маргарита

Пусть я в плену; но он, как видно, рыцарь
И ни за что меня не оскорбит.

Сеф ф о л к

Благоволите выслушать, принцесса.

Маргарита

(в сторону)

Меня, быть может, выручат французы:
Тогда мне не нужна его любезность.

Сеф ф о л к

Принцесса милая, хочу сказать вам...

Маргарита

(в сторону)

В плену бывали женщины и прежде.

Сеф ф о л к

Принцесса, что вы говорите там?

Маргарита

Простите, это недоразуменье...

Сеф ф о л к

Принцесса, вы сочли бы плен счастливым,
Когда бы он доставил вам королю?

Маргарита

Быть королевою в плену позорней,
Чем быть простой рабою. Государям
К лицу свобода.

Сеф ф о л к

Ты ее получишь,

Коль Генрих, Англии король, свободен.

Маргарита

Что мне за дело до его свободы?

Сеффолк

Хочу тебя его супругой сделать,
Тебе дать в руки скипетр золотой,
Коропой увенчать твою главу,
Коль согласишься быть моею...

Маргарита

Чем?

Сеффолк

Его любовью.

Маргарита

Я недостойна стать его женою.

Сеффолк

О нет, принцесса, недостойн я,
Коль сватаю красавицу ему,
А сам остаться должен в стороне.
Что скажете, принцесса? Вы согласны?

Маргарита

Когда отцу угодно, я согласна.

Сеффолк

Сюда, начальники! Вперед, знамена! —
Здесь, перед замком вашего отца,
Принцесса, мы начнем переговоры.

Трубят к переговорам.

На стену всходит Рене.

Смотри, Рене, в плен дочь твоя взята!

Рене

Кем?

Сеффолк

Мной.

Рене

Как, Сеффолк, этому помочь?
Ведь воин я и не умею плакать
И проклиная изменчивость судьбы.

С е ф ф о л к

Есть средство верное помочь, сеньор,
Согласье дай, своей же ради чести,
За моего монарха выдать дочь;
Ее для короля с трудом я добыл,
И этот легкий, краткий плен ее
Подарит царственную ей свободу.

Р е н е

Ты, Сеффолк, правду говоришь?

С е ф ф о л к

Известно

Прекрасной дочери твоей, что Сеффолк
Не лжет, не притворяется, не льстит.

Р е н е

По рыцарскому слову твоему
Сойду, чтоб дать ответ на предложенье.
(*Сходит со стены.*)

С е ф ф о л к

Здесь подожду прихода твоего.

Трубы. Входит Р е н е.

Р е н е

Привет тебе, граф славный, в наших землях.
Чего захочешь, требуй здесь в Анжу.

С е ф ф о л к

Благодарю, Рене. Как счастлив ты,
Имея дочь, достойную короны!
Но что ответишь мне на предложенье?

Р е н е

Коль ты ее, ничтожную, избрал
В невесты государю своему,
Я, при условии, что сохраню
Анжу и Мен, мои владенья, в мире,
Не ведая насилия и войны,—
Дочь Генриху отдам, коль он захочет.

С е ф ф о л к

Пусть это будет выкуп. Дочь прими.

А графствами твоими, я ручаюсь,
Отныне будешь мирно ты владеть.

Рене

Тебе, как представителю монарха,
Во имя Генриха, в знак договора,
Я руку дочери моей даю.

Сеффолк

Прими ж, Рене Французский, благодарность
От короля, которому служу.

(В сторону.)

А все ж, признаться, было бы приятно
Быть за себя ходатаем сейчас.

(Громко.)

Я в Англию отправлюсь с новостями
И подготовлю заключение брака.
Итак, прощай, Рене, храни алмаз свой,
Как подобает, в золотом дворце.

Рене

Я обниму тебя, как обнял бы
Монарха твоего, будь Генрих здесь.

Маргарита

Прощайте, граф. Молитвы Маргариты.
Ее признательность — отныне с вами.

Сеффолк

Прощайте, милая принцесса. Разве
Привета государю не пошлете?

Маргарита

Пошлю такой привет, какой к лицу
Его служанке, девушке невинной.

Сеффолк

Слова нежны и скромности полны.
Но снова потревожу вас, принцесса:
Залог любви ему пошлете вы?

Маргарита

Да, добрый лорд; нетронутое сердце,
Любви не ведавшее до сих пор.

Сеф ф о л к

А также поцелуй.

(Целует ее.)

Ма р га р и та

Возьми его себе; я не дерзну

Такой пустой залог послать монарху.

Рене и Маргарита уходят.

Сеф ф о л к

О если б ты была моей! Стой, Сеффолк;

Ты не пускайся в этот лабиринт,

Где минотавры бродят и измены.

Плени монарха похвалами ей:

Припоминай все качества принцессы,

Ее красу, что превзошла искусство;

Во время плаванья об них лишь думай,

Чтобы, склонив пред Генрихом колени,

В его душе зажечь восторг любви.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 4

Лагерь герцога Йоркского в Анжу.

Входят Йорк, Уорик и другие.

Й о р к

Введите осужденную колдунью.

Входят Жанна д'Арк под стражей и старик пастух.

С т а р и к п а с т у х

Ах, Жанна! Убиваешь ты отца!

Я для того ль искал тебя повсюду,

Чтоб на беду свою здесь увидеть

Твою безвременную, злую смерть?

Ах, Жанна, дочка, я умру с тобою!

Ж а н н а д'А р к

Презренный нищий! Жалкий негодяй!

Я рождена от благородной крови.

Ты вовсе не отец мне, не родня.

Старик пастух

Тыфу! Тыфу! Ей-богу, лорды, врет она.
Я ей отец — то знает весь приход;
И мать ее жива и подтвердит,
Что первый плод она женитьбы нашей.

Уорик

Бесстыдная! Отвергнешь ты родство?

Йорк

Как жизнь ее была порочной, гнусной,
Такая же и смерть ей предстоит.

Старик пастух

Фу, Жанна! Можно ль быть такой упрямой?
Свидетель бог, ты плоть и кровь моя;
Из-за тебя я пролил слез немало.
Не отрекайся, дочка, от меня.

Жанна д'Арк

Пошел, мужик! — Подкуплен вами он:
Хотите скрыть моих венчанных предков.

Старик пастух

Да, за венчанье дал попу я нобль,
Когда на матери твоей женился.
Стань на колени, дитяtko мое,
И я тебя благословлю. — Не хочешь?
Будь проклят час рожденья твоего!
Хотел бы я теперь, чтоб молоко,
Которым мать твоя тебя кормила,
Крысиным ядом было, а не то —
Чтоб кровожадный волк тебя заел,
Когда пасла моих овец ты в поле!
Ты от отца, мерзавка, отеклась?
Сжечь, сжечь ее! Повесить — много чести.

(Уходит.)

Йорк

Убрать ее. Достаточно жила,
Своею скверной отравляя мир.

Жанна д'Арк

Кто вами осужден — сперва узнайте.
Не пастухом-мужланом рождена я,

Но род веду от крови королевской.
Я чистая избранница небес,
Озарена высокой благодатью,
Чтоб чудеса здесь на земле творить.
Я с бесами не зналась никогда.
Но вы, что похотью осквернены,
Замараны невинной кровью жертв,
Погрязли в злых пороках и разврате,—
Как сами благодати лишены,
Считаете, что можно чудеса
Творить лишь с помощью нечистой силы.
Вы в заблужденье грубом! Жанна д'Арк
Осталась девственницей с детских лет,
Чиста и непорочна даже в мыслях;
И девы кровь, пролитая жестоко,
О правой мести к небу воззовет.

Й о р к

Так, так. На казнь вести ее скорей!

У о р и к

Послушайте, раз девушка она,
Дров не жалейте, больше их кладите,
И бочки со смолою на костер
Вкатите, чтоб мученья сократить ей.

Ж а н н а д'А р к '

Ничто сердце безжалостных не тронет?
Так слабость, Жанна, им свою открой,
Что по закону даст тебе защиту.—
Беременна я, лютые убийцы!
Не умерщвляйте плод моей утробы,
Коль тащите меня на злую смерть.

Й о р к

Помилуй, бог! Беременна святая!

У о р и к

Вот чудо величайшее твое!
Иль к этому вела святая жизнь?

Й о р к

Она с дофином славно забавлялась,
Предвидел я, на что она сошлется.

У о р и к

Ну, ладно. Не нужна нам жизнь бастардов,
Осбенно когда отец им Карл.

Ж а н н а д'А р к

Ошиблись вы: не от него ребенок;
Был Алансон возлюбленным моим.

Й о р к

Ах, Алансон! Второй Макиавелли!
Дитя умрет, будь сотни жязней в нем.

Ж а н н а д'А р к

Меня простите, я вас обманула:
Не Карл, не Алансон меня пленил;
То был Рене, Неаполя король.

У о р и к

Женатый человек! Недопустимо!

Й о р к

Вот девушка! Она сама не знает,
Кого винить — так много было их.

У о р и к

Она была щедра и всем доступна.

Й о р к

И все же дева чистая она.—
Распутница! Себя и свой приплод
Ты осудила. Прочь! Мольбы напрасны

Ж а н н а д'А р к

Идемте ж. Но оставляю вам проклятье.
Пусть никогда отрадный солнца свет
Не озаряет край, где вы живете,
Но тьма и сумрачные тени смерти
Покроют вас, пока в тоске и горе
Вы не затынете петлю на шее!

(Уходит под стражей.)

Й о р к

Рассыпся в прах, развейся черным пеплом,
Проклятая служительница ада!

Входят кардинал Вофорт, епископ Уинчестерский
со свитой.

Кардинал

Милорд-регент, принес я полномочья
Для вашей милости от короля.
Милорды, христианские державы,
Об этих распрях пагубных скорбя,
Просили настоятельно, чтоб мы
Мир заключили с Францией надменной.
Поблизости от нас дофин со свитой:
Явился он вести переговоры.

Йорк

Так вот к чему привел наш тяжкий труд!
Как! Потеряв так много славных перов,
Дворян, вождей и рядовых солдат,
Погибших в этом долголетнем споре,
Отдавших жизнь за благо королевства,
Мы бабий мир постыдно заключим?
Иль мы изменой, подлостью, коварством
Не потеряли многих городов,
Что доблестно завоевали предки? —
Ах, Уорик, Уорик! Я, скорбя, предвижу,
Что Франции лишимся мы совсем.

Уорик

Терпенье, Йорк. Коль мир мы заключим,
То на условиях, столь для них суровых,
Что будет мало выгоды французам.

Входят Карл, Алансон, Бастард, Рене и другие.

Карл

Поскольку это решено, милорды,
Мы перемирие провозгласим.
Явились мы, чтобы узнать от вас,
Какие ставите условия мира.

Уорик

Ты говори, Уинчестер. Ярый гнев,
Сжав горло мне, слова не пропускает
При виде недругов, столь ненавистных.

Кардинал

Карл и вы все, узнайте о решение:
Ввиду того, что Генрих согласился,

Из милосердия и состраданья,
Освободить ваш край от лютых войн
И дать вкусить вам плодородный мир,
Вы станете вассалами его.
И если, Карл, ему ты поклянешься,
Что, подчинившись, станешь дань платить,
Поставлен будешь вице-королем
И сохранишь ты сан свой королевский.

А л а н с о н

Он станет тенью самого себя?
Коронкой жалкою чело украсит,
И, в сущности, по вессу своему
Сравняется он с подданным простым?
Нелепо, безрассудно предложенье!

К а р л

Известно всем, что большей половиной
Земель французских я уж завладел
И там считаюсь королем законным.
Ужель, прельстясь непокоренной частью,
Настолько отступлю от прав своих,
Чтоб всей страны стать вице-королем?
Нет, лорд-посол, я лучше сохраняю
То, чем владею, нежели, погнавшись
За бóльшим, потеряю разом все.

Й о р к

О дерзкий Карл! Иль к нам не подсылал ты
Тайком посредников, чтоб мир снискать?
Едва ж дошло до соглашенья дело,
Стал в стороне, пускаешься в сравненья?
Ну нет! Похищенный тобою титул
Прими как дар английского монарха,
Признав, что у тебя нет прав законных,
Иль будем войнами тебя казнить.

Р е н е

Вы, государь, упрямитесь напрасно,
К условиям договора придираясь.
Коль мы отвергнем, нет почти надежды,
Что встретите подобный случай вновь.

А л а н с о н
(*тихо, Карлу*)

Сказать по правде, явите вы мудрость,
Спасая свой народ от истребления,
От яростной резни, что каждый день
Приносит нам ведение войны.
Примите лучше мирный договор:
Ведь вы всегда вольны его нарушить.

У о р и к

Что скажешь, Карл? Условья наши примешь?

К а р л

Приму;
Но только с оговоркою, что вы
На наши крепости не посягнете.

Й о р к

Так присягни монарху моему,
Как рыцарь; обещаи повиноваться
И против Англии не бунтовать.

Карл и его свита приносят присягу.

Так. Распустите же свои войска.
Свернуть знамена! Пусть замолкнут трубы.
Торжественно мы водворяем мир.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Лондон. Покой в королевском дворце.

Входят король Генрих, разговаривая с Сеффоком, Глостер
и Эксетер.

К о р о л ь Г е н р и х

Граф благородный, вашим описанием
Прелестной Маргариты поражен я.
Ее достоинства и красота
В моей груди любовь уж зародили,
И, как порыв свирепый урагана
Порой корабль против течения гонит,
Так и меня влечет молва о ней.
Иль потерплю крушение, иль прибуду
К желанной пристани ее любви.

Сеффо́лк

Поверьте мне, король, рассказ мой краткий —
Лишь предисловие к ее хвале.
Всех совершенств прелестнейшей девицы, —
Когда б имел талант их передать я, —
Хватило бы на целый том чудесный,
Способный даже хладный ум пленить.
Но главное: она не столь прекрасна
И преисполнена различных чар,
Как нежности и кротости полна,
И будет рада вам всегда служить, —
Служить, понятно, в самом чистом смысле,
Любя и чтя как своего супруга.

Король Генрих

Иного не прикажет Генрих ей. —
Итак, милорд-протектор, согласитесь,
Чтоб королевой стала Маргарита.

Глостер

Как согласиться? Это грех немалый.
Ведь вы же, государь, обручены
С другой достойной молодой девицей.
Так как же нам нарушить договор,
Не осквернив вас, государь, бесчестьем?

Сеффо́лк

Как поступает с незаконной клятвой
Правитель; иль как рыцарь на турнире,
Сразиться клявшийся, уходит с поля,
Соття противника себе неравным.
Дочь графа бедного не рóвня вам,
И без позора можно с ней порвать.

Глостер

Но чем, скажите, лучше Маргарита?
Ее отец не более как граф,
Хоть много пышных титулов имеет.

Сеффо́лк

О нет, милорд; отец ее — король,
Король Неаполя, Иерусалима,
Во Франции большой имеет вес,
И с ним родство должно упрочить мир
И в подчинении держать французов.

Г л о с т е р

Но то же сделает граф Арманьяк,
Затем что близкий родственник он Карлу.

Э к с е т е р

К тому ж он даст приданое большое;
Рене ж скорее сам возьмет, чем даст.

С е ф ф о л к

Приданое? Монарха не порочьте!
Иль так он низок, беден и презретен,
Чтоб деньги предпочесть любви чистейшей?
Обогатить невесту может Генрих,
Не станет он искать ее богатств.
Жену крестьянин жалкий покупает,
Как лошадь, телку иль овцу на рынке.
Брак чересчур значительное дело,—
Не чрез ходатая его свершать.
Не та, что мы хотим, но та, что выбрал
Сам государь, должна делить с ним ложе.
И вот, милорды, раз ее он любит,
Сильнее всех других причина эта
Склоняет нас отдать ей предпочтение.
Что брак по принуждению, как не ад,
Раздоры постоянные и ссоры?
Брак по любви блаженством наделяет
И образ мира высшего являет.
На ком жениться должен наш король,
Как не на Маргарите, на принцессе?
Она и по красе и по рождению
Достойна быть супругой короля,
Вольнолюбивый дух ее и храбрость,
Столь редкие у женщин, в том порукой,
Что можно ждать от короля потомства.
Да, сын завоевателя, наш Генрих,
Завоевателей родить нам может,
Когда с девицею, столь твердой духом,
Как Маргарита, заключит он брак.
Согласье дайте, лорды, и решите,
Что королевою быть Маргарите.

К о р о л ь   Г е н р и х

Я сам не знаю, благородный Сеффолк,
От живости ли вашего рассказа,
Иль оттого, что юности моей

Еще не тронул пламень жгучей страсти,—
Но только чувствую в своей груди
Такой разлад, такой свирепый спор
Меж страхом и надеждою, что болен
Я от напора дум. Итак, милорд,
Во Францию поспешно отплывайте;
Примите все условия и добейтесь
Согласия принцессы Маргариты
К нам в Англию приплыть и на престол
Воссесть венчанной Генриха супругой.
А на расходы ваши путевые
С народа десятину соберите.
Ступайте же. Пока вы не вернетесь,
Терзаться буду тысячью тревог.—
А вы не обижайтесь, добрый дядя;
Когда вы станете меня судить
По самому себе в былые годы,
Я знаю, что легко вы извините
Внезапное решение мое.
Ведите же меня отсюда прочь;
Я в одиночестве предамся грусти.

(Уходит.)

Г л о с т е р

Ах, опасаясь я, что будет грусть
Началом и концом его любви.

Глостер и Эксетер уходят.

С е ф ф о л к

Вот Сеффолк победил и отплывает,—
Как некогда плыл в Грецию Парис,—
Надеясь также обрести любовь,
Но встретить больше счастья, чем троянец.
Ведь Маргарита, королевой став,
Отныне будет править государем,
Я ж — ею, королем и всей страной.

(Уходит.)

ГЕНРИХ VI

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перевод
Е. Б И Р У К О В О Й

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих VI.

Хемфри, герцог Глостер, его дядя.

Кардинал Бофорт, епископ Уинчестерский,
внучатный дядя короля.

Ричард Плантагенет, герцог Йоркский.

Эдуард } его сыновья.
Ричард }

Герцог Сомерсет }
Герцог Сеффолк } приверженцы короля.
Герцог Бекингем }
Лорд Клиффорд }

Клиффорд Младший — его сын.

Граф Солсбери } приверженцы Йорка.
Граф Уорик }

Лорд Скелс, комендант Тауэра.

Лорд Сей.

Сэр Хемфри Стсффорд.

Уильям Стеффорд, его брат.

Сэр Джон Стенли.

Вокс.

Метью Гофф.

Капитан корабля.

Шкипер.

Штурман.

Уолтер Уитмор.

Два дворянина, взятые в плен вместе с Сеффолком.

Юм } священники.
Саутуэл }

Болингброк, заклинатель.

Томас Хорнер, оружейник.

Питер, его слуга.

Четемский клерк.

Мэр Сент-Олбенса.

Симпкокс, обманщик.
Александр Айден, кентский дворянин.
Джек Кед, бунтовщик.

Джордж Бевис Джон Холленд Дик, мясник Смит, ткач Майкл	}	приверженцы Кеда.

Королева Маргарита, жена Генриха VI.
Элеопора, герцогиня Глостер.
Марджери Джорден, колдунья.
Жена Симпкокса.
Дух.

Лорды, леди, слуги, просители, ол-
дерманы, герольд, палач, шериф и по-
лицейские, горожане, подмастерья.
сокольничьи, стража, убийцы, гол-
цы и т. д.

Место действия — Англия.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Лондон. Парадный зал во дворце.

Трубы, затем гобои. Входят с одной стороны король Генрих, герцог Глостер, Солсбери, Уорик и кардинал Бофорт, с другой — королева Маргарита, Сеффолк, Йорк, Сомерсет и Бекингем.

Сеффолк

Когда меня вы, государь, послали
Во Францию, то повели мне,
Чтоб я, ваш представитель, вместо вас
С принцессой Маргаритой обручился.
И вот явились в древний, славный Тур
Французский государь и Сицилийский
И герцогов четыре: Орлеанский,
Бретонский, Калабрийский, Алансонский,
Семь графов и четырнадцать баронов
И двадцать почитаемых прелатов;
При них в соборе был я обручен.
Теперь смиренно, преклонив колени,
В присутствии английских гордых пэров,
Свои права на королеву вам
Вручаю, милостивый повелитель,
Чью тень великую изображал я.
Не приносил вассал богаче дара,
Не принимал король супруги краше.

Король Генрих

Встань, Сеффолк.— Мой привет вам, королева!
Нежней не выражу свою любовь,
Чем этим поцелуем.— О господь,
Жизнь давший мне, дай сердцу благодарность!
Ты целый мир земных восторгов мне
С ее лицом пленительным даруешь,
Коль свяжет нас любовное согласие.

Королева Маргарита

Король английский, повелитель мой,
Беседа мысленная, что беззвучно
Днем, ночью, наяву и в снах моих
Веда я с вами, мой супруг бесценный,
Дает мне смелость высказать привет вам
В простых словах, подсказанных рассудком
И сердцем, преисполненным блаженства.

Король Генрих

Чарует вид ее, но прелесть речи,
Проникнутой ума ее величьем,
Восторга слезы вызвала во мне,—
Так радость сердца моего безмерна.
Приветствуйте любовь мою, милорды.

Все

(преклоняя колени)

Да здравствует на троне Маргарита!

Королева Маргарита

Благодарю вас всех.

Сеффолк

Милорд протектор, не угодно ль будет
Вам огласить условия договора,
Что между нашим королем и Карлом
На год шесть месяцев упрочит мир.

Глостер

(читает)

«Во-первых, решено между королем Французским Карлом и Уильямом Де-Ла-Пуль, маркизом Сеффолком, послом Генриха, короля Английского, что вышеупомянутый Генрих вступает в брак с принцессой Маргаритой, дочерью Рене, короля Неаполя, Сицилии и Иерусалима, и венчает ее королевой Англии не позже три-

дцатого сего мая. Далее, герцогства Анжу и графство Мен будут очищены от войск и переданы королю, отцу ее...».

Бумага падает из его рук.

Король Генрих

Что с вами, дядя?

Г л о с т е р

Государь, простите,
Мне стало дурно; сжалось болью сердце;
В глазах темнеет... Не могу читать.

Король Генрих

Вы, дядя Уинчестер, читайте дальше.

К а р д и н а л
(читает)

«...Далее, герцогства Анжу и графство Мен будут очищены от войск и переданы королю, отцу ее, а она будет доставлена за собственный счет короля Английского, без всякого приданого».

Король Генрих

Согласны мы.— Маркиз, склони колени.
Отныне герцог Сеффолк будешь ты.
Тебе вручаем меч.— Кузен наш Йорк,
Вас от регентства мы освобождаем
На срок, что упомянут в договоре.—
Благодарим вас, Уинчестер, наш дядя,
Вас, Глостер, Бекингем, Йорк, Сомерсет,
Солсбери, Уорик,—
Всех вас благодарим за то, что вы
Достойно встретили мою супругу.
Идемте ж. Приготовьте поскорей
Что надо для ее коронованья.

Король Генрих, королева Маргарита и Сеффолк уходят.

Г л о с т е р

О пары славные, страны опора!
Вам Хемфри Глостер скорбь свою откроет...
Нет, вашу скорбь, скорбь всей родной страны.
Не расточал ли брат мой Генрих юность,
Отвагу, деньги и людей на войны?
Не спал ли он порой в открытом поле
В суровый холод и в палящий зной,

Чтоб Францию стяжать, свое наследье?
Не напрягал ли разум брат мой Бедфорд,
Чтоб завоеванное сохранить?
Вы так же, Сомерсет, отважный Йорк,
Солсбери, Бекингем и грозный Уорик,
Не проливали ль кровь из ран глубоких
Во Франции и на полях нормандских?
И разве дядя Бофорт и я сам
С учеными в совете королевства,
Трудясь, не заседали день и ночь,
Не обсуждали в неустанном рвенье,
Как удержать французов в подчиненье?
И не был ли в младенчестве король
На зло врагам в Париже коронован?
Иль слава и старанья даром сгинут?
Честь Генриха и Бедфорда усердье,
Деянья ваши, труд совета — сгинут?
О пэры Англии! Союз позорный,
Брак роковой — разрушит вашу славу,
Предаст забвенью ваши имена,
Изгладит вашей доблести следы,
Завоеваний памятники свергнет,—
Исчезнет все, как если б не бывало.

Кардинал

Племянник, что за пламенная речь,
Пространная и пышная рацея?
Мы Францию удержим за собой.

Глостер

Да, дядя, мы удержим, если сможем!
Но это невозможно нам теперь.
Сеффолк, наш новоиспеченный герцог,
Что вертит всем, Анжу и Мен уж отдал;
Они в руках Рене, чей гордый титул
Так плохо вяжется с мошною тощей.

Солсбери

Клянусь я тем, кто ради нас был распят,
Те герцогства — к Нормандии ключи.—
Но что ж ты плачешь, Уорик, храбрый сын мой?

Уорик

От горя, что они невозвратимы.
Когда б надеялся я вновь стяжать их,

Глаза мои не проливали б слез,
Но меч мой проливал бы реки крови.
Завоевала их моя рука;
И города, что приобрел я кровью,
Возвращены французам с мирной речью!
Mort Dieu! ¹

Й о р к

Пусть задохнется этот герцог Сеффолк,
Страны героев помрачивший славу!
Скорей бы дал врагам я вырвать сердце,
Чем согласился б на такой союз.
Все короли английские, читал я,
За женами обычно получали
И золото и новые владенья,—
А наш король свои владенья отдал
За брак, который выгод не принес.

Г л о с т е р

Забавное, неслыханное дело!
Пятнадцатую долю просит Сеффолк
За все расходы по ее доставке!
Да лучше уж пускай бы оставалась
Во Франции принцесса голодать,
Чем к нам...

К а р д и н а л

Лорд Глостер, вы чрезмерно горячитесь.
Угодно это было государю.

Г л о с т е р

Лорд Уинчестер, я знаю ваши мысли.
Не речь моя теперь вам не по вкусу,—
Присутствие мое смущает вас.
Наружу рвется гнев.— Прелат надменный,
Твою вражду я вижу. Коль останусь,
Мы старый спор возобновим. Прощайте!
Но вспомните, когда меня не станет,
Милорды, предсказание мое:
Мы скоро Францию навек утратим.

(Уходит.)

---

¹ Клянусь смертью господ. *(Франц.)*

Кардинал

Вот в ярости ушел протектор наш.
Известно, лорды, вам, что он мне враг;
Нет, более того, он враг всем вам;
И королю, боюсь, он друг плохой.
Обдумайте: он ближе всех по крови
И вправе унаследовать корону.
Хотя б король наш Генрих этим браком
Приобретал империи владенья
И западных могучих королевств,
Ваш Глостер был бы все же недоволен.
Не дайте же себя околдовать
Речами лести; будьте осторожны
И мудры. Хотя его и любит чернь,
Зовет: «Наш добрый Хемфри, герцог Глостер!»
И рукоплещет, громко восклицая:
«Храни его высочество, господь!
Дай бог тебе здоровья, добрый герцог!»
Все ж я боюсь, что он при доброй славе
Окажется протектором опасным.

Бекингем

Зачем теперь протектор государю?
Он взрослым стал и может править сам.
Брат Сомерсет, соединишь со мною,
И, к Сеффолку примкнув, мы вместе с ним
Проворно выйдем Хемфри из седла.

Кардинал

Не терпит проволоочки это дело;
Я к Сеффолку отправлюсь поскорей.

(Уходит.)

Сомерсет

Брат Бекингем, хотя гордыня Хемфри
И сан его высокий нам обидны,
Все ж надо наблюдать за кардиналом.
Своею дерзостью неспосней он,
Чем все другие пэры в королевстве.
С паденьем Хемфри будет он протектор.

Бескингем
(*Сомерсету*)

Протектором быть мне или тебе
На зло и Глостеру и кардиналу.

Бескингем и Сомерсет уходят.

Солсбери

Пошло. вслед за гордыней — честолюбье.
Меж тем, как о себе они радеют,
Нам надо порадеть о государстве.
Я не видал, чтоб Хемфри, герцог Глостер,
Когда-нибудь ронял свой сан высокий;
Но видел я, что кардинал надменный
Скорее на солдата походил,
Чем на священника; был горд и резок,
Как будто он хозяин всем; ругался
Порой, как грубиян, и вел себя
Отнюдь не как правитель государства.—
Уорик, мой сын, отрада лет преклонных,
Твои дела, воздержанность, правдивость
К тебе расположили весь народ.
Ты после Глостера любимец общий.—
Брат Йорк, твои в Ирландии деянья,
Где ты гражданский водворил порядок,
И в сердце Франции твои победы,
Когда ты был регентом в этом крае,
Внушили всем почет к тебе и страх.
Для блага родины объединимся,
Чтоб укротить гордыню кардинала
И Сеффола, а также честолюбье
Кузенов Сомерсета с Бескингом.
Поддерживать во всем мы будем Хемфри,
Затем что он стремится к благу края.

Уорик

Пусть поможет Уорик господе
За то, что любит он свою отчизну
И дорожит родного края благом.

Йорк
(*в сторону*)

Йорк то же говорит, и с бóльшим правом.

Солсбери

Идемте ж, позаботимся о главном.

Уорик

Но главное, отец, что отдан Мен —
Тот Мен, что Уорик доблестью стяжал
И уступил бы лишь с последним вздохом.
Как? Мы лишились Мена и Анжу?
Верну их или голову сложу.

Уорик и Солсбери уходят.

Йорк

Французам отданы Анжу и Мен;
Париж потерян нами, а дела
В Нормандии висят на волоске.
Был Сеффолком подписан договор,
Одобен пэрами; доволен Генрих,
Что променял два герцогства своих
На герцога пленительную дочь.
Что их винить? Не все ли им равно?
Они дарят ведь не свое — чужое.
Пират награбленным не дорожит,
Наложниц и друзей он покупает;
Как лорд, живет всюду, пока добра
Не расточит. А там хозяин бедный
Рыдает горько и ломает руки,
Дрожит всем телом, стоя в стороне,
Пока его именье расхищают,
И, умирая с голоду, не смеет
Притронуться к тому, чем он владел,
Меж тем как дом его идет с торгов.
Мне кажется, что эти три страны —
Три королевства: Англия моя,
Ирландия и Франция — как будто
Так тесно с плотью связаны моей,
Как роковая голова Алфеи
Срослась когда-то с сердцем Мелеагра.
Французам отданы Анжу и Мен!
Дурные это вести для меня:
Ведь я на Францию питал надежды,
Как и на остров плодородный наш.
Настанет день — и Йорк права предъявит.
Пока я должен к Нёвилам примкнуть

И Глостеру выказывать любовь;
Но, выждав миг, потребу ю корону.
Вот золотая цель моих стремлений!
Ланкастер не похитит прав моих,
Не сдержит скипетр детскою рукою,
Носить не сможет на челе венец,—
Он для престола слишком богомолен.
Молчи же, Йорк, пока созреет час;
Когда другие спят, на страже бодрствуй,
Стремись проникнуть в тайны государства
И жди, пока пресытится любовью
Король в объятиях своей супруги,
Так дорого доставшейся стране,
И Хемфри с пэрами начнут раздоры,—
Тут подыму я млечно-белый розан,
Что воздух напоит благоуханьем;
На знамени герб Йорка вознесу,
И, в бой вступив с Ланкастером надменным,
Лишу венца того, кто безрассудно
Правленьем книжным губит остров чудный.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Комната в доме герцога Глостера.

Входят Глостер и его супруга Элеонора, герцогиня Глостер.

Герцогиня

Что голову склоняет мой супруг,
Как рожь под щедрым бременем Цереры?
Что хмурит брови славный герцог Хемфри,
Как будто отвергая блага мира?
Что взор твой сумрачно к земле прикован,
Причину огорченья созерцая?
Не Генриха ль корону видишь там,
Украшенную всею славой мира?
Коль так, мечтай о ней, простертый в прахе,
Пока она тебя не увенчает.
Схвати рукою обруч золотой!
Что? Коротка? Я удлиню своей,
И, общей силой захватив корону,
Мы головы поднимем к небесам
И никогда уж не унизим взоров,
Не удостоим нашим взглядом землю.

Г л о с т е р

Нелль, милая, когда супруга любишь,
Гони червя честолюбивых дум.
Пусть мысль моя, когда замыслю злое
Я на племянника и государя,
Последним вздохом будет для меня.
Зловещий сон меня встревожил нынче.

Г е р ц о г и н я

Скажи, что снилось,— я тебя утешу,
Поведав утрепний мой чудный сон.

Г л о с т е р

Приснилось мне, что жезл мой, символ власти,
Был сломан, кем — я не припомню точно,
Но думается мне, что кардиналом,—
И на концах обломков я увидел
Две головы — Эдмунда Сомерсета
И Сеффолка, маркиза Де-Ла-Пуль.
Таков мой сон; бог весть, что он пророчит.

Г е р ц о г и н я

Ну, полно! Это просто означает,
Что тот, кто в роще Хемфри сломит прут,
Заплатит головой за эту дерзость.
Но слушай, Хемфри, дорогой мой герцог:
Приснилось мне, что я сажу на троне
В Уестминстерском соборе, где издревле
Все наши короли короновались,—
И Генрих с Маргаритою подносят
Корону мне, колени преклонив.

Г л о с т е р

Я должен побранить тебя, жена;
Тщеславна ты и зла, Элеонора!
Иль не вторая в государстве ты,
Протектора любимая супруга?
Иль не к твоим услугам все утех,
Какие только можешь ты измыслить?
И все же станешь ты ковать измену,
Чтоб свергнуть и супруга и себя
С вершины славы в бездну униженья?
Прочь от меня! Тебя не стану слушать.

Герцогиня

Что, что, милорд? Вы на Элеонору
Так сердитесь всего лишь из-за сна?
Впредь буду я такие сны скрывать,
Чтоб не бранились вы.

Глостер

Ну, не сердись, я снова добрым стал.

Входит гонец.

Гонец

Милорд, его величеству угодно,
Чтоб вы сегодня прибыли в Сент-Олбенса,
Где будет королевская охота.

Глостер

Иду.— Ведь ты поедешь с нами, Нелл?

Герцогиня

Супруг мой, я последую за вами.

Глостер и гонец уходят.

Да, следовать! Предшествовать нельзя,
Покамест Глостер так смиренно мыслит.
Будь я мужчина, герцог, ближе всех
По крови королю,— я б устранила
Все камни преткновения и путь
По безголовым трунам проложила б.
Я женщина, но все же не премину
В игре Фортуны роль свою сыграть.—
Да где же ты? Сэр Джон! Не бойся, друг,
Одни мы здесь с тобой: лишь ты да я.

Входит Юм.

Юм

Храни твое величество господь.

Герцогиня

Что ты сказал? Величество? Я — светлость.

Юм

Но милость божья и советы Юма
Повысят, ваша светлость, титул ваш.

Герцогиня

Что говоришь ты, друг? Ты совещался
С Мэржери Джорден, опытной колдуньей,
А также с чародеем Болингброком?
Согласны ли они мне помогать?

Юм

Они мне обещали, ваша светлость,
Призвать из бездны преисподней духа,
Который даст ответ на все вопросы,
Что будет вам угодно предложить.

Герцогиня

Довольно. Поразмыслию о вопросах.
Когда мы из Сент-Олбенса вернемся,
Мы в исполнение это приведем.
Возьми награду, Юм. Повеселись
С участниками в этом важном деле.

Герцогиня уходит.

Юм

Юм, веселись на деньги герцогини!
Ну что ж, повеселюсь. Но только, Юм,
Держи язык; ни слова, кроме: тсс!
Ведь дело требует молчанья, тайны.
Мне леди Глостер золото дает,
Чтоб я колдунью к ней привел. А деньги
Всегда ведь кстати нам, хотя б от черта.
Но и другие руки деньги дарят.
Осмелюсь ли сказать? То кардинал
И новоиспеченный герцог Сеффолк.
Да, это так; коль говорить по правде,
Они, про властность герцогини зная,
Мне заплатили, чтоб ее подвел я,
О заговоре в уши нашептав.
Хоть, говорят, не нужен плуту маклер,
Я Сеффолку с прелатом все же маклер.
Юм, берегись ты, как бы не пришлось
Тебе обоих их назвать плутами.
Так обстоят дела, и я боюсь,
Что плутни Юма сгубят герцогиню,
А вслед за нею и супруг падет.
Что б ни было, Юм деньги заберет.

СЦЕНА 3

Там же. Покой во дворце.

Входят три или четыре просителя, в том числе Питер, слуга оружейника.

Первый проситель

Станем поближе, господа, сейчас здесь пройдет милорд-протектор; тут мы и подадим ему наши письменные прошения.

Второй проситель

Окажи, господь, ему протекцию. Он добрый человек! Да благословит его Иисус!

Входят Сеффолк и королева Маргарита.

Питер

Это, кажется, он самый идет, и королева с ним. Я подойду.

Второй проситель

Назад, дурак! Это герцог Сеффолк, а вовсе не милорд-протектор.

Сеффолк

Что, приятель? Тебе что-нибудь нужно от меня?

Первый проситель

Прошу прощения, милорд, я принял вас за лорда-протектора.

Королева Маргарита

(читает)

«Лорду-протектору». Так вы обращаетесь с просьбами к его светлости? Покажите мне ваше прошение. Ты о чем?

Первый проситель

У меня, с разрешения вашего величества, жалоба на Джона Гудмена, слугу лорда-кардинала; он отнял у меня все — дом, усадьбу и жену.

Сеффолк

И жену? Это в самом деле обидно.— Ты о чем? Что там? *(Читает.)* На герцога Сеффолка, огорожившего Мелфордские выгоны.— Что это значит, господин плут?

Второй проситель

Ах, сэр, я ведь только бедный проситель от всего нашего города.

П и т е р
(подавая прошение)

Жалоба на моего хозяина Томаса Хорнера, сказавшего, что герцог Йорк — законный наследник престола.

Королева Маргарита

Что ты говоришь? Разве герцог Йорк сказал, будто он законный наследник престола?

П и т е р

Кто? Мой хозяин? Ей-богу, нет. Хозяин сказал, будто герцог Йорк наследник, а король захватчик престола.

Сеффолк

Эй, кто там?

Входят слуги.

Взять этого молодца и немедленно послать констебля за его хозяином. Мы подробно разберем это дело в присутствии короля.

Слуги с Питером уходят.

Королева Маргарита

А вы, что у протектора хотите
Протекции под крылышком искать,
Строчите вновь прошения к нему.
Прочь, подлецы!

(Разрывает прошения.)

Их прогоните, Сеффолк!

В с е

Идем скорей отсюда.

Просители уходят.

Королева Маргарита

Скажите, Сеффолк, так ли здесь ведется?
Таков ли ваш обычай при дворе?
Такое ли здесь в Англии правленье,
И такова ли власть у короля?
Как! Под опекой остается Генрих,
И хмурый Глостер будет править им?
Ужель я называюсь королевой,
Чтоб герцогу смиренно подчиняться?
Скажу тебе я, Пуль, когда ты в Туре
Сражался на турнире в честь меня
И похищал сердца французских дам,

Я думала, что Генрих схож с тобою
Любезностью и мужеством и ростом.
Но к святости стремится он, бормочет
«Ave Maria» с четками в руках;
Его бойцы — апостолы святые,
Его оружие — Библии реченья;
Его ристалище — покой укромный,
И образа святых — его любовь.
Конклав избрать его бы должен папой
И в Рим свезти и в храме увенчать
Ему чело тиарою тройною;
Так подобало б святости его.

С е ф ф о л к

Терпенье, государыня. Раз я —
Винovníк вашего сюда прибытья,
То постараюсь, чтобы вы остались
Довольны всем у нас в стране английской.

Королева Маргарита

Здесь кроме Глостера надменный Бофорт,
Ворчливый Йорк, и гордый Сомерсет,
И герцог Бекингем. Из них малейший
Сильнее в Англии, чем государь.

С е ф ф о л к

Но даже самый сильный из вельмож
Уступит Пэвилам: он их слабее.
Сóлсбери, Уорик — не простые пэры.

Королева Маргарита

Но все они не так мне досаждают,
Как гордая протектора жена.
Она плывет по залам в свите дам,
Как будто бы она императрица,
И чужестранцы при дворе английском
Ее за королеву принимают.
В ее уборах — все доходы мужа;
Над нашей бедностью она смеется.
Так неужель я ей не отомщу?
Ведь эта дрянь, рожденная в грязи,
Недавно хвасталась своим клеветам,
Что шлейф ее наряда стоит больше,
Чем все владенья моего отца,
Пока за дочь двух графств не получил оп.

Сеффолк

Ей, государыня, готов сенок:
Я ставил сам, и для ее приманки
Собрал такой чудесный птичий хор,
Что слушать песни их она присядет
И уж не встанет, чтоб тревожить вас.
Забудьте же ее и мне внимайте:
Беру я смелость вам давать советы.
Хоть нам и не по вкусу кардинал,
Но надо с ним и с лордами сплотиться,
Пока в немилость Хемфри не впадет.
А что до Йорка, жалоба такая
Ему на пользу, верьте, не послужит.
Так всех искореним поочередно,
И встанете вы властно у руля.

Трубы.

Входят король Генрих, герцог и герцогиня Глостер,
кардинал Бофорт, Бекингем, Йорк, Сомерсет, Солсбери
и Уорик.

Король Генрих

Что до меня, мне, лорды, безразлично:
И Сомерсет и Йорк угодны мне.

Йорк

Коль Йорк странною дурно управлял,
Пускай его отставят от регентства.

Сомерсет

Коль Сомерсет той власти не достоин,
Пусть будет Йорк регент — я уступлю.

Уорик

Достойна ль ваша милость или нет,
Одно бесспорно: Йорк достойней вас.

Кардинал

Дай старшим говорить, надменный Уорик.

Уорик

Не старше кардинал меня на поле.

Бекингем

В собрание, Уорик, все тебя постарше.

У о р и к

Дай срок — и станет Уорик старше всех.

С о л с б е р и

Молчи, мой сын.— Скажи нам, Бекингом,
Чем Сомерсет достоин предпочтения?

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Да тем, что так угодно королю.

Г л о с т е р

Король ведь, государыня, уж взрослый
Достаточно и может сам иметь
Суждение. Не женское тут дело

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Коль взрослый государь, то для чего
Вам, герцог, быть протектором над ним?

Г л о с т е р

Я, государыня, страны протектор
И свой оставлю пост, коль он захочет.

С е ф ф о л к

Тогда оставь свой пост, а с ним и дерзость.
С тех пор как стал ты королем (а кто,
Кто, как не ты, сейчас у нас король?),
Край с каждым днем к гибели все ближе.
Дофин нас за морем одолевает;
Все пары и дворяне королевства
Рабами стали под твоей державой.

К а р д и н а л

Измучил ты народ, у духовенства
Опустошил поборами лари.

С о м е р с е т

Твои дворцы, жены твоей наряды
В большие суммы обошлись казне.

Б е к и н г е м

Твои жестокости при наказанье
Виновных превзошли закона меру
И предадут тебя во власть закона.

Королева Маргарита

За торг местами, городов продажу
Во Франции, — коль доказать все это, —
Давно бы ты без головы попрыгал.

Глостер уходит.

(Роняет веер.)

Дай веер мой! Что, милочка, не хочешь?

(Дает герцогине пощечину.)

Прошу прощенья... Это были вы?

Герцогиня

Да, чужестранка злая, это я!
Когда б могла я до тебя добратся,
Все десять заповедей написала б
Ногтями на лице твоём красивом.

Король Генрих

Она нечаянно, поверь мне, тети.

Герцогиня

Нечаянно? Король, смотри, она
Тебя запеленает, станет нянчить.
Но все ж, хотя и юбка правит здесь,
Сумеет отомстить Элеонора.

(Уходит.)

Бскингем

Лорд кардинал, последую за нею
И посмотрю, что будет делать Хемфри.
Она ужалена, не надо шпор;
Сама прискачет к гибели своей.

(Уходит.)

Входит Глостер.

Глостер

Теперь, когда мой гнев остыл, милорды,
От одинокой по двору прогулки,
Вернулся я о деле говорить.
А что до ваших обвинений лживых,
Их докажете — и виновен буду.
Пусть будет бог так милостив ко мне,
Как предан я стране и государю!

Но перейдем к текущему вопросу.—
Я говорю, король: Йорк больше всех
Во Франции пригоден как регент.

Сеффо́лк

Пред тем как выбор произвести, дозвоьте
Мне привести причины, по которым
Нам безусловно не подходит Йорк.

Йо́рк

Я сам скажу тебе причины эти:
Во-первых, я не льщу твоей гордыне,
А во-вторых, коль буду я назначен,
Лорд Сомерсет меня удержит здесь
Без отпуска, без денег и оружия,
Пока дофин не заберет весь край.
Уж я плясал по дудке Сомерсета,
Пока Париж измором не был взят.

Уо́рик

Я в том свидетель, и гнусней поступка
Изменник ни один не совершал.

Сеффо́лк

Молчи, строптивый Уорик!

Уо́рик

Скажи, гордец, зачем молчать я должен?

Слуги Сеффо́лка вводят Хо́рпера и Пи́тера.

Сеффо́лк

Затем, что здесь — в измене обвиненный.
Дай бог, чтоб герцог Йорк мог оправдаться.

Йо́рк

Кто обвиняет Йорка здесь в измене?

Коро́ль Генри́х

Что хочешь, Сеффо́лк, ты сказать? Кто это?

Сеффо́лк

Вот, с разреше́нья вашего, властитель,
Слуга, что господина своего
В измене обвиняет: говорил он,

Что Ричард, герцог Йорк,— наследник трона,
А вас, король, захватчиком назвал.

Король Генрих
(Хорнеру)

Ты это говорил?

Хорнер

С разрешения вашего величества, я никогда не думал и не говорил ничего такого. Бог свидетель, меня ложно обвиняет этот мерзавец.

Питер

Клянусь своей пятерней, милорды, он сказал это мне однажды вечером на чердаке, когда мы чистили доспехи лорда Йорка.

Йорк

Поденщик подлый! Грязный негодяй!
За эту речь ты головой заплатишь! —
Я умоляю вас, мой государь,
Предать его всей строгости закона.

Хорнер

Увы, государь, пусть меня повесят, ежели я когда-нибудь это говорил. Мой обвинитель — мой собственный подмастерье, и когда я на днях проучил его за провинность, он на коленях поклонился, что сведет со мной счеты. У меня есть тому верные свидетели, и я вас умоляю, ваше величество, не губите честного человека по наговору негодяя.

Король Генрих

Как рассудить нам по закону, дядя?

Глостер

Вот приговор мой, государь:
Раз подозрение падает на Йорка,
Пускай получит Сомерсет регентство;
А этим людям пусть назначат день
Для поединка в надлежащем месте,
Затем что есть в свидетельстве сомненье.
Таков закон и Хемфри приговор.

Сомерсет

Благодарю вас, государь, смиренно.

Хорнер

Охотно принимаю поединок.

Питер

Увы, милорд, я не могу драться. Ради бога, сжальтесь надо мной! Меня одолела людская злоба. О, господи, помилуй меня! Я не в силах нанести ни одного удара! О, господи, мне дурно!

Глостер

Ты будешь драться иль тебя повесят.

Король Генрих

Ведите их в тюрьму. Для поединка
В том месяце последний день назначим.
Идем; тебя проводим, Сомерсет.

Трубы.
Уходят.

СЦЕНА 4

Сад герцога Глостера.

Входят Марджерия Джорден, Юм, Саутуэл и Болингброк.

Юм

Идемте, господа, говорю вам, герцогиня ожидает исполнения ваших обещаний.

Болингброк

Мистер Юм, мы в полной готовности. Ее светлости угодно самой видеть и слышать наши заклинанья?

Юм

А как же иначе? Не сомневайтесь в ее мужестве.

Болингброк

Я слышал про нее, что она женщина несокрушимой силы духа. Но будет удобнее, мистер Юм, чтобы вы были при ней наверху, пока мы будем действовать внизу. Итак, идите с богом и оставьте нас.

Юм уходит.

Ну, тетка Джорден, ложись ничком и припади к земле.— А ты, Джон Саутуэл, читай; приступим к делу.

Входит наверху герцогиня Глостер в сопровождении Юма.

Герцогиня

Отлично, господа! Добро пожаловать. За дело, и чем скорей, тем лучше.

Болингброк

Терпенье! Колдуны свой знают час.—
Ночь темная, безмолвная глушь ночи,
Тот час почной, когда сгорела Троя,
Когда кричит сова и воет пес,
И призраки выходят из могил,
Тот самый час для наших дел подходит.
Садитесь смело; тот, кто к нам придет,
В кругу волшебном будет заключен.

Они исполняют обычные обряды и чертят круг. Болингброк или Саутуэл читает «Сопјуго те»¹ и т. д. Оглушительные удары грома и вспышки молний. Затем появляется Дух.

Дух

Adsum².

Марджериджорден

Асмат!

Во имя бога вечного, чье имя
Тебя приводит в трепет, отвечай.
Пока не скажешь, не уйдешь отсюда.

Дух

Спроси, что хочешь.— Поскорей бы кончить!

Болингброк

(читает по листку)

«Сперва о короле. Что будет с ним?»

Дух

Тот герцог жив, что Генриха низложит;
Однако он переживет его
И смертью он насильственной погибнет.

По мере того как Дух говорит, Саутуэл записывает его ответы.

Болингброк

«Что Сеффолку в грядущем суждено?»

Дух

Он от воды свою копчину примет.

---

¹ Заклинаю тебя. (Лат.)

² Я здесь. (Лат.)

Болингброк

«А что должно постигнуть Сомерсета?»

Дух

Пусть избегает замков.
Он безопаснее в степях песчаных,
Чем там, где замки громоздятся.—
Кончайте, больше я терпеть не в силах.

Болингброк

Спускайся в мрак и пламень адских рек!
Злой дух, ступай!

Гром и молния. Дух уходит.

Входят поспешно Йорк и Бекингем со стражей.

Йорк

Схватить изменников со скарбом их! —
Старуха, мы тебя подстерегли.—
Вы, леди, здесь? Король и государство
Вам глубоко обязаны за труд;
Милорд протектор, я не сомневаюсь,
Вас наградит за добрые услуги.

Герцогиня

Они получше тех, что королю
Оказываешь ты, обидчик Йорк,
Мне угрожающий без оснований.

Бекингем

Без оснований, леди? Это что?

(Показывает ей листок.)

Ведите прочь их; пусть запрут покрепче
И держат врозь.— Идемте с нами, леди.—
Стеффорд, бери ее.

Герцогиня и Юм под стражей уходят.

Игрушки ваши мы на суд представим.
Все — прочь отсюда!

Стража с Джорден, Саутуэллом и другими уходит.

Йорк

Лорд Бекингем, подстерегли вы ловко!
Прекрасный это план для наших целей.

Теперь, милорд, прочтем писанья черта.
Что там?
«Тот гердог жив, что Генриха низложит,
Однако он переживет его
И смертью он насильственной погибнет».
Звучит совсем как:
«Aio te, Aeacida, Romanos vincere posse»¹.
Но что же дальше?
«Что Сефболку в грядущем суждено? —
Он от воды свою кончину примет. —
А что должно постигнуть Сомерсета? —
Пусть избегает замков.
Он безопаснее в степях песчаных,
Чем там, где замки громоздятся».
Да, да, милорд.
С трудом достались эти предсказания,
И трудно их понять.
Король теперь уже в Сент-Олбенс едет;
С ним и супруг прелестной этой леди.
Со скоростью коня помчится весть:
Для Глостера печальный будет завтрак.

Б е к и н г е м

Дозвольте мне гонцом быть, ваша светлость,
В надежде на награду за известье.

Й о р к

Извольте, добрый лорд. — Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

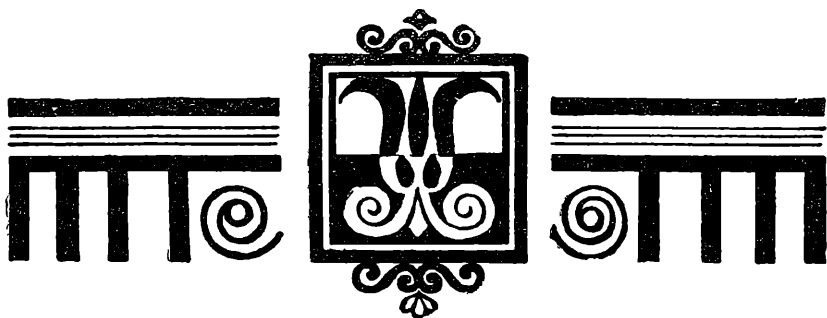
Проси ко мне на ужин завтра лордов
Солсбери с Уориком. — Идем отсюда.

Уходят.

---

¹ См. перевод в комментариях.

А К Т II

СЦЕНА I

Сент-Олбенс.

Входят король Генрих, королева Маргарита, Глостер,
кардинал Бофорт и Сеффолк.
Сокольничьи перекликаются.

Королева Маргарита

Поверьте, лорды, за семь лет последних
Не приходилось видеть мне столь славной
За водяными птицами охоты.
Но все ж, замстьте, ветер слишком резок,
И старый Джон, наверно, не взлетал.

Король Генрих

Но что за взмах, милорд, ваш сокол сдсдел!
Насколько выше прочих он парил!
Во всех творениях господь нам виден.
И человек и птица рвутся ввысь.

Сеффолк

Немудрено, мой государь, что сокол
Протектора так высоко взмывает:
Он знает, что хозяин любит высь
И мыслью выше сокола парит.

Г л о с т е р

Милорд, лишь тот, кто подл и низок духом,
Не может выше лёта птиц подняться.

К а р д и н а л

Вот именно: за облака он рвется.

Г л о с т е р

А как вам кажется, лорд кардинал,
Неплохо было б вам взлететь на небо?

К о р о л ь Г е н р и х

В сокровищницу вечного блаженства!

К а р д и н а л

Здесь, на земле, нашел ты небо; в мыслях —
Сокровище твоей души, корону.
Зловредный пэр, опаснейший протектор,
Ты льстишь и королю и государству!

Г л о с т е р

Как! Столь заносчивым вы стали, кардинал?
*Tantaene animis coelestibus irae?*¹
Священник — так горяч? Не скроет злобу?
Как это святость позволяет вам?

С е ф ф о л к

Тут, сэр, не больше злобы, чем пристало
При доброй ссоре с пэром столь дурным.

Г л о с т е р

Как кто, милорд?

С е ф ф о л к

Хотя б как вы, милорд,
Не в гнев будь сказано вам, лорд-протектор.

Г л о с т е р

Всем в Англии твоя известна дерзость.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

И честолюбие твое.

---

¹ Возможен ли столь великий гнев в душах, посвятивших себя небу?
(Лит.)

Король Генрих

Прошу вас,
Молчите, дорогая королева,
Разгневанных не подстрекайте пэров.
Блаженны миротворцы на земле.

Кардинал

Пусть буду я блажен за то, что меч мой
Мир водворит в протекторе надменном.

Глостер

(тихо, кардиналу)

Я б этого хотел, святой мой дядя.

Кардинал

(тихо, Глостеру)

Ну, что ж, дерзни.

Глостер

(тихо, кардиналу)

Не посылай на бой своих клеветов;
Ты должен сам ответить за обиду.

Кардинал

(тихо, Глостеру)

Нет, не дерзнешь ты; если же дерзнешь,
То вечером, в конце восточном роши.

Король Генрих

О чем вы, лорды?

Кардинал

Если бы, племянник,
Слуга ваш сокола не взял на цепь,
Охота продолжалась бы.

(Тихо, Глостеру.)

Возьми

Двуручный меч.

Глостер

Я, дядюшка, согласен.

Кардинал

(тихо, Глостеру)

Ты понял ли? В конце восточном роши.

Г л о с т е р
(*тихо, кардиналу*)

Прекрасно, кардинал.

К о р о л ь   Г е н р и х
О чем вы, дядя Глостер?

Г л о с т е р
Да все о соколах,— о чем же больше?
(*Тихо, кардиналу.*)

Клянусь я божьей матерью, тебе
Макушку за обиду сбрею, поп,
Иль разучился я владеть оружием.

К а р д и н а л
(*тихо, Глостеру*)
Medice, te ipsum¹.
Смотри, протектор, охраняй себя!

К о р о л ь   Г е н р и х
И ветер крепнет и ваш гнев, милорды!
Как эта музыка мне ранит сердце!
Когда такие струны дребезжат,
Возможна ль на гармонию надежда?
Милорды, я хочу ваш спор уладить.

Входит горожанин из Сент-Олбенса с криком: «Чудо!»

Г л о с т е р
Что значит этот шум?
Эй, ты, какое чудо возвещаешь?

Г о р о ж а н и н
Да, чудо, чудо!
С е ф ф о л к

Поведай государю, что за чудо.

Г о р о ж а н и н
Ей-богу, час тому назад у раки
Святого Олбенса прозрел слепой.
Тот человек не видел от рожденья.

---

¹ Врач, исцелись сам. (*Лат.*)

Король Генрих

Восхвалим бога, что дарует верным
Во мраке свет, в отчаянье отраду.

Входят мэр Сент-Олбенса с олдерменами, Симпкокс,
которого два человека несут в кресле, и его жена.

Кардинал

В процессии подходят горожане,
Чтоб вам его представить, государь.

Король Генрих

Как велика его земная радость,—
Хоть зрение грехи его умножит...

Глостер

Постойте, лорды! — Подойдите ближе.
Угодно говорить с ним государю.

Король Генрих

Друг милый, расскажи нам все, как было,
Чтоб господа нам за тебя прославить.
Как! Ты был слеп и вот теперь прозрел?

Симпкокс

Я отроду был слеп, мой государь.

Жена Симпкокса

Да, именно так было.

Сеффолк

Кто эта женщина?

Жена Симпкокса

Его жена, милорд.

Глостер

Когда б сказала мать, вернее было б.

Король Генрих

Где ты родился?

Симпкокс

На севере, в Бервике, государь.

Король Генрих

Бедняга! Милость бог тебе явил.
Смотри ж, не пропускай ни дня, ни ночи,—
Все вспоминай, что совершил господь.

Королева Маргарита

Скажи, мой друг, случайно ль ты пришел
К святому гробу иль на богомолье?

Симпкоккс

На богомолье, видит бог; сто раз
И больше все слышал во сне я голос
Святого Олбенса; зывал он: «Симпкоккс,
Приди на гроб мой — исцелю тебя».

Жена Симпкоккса

Ей-богу, правда, и сама я часто
Слыхала, как тот голос говорил с ним.

Кардинал

Как! Ты и хром?

Симпкоккс

Да, помоги мне, боже.

Сеффолк

Как охромел ты?

Симпкоккс

С дерева упал.

Жена Симпкоккса

Со сливы, господин.

Глостер

Давно ль ослеп ты?

Симпкоккс

Так родился.

Глостер

И лазил на деревья?

Симпкоккс

Раз в жизни привелось, когда был молод.

Жена Симпкокса

Да, да, и дорого он заплатился.

Глостер

Охотник ты до слив, коль так рискнул.

Симпкокс

Ах, сударь, захотелось слив жене,—
И я полез с опасностью для жизни.

Глостер

Искусный плут! Но это не поможет.
Глаза мне покажи. Моргни. Открой.
По-моему, ты все же плохо видишь.

Симпкокс

Нет, ясно, слава богу и святому!

Глостер

Вот как! Какого цвета это платье?

Симпкокс

Оно красно, как кровь.

Глостер

Отлично. А какого цвета плащ мой?

Симпкокс

Ей-ей, как смоль, он черен.

Король Генрих

А ты откуда знаешь цвет смолы?

Сеффолк

Я думаю, смолы он не видал.

Глостер

Зато плащей и платьев много видел.

Жена Симпкокса

Да где там? Отроду не видел их.

Глостер

Скажи мне, милый, как меня зовут?

Симпкокс

Ах, господин, не знаю.

Глостер

А как зовут его?

Симпкокс

Не знаю.

Глостер

Ну, а его?

Симпкокс

Ей-ей, не знаю, сударь.

Глостер

А как тебя зовут?

Симпкокс

Сандер Симпкокс, к услугам вашим, сэр.

Глостер

Ну, Сандер, здесь сидит в твоём лице бесстыднейший плут во всем крещеном мире. Будь ты слеп от рожденья, тебе было бы так же невозможно назвать различные цвета наших одежд, как и знать наши имена. Взор может различать разные цвета, но сразу назвать их, разумеется, немислимо. Милорды, святой Олбен совершил чудо, но не будет ли большим искусником тот, кто поставит на ноги этого калеку?

Симпкокс

Ах, сэр, если бы вам это удалось!

Глостер

Граждане Сент-Олбенса, нет ли у вас в городе палачей и того, что называется плетью?

Мэр

Конечно, есть, милорд, к услугам вашей светлости.

Глостер

В таком случае пошлите за ними немедленно.

Мэр

Эй ты, сходи за палачом.

Один из слуг уходит.

Г л о с т е р

А теперь принесите-ка мне сюда скамью.

Приносят скамью.

Ну, малый, если ты хочешь спастись от кнута, перепрыгни через эту скамью и удирай.

С и м п к о к с

Ах, сэр, я и стоять-то не могу один. Вы только понапрасну будете меня мучить.

Входят слуга и палач с плетями.

Г л о с т е р

Ладно, сэр, надо вам вернуть ваши ноги.— Эй, ты, палач, стегай его, пока он не перепрыгнет через эту самую скамью.

П а л а ч

Слушаюсь, милорд.— Ну, ты, живо долой рубаху.

С и м п к о к с

Ах, сэр, что мне делать? Я и стоять-то не могу.

После первого удара палача Симпкоккс перепрыгивает через скамью и убегает. Народ следует за ним с криком «Чудо!».

К о р о л ь   Г е н р и х

О боже! Это видишь ты и терпишь?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Смешно смотреть, как удирает плут.

Г л о с т е р

Поймать мерзавца! Потаскушку взять!

Ж е н а   С и м п к о к с а

Ах, сэр, мы от нужды пошли на это.

Г л о с т е р

Пусть их стегают плетями на всех рынках, пока они не доберутся до Бервика, откуда пришли.

Мэр, палач, жена Симпкоккса и другие уходят.

К а р д и н а л

Сегодня Глостер совершил нам чудо.

Сеффолк

Хромой вскочил и прочь бежал отсюда.

Глостер

Вы большее свершили чудо нам!
Бежали графства, повинаясь вам.

Входит Бекингем.

Король Генрих

Какие, Бекингем, приносишь вести?

Бекингем

Такие, что и вымолвить мне страшно.
Какой-то сброд презренный и зловредный
При соучастье и под руководством
Протектора жены Элеоноры,
Главы и покровительницы шайки,
Злоумышлял на вас, мой государь.
Всех колдунов и ведьм, что собирались
У ней под кровом, захватили мы,
Когда они злых духов вызывали
Из преисподней, вопрошая их
О вашей жизни, государь, и смерти,
А также о судьбе вам близких лиц,
О чем подробно станет вам известно.

Кардинал

(тихо, Глостеру)

Итак, супруга ваша, лорд протектор,
Предстанет очень скоро пред судом.
Известье это меч ваш остановит;
Похоже, что вам слова не сдержать.

Глостер

Честолюбивый поп, не рви мне сердце.
Печаль и скорбь мне сокрушили силы,
Теперь я побежден — и я сдаюсь,
Как самому ничтожному слуге
Я сдался бы сейчас.

Король Генрих

О боже! Сколько бед творят злодеи,
Погибель навлекая на себя!

Королева Маргарита

Глостер, твое гнездо осквернено, —
Так смой хоть с самого себя пятно.

Глостер

Я к небу, государыня, взываю,—
Всегда был предан королю и краю.
Что до жены — не знаю ничего;
Мне горько слышать то, что я слышал.
Хоть благородна кровь ее, но если
Она, забыв и честь и добродетель,
Со сволочью презренной связалась,
Что нас, дворян, марает, как смола,—
Прочь от меня, она мне не мила.
Пушай падет всей тяжестью закон
На ту, которой стыд мне учинен.

Король Генрих

Милорды, мы переночуем здесь,
А завтра снова в Лондон возвратимся,
Чтоб рассмотреть подробно это дело,
Преступников потребовав к ответу;
И взвесим все мы на весах закона,
Что возвещают правду неуклонно.

Трубы.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Сад герцога Йоркского.

Входят Йорк, Солсбери и Уорик.

Йорк

Теперь, милорды Солсбери и Уорик,
Позвольте мне, закончив скромный ужин,
Уединиться с вами для беседы
И сердце облегчить, узнав от вас
Непререкаемое ваше мнение
О том, имею ль право на корону.

Солсбери

Я слушаю внимательно, милорд.

У о р и к

Йорк милый, говори, и если прав ты,
Тебе служить, как подданные, будем.

Й о р к

Так вот:

У Эдуарда Третьего, милорды,
Семь было сыновей. Родился первым
Эдвард, принц Уэльский, он же Черный принц;
Вторым родился Вильям Хетфильд; третьим
Был герцог Кларенс, Лайонел; за ним
Родился герцог Ланкастер, Джон Гант;
Был пятым Эдмунд Ленгли, герцог Йорк;
Шестым был Томас Вудсток, герцог Глостер;
Уильям Уиндзорский был седьмым, последним.
Эдвард, принц Черный, умер при отце;
Им сын единственный оставлен — Ричард;
Он царствовал по смерти Эдуарда,
Пока Ланкастер Генрих Болингброк,
Сын старший и наследник Джона Ганта,
Не захватил престол, монарха свергнув,
И не был назван Генрихом Четвертым.
Он свергнутого короля супругу
Во Францию обратно отослал,
А самого монарха заточил
Он в замок Помфрет, где, как всем известно,
Предательски был Ричард убит.

У о р и к

Отца, все, что сказал нам герцог, правда:
Так дом Ланкастеров добыл всецел.

Й о р к

Его он держит силой, не по праву.
Когда сын принца Черного скончался,
Царить был должен сын второго сына.

С о л с б е р и

Но Вильям Хетфильд умер без потомства.

Й о р к

Сын третий, герцог Кларенс (от него
Мои права), лишь дочь имел — Филиппу,
Был муж ей Эдмунд Мортимер, граф Марч;
А сын их, Роджер Марч, имел детей:
Эдмунда, Анну и Элеонору.

Солсбери

Тот Эдмунд в царствование Болингброка,
Как я читал, потребовал корону
И стал бы королем, когда б Глендаур
До смерти не держал его в плену...
Но дальше!

Йорк

Анна, старшая сестра
Эдмунда Мортимера, мать моя,
Была за графом Кембриджем, что сын был
Эдмунда Ленгли, сына Эдуарда.
И от нее мои права; она
Была наследницею графа Марча,
Что сыном был Эдмунда Мортимера,
Вступившего в супружество с Филиппой,
Которой герцог Кларенс был отцом.
Итак, коль старших сыновей потомство
Наследует престол, то я — король.

Уорик

Что может быть яснее, чем все это?
У Генриха права на трон — от Ганта,
Что был четвертым сыном, а у Йорка —
От сына третьего. Покуда живо
Потомство Кларенса, — ему царить.
И вот оно цветет в твоём лице
И в сыновьях твоих, ветвях прекрасных.
Итак, отец, колени мы преклоним
И будем первые в саду укромном
Приветствовать законного монарха,
Чье право на корону непреложно.

Оба

Да здравствует король английский Ричард!

Йорк

Благодарю. Но все ж я не король,
Пока я не венчался и мой меч
В крови Ланкастеров не обогрен.
Свершить все это сразу невозможно:
Нужна здесь тайна строгая и хитрость.
Вы в эти дни тревожные, как я,
На дерзость Сеффолка глаза закройте,
На чванство Бóфорта и Сомерсета

И Бекингема и всей шайки их,
Покуда пастырь стада не затравлен,
Достойный принц, наш добрый герцог Хемфри.
Его погибели ища, они
Погибнут сами — так пророчит Йорк.

С о л с б е р и

Милорд, довольно: мы вас понимаем.

У о р и к

Подсказывает сердце мне, что Уорик
Однажды Йорка возведет на трон.

Й о р к

А я, мой Невил, глубоко уверен,
Что Ричард Уорика поставит первым
В земле английской после короля.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Зал суда.

Трубы.

Входят король Генрих, королева Маргарита, Глостер,
Йорк, Сеффолк, Солсбери, герцогиня Глостер.

Марджери Джордец, Саутуэл, Юм, Болингброк под
стражей.

К о р о л ь Г е н р и х

Элеонора Кобем, леди Глостер,
Вы провинились тяжко перед богом
И перед нами. Приговор примите
За грех, что в библии карался смертью.

(К Джорден и другим.)

Вы, четверо, опять в тюрьму пойдете,
Оттуда же — на место вашей казни.
Колдунью эту в Смитфильде сожгут,
А вас троих на виселицу вздернут.

(Герцогине Глостер.)

Вы, леди, благородней их по крови —
И жить останетесь, утратив честь.
Трехдневному подвергшись покаянию,
В изгнании должны вы поселиться
На Мене, под надзором Джона Стенли.

Герцогиня

Изгнапью рада я; и рада смерти.

Глостер

Супруга, ты осуждена законом;
Кого закон казнит, не оправдать мне.

Герцогиня и другие под стражей уходят.

Глаза полны слезами, сердце — горем.
Ах, Хемфри, этот срам в твой год
Сведет тебя, злосчастливого, в могилу.—
Молю вас, государь, дозвоьте мне
Уйти. Для скорби нужно утешенье,
А для преклонных лет моих — покой.

Король Генрих

Стой, герцог Глостер. Прежде чем уйти,
Отдай мне жезл: отныне будет Генрих
Протектор сам; и бог — моя надежда,
Опора, светоч и в пути вожатый.
Иди же с миром, Хемфри, ты мне мил
Не меньше, чем когда ты был протектор.

Королева Маргарита

Не вижу я причины, по которой
Протектор нужен взрослому монарху.
Господь и государь направят край.
Жезл и державу королю отдай.

Глостер

Мой жезл? Вот он, мой благородный Генрих.
Охотно я верну его, властитель,
Как дал его мне Генрих, твой родитель,
Я рад к твоим ногам его сложить,
Как будет рад иной его схватить.
Прощай! Когда глаза навек сомкну,
Пусть осеняет мир твою страну.

(Уходит.)

Королева Маргарита

Ну вот, теперь стал Генрих королем,
И Маргарита стала королевой.
А Хемфри, герцог Глостер, тенью стал —
Сражен, повержен. Разом два удара:

Супруга изгвана, утрачен жезл,
Знак власти. Пусть отныне он хранится,
Супруг мой, в царственной твоей деснице.

С е ф ф о л к

Так рушится могучая сосна;
Так гордость герцогини сметена.

Й о р к

Бог с ним.— Позвольте, государь, сказать вам:
Назначен на сегодня поединок.
Ответчик и истец готовы к бою —
И оружейник и его слуга.
Угодно будет вам взглянуть на схватку?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Да, добрый лорд, покинула я двор,
Чтоб увидеть развязку этой ссоры.

К о р о л ь   Г е н р и х

Во имя бога приготовьте поле.
Пусть кончат спор. Бог правому защита.

Й о р к

Я не видал еще бойца трусливей
Или растерянее, чем истец,
Прислужник оружейника, милорды.

Входят с одной стороны оружейник Хорнер и его сосед; они все время чокаются с ним, и он уже охмелел; в руках у него палка, к концу которой привешен мешок с песком; перед ним барабанщик. С другой стороны входит Питер с барабанщиком и такой же палкой; его сопровождают подмастерья, пьющие за его здоровье.

П е р в ы й   с о с е д

Вот, сосед Хорнер, пью за ваше здоровье кубок хереса. Не робейте, сосед, все будет хорошо.

В т о р о й   с о с е д

А вот, сосед, кубок лиссабонского.

Т р е т ь и й   с о с е д

А вот кружка доброго крепкого пива, сосед; пейте и не бойтесь вашего молодца.

Х о р н е р

Идет, ей-богу. Выпью со всеми вами, а Питеру — шиш!

Первый подмастерье

Вот, Питер, пью за твоё здоровье, не трусь.

Второй подмастерье

Веселей, Питер, не бойся хозяина; дерись во славу подмастерьев.

Питер

Спасибо вам. Пейте и молитесь за меня, прошу вас. Сдается мне, что я выпил последний свой глоток на этом свете.— Слушай, Робин, ежели я помру, возьми себе мой фартук.— А ты, Вилль, бери себе мой молоток.— А ты, Том, забирай все деньги, сколько у меня есть.— Господи, помилуй! Помоги мне, боже! Где уж мне драться с хозяином! Он в этом деле мастак.

Солсбери

Ну, будет вам пить, начинайте бой.— Эй, как тебя зовут?

Питер

Питер, ваша милость.

Солсбери

Питер! А дальше как?

Питер

Туз.

Солсбери

Туз? Ну, смотри, тузи своего хозяина хорошенько.

Хорнер

Господа, я пришел сюда, так сказать, по наговору моего слуги, чтобы доказать, что он подлец, а я честный человек. А что касается до герцога Йорка, умереть мне на месте, если я когда-нибудь желал ему зла, или королю, или королеве! А потому, Питер, держись; расшибу тебя в лепешку!

Йорк

У плута заплетается язык.—

Играйте, трубачи, сигнал к сражению.

Сигнал.

Сни дерутся, Питер валит хозяина на землю.

Хорнер

Стой, Питер, стой! — Сознаюсь, сознаюсь в измене.

(Умирает.)

Йорк

Убрать его оружие.— Ну, любезный, благодари бога и доброе вино, что ударило в голову твоему хозяину.

Питер

О господи, неужто я одолел своего врага перед таким собранием? Ну, Питер, ты постоял за правду.

Король Генрих

Убрать изменника от наших взоров!
Смерть показала нам его виновность,
И праведный господь открыл пред нами,
Что прав и невиновен тот бедняга,
Которого хотел он умертвить.—
Иди же, друг мой, с нами за паградой.

Трубы.
Уходят.

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Глостер и слуги в траурных одеждах.

Глостер

Так яркий день мрачит порою туча,
И вслед за летом к нам всегда приходит
Бесплодная зима с морозом лютым;
Так радости и скорби друг за другом
Песутся, словно месяцы в году.
Который час?

Слуга

Уж десять.

Глостер

Я в десять должен встретиться с моей
Наказанной сурово герцогиней.
По улицам кремнистым тяжело
Ногами нежными ступать бедняжке.
О Нелл, как стерпит дух твой благородный
Глазенье подлой черни, злые взгляды
И над твоим позором наглый смех —
Той черни, что недавно устремлялась
За гордою твоею колесницей?

Но тише! Вот она. Я приготовлюсь
Сквозь слезы увидеть ее страданья.

Входит герцогиня Глостер в белом балахоне, с ярлыком,
приколотым на спине, босая, с зажженной свечой в руке.
С ней сэр Джон Стенли, шериф и стража.

Слуга

Коль вашей светлости угодно будет,
Ее мы у шерифа отобьем.

Глостер

Нет, стойте смирно, пусть она пройдет.

Герцогиня

Супруг, пришел ты посмотреть позор мой?
Со мной несешь ты наказанье. Видишь,
Как на тебя глазеет люд безмозглый
И кажет пальцем, головой качая?
Ах, Глостер, скройся от их злобных взглядов
И, запершись, оплакивай позор мой
И проклинай врагов — твоих с моими!

Глостер

Будь терпелива, Нелл; забудь обиды.

Герцогиня

Ах, научи меня забыть себя!
Как вспомню я, что ты страны протектор,
А я — твоя законная жена,
Мне кажется, не должно мне идти,
Покрытой срамом, с надписью позорной,
В сопровождение сброда, что глумится
Над вздохами моими и слезами.
Жестокий камень режет ноги мне;
Едва ж я вздрогну, злая чернь со смехом
Советует ступать мне осторожней.
Ах, Хемфри! Как снести ярмо позора?
Смогу ль, как прежде, я смотреть на мир?
Сочту ль блаженством солнце созерцать?
Нет, мрак мне будет светом, полночь днем,
Мысль о моем былом величье — адом.
Скажу порой: «Я Глостера жена,
И муж мой герцог и страны правитель;
Но так он управлял, такой был герцог,
Что в стороне стоял, меж тем как я,

Его страдающая герцогиня,
Посмешищем и пугалом служила
Для каждого зеваки-подлеца».
Что ж, кроток будь, за стыд мой не красней
И не горюй, пока секира смерти
Над головой твоею не взлетит.
А это, знаю, скоро совершится;
Ведь Сеффорд — он, который может все,—
С той, что обоих нас так ненавидит,
И Йорк и Бофорт, нечестивый поп,
Расставили силки для крыл твоих.
Куда б ты ни взлетел, тебя уловят.
Но ты, пока в них не попал, не бойся
И не пытайся упредить врагов.

Г л о с т е р

Ах, полно, Нелл: ты метишь мимо цели!
Чтоб жертвой стать, я должен провиниться.
Будь в сто раз больше у меня врагов,
Будь каждый враг сильнее во сто крат,
Они мне причинить вреда не смогут,
Пока я честен, верен, невиновен.
Ты хочешь, чтоб я спас тебя от стражи?
Но я бесчестья твоего не смою,
В беду лишь попаду, закон нарушив.
В спокойствии твое спасенье, Нелл.
Прошу тебя, склонись к терпенью сердцем.
Терзанья этих дней уймутся быстро.

Входит герольд.

Г е р о л ь д

Призываю вашу светлость в парламент его величества, который соберется в Бери первого числа будущего месяца.

Г л о с т е р

Не испросивши моего согласия,
Решили тайно! — Хорошо, приду.

Герольд уходит.

С тобою прощаюсь, Нелл.— Шериф, прошу вас,
Не превышайте меры наказания.

Ш е р и ф

Милорд, здесь полномочия мои
Кончаются, и должен сэр Джон Стенли
Сопроводжать ее на остров Мен.

Г л о с т е р

Так вам, сэр Джон, надзор за ней поручен?

С т е н л и

Да, с разрешенья вашего, милорд.

Г л о с т е р

Не обращайтесь хуже с пей, сэр Джон,
Из-за того, что я вас попросил
С ней лучше обходиться. Может быть,
Мне счастье улыбнется вновь; тогда
Я за добро, оказанное ей,
Вам отплачу добром. Сэр Джон, прощайте!

Г е р ц о г и н я

Как! Вы уйдете, не простясь со мною?

Г л о с т е р

Смотри: я плачу; говорить нет сил.

Г л о с т е р со своими слугами уходит.

Г е р ц о г и н я

И ты ушел? С тобой ушла надежда.
Я здесь одна, моя отрада — смерть,
Смерть, имени которой я страшилась,
Желая вечность на земле найти.
Прошу, веди меня отсюда, Стенли,
Куда-нибудь; мне милости не надо.
Доставь меня, куда тебе велели.

С т е н л и

На остров Мен, миледи. Будут с вами
Согласно званию обращаться там.

Г е р ц о г и н я

Вот это-то и плохо: я — позор;
Со мной позорно будут обращаться?

С т е н л и

Как с герцогиней, Глостера женой,
Миледи, будут обращаться с вами.

Г е р ц о г и н я

Шериф, прощай! Счастливей будь, чем я,
Хоть ты был стражем моего бесчестья.

Ш е р и ф

Таков мой долг. Простите, герцогиня.

Г е р ц о г и н я

Да, да, прощай. Ты свой исполнил долг.—
Ну, Стенли, мы пойдем?

С т е н л и

Миледи, покаянье свершено.
Вы савап этот сбросьте, и пойдете.
Переодеться надо вам в дорогу.

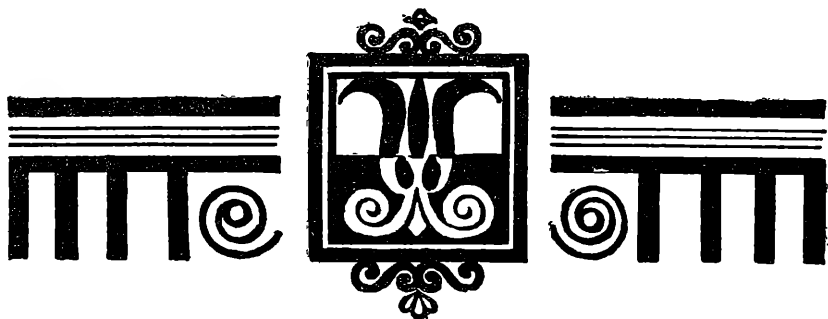
Г е р ц о г и н я

Мой стыд не сбросить с этим одеяньем.—
Нет, он прилипнет к самым пышным платьям;
Его не скрыть, как я ни наряжусь.
Веди меня; я жажду заточенья.

(Уходит.)

А К Т III

СЦЕНА 1

Аббатство в Бери-Сент-Эдмонде.

Трубы.

Входят в парламент король Генрих, королева Маргарита, кардинал Бофорт, Сеффолк, Йорк, Бекингем и другие.

Король Генрих

Дивлюсь я, что лорд Глостер не пришел;
Я знаю, не привык он быть последним.
Должно быть, чем-нибудь задержан он.

Королева Маргарита

Иль ты не видишь? Или ты не хочешь
В нем странную заметить перемену?
С каким величием себя он держит,
Как стал с недавних пор заносчив он,
Как с нами непочтителен, как горд
И не похож на самого себя!
Я помню: был он кроток и приветлив,
И стоило нам бросить беглый взгляд,
Как он уж становился на колени.
Весь двор его покорности дивился.
Но стоит вам с ним утром повстречаться,
Когда приветит каждый с добрым днем,—
Он хмурит брови и, взглянув сердито,
Пройдет, не преклонив колен упрямых,

Презрев свой долг священный перед нами.
Щенка ворчанье никому не страшно,
Но львиный рык пугает и великих,
А Хемфри человек немалый в крае;
Во-первых, ближе всех он вам по крови.
Падете вы — он тотчас вознесется.
И, думается мне, неосторожно,
В виду вражды, что он питает в сердце,
И благ, что принесет ему конец ваш,—
Его к особе вашей приближать
И допускать в верховный ваш совет.
Он лестью сердце черни покорил,
И, если вздумает поднять восстание,
Боюсь, народ последует за ним.
Теперь весна, и корни не глубоки
У сорных трав; но если их оставить,
Они по саду быстро разрастутся
И заглушат растенья без присмотра.
О вас забота, мой супруг, велит мне
Доказывать, что герцог вам опасен.
Коль страх мой глуп, скажите: бабья трусость;
И если доводы мой страх прогонят,
Свою вину пред герцогом признаю.—
Милорды Сеффолк, Бекингем и Йорк,
Скажите прямо, если не согласны;
А нет — признайте правоту мою.

Сеффолк

Вы в мысль его проникли, королева;
И если бы мне предложили первым
Здесь высказаться, я сказал бы то же.
Клянусь, пошла на дьявольские козни
По наущенью мужа герцогиня;
Но если б даже он не знал о них,
Все ж, свой высокий род превознося
(Ведь он прямой наследник государя),
Он этой похвальбой своей надменной
Безумную супругу подстрекнул
Злокозненными средствами готовить
Паденье государя своего.
Поток глубокий медленно струится
И, хоть он с виду тих, таит измену;
Лиса не лает, крадучись к ягненку.
Нет, Глостер не разгадан, государь,—
Он преисполнен лживости глубокой.

Кардинал

Иль не карал он, вопреки закону,
За небольшие преступления смертью?

Йорк

А будучи протектором, не он ли
В стране большие суммы собирал
Для платы войску, но не отсылал их?
От этого мы города теряли.

Бекингем

Все это пустяки в сравнение с тем,
Что время обнаружит в тихом Хемфри.

Король Генрих

Вот что, милорды: ваше побуждение
Убрать все тернии с дороги нашей —
Похвально. Но сказать ли мысль мою?
Наш дядя Глостер столь же неповинен
В измене нашей царственной особе,
Как голубь или безобидный агнец;
Он слишком добродетелен и кроток,
Чтоб мыслить зло, готовить гибель мне.

Королева Маргарита

Ах, что вредней безумного доверья?
На голубя похож он? Перья занял,
На деле ж он душою злобный ворон.
Он агнец? Шкуру он надел ягнячью,
На деле ж он по нраву хищный волк.
Обманщику надеть личину трудно ль?
Супруг мой, берегитесь; наше благо
Велит нам козни Глостера пресечь.

Входит Сомерсет.

Сомерсет

Да здравствует мой добрый государь!

Король Генрих

Добро пожаловать, лорд Сомерсет;
Из Франции принес какие вести?

Сомерсет

Вы всех владений ваших в этом крае
Лишились, государь; погибло все.

Король Генрих

Дурная весть! На все господня воля...

Йорк
(в сторону)

Дурная весть и для меня. Ведь я
На Францию питал надежды крепко,
Как и на остров плодородный наш.
Так вянет мой цветок, не распустившись,
И гусеницы пожирают листья.
Но я свои дела поправлю скоро
Иль славную могилу обрету.

Входит Глостер.

Глостер

Всех благ властителю и королю!
Простите, государь, что опоздал я.

Сеффолк

Нет, Глостер, знай: пришел ты слишком рано,—
И если ты не стал честней, чем прежде,
Тебя я за измену арестую.

Глостер

Знай, герцог Сеффолк, я не покраснею;
В лице не изменюсь я при аресте.
Не знает страха тот, кто не запятнан.
Чистейший ключ не так далек от грязи,
Как от измены государю — я.
Кто обвинит меня? В чем я виновен?

Йорк

Вы, говорят, с французов брали взятки
И жалованья войску не платили,
Из-за чего мы Франции лишились.

Глостер

Так говорят? Кто это говорит?
Я жалованья войск не крал ни разу
И от французов ни гроша не брал.
Помилуй бог, я бодрствовал ночами —
Да, ночь за ночью, родине на благо.
Пусть каждую полушку, что загреб я,
И каждый грош, что у казны похитил,

Против меня предъявят в день суда!
Нет, много фунтов из моих достатков,
Чтоб от налога бедняков избавить,
Я гарнизонам нашим уплатил
И не просил ни разу возмещения.

Кардинал

Милорд, удобно вам так говорить?

Глостер

Я говорю лишь правду, бог мне в помощь!

Йорк

Вы, будучи протектором, такие
Неслыханные пытки измышляли
Для провинившихся, что остров наш
Был тиранией заклеямен повсюду.

Глостер

Когда я был протектором, все знают —
В одном лишь был виновен, в состраданье;
Смягчался я при виде слез злодея,
И он мольбою искупал свой грех.
И если не был предо мной убийца
Иль злой разбойник, что проезжих грабит,
Не налагал заслуженной я кары.
Убийц кровавых, правда, я пытал
Суровой, чем грабителей и прочих.

Сеффолк

Легко в проступках малых оправдаться,
Но вас винят в тяжелых преступлениях;
Тут обелиться будет потрудней.
Вас именем монарха арестую
И поручаю лорду кардиналу
Вас охранять до времени суда.

Король Генрих

Лорд Глостер, я надеюсь всей душой,
Что снимете с себя вы подозренья;
Внушает совесть мне, что вы невинны.

Глостер

Ах, государь, печально время наше.
Задушена здесь доблесть честолюбьем,

И милосердые изгнано враждою;
Повсюду злые козни и интриги;
Нет справедливости в стране родной.
Их умысел на жизнь мою я знаю,
И если б смертью дал стране я счастье
И положил конец их тирании,
Охотно б я от жизни отказался.
Но смерть моя к игре их — лишь пролог,
И даже тысячи все новых жертв,
Которые сейчас беды не чуют,
Не завершат трагедии кровавой.
Взор Бофорта злость выдает сверканьем;
Лоб хмурый Сеффорка — его вражду;
Речами облегчает Бекингем
Давящей сердце ненависти бремя;
А лютый Йорк, что тянется к луне,—
Хоть руку дерзкую я прочь отдернул,—
Наветом живым метит в жизнь мою.—
И вы, монархиня моя, с другими
Порочите меня без оснований
И приложили все свои усилыя,
Чтоб мне врагом стал мой король любимый.
Да, вы обдумывали это вместе;
Я знал про ваши тайные собранья,
Где мне, безвинному, ковалась гибель.
Довольно лжесвидетелей найдется,—
Измены отягчат мою вину.
Старинная пословица права:
«Была б собака — палка уж найдется».

К а р д и н а л

Его злословие невыносимо!
Ведь если тех, что охраняют вас,
Властитель, от ножа измены тайной,
Так станут оскорблять, клеймить, порочить,
И будет говорить злодей свободно,
То может охладиться рвенье их.

С е ф ф о р к

Иль королеву он не упрекнул
Искусно слаженною, дерзкой речью
В том, что побудила нас клеветать
На Глостера, чтоб свергнуть власть его?

Королева Маргарита
Пушкой себе бранится проигравший.

Глостер
В том, что вы говорите, больше правды,
Чем полагали вы. Да, проиграл я,
Но горе тем, кто выиграл обманом!
Так проигравший вправе говорить.

Беккингем
Он все толкует вкрявь; мы губим время.—
Лорд-кардинал, он под надзором вашим.

Кардинал
Взять герцога и крепко сторожить.

Глостер
Ах, так-то Генрих свой костыль бросает,
Когда еще он на ногах нетверд!
Увы, отторгнут от тебя пастух,
И волки воют, на тебя оскалась.
Когда б напрасны были страх и боль!
Я гибели твоей страшусь, король.

Глостер под стражей уходит.

Король Генрих
Милорды, что найдете наилучшим,
То делайте от нашего лица.

Королева Маргарита
Как! Удаляйтесь вы, государь?

Король Генрих
Да, Маргарита; сердце тонет в скорби;
К моим глазам поток ее прихлынул.
Со всех сторон окутан я печалью,—
Что может быть прискорбнее тоски?
Ах, дядя Хемфри, на лице твоём
Начертаны правдивость, доблесть, честь;
И не пришла пора, мой добрый Хемфри,
Мне усомниться в верности твоей.
Какие же враждебные созвездья
Завидуют величью твоему,
Что эти лорды в нашей королевой

Твоей гибели безвинной ищут?
Ни им и никому ты зла не делал.
И как мясник берет теленка, вяжет
И тащит за собой к кровавой бойне,
И бьет его, коль в сторону он рвется,—
Так Хемфри беспощадно повлекли.
И как с мычаньем мечется корова
И смотрит вслед невинному тельцу
И может только тосковать о нем,—
Так я о добром Глостере тоскую,
И слезы лью, и вслед ему смотрю
Туманным взором, и помочь не в силах,—
Крепки его заклятые враги.
Я буду плакать над его судьбой,
Твердя: «Кто враг мне? То не Глостер мой».
(Уходит.)

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Под знойным солнцем тает снег холодный.
К делам правленья холоден король
И преисполнен жалости пустой;
Его морочит Глостер, как стенамьем
Прохожих привлекает крокодил,
Иль, как змея, с блестящей, пестрой кожей,
Свернувшаяся под цветами, жалит
Ребенка, что прельщен ее красой.
Мудрее не придумаешь решенья,
И здравый смысл подсказывает мне:
Покинуть должен он скорее землю,
Чтоб страх пред ним навек покинул нас.

К а р д и н а л

Да, это было бы всего разумней.
Но следует найти предлог пристойный;
Он должен быть законом осужден.

С е ф ф о л к

Ну пет, я не считаю это мудрым.
Король захочет Глостера спасти;
Быть может, и народ того ж захочет.
Все обвинения слишком легковесны,
Чтобы казнить его,— лишь подозренья!

Й о р к

Итак, ему вы не хотите смерти?

Сеф ф о л к

Ах, Йорк, никто не хочет так, как я.

Й о р к
(в сторону)

Желать того причин у Йорка больше.

(Громко.)

Но вы, лорд-кардинал, и вы, лорд Сеффорд,
Скажите ваше мнение откровенно:
Протектором страны оставить Хемфри —
Не то же ль самое, что заставлять
Несытого орла, чтоб он цыпленка
От коршуна голодного стерег?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а
Цыпленок бедный не избег бы смерти.

Сеф ф о л к

Да, государыня, безумьем было б
Лису поставить сторожем овец.
Тот, кто в убийстве обвинен коварном,
Напрасно бы старался оправдаться
Тем, что еще его не совершил.
Нет, пусть умрет — затем что он лиса
И по своей природе — стаду враг,—
Пока не обагрил он кровью пасть;
Ведь Глостер враг отъявленный монарху.
Что долго думать, как его прикончить —
Капканом ли, тенетами, лукавством,
Во сне иль бодрствующим? Все равно,
Лишь умер бы! Прекрасен тот обман,
Что отвращает пагубный обман.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а
Сказал ты смело, трижды славный Сеффорд!

Сеф ф о л к

Не будет смелым, если не свершить:
Ведь часто говорят не то, что мыслят.
Но, чтобы доказать, что речь моя
В согласье с сердцем, что в поступке этом
Лишь доблесть вижу, что хочу монарха
Избавить от врага, скажите слово —
И стану я духовником его.

Кардинал

Но я б желал, чтобы он умер прежде,
Чем примете вы, Сеффолк, сан священный.
Согласье дайте, одобряя дело,—
Вам исполнителя достану я:
Так я пекусь о благе государя.

Сеффолк

Вот вам рука — поступок этот нужен.

Королева Маргарита

Я то же говорю.

Йорк

И я; и раз мы трое так решили,—
Что нам, коль наш оспорят приговор?

Входит гонец.

Гонец

Я прибыл из Ирландии, милорды,
Вам сообщить: мятежники восстали,
Подняв оружие на англичан.
Пошлите помощь; ярость их прервите,
Пока не стала рана та смертельной;
Она еще свежа,— помочь возможно.

Кардинал

Починки спешной требует пролом.
Какой совет дадите в этом деле?

Йорк

Послать туда регентом Сомерсета.
Удачливый правитель нужен там;
А он во Франции преуспевал.

Сомерсет

Будь Йорк с политикой своей премудрой
Регентом в тех краях, не смог бы он
Так долго продержаться там, как я.

Йорк

Не для того, чтоб все отдать, как ты:
Скорей бы потерял я жизнь свою,
Чем с бременем стыда домой вернулся,

Всю Францию бесславно потеряв.
Где ж раны у тебя? Ты не был ранен.
Тот не стяжал побед, кто так сохранен.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

В пожар свирепый разгорится искра,
Коль раздуть и дров бросать в огонь.
Йорк добрый, милый Сомерсет, молчите.
Будь ты во Франции регентом, Йорк,
Могли б дела и хуже обернуться.

Й о р к

Как! Хуже худшего? О горький стыд!
Стыд на тебя,— ты так его желаешь!

К а р д и н а л

Лорд Йорк, свою звезду вы испытайте.
Там дикие на нас восстали керны
И красят землю кровью англичан.
Хотите вы в Ирландию вести
Отряд бойцов отборных из всех графств
И счастье испытать в войне ирландской?

Й о р к

Да, коль угодно это государю.

С е ф ф о л к

Все в нашей власти,— он согласье даст
И, что мы постановим, утвердит.—
Ну, славный Йорк, берись за это дело.

Й о р к

Доволен я. Доставьте мне солдат,
А я меж тем свои дела устрою.

С е ф ф о л к

Лорд Йорк, я о солдатах позабочусь.
Но к Глостеру коварному вернемся.

К а р д и н а л

О нем довольно; я устрою так,
Что больше он не будет нас тревожить.
День близится к концу; уйдем отсюда.—
А мы, лорд Сеффорд, с вами потолкуем.

Й о р к

Лорд Сеффолк, через десять дней я буду
В Бристоле поджидать своих солдат,
Чтобы в Ирландию их переправить.

Се ф ф о л к

Исполню все старательно, лорд Йорк.

Уходят все, кроме Йорка.

Й о р к

Теперь иль никогда — дух закали,
Решимостью смени свои сомнения;
Стань тем, чем быть надеялся, иль смерти
То, что ты теперь, предай. Так жить не стоит!
Пусть бледный страх безродными владеет
И не гнездится в королевском сердце.
Как вешний дождь, бежит за думой дума,
И все твердят о царственном величье.
Мой мозг усердней, чем паук прилежный,
Сеть выплетает, чтоб врагов поймать.
Отлично, лорды! Мудрое решение —
Меня отсюда отослать с войсками.
Боюсь, вы отогрели на груди
Змею, что скоро вас ужалит в сердце.
Мне не хватало войск, — вы их мне дали;
Охотно их беру. Но так и знайте:
Вручили вы оружие безумцу.
В Ирландии могучий свой отряд
Кормить я буду, а меж тем раздую
В стране английской черный ураган,
Что унесет десятки тысяч душ
В рай или в ад. И не уймется буря,
Пока венец не осенит чело мне,
И, словно солнце, властными лучами
Не успокоит дикий этот вихрь.
А как проводника моих решений,
Я смельчака из Кента подстрекнул:
Джон Кед из Эшфорда
Поднять восстание в стране сумеет,
Принявши имя Джона Мортимера.
Пришлось мне видеть, как упрямый Кед
Один давал отпор отряду кернов.
Он пылко дрался, хоть торчали стрелы
В его боках, как иглы дикобраза;

Когда же наконец пришла подмога,
Он прыгать стал, как в пляске дикий мавр,
Кровавые отряхивая стрелы.
Не раз, одевшись, как лохматый керн,
Ходил он разговаривать с врагами
И возвращался к нам, никем не узнав,
И мне об их злодействах сообщал.
Вот этот дьявол здесь меня заменит.
На умершего Джона Мортимера
Лицом, походкой, речью он похож.
Таким путем узнаю мысль народа —
Как притязанья Йорка примет он?
Хотя б схватили Кеда, стали мучить,—
Все ж никакие пытки не принудят
Его сказать, кто подстрекнул к восстанью.
А если преуспеет он,— и это
Весьма возможно,— что ж, тогда вернусь
Я из Ирландии с военной силой,
Чтоб то пожать, что негодяй посеял;
Ведь если Хемфри будет умерщвлен
И Генрих свергнут,— я взойду на трон.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Бери-Сент-Эдмондс. Покой во дворце.
Входят поспешно несколько убийц.

Первый убийца
Беги к милорду Сеффолку; скажи,
Что, как велел, спровадили мы Хемфри.

Второй убийца
Что мы наделали! Слышал ли ты,
Чтоб кто-нибудь так умирал блаженно?..

Первый убийца
Сюда идет милорд.

Входит Сеффолк.

Сеффолк
Ну что, вы с ним покончили, скажите?

Первый убийца
Да, добрый лорд, он помер.

Сеф ф о л к

Вот это славно. В дом ко мне идите;
За смелую работу награжу вас.
Король и пэры здесь неподалеку.
Справили вы герцога постель?
Исполнено ли все, что приказал я?

Пер в ы й у б и й ц а

Да, добрый лорд.

Сеф ф о л к

Ступайте прочь.

У б и й ц ы уходят.

Трубы.

Входят король Генрих, королева Маргарита, кардинал
Бофорт, Сомерсет, лорды и другие.

К о р о л ь Г е н р и х

Зовите дядю нашего скорей;
Скажите, пынче мы хотим проверить,
Так ли виновен он, как утверждают.

Сеф ф о л к

Сейчас за ним схожу я, государь.
(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Места займите, лорды, и прошу,—
Вы не судите слишком строго дядю;
Тогда лишь изрекайте приговор,
Когда вина вам станет очевидной.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Избави бог, чтоб зло торжествовало
И знатный лорд был осужден безвинно!
Дай бог, чтоб все исчезли подозренья!

К о р о л ь Г е н р и х

За добрые слова благодарю.

Входит Сеф ф о л к.

Что это? Ты дрожишь? Ты побледнел?
Где дядя наш? Что там случилось, Сеффолк?

Сеф ф о л к

Король! В постели Глостер найден мертвым.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Помилуй бог!

К а р д и н а л

То божий суд.— Во сне я видел нынче,
Что герцог нем, не вымолвит ни слова.

Король Генрих лишается чувств.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Что с вами? — Помогите! Умер он!

С о м е р с е т

Поднять его, пощекотать в носу.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

За помощью скорей! Очнись, мой Генрих!

Сеф ф о л к

Он ожил.— Государыня, терпенье.

К о р о л ь   Г е н р и х

О господи!

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Что с вами, мой супруг?

Сеф ф о л к

Утешься, государь! Утешься, Генрих!

К о р о л ь   Г е н р и х

Как! Сеффолк начал утешать меня!
Не он ли вороном сейчас прокаркал,
Похитив страшным звуком силы жизни,—
И думает чириканьем овсянки,
Словами ласки из пустого сердца
Загладить карканья зловещий след?
Свой яд в словах медовых не скрывай;
Ко мне не прикасайся. Прочь, сказала я!
Твое касанье — что укус змеиный.
Глашатай гибели, прочь с глаз моих!
В твоих глазах кровавое злодейство
Царит в величье мрачном, мир пугая.

О, не смотри, твой взор наносит равны.—
Но нет, останься. Василиск, приди
И взором жертву новую убей.
Под сенью смерти обрету я радость;
Мне жизнь — двойная смерть, раз умер Глостер.

Королева Маргарита

За что вы лорда Сеффолка браните?
Хоть герцог Хемфри был его врагом,
Все ж он скорбит о нем по-христиански.
Что до меня, — хоть он и был мой недруг,
Но если б слезы, горестные стоны
И вздохи, иссушающие кровь,
Способны были жизнь ему вернуть,
Ослепла б я от слез, слегла б от стонов
И стала бы подспешника бледней
От непрестанных вздохов, пьющих кровь, —
Чтоб только ожил благородный герцог.
Что могут обо мне подумать люди?
Все знали, что плохие мы друзья;
Подумать могут — я его сгубила.
Уста молвы начнут меня позорить,
И во дворцы проникнет клевета.
Вот что несет мне эта смерть. Увы мне!
Быть королевою в венце позора!

Король Генрих

О горе мне! Несчастный дядя Глостер!

Королева Маргарита

Нет, обо мне горюй: ведь я несчастней.
Ты отвернулся, прячешь ты лицо?
Но я не прокаженная, — взгляни.
Иль сделался глухим ты, как змея?
Так ядовитым стань, убей супругу.
Иль вся твоя отрада — в гробе Хемфри?
Так, значит, не любил ты Маргариту!
Ему во славу статую воздвигни
И вывеской пивных портрет мой сделай.
Не оттого ль чуть не погибла в море,
И дважды гнал меня противный ветер
К родной стране от берегов английских?
Иль ветер не остерегал меня,
Не говорил: «Беги гнезда ехидн
И на враждебный берег не ступай»?

Я вихри добрые кляла, а также
Того, кто выпустил их из пещеры,
Молила дуть к английским берегам
Иль наш корабль разбить о риф ужасный.
Не пожелал убийцей стать Эол,
Тебе оставив это злодеянье.
Игравшие в красивой пляске волны
Топить меня не захотели, зная,
Что ты своей жестокостью на суше
Меня потопишь в море горьких слез.
Утесы острые ушли в песок,
Не стали раздирать меня клыками,
Чтоб во дворце погибла Маргарита
От каменного сердца твоего.
Пока виднелись меловые скалы,
Стояла я на палубе под вихрем,
Меж тем как шторм нас гнал от берегов
Когда же стали застилать туманы
Твой край от взоров пристальных моих,
Сняла я драгоценный медальон —
Оправленное в бриллианты сердце —
И в сторону Британии метнула,
И море приняло. Я ж пожелала,
Чтоб так же принял сердце ты мое.
И потеряла я твой край из виду,
И посылала очи вслед за сердцем,
Их мутными очками называла
За то, что скрылся Альбион от них.
Как часто Сефболка просила я —
Орудье твоего непостоянства —
Сесть предо мной и чаровать речамц,
Как некогда повествовал Аскапий
Дидоне, обезумевшей от страсти,
Деяния, свершенные отцом
С тех пор, как в пламени погибла Троя.
Я не подобна ль ей, а ты — лжецу Энею?
Терпеть нет сил! Умри же, Маргарита!
Твой муж скорбит, что ты еще жива.

Шум за сценой.

Входят Уоррик и Солсбери. Народ теснится к дверям.

Уоррик

Идет молва, могучий государь,
Что Сефболком и Бофортом убит

Предательски наш добрый герцог Хемфри.
Народ, как разъяренный рой пчелиный,
Вождя лишенный, мечется, гудя;
Готов он без разбору жалить всех.
Я бунт их успокоил, обещав,
Что им поведают причину смерти.

К о р о л ь   Г е н р и х

Что он скончался, Уорик, это правда.
Но как он умер, знает бог, не Генрих.
Войди в его покой, взгляни на тело
И рассуди, что вызвало кончину.

У о р и к

Исполню это.— Ты, отец, побудь
С мятежною толпой, пока вернусь я.

(Уходит.)

К о р о л ь   Г е н р и х

О, прогони, судья всевышний, мысль,
Мысль, что моим завладевает сердцем,
Твердя: «Насильем Хемфри умерщвлен!»
Прости мне, если подозренья ложны,
Затем что ты один лишь судия.
Согреть хотел бы бледные уста
Я тысячью горячих поцелуев
И оросить лицо потоком слез,
Поведать о любви своей немому,
Глухому трупу и в своих руках
Его бесчувственную руку сжать;
Но эти сетованья все напрасны,—
И, увидав земной, отживший образ,
Я только б растравил свою печаль.

Входит Уорик, неся вместе с несколькими придворными
кровать, на которой лежит мертвый Глостер.

У о р и к

Приблизьтесь, государь, на труп взгляните!

К о р о л ь   Г е н р и х

Увижу я всю глубь своей могилы;
С его душой вся радость отлетела:
В его лице себя я вижу мертвым.

У о р и к

Как верно то, что я стремлюсь душою
В чертог царя, принявшего наш образ,
Чтоб снять с людей проклятие отца,
Так я уверен, что рукой насилья
Погублен трижды славный герцог Глостер.

С е ф ф о л к

Ужасная, торжественная клятва!
Но чем свои слова докажешь, Уорик?

У о р и к

Смотри: кровь прилила к его лицу.
Я видывал своей умерших смертью:
Худы, бледней золы, бескровны были,
Затем что кровь их устремила к сердцу,
Которое звало ее на помощь,
Со смертью наступающей борясь.
Кровь стынет вместе с сердцем, не вернется
Румянить щеки, украшая их.
Его ж лицо, смотри, черно от крови,
Глаза раскрыты шире, чем при жизни,
Как у задушенного, смотрят жутко.
Раздуты ноздри, дыбом волосы,
А руки врозь раскинуты, как будто
За жизнь боролся он и сломлен был.
Смотри, пристали волосы к подушке,
Окладистая борода измята,
Как рожь, прибита жестокой бурей.
Что он убит — не может быть сомненья:
Здесь каждый признак — тяжкая улика.

С е ф ф о л к

Но, Уорик, кто мог умертвить его?
Мы с Бофортом его оберегали,
А мы ведь, сэр, надеюсь, не убийцы.

У о р и к

Его враги заклятые вы оба —
И вам охрану Хемфри поручили!
Едва ль вы с ним, как с другом, обходились,
И он, как видно, повстречал врага.

Королева Маргарита
Подозреваешь ты, что эти лорды
В его конце безвременном повинны?

Уорик

Когда убитый бык лежит в крови,
А рядом с топором стоит мясник,—
Не очевидно ли, кем он зарезан?
Когда в гнезде у коршуна найдут
Скворца,— не ясно ль, как погибла птица,
Пусть даже клюв убийцы не в крови?
И здесь родятся те же подозренья.

Королева Маргарита

Так вы — мясник, лорд Сеффолк? Где ваш нож?
А Бофорт — коршун? Где же клюв его?

Сеффолк

Я не хожу с ножом, чтоб резать спящих.
Но вот мой меч, заржавевший в дни мира,
И будет он омыт в крови того,
Кто осквернил меня клеймом убийства.
Скажи, коль смеешь, горделивый Уорик,
Что в смерти Глостера виновен я.

Кардинал Бофорт, Сомерсет и другие уходят.

Уорик

На что лорд Уорик не дерзнет, коль Сеффолк
Его на это дерзко вызывает?

Королева Маргарита

Не может он смирить свой дух надменный,
Заносчивость обидную отбросить,
Хотя б сто раз ему слал вызов Сеффолк.

Уорик

Прошу вас, государыня, довольно.
Ведь слово каждое в его защиту —
Позор для королевского величья.

Сеффолк

Презренный, низкий, тупоумный лорд!
Порочила ль когда-нибудь жена
Супруга своего, как мать твоя?

Она, должно быть, припала на ложе
Мужлана грубого, и так привит
Был к древу благородному дичок;
Ты плод прививки той, не Невил родом.

У о р и к

Не будь твоя вина тебе щитом,
Я поменялся б ролью с палачом,
Тебя от срама лютого избавив.
И короля присутствием я связан,
Не то, кровавый трус, ты на коленях
Прощенья за слова свои просил бы,
Сказав, что разумел ты мать свою,
Что сам бастардом гнусным ты родился;
И, лишь приняв дань страха твоего,
Я по заслугам бы тебя отправил
В ад, злой вампир, сосущий кровь у спящих!

С е ф ф о л к

Не сонному тебе пушу я кровь,
Когда дерзнешь последовать за мной!

У о р и к

Идем скорей, иль повлеку тебя...
Хоть недостойн ты, с тобой сражусь
И духу Хемфри окажу услугу.

С е ф ф о л к и У о р и к уходят.

К о р о л ь Г е н р и х

Крепчайший панцырь — доблестное сердце,
И трижды тот вооружен, кто прав!
Но тот, чья совесть злом совращена,
Будь он закован в латы, все же наг.

Шум за сценой.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Что там за шум?

Возвращаются С е ф ф о л к и У о р и к с обнаженными мечами.

К о р о л ь Г е н р и х

Как, лорды! Обнажили вы оружие
В присутствии моем? Как вы посмели?
Что там за крики буйные несутся?

Сеф ф о л к

Могучий государь, предатель Уорик
С толпою граждан на меня напал.

Шум толпы за сценой. Входит С о л с б е р и.

С о л с б е р и

(обращаясь к народу за сценой)

Там стойте. Все скажу я королю.—
Властитель, просит вам сказать народ,
Что если Сеффолка не обезглавят
Иль не изгонят из страны родной,—
Они его отсюда вырвут силой
И после тяжких пыток умертвят.
Они твердят, что Хемфри им убит,
Они твердят, что он погубит вас
И что одна лишь верность и любовь,
А не стремление к злему мятежу
И не желанье вам противоречить
Их побуждают требовать изгнания
Того, кто кажется им столь опасным.
Они твердят, пылая рвением к вам,
Что если б, государь, вы спать легли
И запретили бы себя тревожить,
Грозя немилостью своей иль казнию,
То, певзирая на запрет, при виде
Змеи, ползущей к вам с разъятым жалом.
Необходимо было б разбудить вас,
Чтоб ядовитый гад не превратил
Той роковой дремоты в вечный сон.
А потому, кричат они, вас будут
Оберегать, хотите вы иль нет,
От лютых змей, каков коварный Сеффолк,
Чьим смертоносным жалом роковым
Стократ достойнейший ваш добрый дядя,
Они твердят, предательски убит.

Н а р о д

(за сценой)

Лорд Солсбери! Ответ от короля!

С е ф ф о л к

Понятно, что народ, невежа грубый,
Шлет королю такое обращение.
А вы, милорд, служить ему готовы,

Ораторское проявив искусство!
Честь велика для лорда Солсбери
Сюда послом явиться полномочным
От медников презренных к государю!

Н а р о д
(за сценой)

Ответ от короля, иль мы ворвемся!

К о р о л ь Г е н р и х

Пойди и передай им, Солсбери:
Благодарю за их любовь и рвенье,
И если бы не требовали, все же
Я совершил бы то, о чем так просят:
Ведь сердце ежечасно мне пророчит,
Что Сеффолк навлечет беду на край;
И я клянусь величием того,
Чей недостойный здесь я представитель,
Что отравлять нам воздух будет он
Не долее трех дней, под страхом смерти.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

О Генрих, разреши вступиться мне!
За Сеффолка достойного прошу я.

К о р о л ь Г е н р и х

Зовя его достойным, недостойной
Ставовишься сама ты, королева.
Молчи. Коль станешь за него просить,
Ты гнев мой этим только увеличишь.
Когда бы это просто обещал,
То и тогда свое сдержал бы слово;
Но я поклялся — и решение твердо.

(Сеффолку.)

Когда по истечении трех дней
Ты будешь найден в крае, где я правлю,
Не выкупишь ты жизни целым миром.—
Пойдем со мною, добрый Уорик мой;
Я о делах поговорю с тобой.

Кроме королевы Маргариты и Сеффолка, все уходят.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Пусть вам сопутствуют напасть и горе!
Сердечная тоска и злые муки

Подругами пусть будут вам всегда!
Где двое вас, пусть дьявол будет третьим!
Пусть вас преследует тройная месть!

С е ф ф о л к

Оставь свои проклятья, дорогая;
Дай Сеффолку, скорбя, с тобой проститься.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Трус, баба, малодушное создание!
Иль не хватает духу клясть врагов?

С е ф ф о л к

Чума на них! Зачем их проклинать?
Когда бы клятвы убивать могли,
Как стоны мандрагоры, я нашел бы
Отравленные, жгучие слова,
Свирепые, ужасные для слуха,
И, стиснув зубы, прошипел бы их
С такою ненавистью непомерной,
Как Злоба бледная в пещере адской.
Язык мой запинаясь б от угроз,
Глаза б метали искры, как кремни;
Как у безумца, волосы бы встали.
Да, каждый мой сустав их проклинал бы.
Но и теперь разорвалось бы сердце,
Когда б я их не клял! Пусть будет яд
Напитком их, а желчь — их лучшим яством,
Сладчайшей сенью — роща кипарисов,
Отрадой взора — злобный василиск,
Нежнейшей лаской — ящерицы жало,
И музыкой — шипение змеи,
А сыч зловещий пусть концерт дополнит!
Все ужасы крошечной, адской тьмы...

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Довольно, милый, ты себя лишь мучишь,
И эти страшные твои проклятья,
Как солнце, отраженное стеклом,
Или ружье, где пороху сверх меры,
Всю силу обращают на тебя.

С е ф ф о л к

Ты клясть велела — и велишь умолкнуть?
Клянусь землей, откуда изгнан я,
Что мог бы клясть в течение зимней ночи,

Хотя б стоял нагой на горной круче,
Где от мороза травы не растут,
И счел бы то минутною забавой.

Королева Маргарита

Молю тебя, довольно! Дай мне руку,
Чтоб мне ее слезами оросить.
Пусть это место дождь не увлажнит
И знаков горести моей не смое.
О, если б навсегда мой поцелуй
Запечатлелся на твоей руке,
Чтоб вспоминал ты, глядя на печать,
Про те уста, что по тебе вздыхают!
Иди же, чтобы я познала горе;
Лишь мыслю я о нем, пока ты здесь.
Так думает богатый о нужде.
Я возвращу тебя, иль, будь уверен,
Сама себя изгнанию обреку.
Что ж, без тебя и так мне жизнь — изгнанье!
Иди, не говори со мной, иди же...
Нет, погоди! Так, обнимаясь нежно,
Два осужденных друга длят прощанье,
Разлука им в сто раз ужасней смерти.
Но все ж прощай! Прощай, с любимым жизнь!

Сеффолк

Так бедный Сеффолк изгнан десять раз:
Раз — королем и трижды три — тобою.
Когда б не ты, я б не скорбел о крае;
Пустыня людной бы казалась мне,
Будь я в небесном обществе твоём:
Ведь для меня, где ты — там целый мир,
И все мирские блага и восторги;
Где нет тебя — там пустота и мрак.
Я больше не могу... Живи, знай радость,
Вся радость для меня в том, что живешь ты.

Входит Вокс.

Королева Маргарита

Куда спешишь ты, Вокс? Какие вести?

Вокс

К его величеству, чтоб доложить,
Что кардинал наш Бофорт умирает,

Недугом тяжким он сражен внезапно.
Таращит он глаза, и ловит воздух,
И богохульствует, и всех клянет.
То словно с духом Хемфри говорит он,
То призывает короля к себе
И, будто Генриху, подушкам шепчет
Своей души обремененной тайны.
Я послан государю сообщить,
Что и сейчас его зовет он громко.

Королева Маргарита

Иди с печальной новостью к монарху.

Вокс уходит.

Увы! Что наша жизнь! И что за весть!
Но что грущу я о минутном горе,
Когда сокровища души лишаюсь.
Лишь о тебе одном горюю, Сеффолк.
И слезы лью, подобно южным тучам!
Питают землю слезы их, мои же —
Печаль мою. — Теперь ступай отсюда.
Ты знаешь, государь сейчас придет;
Коль вместе нас застанет, ты погиб.

Сеффолк

С тобой расставшись, я не в силах жить,
А умереть перед тобой — ведь это
Лишь сон отрадный на твоей груди!
Я отдал бы последний вздох свой небу
Так сладостно и кротко, как младенец
У материнской груди умирает;
А без тебя кричал бы, как безумный,
Чтоб ты пришла и мне закрыла очи
И чтоб замкнула мне уста губами.
Ты отлетающий мой дух вернула б
Или в тебя его вдохнул бы я
И стал бы жить в Элизиуме дивном.
Смерть близ тебя — лишь радостная шутка,
А без тебя — мученье горше смерти.
Дозволь остаться мне — и будь что будет!

Королева Маргарита

Иди! Разлука — едкое лекарство,
Что применяют для смертельных ран.
Во Францию, мой милый! Шли мне вести.

Где б ни был ты в земном, широком мире,
Пошлю Ириду, что тебя разыщет.

Се ф ф о л к

Иду.

Королева Маргарита

С собой мое уносишь сердце.

Се ф ф о л к

Такой алмаз от века не хранился
В столь горестном ларце. Мы разойдемся,
Как челн, разбитый надвое грозой.
Там — путь мой к гибели...

Королева Маргарита

А здесь — путь мой.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лондон. Спальня кардинала Бофорта.

Входят король Генрих, Солсбери и Уорик. Кардинал
лежит в постели.

Король Генрих

Ну, как вы поживаете, милорд?
Ответьте государю своему.

Кардинал

Когда ты смерть, дам Англии казну,
Купить второй такой же остров сможешь,—
Лишь дай мне жить и прекрати мученья.

Король Генрих

О, это признак нехорошей жизни —
Такой безумный перед смертью страх.

Уорик

С тобою, Бофорт, говорит король.

Кардинал

Меня судите, коль угодно. Умер
В постели он,— где ж больше умирать?
Могу ли я людей заставить жить? —

О, не пытай меня, во всем признаюсь.—
Он ожил? Покажите ж мне его;
Дам тысячу я фунтов, чтоб взглянуть.
Но он слепой — засыпал прах глаза.
Да причешите волосы ему;
Смотри, смотри, оии торчат, как ветви,
Смолою смазанные, чтоб крылатый
Мой дух поймать. Пить дайте! Пусть аптекарь
Яд принесет, который я купил.

Король Генрих

О вечный двигатель небес, взгляни
На страждущего милосердным оком!
О, прогони лукавого врага,
Что осаждает гибнущую душу!
Отчаянье из сердца изгони!

Уорик

Смотри, скрежещет он зубами в муках!

Солсбери

Оставь его, пусть в мире отойдет.

Король Генрих

Мир да пошлет господь его душе!
Лорд-кардинал, коль думаешь о рае,
Приподними хоть руку в знак надежды.—
Кончается, не подавая знака.—
О боже, отпусти ему грехи!

Уорик

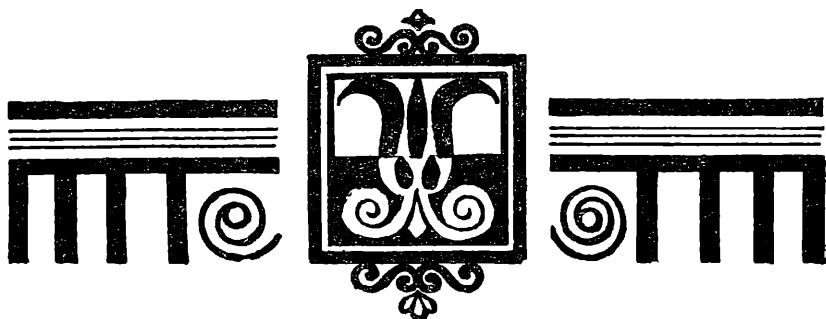
Такая злая смерть — знак мерзкой жизни.

Король Генрих

Не осуждай его; ведь все мы грешны.—
Закрыть ему глаза. Спустите полог.
А мы пойдем предаться размышленьям.

(Уходят.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Берег моря в Кенте.

Тревога. Морской бой. Пушечные выстрелы. Входят капитан корабля, шкипер, штурман, Уолтер Уитмори другие; с ними переодетый Сеф фолк и другие дворяне-пленники.

Капитан

Болтливый, пестрый и греховный день
Уж спрятался в морскую глубину,
И волки, громко воя, гонят кляч,
Что тащат ночь, исполненную скорби,
И сонными, поникшими крылами
На кладбищах могилы осеняют
И дымной пастью выдыхают в мир
Губительную, злую темноту.
Ну, приведите пленников сюда.
Пока стоит на якоре пинасса,
Они заплатят выкуп здесь, на взморье,
Или окрасят кровью бледный берег.—
Шкипер, ты этим пленником владей.
Ты, штурман, этого бери себе.—
А этот...

(Показывает на Сеффолка.)

Уолтер Уитмор, будет твой.

Первый дворянин
Каков мой выкуп, шкипер? Говори.

Шкипер
Крон тысяча, иль голову снесу.

Штурман
(второму дворянину)
Ты дашь мне столько же, не то умрешь.

Капитан
Вам жаль две тысячи каких-то крон?
И вы еще дворянами зоветесь! —
Башки срубить мерзавцам! — Вы умрете.
Не возместит такой ничтожный выкуп
Нам жизнь товарищей, погибших в битве.

Первый дворянин
Я заплачу, лишь пощади мне жизнь.

Второй дворянин
Я тоже; напишу сейчас домой.

Уитмор
(Сеффолку)
Я потерял во время схватки глаз,
И ты в отместку должен умереть;
Да и других прикончил бы я тоже.

Капитан
Не торопись. Бери-ка лучше деньги.

Сеффолк
Подвязки орден видишь ли на мне?
Я дворянин и выкуп дам любой.

Уитмор
Я тоже из дворян. Я Уолтер Уитмор.
Что? Ты дрожишь? Иль смерть тебе страшна?

Сеффолк
Мне страшно это имя — в нем гибель.
Один мудрец мой гороскоп составил
И говорил, что от воды умру я.

Но, верю, ты не будешь кровожадным.
Ведь Гóтье — правильное звать тебя.

У и т м о р

Гóтье или Уолтер — все едино мне...
Стыдом не осквернялось это имя,
Но меч всегда смывал с него пятно;
И если стану торговать я местью,
Пусть меч мой сломят, разобьют мой щит
И трусом по свету меня ославят!

С е ф ф о л к

Стой, Уитмор, пленник твой — вельможа знатный,
Я — герцог Сеффолк, Уильям Де-Ла-Пуль.

У и т м о р

Как! Герцог Сеффолк? И в таких лохмотьях?

С е ф ф о л к

Лохмотья к герцогам не прирастают.
Ходил переодетым и Юпитер.

К а п и т а н

Да, но ни разу не был он убит.

С е ф ф о л к

Ланкастеров властительная кровь,
Кровь Генриха не будет пролита
Таким поганым конюхом, как ты.
Иль не держал ты стремя у меня?
Иль не бежал вприпрыжку ты без шапки
За мулом пышно убранным моим
И счастлив не был ли моим кивком?
Как часто ты служил мне за столом
И, стоя на коленях, брал подачки,
Когда я с королевой пировал!
Припомни же все это и смирись;
Да гордость неуместную оставь.
Бывало, ты стоял в моей прихожей
И ждал почтительно, когда я выйду.
Рука моя — вот эта — уж не раз
Тебя своею подписью спасала,—
Так пусть она язык твой укротит.

У и т м о р

Не проколоть ли, капитан, мерзавца?

Ка п и т а н

Сперва его словами проколю.

С е ф ф о л к

Они тупы, как сам ты, подлый раб!

Ка п и т а н

Ведите прочь его, чтоб на баркасе
Срубить ему башку.

С е ф ф о л к

Рискнешь своей?

Ка п и т а н

Да, Пуль.

С е ф ф о л к

Пуль?

Ка п и т а н

Пуль! Сэр Пуль! Милорд болотный!

Ах, яма сточная, гнилая лужа,
Чей смрад и грязь мутят серебристый ключ,
Откуда пьет страна. Теперь-то я
Заткну твою зияющую пасть,
Что проглотила острова казну!
Уста, что целовали королеву,
Теперь пусть лижут землю, и ты сам,
С улыбкой встретивший кончину Хемфри,
Ветрам напрасно будешь скалить зубы:
В ответ услышишь только смех их грубый.
Ты будешь ведьмам ада женихом
За то, что властелину англичан
Сосватал дочь ничтожного монарха,
Без подданных, без денег, без венца.
Возвысился ты хитростью бесовской,
И как честолюбивый Сулла, ты
Пресыщен, сердце матери пожрав.
Французам продал ты Анжу и Мен;
Мятежники нормандцы чрез тебя
Нам дерзостно грозят, а пикардийцы,
Убив правителей, форты забрали
И нам вернули раненых солдат.

А Невили,— и с ними славный Уорик,—
Которые вовек не обнажали
Своих мечей могучих понапрасну,
Вооружились гневно на тебя.
Дом Йорка, что отторгнут от престола
Убийством неповинного монарха
И дерзкой, гордой, хищной тиранией,
Пылая мщением, несет на стягах
Лик солнца, полускрытый облаками,
Стремящийся победно воссиять;
И надпись там стоит: «Invitis nubibus»¹.
Народ здесь в Кенте весь вооружился;
А в довершение срам и нищета
Проникли к государю во дворец —
И все через тебя.— Прочь! Взять его!

С е ф ф о л к

О, если б я был богом, чтоб метнуть
В презренных, мерзких негодяев громы!
Гордятся пустяками проходимцы,
И этот подлый капитан галеры
Надменнее грозит мне, чем Баргул,
Иллирии прославленный пират.
Шмели орлиной крови не сосут,
Но грабят улы. Невозможно мне
Погибнуть чрез тебя, ничтожный раб.
Гнев, не раскаянье, во мне ты вызвал.
Во Францию я послан королевой;
Через пролив меня ты переправишь.

К а п и т а н

Что скажешь, Уолтер?..

У и т м о р

Тебя я переправлю на тот свет.

С е ф ф о л к

Gelidus timor occupat artus².
Боюсь тебя.

У и т м о р

Причина есть бояться, вот увидишь.
Что, трусил ты? Теперь готов согнуться?

---

¹ «Наперекор тучам». (Лат.)

² Ледяной страх охватывает меня. (Лат.)

Первый дворянин
Милорд, его смягчите кроткой речью.

Сеф ф о л к

Речь Сеффолка властна, тверда, сурова.
Повелевать привык он, не просить.
Пристало ли ему таких мерзавцев
Молить смиренно? Нет, скорей склоню
Я голову на плаху, чем колени
Пред тем, кто не господь и не король мой.
Пусть лучше голову на шест посадят,
Чем обпажу ее перед холопом.
Чужд страха тот, кто благородной крови;
Снесу я больше, чем свершить посмеешь.

Кап и т а н

Убрать его! Довольно он болтал.

Сеф ф о л к

Так проявите всю жестокость вашу,
Чтоб смерть мою вовек не позабыли!
Великие порой от подлых гибнут.
Разбойник, гладиатор, римский раб
Зарезал Туллия; бастардом Брутом
Заколот Юлий Цезарь; дикарями —
Помпей, а Сеффолка убьют пираты.

У и т м о р и другие с Сеф ф о л к о м уходят.

Кап и т а н

А что до тех, кому назначен выкуп,
Хочу я, чтоб один отпущен был.—
Идите вы за мной, а он уйдет.

Все, кроме первого дворянина, уходят. Возвращается У и т м о р с телом
Сеффолка.

У и т м о р

Пусть голова и тело здесь лежат;
Любовника схоронит королева.

(Уходит.)

Первый дворянин

О зверское, кровавое деянье!
Я труп его доставлю королю;

Когда не государь, друзья отмстят
И королева, что его любила.
(Уходит, унося труп Сеффолка.)

СЦЕНА 2

Блекхит.

Входят Джордж Бевис и Джон Холленд.

Бевис

Скорей достань себе меч, хотя бы деревянный. Вот уже два дня, как они поднялись.

Холленд

Так теперь им не мешало бы соснуть.

Бевис

Говорят тебе, суконщик Джек Кед вздумал подновить государство, вывернуть его и поднять на нем новый ворс.

Холленд

Так и надо, потому что оно порядком пообтрепалось. Уверяю тебя, не стало в Англии веселого житья с тех пор, как дворянство стало командовать.

Бевис

Плохие времена! Нашего брата ремесленника перестали уважать.

Холленд

Дворяне считают, что ходить в кожаных фартуках зазорно.

Бевис

К тому же королевские советники ничего не делают.

Холленд

Правильно. А ведь сказано: «Трудись, исполняя свое дело». Это значит, что правителями должны быть люди трудящиеся. А потому мы должны стать правителями.

Бевис

Ты попал в точку. Самый верный признак честного человека — крепкие руки.

Холленд

Вот они! Вот они! Вот сын Беста, Уингемского дубильщика...

Бевис

Дадим ему кожу наших врагов — он сделает из нее лайку.

Холленд

И мясник Дик...

Бевис

Ну, уж он заколет грех, как быка, а неправде перережет глотку, как теленку.

Холленд

И ткач Смит...

Бевис

Следственно, нить их жизни скоро оборвется.

Холленд

Давай-ка присоединимся к ним.

Барабанный бой.

Входят Джек Кед, мясник Дик, ткач Смит и толпа.

Кед

Мы, Джон Кед, названный так по имени мнимого отца нашего...

Дик

(в сторону)

Вернее сказать, названный так потому, что украл кадку сельдей.

Кед

Ибо враги наши падут перед нами... движимые стремлением свергать королей и принцев...— Вели им замолчать.

Дик

Молчать!

Кед

Отец мой был Мортимер...

Дик

(в сторону)

Честный был человек, добрый каменщик.

Кед

Моя мать — из рода Плантагенетов...

Д и к
(в сторону)

Я хорошо знал ее: она была повивальной бабкой.

К е д
Супруга моя происходит из рода Ленд...

Д и к
(в сторону)

Да, она дочь разносчика и продала немало лент на своем веку.

С м и т
(в сторону)

Но теперь ей уже стало тяжело страпствовать с коробом, и она занимается стиркой белья у себя на дому.

К е д
Поэтому я благородного происхождения.

Д и к
(в сторону)

Конечно, поле — благородное место: ведь он в поле родился, под забором. У его отца не было другого дома, кроме тюрьмы.

К е д
Я отважен...

С м и т
(в сторону)

Еще бы! Ницдему как не быть отважным!

К е д
...Весьма вынослив...

Д и к
(в сторону)

Спору нет; я сам видел, как его били кнутом на рынке три дня кряду.

К е д
...Не страшусь ни меча, ни огня...

С м и т
(в сторону)

Чего ему бояться меча? Одежа у него видала виды.

Д и к
(в сторону)

Огня, мне думается, ему следует бояться: ведь у него выжжено клеймо на руке за кражу овец.

К е д

Так будьте же храбры, потому что начальник ваш храбри клянется изменить все порядки. В Англии будут продавать семь полупенсовых булок за один пенс; кружка пива будет в десять мер, а не в три; и я объявлю государственной изменой потребление легкого пива. Все в королевстве будет общим, и мой конь будет пастись в Чипсайде. А когда я стану королем,— а я им стану...

В с е

Да здравствует ваше величество!

К е д

Благодарю вас, люди добрые...— денег тогда не будет вовсе; все будут пить и есть на мой счет, и я всех наряжу в одинаковую одежду, чтобы все ладили между собой, как братья, и почитали меня, как своего государя.

Д и к

Первым делом мы перебьем всех законников.

К е д

Да, уж это я обязательно сделаю. Ну, разве не достойно жалости, что из кожи невинного ягненка выделывают пергамент? А пергамент, когда на нем нацарапают невесть что, может погубить человека! Говорят, что пчела жалит; а я говорю: жалит пчелиный воск, потому что я один только раз в жизни приложил печать к какой-то бумаге и с той поры я сам не свой.— Что такое? Кто там?

Входят несколько человек, ведя за собой чете м ского клерка.

С м и т

Четемский клерк. Он умеет читать, писать и считать.

К е д

Чудовище!

С м и т

Мы схватили его, когда он проверял тетради учеников.

К е д

Вот негодай!

С м и т

У него в кармане книга с красными буквами.

К е д

Значит, он чародей.

Д и к

Да, он умеет составлять договоры и строчить судебные бумаги.

К е д

Какая жалость! Клянусь честью, он славный малый; если я не признаю его виновным, он не умрет. Пойди-ка сюда, любезный, я хочу тебя порасспросить. Как тебя звать?

К л е р к

Эммануил.

Д и к

Да ведь это имя пишут в заголовках бумаг. Ну, не одобровать тебе!

К е д

Не вмешивайся.— Скажи, ты подписываешь свое имя или у тебя есть свой особенный знак, как у всякого честного, благонамеренного человека?

К л е р к

Благодаренье богу, сэр, я достаточно образован, чтобы написать свое имя.

В с е

Он сознался! Взять его! Он негодяй и изменник!

К е д

Взять его, говорю! Повесить его с пером и чернильницей на шее.

Один из мятежников с клерком уходит.

Входит Майкл.

М а й к л

Где наш генерал?

К е д

Вот я. Чего тебе, рядовой?

М а й к л

Беги! Беги! Беги! Сэр Хемфри Стеффورد и его брат подходят с королевским войском.

К е д

Стой, мерзавец, стой, не то я тебя пришибу. Со Стеффордом сразится человек, равный ему. Ведь он всего только рыцарь, так ведь?

М а й к л

Так.

К е д

Чтобы сравняться с ним, я сейчас же произведу себя в рыцари. *(Становится на колени.)* Встань, сэр Джон Мортимер. *(Встает.)* Ну, а теперь мы ему всыпем.

Входят сэр Хемфри Стеффорд и его брат Уильям с барабанным боем и с войском.

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

Подонки Кента, мразь, мятежный сброд!

Сложить оружие, висельники! Живо!

И по домам! Оставьте негодяя.

Король простит вас, если разойдетесь.

У и л ь я м   С т е ф ф о р д

Но будет гневен, грозен, беспощаден

К ослушникам. Сдавайтесь — иль умрете.

К е д

Плевать мне на разряженных рабов!

Я говорю с тобой, народ мой добрый,

Над кем надеюсь в будущем царить:

Ведь я наследник истинный престола.

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

Мерзавец! Каменщиком был отец твой,

А сам ты стриг сукно. Ведь это правда?

К е д

Адам садовник был.

У и л ь я м   С т е ф ф о р д

Что из того?

К е д

А вот что: Эдмунд Мортимер, граф Марч,

Взял в жены дочку Кларенса, не так ли?

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

Так, сэр.

К е д

И от нее имел двух близнецов.

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

Неправда.

К е д

В том и вопрос; я говорю, что правда.
Кормилице близнец был отдан старший
И нищенкой какой-то был украден.
Не зная о своем родстве и крови,
Он каменщиком стал, когда подрос.
Я сын его. Коль можешь, отрицай.

Д и к

Все истина. Он будет королем.

С м и т

Сэр, он сложил трубу в доме моего отца, и кирпичи целы по сей день, как живые свидетели, так что вы лучше не спорьте.

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

Вы верите поденщика словам,
Который мелет вздор?

В с е

Да, верим, верим! Убирайтесь прочь!

У и л ь я м   С т е ф ф о р д

Джек Кед, скажи, ведь ты подучен Йорком?

К е д

(в сторону)

Он врет; я сам все это придумал.

(Громко.)

Ступай, любезный, передай от меня королю, что ради его отца, Генриха Пятого, при котором мальчишки играли французскими кронами, я, так и быть, соглашаюсь, чтобы он царствовал, но я буду его протектором.

Д и к

А вдобавок мы требуем головы лорда Сея за то, что он продал герцогство Мен.

К е д

Правильно: потому что у Англии от этого сил стало меньше; ходить бы ей с клюкой, когда бы я не поддержал ее своей могучей властью. Собратья короли, говорю вам: лорд Сей оскотил государство и сделал его евнухом. А кроме того, он умеет говорить по-французски, значит — изменник.

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

О жалкое невежество и грубость!

К е д

А ну-ка, возрази, коль сможешь. Ведь французы — наши враги; так вот, я спрашиваю тебя: может ли тот, кто говорит на языке врага, быть добрым советчиком?

В с е

Нет! Голову срубить ему за это!

У и л ь я м   С т е ф ф о р д

Когда не помогают уговоры,
Давайте нападём на них с войсками.

Х е м ф р и   С т е ф ф о р д

Ступай, герольд, провозгласи повсюду
Изменниками всех, восставших с Кедом.
Тех, что сбегут до окончания битвы,
Повесят на глазах детей и жен
У собственных ворот их, для острастки.
Кто верен королю, идем за мной!

Оба Стеффорда с войском уходят.

К е д

Кто друг народу, все идем за мной!
Мужами будьте, — за свободу бой!
Не пощадим ни лордов, ни дворян, —
Лишь тех, кто ходит в драных башмаках,
Затем, что люди честные они
И сплошь пристали б к нам, когда бы смели.

Д и к

Они построились в боевом порядке и идут на нас. Ну, а мы тогда в порядке, когда у нас полный беспорядок. Идем, марш вперед!

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть Блекхита.

Шум сражения, в котором оба Стеффорда убиты. Входят К е д и его приверженцы.

К е д

Где Дик, мясник из Эшфорда?

Д и к

Здесь, сэр.

К е д

Враги падали перед тобой, как овцы и быки, и ты расправлялся с ними, как у себя на бойне; поэтому я хочу наградить тебя. Пусть будет пост вдвое длиннее, чем теперь, и тебе дается разрешение бить сто штук без одной.

Д и к

Я большего не желаю.

К е д

И, сказать по правде, меньшего ты не заслуживаешь. Этот памятник победы я буду носить. (*Надевает латы Хемфри Стеффорда.*) А их тела пускай волочит за собой мой конь, пока я не прибуду в Лондон, где перед нами понесут меч лорд-мэра.

Д и к

Ежели мы хотим добиться толку и сделать доброе дело, нам надобно разбить тюрьмы и выпустить заключенных.

К е д

Не беспокойся, за это я ручаюсь. Итак, идем на Лондон.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Покой во дворце.

Входят король Генрих, читая прошение, герцог Бекингем и лорд Сей; в отдалении королева Маргарита, плачущая над головой Сеффолка.

Королева Маргарита

Слыхала я, что скорбь смягчает дух
И делает его пугливым, слабым.
Довольно слез, подумаем о мести!

Но кто бы мог не плакать, видя это?
Прижму я к сердцу голову его;
Но где же тело, чтоб его обнять?

Бекингем

Какой ответ даст ваше величество на требования мятежников?

Король Генрих

Пошлю епископа утешать их.
Избави бог, чтоб столько душ безвинных
Погибло от меча! Я сам готов
С вождем их Джеком Кедом говорить,—
Лишь бы не сгинути им в кровавой битве.
Постой, я перечту прошение их.

Королева Маргарита

О изверги! Как этот лик прекрасный,
Что мною управлял, подобно солнцу,
Не вызвал жалости в сердцах у тех,
Кто созерцать его был недостоин?

Король Генрих

Лорд Сей, Кед клялся голову срубить вам.

Сей

Надеюсь, срубите ему вы прежде.

Король Генрих

Что, королева милая моя?
Ты все о смерти Сеффолка скорбишь?
Боюсь, любовь моя, когда б я умер,
Ты обо мне не так бы горевала.

Королева Маргарита

Нет, дорогой, я умерла бы с горя.

Входит гонец.

Король Генрих

Какие новости? Зачем спешил ты?

Гонец

Враг в Саутуорке. Спасайтесь, государь!
Кед объявил, что он лорд Мортимер,

Потомок дома Кларенса, и вас
Захватчигом открыто называет;
В Уэстминстере короноваться клялся.
Войска его — оборванные толпы
Холопов, батраков свирепых, грубых.
Смерть братьев Стеффордов вселила в них
Отвагу и решимость наступать.
Дворян, ученых, судей и придворных
Червями жадными они зовут
И смерти их намерены предать.

Король Генрих

Безбожники! Не знаю, что творят.

Бекингем

Мой государь, укройтесь в Киллингуорте,
Пока сберем войска, чтоб их сломить.

Королева Маргарита

Ах, если б герцог Сеффолк был в живых!
Мятежников бы живо усмирил он.

Король Генрих

Лорд Сей, изменникам вы ненавистны,—
Так с нами отправляйтесь в Киллингуорт.

Сей

На вас бы этим я навлек опасность:
Один мой вид невыносим для них.
Итак, решил остаться я в столице;
От черни постараюсь схорониться.

Входит второй гонец.

Второй гонец

Кед овладел уж Лондонским мостом.
Бегут, дома бросая, горожане;
А жадный до поживы сброд спешит
Примкнуть к изменнику — и все клянутся
Разграбить город весь и ваш дворец.

Бекингем

Скорее, государь мой, на коня!

Король Генрих

Идем, супруга. Бог — надежда наша.

Королева Маргарита
Нет у меня надежды — умер Сеффолк.

Король Генрих
(*лорду Сею*)
Прощайте, лорд; бунтовщикам не верьте.

Бекингем
Не верьте никому: предать все могут.

Сей
Я твердо верю лишь в свою невинность,
А потому решителен и смел.

Уходят.

СЦЕНА 5

Лондон. Тауэр.
На стену всходят лорд Скелс и другие. Внизу несколько горожан.

Скелс
Ну что, убит Джек Кед?

Первый горожанин
Нет, милорд, и не похоже на то, что его убьют. Ведь они уже овладели мостом и убивают всех, кто им сопротивляется. Лорд-мэр умоляет вашу милость прислать ему из Тауэра подкрепление для защиты города от бунтовщиков.

Скелс
Могу лишь дать вам небольшой отряд;
Ведь и меня враги тревожат здесь:
Они пытались Тауэр захватить.
Идите в Смитфилд и народ сберите,
А я пошлю туда к вам Метью Гоффа.—
В бой за монарха, за страну, за жизнь!
Итак, прощайте, должен я уйти.

Уходят.

СЦЕНА 6

Лондон. Кеннон-стрит.

Входит Джек Кед со своими приверженцами. Он ударяет жезлом о лондонский камень.

Кед

Теперь Мортимер — хозяин этого города. И здесь, сидя на лондонском камне, я повелеваю и приказываю, чтоб в первый год нашего царствования на счет города из всех городских фонтанов было одно только красное вино. И отныне будет изменником тот, кто назовет меня иначе, как лордом Мортимером.

Вбегает солдат.

Солдат

Джек Кед! Джек Кед!

Кед

Пристукнуть его.

Солдата убивают.

Смит

Ежели этот малый не дурак, он никогда уже больше не назовет вас Джеком Кедом; думается, ему дали здоровую острастку.

Дик

Государь, в Смитфилде собраны войска.

Кед

Ну, так идем сразиться с ними. Но сперва подожгите Лондонский мост, а ежели удастся, то спалите и Тауэр. Идем!

Уходят.

СЦЕНА 7

Лондон. Смитфилд.

Сражение. Метью Гофф убит, весь его отряд перебит. Входит Джек Кед со своими приверженцами.

Кед

Вот так, господа. Теперь ступайте — одни в Савойский дворец и разнесите его, другие — в королевские суды. Все разнести!

Д и к

У меня просьба к вашей светлости.

К е д

За это слово получишь все, хотя бы попросил сделать тебя лордом.

Д и к

Прошу только об одном — чтобы законы Англии исходили из ваших уст.

Х о л л е н д
(в сторону)

Черт побери, уж и колючие будут законы: ведь его кольнули копьем в рот, и рана до сих пор еще не зажила.

С м и т
(так же)

Нет, Джон, это будет вонючий закон, потому что у него из рта несет поджаренным сыром.

К е д

Я уже подумал об этом; так оно и будет. Ступайте сожгите все государственные акты; мои уста будут парламентом Англии.

Х о л л е н д
(в сторону)

Ну, тогда у нас будут едкие статуты; разве что у него вырвут все зубы.

К е д

И отныне все будет общим.

Входит гонец.

Г о н е ц

Государь, добыча, добыча! Вот лорд Сей, который продал города во Франции, тот самый, что заставил нас платить двадцать один раз по пятнадцатой и по шиллингу с фунта, когда собирал налог на последнюю войну.

Входят Джордж Бевис с лордом Сеем.

К е д

Ладно. За это мы ему десять раз срубим башку. — Ах ты, Сей, кисейный, саржевый, коленкоровый лорд! Теперь ты узнаешь, что значит наш королевский суд! Посмотрим, как ты оправдаешься перед моим величеством в том, что отдал Нормандию мусью бези-

мею, французскому дофину! Да будет тебе известно в присутствии этих людей и лорда Мортимера, что я та самая метла, которая выметет со двора такой мусор, как ты. Ты, как изменник, развратил молодежь нашего королевства тем, что завел школы. У наших предков не было других книг, кроме бирки да зарубки, а ты стал печатать книги, да еще — во вред королю, его короне и его сану — выстроил бумажную фабрику. Тебе в глаза докажут, что при тебе есть люди, которые только и говорят, что о существительных да о глаголах, и все такие поганые слова, какие нестерпимее слышать христианину. Ты поставил мировых судей, чтобы они волокли на суд бедняков по таким делам, каких им и понять не под силу. Мало того, ты сажал их в тюрьмы, а если они не умели читать, — вешал их. А между тем они только потому и были достойны жизни. Ты едешь на лошади, покрытой попоной, ведь правда?

Сей

Что ж из того?

Кед

Да то, что не дело это — прикрывать свою лошадь плащом, когда люди почестнее тебя ходят в штанах и куртках.

Дик

И работают в одной рубашке, как, например, я, мясник.

Сей

Вы, люди Кента...

Дик

Ну, что ты там скажешь о Кенте?

Сей

Одно лишь: *bona terra, mala gens*¹.

Кед

Долой его! Долой! Он говорит по-латыни.

Сей

Сперва сказать мне дайте, а потом
Меня куда угодно отведите.
В своих «Записках» пишет Цезарь: Кент —
На острове приятнейшая область;
Прекрасен край, и много в нем богатств;
Народ приветлив, храбр, богат, усерден.

---

¹ Хороша земля, да народ плох. (Лат.)

И вы, надеюсь, жалости не чужды.
Не отдал я Нормандии и Мена,
Но жизнь бы отдал я, чтоб их вернуть.
Творил я правосудие и милость;
К мольбам склонился я, не к приношениям.
Когда я подать налагал на вас
Не вам на благо, королю и краю?
Ученых я дарами осыпал,
Затем что сам возвысился чрез книги.
Нережество — проклятие господне,
А знание — крылья, что несут нас к небу.
Коль вы не одержимы духом злым,
Не захотите вы меня убить.
Я говорил с чужими королями
Для пользы вашей...

К е д

Молчи! А случилось ли тебе хоть один раз нанести удар на поле битвы?

С е й

У сильных руки длинные, и часто
Врагов, не видя их, разил я насмерть.

К е д

О мерзкий трус! Ты сзади нападал?

С е й

Я бледен стал, трудясь на вашу пользу.

К е д

Закатите ему оплеуху, и он опять зарумянится.

С е й

Трудясь, решая тяжбы неимущих,
Болезни нажил я, сгубил здоровье.

К е д

Мы угостим тебя бульоном из пеньки и полечим топором.

Д и к

Ты чего дрожишь, милейший?

С е й

Дрожу я от недуга, не от страха.

К е д

Нет, он кивает нам, как будто хочет сказать: «Погодите, я с вами раскитаюсь». А ну-ка, посмотрим, крепче ли будет сидеть его голова на шесте. Тащите его прочь и срубите ему голову.

С е й

Скажите мне: в чем провинился я?
Искал ли я богатства и почета?
Набил сундук награбленной казной?
Иль чересчур наряд роскошен мой?
Кому вредил? За что убить хотите?
Не обаграл я рук невинной кровью,
Лукавых мыслей не таил в душе.
О, жизнь оставьте мне!

К е д

(в сторону)

Его слова пробуждают во мне укоры совести; но я их заглушу. Он умрет хотя бы потому, что так ловко защищает свою жизнь. (Громко.) Ведите его! У него под языком бес сидит; он говорит не от имени господа. Тащите же его прочь, говорю я вам, и живо срубите ему башку, а потом вломитесь в дом к его зятю, сэру Джемсу Кромеру, тоже отрубите ему голову и принесите сюда на шестах головы обоих.

В с е

Будет исполнено.

С е й

Ах, земляки! Когда к молитвам вашим
Всевышний будет глух, как сами вы,—
Что ваши души после смерти ждет?
Итак, смягчитесь, жизнь мне пощадите.

К е д

Долой его! Исполнить, что велел я.

Несколько человек с лордом Сеем уходят.

Самый гордый пэр в королевстве не сохранит головы на плечах, если не заплатит мне дани; ни одна девушка не выйдет замуж, пока не заплатит мне своей девственностью, а потом уж достанется мужу. Все люди будут зависеть от меня in capite¹, и мы приказываем и повелеваем, чтобы жены их были свободны, как только может пожелать сердце и выразить язык.

¹ В отношении своей жизни. (Лат.)

Д и к

Милорд, когда же мы пойдем в Чипсайд и расплатимся за товары топорами?

К е д

Да сейчас же.

В с е

Вот славно!

Возвращаются бунтовщики с головами лорда Сея и его зятя.

К е д

А это еще славней! Пусть они поцелуются: ведь они любили друг друга при жизни. А теперь разлучите их, не то они сговорятся между собой отдать еще несколько городов французам. Солдаты, отложите-ка до ночи грабеж города. Мы проедемся по улицам с этими головами впереди нас вместо жезлов и на каждом перекрестке заставим их целоваться. Идем.

Уходят.

С Ц Е Н А 8

Саутуорк.

Тревога, затем отбой.

Входит К е д со своей шайкой.

К е д

Вверх по Рыбной улице! Вниз, к перекрестку святого Магнуса! Бей и руби! Швыряй их в Темзу!

Трубят к переговорам.

Что там за шум? Кто это смеет трубить отбой или к переговорам, когда я приказываю рубить?

Входят герцог Бекингем и лорд Клиффорд со свитой.

Б е к и н г е м

Вот те, кто помешать тебе посмеет.

Знай, Кед, что мы послы от короля

К народу, соблазненному тобой;

Мы объявляем полное прощенье

Всем, кто пойдет домой, тебя покинув.

К л и ф ф о р д

Что скажете, вы, земляки? Сдавайтесь

И покоритесь милости монаршей.

Иль поведет мятежник вас на казнь?
Кто любит короля и ждет прощенья,
Пусть шапку бросит вверх и закричит:
«Бог, короля храни!»
Кто враг ему, не чтит его отца,
Перед которым Франция дрожала,
Взмахни мечом и мимо проходи.

В с е

Бог, короля храни! — Бог, короля храни!

К е д

Как, Бекингом и Клиффорд, неужели вы так храбры? А вы, подлое мужичье, им верите? Или вы хотите, чтобы вас повесили, привязав к шее грамоту о вашем помиловании? Разве я затем прорубил мечом Лондонские ворота, чтобы вы бросили меня у Белого Оленя в Саутуорке? Я думал, что вы ни за что не сложите оружия, пока не вернете свою старинную свободу. Но все вы трусы и подлецы, и вам любо жить в рабстве у дворян. Так пускай они ломают вам спины непосильными ношами, отнимают у всех дома, насилюют у вас на глазах ваших жен и дочерей. Что до меня, то я сам постою за себя. Проклятье божье на всех вас!

В с е

За Кедом мы пойдем! Пойдем за Кедом!

К л и ф ф о р д

Иль Геприх Пятый Кеду был отцом,
Что вы кричите: «Мы пойдем за ним»?
Иль он во Францию вас поведет,
Пожалует вас в герцоги и графы?
Нет дома у него, укрыться негде,
И он прожить не может без разбоя,
Не грабя ваших близких или вас.
Вот будет срам, когда во время свары
Француз трусливый, покоренный нами,
Из-за моря придет нас покорить!
Я вижу, как в гражданской этой смуте
Хозяинчают в Лондоне пришельцы,
Крича с презреньем встречным: «Мужичье!»
Пусть лучше сгинут десять тысяч Кедов,
Чем вам склониться под ярмо французов.
Во Францию! Мошь воскресим былую,
Щадите Англию, страну родную.

Богат король, вы храбры и сильны:
Победу мы стяжаем. С нами бог!

В с е

Клиффорд! Клиффорд! Мы пойдем за королем и Клиффордом.

К е д

Как перышко носится по ветру туда-сюда, так и эта толпа. Имя Генриха Пятого их влечет на сотни бед и заставляет бросить меня одного. Я вижу, как они сговариваются схватить меня. Мой меч проложит мне дорогу: здесь мне нечего оставаться. На зло чертям и аду, пробьюсь сквозь самую вашу гущу, и пусть мне будут свидетелями небо и честь, что не моя слабость, а только подлая, бесовская измена моих приверженцев заставляет меня удирать со всех ног.

(Уходит.)

Б е к и н г е м

Как! Он бежал! Ступайте вслед за ним.
Кто голову его снесет монарху,
В награду тысячу получит крон.

Несколько человек уходят.

За мной, бойцы; и мы измыслим средство,
Как с государем всех вас примирить.

Уходят.

С Ц Е Н А 9

Киллингуортский замок.

Трубы.

На террасу замка входят король Генрих, королева Маргарита и Сомерсет.

К о р о л ь   Г е н р и х

Какой из государей на земле
Так мало видел радости, как я?
Едва с моей расставшись колыбелью,
Я был, грудной младенец, коронован.
Так страстно подданный венца не жаждет,
Как жажду я быть подданным простым.

Входят Бекингем и Клиффорд.

Б е к и н г е м

Отрадные известья, государь!

Король Генрих

Что, Бекингем, изменник Кед захвачен
Иль отступил, чтобы собраться с силой?

Входит толпа приверженцев Кеда с веревками на шею.

Клиффорд

Бежал он, а войска его сдаются,
И вот смиренно, с петлями на шее,
Ждут приговора вашего, король.

Король Генрих

Разверзни, небо, вечные врата —
Прими хвалу мою и благодарность.—
Бойцы, вы нынче жизнь себе спасли,
Явив любовь к монарху и стране.
Всегда намерений держитесь добрых,—
И Генрих, как бы ни был он несчастен,
К вам никогда немилость не проявит.
Итак, благодарю вас и прощаю.
Ступайте каждый в свой родимый край.

Все

Бог, короля храни! Бог, короля храни!

Входит гонец.

Гонец

Дозвольте, государь, вам доложить:
Вернулся из Ирландии наш Йорк
И с мощной, многочисленною ратью
Из галлогласов и отважных кернов
В порядке стройном шествует сюда
И громко заявляет по дороге,
Что хочет устранить лишь Сомерсета:
Изменником его считает он.

Король Генрих

То Кед, то Йорк стране грозят бедой:
Так спасшийся от бурь корабль в затишье
Захватывают дерзкие пираты.
Едва лишь прогнан Кед и враг рассеян,
Вооружился Йорк ему на помощь.—
Пойди ему навстречу, Бекингем,
Спроси, зачем оружие поднял он,

И передай ему, что герцог Эдмунд
Немедленно отправлен будет в Тауэр.—
Ты в заточенье будешь, Сомерсет,
Пока войска его не разойдутся.

Сомерсет

Мой государь,
Охотно я темнице покорюсь
И даже смерти ради блага края.

Король Генрих

(Бекингему)

Чтоб ни было, не будь с ним груб в речах:
Горяч он и не терпит резких слов.

Бекингем

Исполню, государь. Не сомневаюсь,
Что я улажу дело вам во благо.

Король Генрих

Пойдем, жена. Научимся мы править,
Иль Англия власть нашу проклянет.

Трубы.

Уходят.

СЦЕНА 10

Кент. Сад Айдеца.

Входит Кед.

Кед

Провались это честолубие! Провались я сам! У меня в руках мсч, а я чуть не подыхаю с голоду. Все эти пять дней я прятался в лесах и не смел выглянуть оттуда, потому что по всему краю меня ищут. Но теперь я уже до того проголодался, что, если б даже мне обещали, что я проживу на свете тысячу лет, мне все равно больше не вытерпеть. Поэтому я перелез через кирпичную ограду в этот сад посмотреть, не найду ли какой съедобной травы или лука; это недурно для прохладждения желудка в жаркую погоду. Думается мне, что самое слово «лук» создано мне на благо. Не раз, бывало, я отстреливался из своего лука от врагов. Случалось тоже, когда одолеет тебя в походе жажда, завернешь на луг и напьешься из ручья. А вот теперь лук меня подкормит.

Входит Александр Айден со слугами.

А й д е н

О, кто, живя в придворной суете,
Таким покоем может наслаждаться?
Отцовское наследье небольшое
Дороже мне, чем государя власть.
В чужом паденье не ищу я славы
И не стараюсь накопить богатства.
Довольствуюсь своим достатком я;
Бедняк уходит сытым от меня.

К е д

Вот хозяин этого поместья: сейчас он меня схватит, как бродягу, за то, что я забрался к нему без позволения.— А, негодяй! Ты хочешь выдать меня и получить от короля за мою голову тысячу крон. Но до этого ты, как страус, съешь у меня железо и проглотить меч, как булавку.

А й д е н

Зачем тебя я стану выдавать?
Ведь я тебя не знаю, грубиян.
Иль мало, что в мой сад забрался ты,
Как вор, чтоб мой ограбить огород,
И смеешь ты еще грозить мне нагло?

К е д

Грозить тебе? Да, смею. Клянусь самой благородной кровью, которая когда-либо была пролита, плевать мне на тебя! Посмотри-ка на меня. Я уже пять дней, как пичего не ел, но подойди только ко мне со своими пятью слугами,— и если я не прибью вас, как дверные гвозди, пускай бог не даст мне больше есть даже травы.

А й д е н

Покуда Англия стоит, не скажут,
Что Айден Александр, эсквайр из Кента,
Вел с голодающим кровавый бой.—
В мои глаза вперись упорным взглядом,
Попробуй взором одолеть меня.
Сравни себя со мной: ты много меньше;
Кулак твой равен пальцу моему;
Твоя нога — трость пред моим бревном;
Ступней в тебе всю силу сокрушу:
И если я взмахну своей рукою,
Тебе в земле уж вырыта могила.
Не нужно слов и шумных пререканий;
Пусть скажет меч, о чем я умолчу.

К е д

Клянусь моей отвагой, о таком славном воине мне отроду не приходилось слышать! — Клинок, если острие твое согнется и ты не изрубишь этого дюжего болвана на куски, словно мясную тушу, — тебе уж не вернуться в ножны. Я на коленях буду молить бога, чтобы он обратил тебя в гвоздь для подковы.

Они сражаются. Кед падает.

О, я убит! Никто другой, как голод, убил меня. Пусть бы десять тысяч дьяволов вышли на меня, — только бы мне дали съесть пять обедов и пять ужинов, что я пропустил, я бы справился с ними со всеми. — Сад, увянь и будь отныне кладбищем для всех живущих в этом доме, потому что непобедимая душа Кеда отлетела.

А й д е н

Так мной убит изменник гнусный Кед? —
Меч, буду чтить тебя за этот подвиг;
Висеть ты будешь над моей могилой.
С тебя не смою эту кровь. Она
Тебя, как плащ — герольда, облечет,
Вещая про хозяина почет.

К е д

Прощай, Айден, гордись своей победой. Скажи Кенту, что он потерял лучшего из своих сынов, и уговори всех людей стать трусами, потому что я, который всю свою жизнь никого не боялся, побежден не доблестью, а голодом.

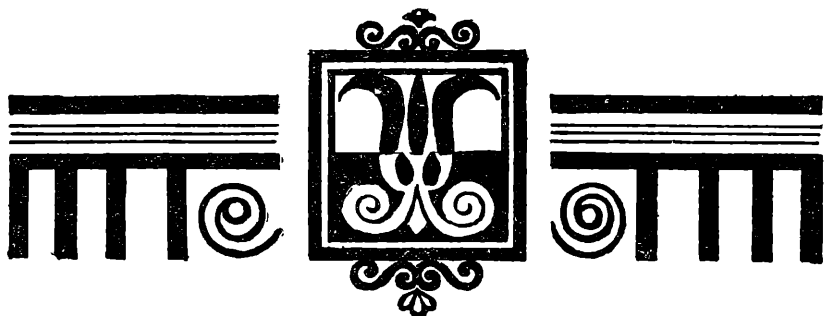
(Умирает.)

А й д е н

Ты оскорбил меня, свидетель бог.
Умри! Проклятие тебя родившей!
Как погрузил тебе я в тело меч,
Так в ад хотел бы погрузить и душу.
Я за ноги поволоку тебя
К навозной куче: там тебе могила.
Срублю твою предерзкую башку
И с торжеством снесу ее монарху,
Оставив туловище в снедь воронам.

(Уходит, таща за собой тело Кеда.)

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Там же. Поле между Дартфордом и Блекхитом.

Входит, с барабанным боем и знаменами, Йорк со своим ирландским войском.

Йорк

Йорк прибыл предъявить свои права,
Снять с Генриха бессильного корону.
Торжественно звонить в колокола
И жечь огни потешные поярче,
Приветствуя законного монарха!
O sancta majestas!¹ Как не купить тебя
Ценою дорогой? Пусть покорится,
Кто править не сумел. Моей руке
Пристало золото одно держать;
Тогда лишь силу придаю словам,
Когда зажат в ней скипетр или меч.
Клянусь душою, скипетр будет в ней,—
Им лилии французские сшибу.

Входит Бекингем.

Кто здесь? Мне Бекингем пришел мешать?

(В сторону.)

От короля он прислан. Притворимся...

---

¹ О священное величество! *(Лат.)*

Бекингем

Привет мой, Йорк, коль ты добро задумал.

Йорк

Привет твой принимаю, Бекингем.
Послом пришел ты или от себя?

Бекингем

Послом от государя твоего —
Узнать, зачем в дни мира меч ты поднял
И почему ты — подданный, как я, —
Нарушив клятву и свою присягу,
Собрал такую рать без разрешенья
И близко так подвел ее к двору.

Йорк

(в сторону)

Едва могу от гнева говорить —
Рубить бы мог я скалы, сечь гранит, —
Так дерзкими речами я взбешен;
И словно в древности Аякс, готов я
Обрушить ярость на быков и коз.
Я по рожденью выше короля,
На короля я более похож
И царственнее в помыслах своих.
Но до поры прикинусь я смиренным,
Пока ослабнет он, а я усилюсь.

(Громко.)

О Бекингем, прошу, прости меня,
Что я тебе не сразу дал ответ.
Душа омрачена глубокой грустью.
Привел я войско, чтобы отстранить
От короля злодея Сомерсета,
Что изменил ему и государству.

Бекингем

Ты слишком много на себя берешь.
Но если ты затем лишь поднял меч,
То государь твою исполнил просьбу:
Посажен в Тауэр герцог Сомерсет.

Йорк

Ручаешься ты честью, что он пленник?

Бекингем

Да, я ручаюсь честью, что он пленник.

Йорк

Тогда я распушу свои войска.—
Спасибо вам, солдаты, разойдитесь.
Сберитесь завтра в поле близ Сент-Джорджа:
Там я раздам и плату и награды.—
Готов монарху доброму отдать
Я сына старшего,— нет, всех сынов
В залог любви и верности своей;
Пришлю их всех с охотой величайшей.
Коней, оружие, земли — все ему
Отдам я, лишь бы умер Сомерсет.

Бекингем

Твою покорность одобряю, Йорк.
Пойдем же вместе к королю в шатер.

Входит король Генрих со свитой.

Король Генрих

Что, Бекингем? Не хочет Йорк вредить нам,
Раз об руку с тобою он идет?

Йорк

Со всей покорностью, со всем смиреньем
Йорк предстает пред вами, государь.

Король Генрих

Тогда зачем привел ты это войско?

Йорк

Чтоб Сомерсета изверга убрать
И биться с Кедом, злым бунтовщиком;
Но я слыхал, что он уже разбит.

Входит Айден с головой Кеда

Айден

Коль человеку грубому, простому
Дозволено явиться к государю,—
Вот голову изменника принес я.
То Кеда голова, что мной убит.

Король Генрих

То Кеда голова? — Ты правосуден,
О боже всеблагой! — Взглянуть мне дайте
На мертвое лицо того злодея,
Кто столько мне тревог живой доставил.—
Скажи, мой друг, ты сам его убил?

Айден

Да, государь.

Король Генрих

Как звать тебя? Какого ты сословья?

Айден

Я — Айден Александр, всего лишь бедный
Эсквайр из Кента, преданный монарху.

Бекингем

Не соизволите ли, государь,
В сан рыцарский возвесть его за подвиг?

Король Генрих

Склони колени, Айден.

Айден становится на колени.

Рыцарь, встань.

В награду тысячу получишь марок.
Хотим мы, чтобы впредь ты нам служил.

Айден

Пуškai заслужит эту милость Айден
И будет верен королю всю жизнь!

(Встает.)

Входят королева Маргарита и Сомерсет.

Король Генрих

(Бекингему)

Вот с королевой Сомерсет идет.
Скажи, пускай его от Йорка скроют.

Королева Маргарита

Не скроется он и от сотни Йорков,
Но смело выступит лицом к лицу.

Йорк

(в сторону)

Что это? На свободе Сомерсет?
Ну, Йорк, плененным думам дай простор,
Пусть выскажет их гневный твой язык!
Смогу ли я терпеть вид Сомерсета?

(Громко.)

Король лукавый, ты нарушил слово,
Хоть знал, что не снесу я оскрбленья.
«Король»,— сказал я? Нет, ты не король;
Не может тот народом управлять,
Кто и с одним изменником не сладит.
Не впору голове твоей корона:
Паломника тебе подходит посох,
А не державный скипетр короля.
Мне увенчать должна чело корона,
И взор мой, как Ахиллово копье,
То хмурясь, то блеснув улыбкой, будет
Попеременно ранить и целить.
Моя рука способна скипетр взять
И утверждать им властные законы.
Посторонись! Клянусь я небесами,
Повелевать не будешь больше тем,
Кто небом создан, чтоб тобою править.

Сомерсет

Чудовищный изменник! Арестую
Тебя я за измену королю.
Моли, склонив колени, о прощенье!

Йорк

Мне — на колени встать? Спроси вот их,
(указывая на своих солдат)
Потерпят ли, чтоб я склонил колени.—
Зовите сыновей моих сюда.

Один из слуг уходит.

Они скорей свои мечи заложат,
Чем разрешат меня под стражу взять.

Королева Маргарита

Зовите Клиффорда сюда скорей;
Пусть скажет, могут ли бастарды Йорка
Порукой быть изменнику отцу.

Йорк

Забрызганная кровью чужестранка!
Неаполя презренное исчадьё
И Англии окровавленный бич!
Тебя знатнее Йорка сыновья
И мне порукой будут; горе тем,
Кто смеет их ручательство отвергнуть.

Входят Эдуард и Ричард, сыновья Йорка, лорд Клиффорд
с сыном.

Королева Маргарита

Вот Клиффорд; он отвергнет их поруку.

Клиффорд

Да здравствует король, мой повелитель!

(Преклоняет колени.)

Йорк

Благодарю. Какие вести, Клиффорд?
Нет, гневным взором нам не угрожай.
Мы — государь твой: вновь склони колени —
И мы простим тебе ошибку эту.

Клиффорд

Вот мой король; я не ошибся, Йорк,
Но ты во мне ошибся глубоко.—
В Бедлам его! Уж не рехнулся ль он?

Король Генрих

Да, Клиффорд, бешеное честолюбье
Его толкнуло против нас восстать.

Клиффорд

Изменник он; отправьте Йорка в Тауэр
И отсеки́те дерзкую башку.

Королева Маргарита

Он арестован, но не хочет нам
Повиноваться; говорит, что дети
Ручаться будут словом за него.

Йорк

Не так ли, сыновья?

Э д у а р д

Да, если вам поможет наше слово.

Р и ч а р д

А не поможет слово — меч поможет.

К л и ф ф о р д

Что за гвездо изменников пред нами!

Й о р к

Взгляни-ка в зеркало: изменник — там.
Я — твой король, а ты изменник подлый. —
Позвать двух храбрых медведей моих,
Чтобы они, цепями погремев,
Свирепых этих шавок распугали.
Пусть Солсбери и Уорик к нам придут.

Барабаны.

Входят Уорик и Солсбери с войском.

К л и ф ф о р д

Так вот — медведи? Насмерть их затравим,
И скрутим мы цепями жоака,
Коль приведешь ты их на место травли.

Р и ч а р д

Не раз видал я, как горячий пес
Кусался, злясь, что не пускают к зверю,
Но, получив удар медвежьей лапы,
Хвост поджимал и с визгом удирает.
Такой же срам и с вами приключится,
Коль с Уориком померяться дерзнете.

К л и ф ф о р д

Прочь, куча злобы, гнусный недоносок,
Урод, горбатый телом и душой!

Й о р к

Так! Мы сейчас вам жару зададим.

К л и ф ф о р д

Смотри, чтоб этот жар вас не обжог.

К о р о л ь   Г е н р и х

Ты, Уорик, разучился гнуть колени? —
Позор твоим сединам, Солсбери,
Безумный вождь помешанного сына!
Как! Неужели ты на смертном ложе
Разыгрывать бунтовщика намерен
И сквозь очки выискивать беду?
О, где же преданность? О, где же честность?
Коль их из головы седой изгнал ты,
Где на земле пристанище найдут?
Иль воевать ты хочешь и в могиле
И кровью старость честную марасть?
Иль, старец, опытом не умудрен ты?
Иль опыт свой ты обратил во зло?
Стыдись! Склони передо мной колени;
Их без того к могиле клонит старость.

С о л с б е р и

Милорд, я поразмыслил о правах
Прославленного герцога на трон,
И я по совести признал его
Наследником законным королевства.

К о р о л ь   Г е н р и х

А разве ты мне в верности не клялся?

С о л с б е р и

Да, клялся.

К о р о л ь   Г е н р и х

Нарушишь ли пред небесами клятву?

С о л с б е р и

Хоть присягать греху — великий грех,
Но больший грех — сдержать обет греховный.
Кого возможно клятвой обязать
Свершить убийство, путника ограбить,
У девушки похитить непорочность,
Лишить сирот наследья родового,
Отторгнуть у вдовы ее права —
На том лишь основании, что он
Торжественно поклялся это сделать?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Изменник не нуждается в софизмах.

Король Генрих

Где Бекингем? Пусть он вооружится.

Йорк

Зови его и всех твоих друзей,—
Решил я умереть иль стать монархом.

Клиффорд

Свершится первое, коль сны правдивы.

Уорик

Ложись-ка ты в постель и снам предайся,
Чтоб охранить себя от грёз военных.

Клиффорд

Я вынесу и не такую бурю,
Какую ты сегодня можешь вызвать.
Я это напишу тебе на шлеме,
Когда тебя узнаю по гербу.

Уорик

Клянусь я Невиллов гербом старинным —
Медведем, что стоит на задних лапах,
Прикован к суковатому стволу,—
Сегодня вознесу его на шлеме.
Так на вершине горной кедр стоит,
Ветрам листву отважно подставляя.
Пусть вид герба тебя повергнет в страх!

Клиффорд

Я с шлема твоего сорву медведя
И растопчу его ногой с презреньем
На зло тебе, поводырю медведя.

Клиффорд Младший

К оружию, отец победоносный!
Бунтовщиков с друзьями их раздавим!

Ричард

Уймите ярость буйную свою.
Ведь нынче всем вам ужинать в раю.

Клиффорд Младший

Клейменный зверь, тебе ли это знать?

Р и ч а р д

Коль не в раю,— в аду вам пировать.

Уходят в разные стороны.

С Ц Е Н А 2

Септ-Олбенс.

Тревога.

Входит У о р и к.

У о р и к

Эй, Клиффорд Кемберлендский, Уорик здесь;
И коль не прячешься ты от медведя,
Теперь, когда труба тревогу трубит
И воздух полнится предсмертным стоном,—
Клиффорд, зову, приди сразись со мной!
Лорд горделивый северный, лорд Клиффорд,
Уорик охрип, тебя на битву клича.

Входит Й о р к.

Что это, благородный лорд? Вы — пеший?

Й о р к

Рукою Клиффорда убит мой конь,
Но отплатил я тою же монетой:
Стал воронов и коршунов добычей
Скакун могучий, дорогой ему.

Входит л о р д К л и ф ф о р д.

Один из нас, иль оба встретим смерть.

Й о р к

Стой, Уорик! Поищи другой добычи;
Я этого оленя затравлю.

У о р и к

Смелей же, Йорк! Ты за корону бьешься.—
Насколько я сегодня жду победы,
Настолько же я, Клиффорд, огорчен,
Что не удастся мне с тобой сразиться.

(Уходит.)

К л и ф ф о р д

Что смотришь на меня, ты, Йорк? Что медлишь?

Й о р к

Я в храбрость бы твою влюбился, Клиффорд,
Не будь ты мне таким врагом заклятым.

К л и ф ф о р д

И ты бы славу приобрел отвагой,
Коль не служила бы она измене.

Й о р к

Пусть храбрость мне тебя сломить поможет;
Ее в борьбе за правду проявляю.

К л и ф ф о р д

Пусть будут ставкой и душа и тело.

Й о р к

Залог ужасный! — Ну, готовься к битве.

Они сражаются. Клиффорд падает.

К л и ф ф о р д

La fin couronne les œuvres ¹.

(Умирает.)

Й о р к

Вот мир тебе дала война: ты стих.
Мир духу твоему в мирах иных!

(Уходит.)

Входит Клиффорд Младший.

К л и ф ф о р д М л а д ш и й

Позор и срам! Бегут все в беспорядке.
Страх породил смятение, а смятение
Наносит вред нам вместо обороны.
Война! Дочь ада, небеса порой
Тебя орудьем гнева избирают.
Зажги замерзшие сердца солдат
Огнем отмщенья! Удержи от бегства.
Тот, кто избрал себе военный жребий,
Не может более любить себя;
А тот, кто мил себе, бывает храбрым
Не по своей природе, а случайно.

(Замечает тело отца.)

---

¹ Конеч венчает дело. (Франц.)

О, пусть погибнет гнусный этот мир,
И пламя страшного суда до срока
Смешает в хаос землю с небесами!
Пусть грозно грянет судная труба,
И все ничтожные земные звуки
Умолкнут! — Для того ль, отец любимый,
Провел ты юность в мире, чтоб, надев
Наряд серебристый умудренных лет,
Стяжав почет, достигнув дней покоя,
Пасть в битве яростной? Смотрю на это,
И каменеет сердце; будет камнем,
Пока я жив. Йорк старцев не щадит —
Не пощажу детей врагов, и будут
Мне слезы дев, как для огня — роса,
И красота, смягчавшая тиранов,
Для пламенного гнева будет маслом.
Отныне жалости не буду знать
И, повстречав дитя из дома Йорков,
Его в куски изрежу, как Медея
Изрезала Абсирта молодого.
Жестокостью себе стяжаю славу. —
Пойдем, обломок дома славных прэров.
Как некогда Эней Анхиза нес,
Так на плечах я понесу тебя.
Но только нес Эней живое время,
А скорбь моя всего тяжелее в мире.

(Уходит, унося тело отца.)

Входят, сражаясь, Ричард и Сомерсет. Сомерсет убит.

Р и ч а р д

Так, здесь лежи. Прочесть прохожий может
На этой вывеске трактирной: «Замок
Сент-Олбенс». Так-то герцог Сомерсет
Своею смертью колдуна прославил.
Свиристуй, меч; будь беспощадным, сердце!
Попы возносят за врагов молитвы,
А короли разят их в вихре битвы.

(Уходит.)

Шум битвы. Стычки.

Входят король Генрих, королева Маргарита и другие.

Королева Маргарита

Спешим, супруг! Что медлите? Идем!

Король Генрих

Нам не уйти от неба: подождем.

Королева Маргарита

Что с вами? Ни сражаться, ни бежать?
Теперь велят нам мужество и мудрость
Врагу оставить поле и спасаться,
Как можем, а возможно только — бегством.

Вдали шум битвы.

Когда захватят нас, увидим мы
Предел судьбы своей, но коль спасемся,—
А мы могли бы, если бы не вы,—
Достигнем Лондона, где любят вас
И где исправят вред, что нашим судьбам
Здесь нанесен.

Входит Клиффорд Младший.

Клиффорд Младший

Когда б не ждало сердце новых бедствий,
Я богохульствовать скорей бы стал,
Чем побуждать вас к бегству, государь.
Но вы должны теперь бежать: смятенье
Царит у наших воинов в сердцах.
Спасайтесь! Доживем мы до победы;
Заставим испытать их наши беды.
Спасайтесь, государь!

Уходят.

СЦЕНА 3

Поле близ Сент-Олбенса.

Шум битвы. Отбой.

Входят Йорк, Ричард, Уорик и солдаты с барабанами
и знаменами.

Йорк

Где Солсбери? Кто скажет мне о нем?
Где старый лев, что в гневе забывает
И раны времени и гнет годин,
И, словно юноша во цвете лет,
Могуч в бою? Счастливый этот день
Не в радость нам; не вижу я успеха,
Коль он погиб.

Р и ч а р д

Отец мой славный, нынче
Я трижды посадил его в седло
И трижды ограждал, когда он падал,
И уводил три раза с поля прочь,
Сражение оставить убеждая;
Но он все время рвался в жаркий бой.
Как пышные ковры в жилище бедном,
Торжествовала воля в слабом теле.
Но вот он, воин доблестный, идет.

Входит Солсбери.

С о л с б е р и

Клянусь мечом, ты славно дрался нынче,
И все мы также. Ну, спасибо, Ричард.
Бог знает, долго ль мне осталось жить,
Но пожелал он, чтобы нынче трижды
Ты спас меня от неизбежной смерти.
Все ж, лорды, мы не завершили дела,
И недостаточно, что враг бежал.
Оправиться такой способен недруг.

Й о р к

Надежнее всего — идти за ними;
Слышал я, в Лондон убежал король,
Чтобы созвать немедленно парламент.
Нагоним их, покуда не успел
Он предписанья лордам разослать.
Что скажет Уорик? Гнаться нам за ними?

У о р и к

За ними? Нет! Опередить, коль можно!
Клянусь, милорды, это славный день,
И бой Сент-Олбенский, победа Йорка,
Потомками увековечен будет.
Гремите, трубы! В Лондон поспешим!
Пусть много дней таких еще узрим!

Уходят.

ГЕНРИХ VI
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Перевод
Е. БИРУКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих VI.		
Эдуард, принц Уэльский, его сын.		
Людовик XI, король французский.		
Герцог Сомерсет	}	сторонники короля Генриха,
Герцог Эксетер		
Граф Оксфорд		
Граф Нортемберленд		
Граф Уэстморленд		
Лорд Клиффорд		
Ричард Плантагенет, герцог Йоркский.		
Эдуард, граф Марч, за-	}	его сыновья,
тем король Эдуард IV		
Эдмунд, граф Ретленд		
Джордж, затем герцог		
Кларенс		
Ричард, затем герцог		
Глостер		
Герцог Норфолк	}	сторонники герцога Йоркского.
Маркиз Монтегью		
Граф Уорик		
Лорд Пембрук		
Лорд Хестингс		
Лорд Стефффорд		
Сэр Джон Мортимер	}	дяди герцога Йоркского.
Сэр Гью Мортимер		
Генри, граф Ричмонд, юпоша.		
Лорд Риверс, брат леди Грей.		
Сэр Вильям Стенли.		
Сэр Джон Монтгомери.		
Сэр Джон Сомервил.		
Наставник Ретленда.		
Мэр города Йорка.		
Мэр Ковептри.		
Комендант Тауэра.		

Дворяни п.
Два сторожа.
Егеръ.
Сын, убивший отца.
Отец, убивший сына.
Королева Маргарита.
Леди Грей, впоследствии королева Елизавета,
жепа Эдуарда IV.
Бона, сестра французской королевы.

Солдаты, лица из свиты, гонцы,
олдермены, стража и т. д.

Место действия — Англия и Франция.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Лондон. Зал парламента.

Барабанный бой. Входят герцог Йоркский, Эдуард, Ричард, Норфолк, Монтегью, Уорик и солдаты.

У о р и к

Дивлюсь, как мог от нас король спастись.

Й о р к

Пока мы гнали конных северян,
Он ускользнул хитро, своих покинув.
Тогда великий лорд Нортемберленд,
Чей слух воинственный не переносит
Позорного сигнала к отступлению,
Ободрил оробевшие войска,
И разом он, лорд Клиффорд и лорд Стеффорд
На центр наш ринулись и в лютой схватке
Погибли от мечей простых солдат.

Э д у а р д

А Стеффорда отец, лорд Бекингам,
Или убит, иль ранен тяжело;
Рассек ему забрало я с размаху.
Отец, смотри — вот кровь его.

(Показывает свой окровавленный меч.)

Монтегью

А вот

Кровь графа Уильтшира, с которым я
В разгаре жаркой битвы повстречался.

Ричард

Ты за меня скажи, что сделал я.
Бросает на землю голову герцога Сомерсета.)

Йорк

Ты, Ричард, отличился больше всех.—
Вы, в самом деле, Сомерсет, мертвы?

Норфолк

Ждет то же всех потомков Джона Ганта!

Ричард

И Генриху снять голову надеюсь.

Уорик

А также я.— Победоносный Йорк,
Доколе не взойдешь ты на престол,
Которым дом Ланкастеров владеет,
Клянусь всевышним, не сомкну я глаз.
Вот короля трусливого дворец
И там престол его. Владей им, Йорк;
Тебе по праву он принадлежит,
А не потомству Генриха Шестого.

Йорк

Так помоги мне — и свершится это;
Ведь силою мы ворвались сюда.

Норфолк

Поможем все; кто побежит — умрет.

Йорк

Спасибо, Норфолк.— Здесь останьтесь, лорды.—
И вы, солдаты, близ меня ночуйте.

Уорик

А коль придет король, его не тропьте,
Пока не пожелает вас прогнать.

Солдаты уходят.

Й о р к

Парламент созван королевой здесь;
Не ждет она, что будем мы в совете.
Добьемся ж прав своих мечом иль словом!

Р и ч а р д

С оружием в руках здесь укрепимся.

У о р и к

Кровавым тот парламент назовется,
Коль герцог Йорк не станет королем,
А робкий Генрих не падет, чья трусость
В посмешище врагов нас обратила.

Й о р к

Так будьте, лорды, мне верны и храбры;
Намерен я вступить в свои права.

У о р и к

Ни сам король, ни лучший друг его,
Ланкастера сторонник самый гордый,
Пошевелить крылами не дерзнет,
Лишь звякну я бубенчиком своим.
Я посажу тебя, Плантагенет;
Пусть кто-нибудь тебя посмеет вырвать.
Решайся же — короны требуй, Ричард.

Трубы.

Входят король Генрих, Клиффорд, Нортемберленд,
Уэстморленд, Эксетер и другие.

К о р о л ь   Г е н р и х

Смотрите, лорды, где сидит мятежник,—
На королевском троне! Вздумал он
С поддержкой Уорика, злодея-пэра,
Короной завладеть, стать королем.—
Нортемберленд, отец твой им убит,
И твой, лорд Клиффорд. Оба вы клялись
Отмстить ему, и сыновьям, и близким.

Н о р т е м б е р л е н д

Иначе мне пусть небо отомстит.

К л и ф ф о р д

В надежде той вошу я сталь, как траур.

Уэстморленд

Как! Это стерпим мы! Долой его!
Пылает гневом грудь, нет силы ждать.

Король Генрих

Терпение, достойный Уэстморленд!

Клиффорд

Терпение для трусов, вроде Йорка!
Он не сидел бы здесь, будь жив отец ваш.
В парламенте позвольте нам, властитель,
Напасть на Йорка и его семью.

Нортемберленд

Ты хорошо сказал. Да будет так.

Король Генрих

Иль вы не знаете — их любит Лондон,
И за спиной у них стоят войска?

Эксетер

Но коль убьем его, все разбегутся.

Король Генрих

Далеко сердце Генриха от мысли
Парламент этот в бойню превратить.
Знай, Эксетер, угрозы, речи, взгляды
Моим единственным оружием будут.—
Мятежный герцог Йорк, покинь мой троп
И на коленях вымоли прощенье.
Я — твой король законный.

Йорк

Нет, я — твой.

Эксетер

Стыдись! Ведь герцогом тебя он сделал!

Йорк

Мое наследье — герцогство и графство.

Эксетер

Отец твой был изменником престолу.

У о р и к

Ты изменяешь, Эксетер, престолу,
Идя за тем, кто захватил его!

К л и ф ф о р д

За кем идти, как не за королем?

У о р и к

Да, Клифффорд, но король законный — Йорк.

К о р о л ь   Г е н р и х

Что ж, мне — стоять, тебе ж — сидеть на троне?

Й о р к

Так быть должно и будет. Покорись.

У о р и к

Будь герцогом Ланкастерским отныне
И предоставь ему быть королем.

У э с т м о р л е н д

Он и король и герцог он Ланкастер,—
Лорд Уэстморленд здесь это утверждает.

У о р и к

А Уорик отрицает. Вы забыли,
Что с поля битвы мы прогнали вас,
Отцов убили ваших и чрез город,
Знамена распустив, прошли к дворцу.

Н о р т е м б е р л е н д

Нет, Уорик, помню это я с печалью;
Клянусь душой, расскажешь вы в том.

У э с т м о р л е н д

Плантагенет, похищу у тебя,
У сыновей твоих, у всей родни
И у твоих клеветников больше жизней,
Чем было капель крови у отца.

К л и ф ф о р д

Молчи, не то я, Уорик, вместо слов
Тебе такого вестника пошлю,
Что мигом отомстит за смерть отца.

У о р и к

Смешон бессильный гнев твой, бедный Клиффорд!

Й о р к

Докажем мы свои права на трон;
Коль нет, мечи их в поле отстоят.

К о р о л ь   Г е н р и х

Что за права твои на трон, изменник?
Отец твой был, как ты, лишь герцог Йоркский,
Твой дед был Роджер Мортимер, граф Марч,—
А мой отец король был Генрих Пятый,
Что покорил дофина и французов
И завладел страной и городами.

У о р и к

Не вспоминай о том,— ты все утратил.

К о р о л ь   Г е н р и х

Протектор все утратил, а не я;
Ребенком годовалым был я венчан.

Р и ч а р д

Теперь ты взрослым стал и все теряешь.—
Отец, с захватчика сорви корону.

Э д у а р д

Сорви, отец, и сам надень ее.

М о н т е г ь ю

(Йорку)

Брат милый, чтить и любишь ты оружие,—
Решим вопрос в бою; оставим спор.

Р и ч а р д

Бить в барабан — и победит король.

Й о р к

Молчите, сыновья!

К о р о л ь   Г е н р и х

Сам замолчи, дай королю сказать.

У о р и к

Пусть первый говорит Плантагенет.
Ему в молчании внимайте, лорды;
И кто прервет его, не будет жив.

К о р о л ь   Г е н р и х

Иль думаешь, что я покину трон,
Где восседали мой отец и дед?
Нет, прежде край опустошит война.
Пусть зная, что за морем развеялось,
А нынче в Англии, к печали нашей,—
Мне будет савапом.— Не бойтесь, лорды!
Я много больше прав, чем Йорк, имею.

У о р и к

Их докажи — и будешь королем.

К о р о л ь   Г е н р и х

Четвертый Генрих трон завоевал.

Й о р к

Подняв восстание против короля.

К о р о л ь   Г е н р и х

(в сторону)

Что мне сказать? Слабы мои права.

(Громко.)

Король избрать наследника ведь может?

Й о р к

Что ж из того?

К о р о л ь   Г е н р и х

А если может,— я король законный.
Ведь Ричард деду моему корону
Открыто передал; затем отец мой
Ему наследовал, а я — отцу.

Й о р к

Мятеж он поднял против государя,
Отречься от венца его принудил.

У о р и к

Но если Ричард и отрекся,— все же
Права наследства остаются в силе.

Э к с е т е р

Да, он ведь мог отречься от короны
Лишь с тем, чтоб царствовал его наследник.

К о р о л ь   Г е н р и х

Так против нас ты, герцог Эксетер?

Э к с е т е р

Он прав, а потому прошу прощенья.

Й о р к

Что шепчетесь вы, лорды? Отвечайте.

Э к с е т е р

Твердит мне совесть: вы — король законный.

К о р о л ь   Г е н р и х

(в сторону)

Все перейдут к нему, меня покинув!

Н о р т е м б е р л е н д

Что б ты ни говорил, не думай, Йорк,
Что Генриха так просто низложить.

У о р и к

Он вопреки всему низложен будет.

Н о р т е м б е р л е н д

Ошибся ты. Хоть ты силен на юге,
В Сеффолке, Норфолке, Эссексе, Кенте,—
Что дерзость придает тебе и гордость,—
Мне вопреки, не коронуешь Йорка.

К л и ф ф о р д

Король мой Генрих, прав ты или нет,
Клянется Клиффорд защищать тебя.
Пускай земля, разверзшись подо мною,
Меня поглотит, если преклонюсь
Перед убийцей моего отца!

Король Генрих
О Клифорд! Ты мне сердце оживил.

Йорк

Генрих Ланкастер, откажись от власти,—
О чем вы совещаетесь, милорды?

Уорик

Признай монархом царственного Йорка,
Не то дворец наполнится войсками,
И на престоле этом напишу
Его права твоей, захватчик, кровью.
(Топает ногой.)

Появляются солдаты.

Король Генрих

Лорд Уорик, выслушай одно лишь слово:
Пожизненно пусть буду королем.

Йорк

Мне и моим корону завещаю —
И будешь мирно царствовать до смерти.

Король Генрих

Согласен я. Ричард Плантагенет,
Когда умру я, вступишь ты на трон.

Клиффорд

Какое зло вы причинили сыну!

Уорик

Какое благо вам самим и краю!

Уэстморленд

Трусливый, низкий, слабодушный Генрих!

Клиффорд

Как оскорбил ты и себя и нас!

Уэстморленд

И слушать я об этом не могу!

Нортемберленд

Я тоже.

Клиффорд

Пойдем, кузен, расскажем королеве.

Уэстморленд

Прощай, пугливый выродок-король,
В чьем холодном сердце нет ни искры чести.

Портемберленд

Отныне будь добычей дома Йорков;
Умри в цепях за свой поступок бабий!

Клиффорд

Пусть разобьют тебя в войне свирепой,
Иль в мире прозябай, покинут всеми!

Портемберленд, Клиффорд и Уэстморленд уходят.

Уорик

Смотри сюда и отвернись от них.

Эксетер

Они отмстить хотят и не уступят.

Король Генрих

Ах, Эксетер!

Уорик

О чем, король, вздохнули?

Король Генрих

Не о себе, лорд Уорик, но о сыне,
Который мной наследия лишен.
Но будь теперь, что будет.

(Йорку.)

Завещаю

Венец тебе и сыновьям твоим
С условием, чтоб ты принес мне клятву —
Междоусобную оставить брань,
Меня до смерти государем чтить,
Изменой и насильем не пытаться
Меня низвергнуть и воссесть на трон.

Йорк

Даю охотно клятву и сдержу.

Уорик

Да здравствует же Генрих, наш король! —
Ричард Плантагенет, с ним обнимись.

Король Генрих

Да здравствует и Йорк с детьми своими!
Йорк и Ланкастер ныне примирились.

Эксетер

Будь проклят, кто захочет их поссорить!

Трубы.

Лорды выступают вперед.

Йорк

Прощай, мой государь, вернусь в свой замок.

Уорик

А я займу с моим отрядом Лондон.

Норфолк

А я с друзьями в Норфолк удалюсь.

Монтегью

А я вернусь в свои владенья, к морю.

Йорк, его сыновья, Уорик, Норфолк, Монтегью, солдаты
и свита уходят.

Король Генрих

А я с тоской и скорбью — во дворец.

Входят королева Маргарита и принц Уэльский.

Эксетер

Вот королева: гневен взор ее.

Я удалюсь.

Король Генрих

Я тоже, Эксетер.

(Хочет уйти.)

Королева Маргарита

Не уходи, — я за тобой пойду.

Король Генрих

Лишь будь спокойней, милая, — останусь.

Королева Маргарита

В такой беде кто может быть спокойным?
Несчастный! Лучше б умереть мне девою,
Не зная тебя и сына не рожать,
Коль ты такой отец бесчеловечный!
Чем заслужил он прав своих потерю?
Когда б его любил ты хоть немного
Иль мучился, как я, его рожая,
И выкормил, как я, своею кровью,—
Скорей бы отдал ты всю кровь свою,
Чем завещать венец злодею Йорку
И обездолить собственного сына.

Принц Уэльский

Отец, нельзя лишить меня престола.
Коль вы король, не я ли ваш наследник?

Король Генрих

Прости меня, жена. Прости, сын милый,
Меня принудил герцог Йорк и Уорик.

Королева Маргарита

Принудил? Ты король и принужден?
Мне стыдно это слушать, жалкий трус!
Ты погубил себя, меня и сына
И дому Йорка дал такую власть,
Что будешь царствовать с их разрешенья.
Ему с потомством завещать корону —
Что это, как не рыть себе могилу
И раньше срока залезать в нее?
Уорик — лорд-канцлер, правит он в Кале;
Командует проливом Фоковбридж;
Протектором страны стал герцог Йоркский,—
И в безопасности себя ты мнишь?
В такой же безопасности ягненок,
Свирепыми волками окруженный.
Хоть я и женщица, но будь я здесь,
Солдаты подняли б меня на копья
Скорей, чем я признала б договор.
Однако жизнь тебе дороже чести,
И потому я разойдусь с тобой;
Ни ложа, ни стола не стану, Генрих,
С тобой делить, пока не уничтожат
Акт, что лишил наследья Эдуарда.

Отвергшие твои знамена лорды
Пойдут с моими, если разверну их,
А я тебе на зло их разверну
И на погибель злую дому Йорка.
Итак, прощай.— Идем со мною, сын!
Войска готовы наши; к ним примкнем.

Король Генрих

Постой, мой друг, и выслушай меня.

Королева Маргарита

Ты слишком много уж сказал. Уйди!

Король Генрих

Эдвард, мой милый сын, со мной останься!

Королева Маргарита

Чтоб здесь погибнуть от руки врагов?

Принц Уэльский

Когда я победителем вернусь,
Увижу вас; теперь пойду за нсю.

Королева Маргарита

Идем, мой сын; нам незачем здесь медлить.

Королева Маргарита и принц Уэльский уходят.

Король Генрих

Ах, королева бедная! Любовь
Ко мне и к сыну моему внушила
Ей гневные, жестокие слова.
Пусть Йорку ненавистному отмстит,
Чей алчный дух, желаньем окрыленный,
Грозит венцу и, как орел голодный,
И мне и сыну растерзает плоть!
Трех этих лордов потерять мне тяжело.
Я напишу им, их увещеваю.—
Идем, кузен; моим гонцом ты будешь.

Эксетер

И я надеюсь примирить их всех.

Уходят.

СЦЕНА 2

Замок Севдел.

Входят Эдуард, Ричард и Монтегью.

Ричард

Брат, уступи мне, хоть моложе я.

Эдуард

Я лучше роль оратора сыграю.

Монтегью

Но доводы мои сильнее, крепче.

Входит Йорк.

Йорк

Как! Ссорятся мой брат и сыновья?
Из-за чего вы ссоритесь? Кто начал?

Эдуард

Не спор, лишь небольшое разногласье.

Йорк

О чем?

Ричард

О том, что вас касается и нас,—
Об английском венце, что ныне ваш.

Йорк

Моем? О нет, пока не умер Генрих.

Ричард

Не от того права зависят ваши.

Эдуард

Наследник вы, так пользуйтесь правами.
Коль вы вздохнуть Ланкастерам дадите,
Они обгопят вас в конце концов.

Йорк

Я клятву дал, что сохранит он власть.

Эдуард

Как не нарушить клятву ради трона?
Чтоб год царить, я сотни их нарушу.

Р и ч а р д

Нет, сохрани господь, нарушить клятву!

Й о р к

Ее нарушу я, подняв оружие.

Р и ч а р д

Я докажу противное, коль вы
Благоволите выслушать меня.

Й о р к

Напрасно, сын мой: это невозможно.

Р и ч а р д

Но клятва не имеет силы, если
Принесена не при властях законных,
Которым подчинен дающий клятву;
А Генрих незаконно трон присвоил,
И так как он от вас ту клятву принял,
Она, милорд, бессильна и ничтожна.
Итак, к оружию! Отец, подумай,
Как сладко на челе носить корону;
Элизиум она тебе дарит
И все восторги, что поэты славят.
Что медлить нам еще? Не успокоюсь,
Пока цветок свой белый не окрашу
Холодной кровью Генрихова сердца.

Й о р к

Довольно, Ричард. Буду королем
Или умру! — Брат, в Лондон поспеши
И Уорика подбей на это дело.—
Ты, Ричард, к Норфолку сейчас поскачешь
И тайно сообщишь о нашем плане.—
Вы к лорду Кобему, Эдвард, отправьтесь.
За ним пойдут охотно люди Кента.
Я доверяю им: они солдаты,
Умны, учтивы, доблестны, храбры.—
Пока делам таким вы предадитесь,
Что мне останется, как не искать
К восстанию предлог, но в строгой тайне
От короля и всей его родни?

Входит го п е ц.

Постойте.— К нам спешит с какою вестью?

Г о н е ц

Все лорды северные с королевой
Намерены ваш замок осадить;
Они уж близко — двадцать тысяч войска.
Итак, милорд, скорее укрепитесь.

Й о р к

Мой меч при мне! Ужель бояться их? —
Эдвард и Ричард, вы со мной останьтесь,
А брат мой Монтегью помчится в Лондон.
Пусть Уорик, Кобем и другие лорды,
Оставшиеся охранять монарха,
Свой хитрый ум на помощь призовут,
Не веря клятвам Генриха глупца.

М о н т е г ю

Брат, ухожу; я их склоню, не бойтесь;
Итак, почтительно прощаюсь с вами.

(Уходит.)

Входят сэр Джон Мортимер и сэр Гью Мортимер.

Й о р к

Сэр Джон, сэр Гью, приветствую вас, дяди;
Вы в добрый час явились в замок Сендел, —
Нас королева хочет осаждать.

С э р Д ж о н

Ей не придется, — встретимся с ней в поле.

Й о р к

Как! Ведь у нас всего пять тысяч войска.

Р и ч а р д

Хотя б всего пять тысяч, не беда.
Начальник — женщина: чего ж бояться?

Издали слышны звуки марша.

Э д у а р д

Их барабаны! Выстроим войска
И, выступив, дадим сражение тотчас.

Й о р к

Пять — против двадцати! Неравны силы.
Но все ж в победе я уверен, дядя.

Во Франции я часто побеждал,
Когда был в десять раз сильнее враг,—
Так почему ж не победить и нынче?

Тревога.
Уходят.

СЦЕНА 3

Поле битвы между Сенделом и Уэкфилдом

Шум сражения. Стычки.

Входят Ретленд и его наставник.

Ретленд

Куда мне скрыться? Как врагов избегнуть?
Смотри, наставник, вот кровавый Клиффорд.

Входит Клиффорд с солдатами.

Клиффорд

Прочь, капеллан! Твой сан тебя спасает,
Но герцога проклятого отродье,
Того, кем мой отец убит,— умрет!

Наставник

И я, милорд, с ним участь разделю.

Клиффорд

Убрать его, солдаты.

Наставник

Ах, пощади невинного ребенка
Иль будешь проклят богом и людьми.

(Уходит, увлекаемый солдатами.)

Клиффорд

Ну что? Он мертв уже? Иль это страх
Ему закрыл глаза? Я их открою.

Ретленд

Так смотрит в клетке пленный лев на жертву,
Дрожащую в его свирепых лапах,
Так бродит, радуясь своей добыче,
Так приближается, чтоб рвать на части.—

Ах, милый Клиффорд! Лучше уж убей
Меня мечом, чем этим грозным взглядом.
Любезный Клиффорд, дай сказать пред смертью:
Я чересчур ничтожен для тебя;
Мсти взрослым, а меня оставь в живых.

Клиффорд

Напрасно говоришь, несчастный мальчик,
Смерть моего отца врата замкнула,
Куда б могла проникнуть речь твоя.

Ретленд

Кровь моего отца откроет их;
Он муж, и с ним номерайся ты, Клиффорд.

Клиффорд

Будь братья здесь твои, все жизни ваши
В груди не утолили б жажды мести.
Когда б я взрыл могилы ваших предков,
Гробы гнилые заковал цепями,—
И это бы не усмирило гнева,
Не облегчило б сердца моего.
Вид каждого, кто носит имя Йорка,
Как фурия, терзает душу мне.
Пока не истреблю их род проклятый,
Всех до последнего, мне жизни нет;
И потому...

(Записит над ним руку.)

Ретленд

О, дай мне помолиться перед смертью!
Молю тебя, любезный Клиффорд, сжался!

Клиффорд

Мечом лишь оказать могу я жалость.

Ретленд

Я никогда тебе вреда не делал,—
За что меня ты хочешь убивать?

Клиффорд

Вредил отец.

Ретленд

До моего рожденья.
Но у тебя есть сын, и ради сына

Мне окажи пощаду, а не то
В отмщение — ведь справедлив господь —
И сын твой смертью страшною умрет.
Ах, продержи меня в тюрьме всю жизнь,
И если дам я повод к раздражению,
Убей меня; теперь же — нет причины.

Клиффорд

Причины нет?
Отец мой умерщвлен твоим. Умри же.
(Закалывает его.)

Ретленд

Di faciant laudis summa sit ista tuae! ¹
(Умирает.)

Клиффорд

Плантагенет! Иду, Плантагенет!
И пусть от крови сына твоего
Клинок мой будет ржаветь до тех пор,
Пока ее с твоею не смешаю,—
Тогда их разом я сотру с меча.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Другая часть поля сражения.

Шум битвы.

Входит Йорк.

Йорк

Рать королевы одержала верх;
Меня спасая, пали в битве дяди;
Сторонники мои перед врагами
Свирепыми испуганно бегут,
Как бурей гонимые суда
Или ягнята от волков голодных.
А сыновья — бог весть, что с ними; знаю
Одно: они сражались, как герои,
Которых слава ждет живых иль мертвых.
Путь пробивал ко мне три раза Ричард

---

¹ Да сделают это боги высшей твоей хвалой! (Лат.)

И мне кричал: «Отец, держись! Мужайся!»
И столько ж раз ко мне Эдвард являлся
С мечом, окрашенным до рукояти
Пурпурной кровью тех, кого он встретил.
Когда же отступали храбрецы,
Кричал им Ричард: «В бой! Ни шагу вспять!»
Еще кричал: «Корона или гроб!»
Могила славная в земле иль скипетр!»
Ударили мы снова, но — увы! —
Вновь отступили: так порою лебедь
Стремится тщетно выплыть против волн,
В борьбе с течением теряя силы.

Шум битвы за сценой.

Чу! Близится погоня роковая.
Я слаб,— от злобы их не убежать!
Но будь я крепок, все ж не побежал бы.
Песчинки жизни сочтены в часах.
Здесь я останусь, здесь окончу жизнь.

Входят королева Маргарита, Клиффорд, Нортемберленд
и солдаты.

Сюда, Нортемберленд, кровавый Клиффорд!
Я вашей ярости бросаю вызов.
Мишень я ваша и удара жду.

Нортемберленд

На милость нашу сдайся, гордый Йорк.

Клиффорд

Такую же ему окажем милость,
Какую беспощадною рукой
Он моему отцу на поле битвы
Когда-то оказал, сводя с ним счеты.
Но с колесницы пал здесь Фаэтон —
И мраком час полуденный сменился.

Йорк

Из пепла моего восстанет феникс,
И отомстит он за меня всем вам.
В надежде этой взор возвел я к небу
И презираю все, чем вы грозите.
Что ж медлите? Не подойдете ближе?
Вас множество — ужели вы боитесь?

К ли ф ф о р д

Так трус дерется, если нет спасенья;
Так голубь когти сорока клюет;
Так вор, отчаявшись в своем спасенье,
На полицейских изрыгает брань.

Й о р к

О Клиффорд! Мыслью обратись назад,
И жизнь минувшую мою припомни,
И, не краснея, мне взгляни в лицо,
И прикуси язык, назвавший трусом
Того, чей взор в дрожь повергал тебя.

К ли ф ф о р д

Не стану я с тобою препираться,
Но на удар твой четырьмя отвечу.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Стой, храбрый Клиффорд! Тысяча причин
Есть у меня продлить злодею жизнь.—
От гнева глух! — Скажи, Портемберленд.

Н о р т е м б е р л е н д

Стой, Клиффорд! Много чести для него,
Коль, в грудь его разя, свой палец ранишь.
Иль это храбрость — шавке зарывавшей
Засунуть руку в пасть между зубов,
Когда ногой ее отбросить можно?
В сражение все простительно: пускай
Дерутся десять против одного,—
Для доблести их это не зазорно.

Они хватают Йорка, который отбивается.

К ли ф ф о р д

Да-да, так бьется тетерев в силке.

Н о р т е м б е р л е н д

Так мечется попавший в сети кролик.

Й о р к

Так с торжеством берут добычу воры;
Так честный муж разбойникам сдается.

Н о р т е м б е р л е н д

Что, государыня, нам делать с ним?

Королева Маргарита

Достойный Клиффорд и Нортемберленд,
Пусть станет здесь он, на кротовой кочке,—
Он, что к вершинам руки простирает,
Но только тень рассек своей рукою.—
Как! Это ты хотел стать королем?
Ты ль бушевал в парламенте у нас,
Превознося свой знатный род сто раз?
Где кучка сыновей, твоя защита,—
Эдвард распутный и веселый Джордж?
И где отважный твой урод горбатый,
Сынок твой Дик, что голосом ворчливым
К восстанию папашу подстрекал?
И, наконец, где твой любимец Ретленд?
Йорк, погляди! Платок я омочила
В его крови, которую из сердца
Исторг мечом победоносный Клиффорд.
Коль хочешь сына милого оплакать,
Возьми платок, чтоб слезы утереть.
Ах, бедный Йорк! Тебе я сострадала б,
Не будь ты ненавистен мне смертельно.
Скорби, чтоб мне развеселиться, Йорк.
Как! Пламень сердца грудь твою всю выжиг?
О Ретленде слезинки не прольешь?
Зачем ты сдержан? Должен ты беситься:
Чтоб ты бесился, над тобой смеюсь.
Злишь, топай, буйствуй,— стану петь, плясать.
Награды ждешь ты, вижу, за потеху? —
Йорк без короны говорить не может.
Корону Йорку! Лорды, преклоняйтесь.
Держать его, пока ему надену.

(Надевает Йорку на голову бумажную корону.)

Да, вот теперь он смотрит королем.
Так вот кем Генриха престол захвачен,
Так вот кто был наследником назначен!
Но почему так рано коронован
Великий Йорк? Зачем нарушил клятву?
Царить вам, помнится, тогда лишь должно,
Когда глаза навек закроет Генрих.
Но вы хотите в сан его облечься
И с головы его сорвать корону
Еще при жизни, клятве вопреки?
О, непростительна вина такая! —

Долой венец — и голову с венцом!
В единый миг покончим с наглецом!

Клиффорд

Свершу свой долг и за отца отмщу.

Королева Маргарита

Нет, стой, послушаем его молитвы.

Йорк

Ты злей волков, французская волчица,
И твой язык ехидны ядовитей!
Как не пристало полу твоему
Торжествовать, подобно амазонке,
Над горем тех, кто сокрушен судьбой!
Не будь твое бесстыжее лицо,
Привыкшее скрывать твои злодеяния,
Столь неподвижно гладким, как забрало,
Тебя, гордячка, в краску б я вогнал,
Сказав, откуда ты, какого рода;
Стыдить бы стал, когда б ты знала стыд.
Родитель твой зовется королем
Иерусалимским, Неаполитанским
И Сицилийским, но на деле он
Беднее, чем английский поселянин.
Не он ли дерзостям тебя учил?
Но пользы нет от них тебе, гордячка;
Ты только подтверждаешь поговорку:
«Коня загонит нищий, сев верхом».
Красой нередко женщины гордятся,
Но, видит бог, в тебе ее немного.
Их добродетель восхищает нас,
Но ты обратным поражаешь всех.
Их сдержанность нам кажется небесной,
А ты чудовищна своим развратом.
Ты далека от всякого добра,
Как антиподы далеки от нас,
Или как юг от севера далек.
О сердце тигра в женской оболочке!
Смочила ты платок в крови ребенка
И слезы утереть даешь отцу, —
И все же образ женщины ты носишь?
Но женщины добры, нежны, покорны, —
Ты ж зла, груба, сурова, непреклонна,
Взбесить меня ты хочешь? Я взбешен.

Ты хочешь, чтоб я плакал? Я рыдаю.
Вихрь бешеный к нам пригоняет ливни;
Утихнет ярость — и прольется дождь.
По Ретленде поминки — эти слезы,
И каждая их капля вопиет
О мщении тебе, свирепый Клиффорд,—
Коварная французженка, тебе!

Н ор тем бер лен д

Ей-богу, так сильны в нем гнев и скорбь,
Что слезы я едва могу сдержать.

Й о р к

Его лицо голодный канибал —
И тот бы пощадил, не залил кровью;
Но вы жесточе и бесчеловечней,
О, злее в десять раз гирканских тигров!
Смотри, безжалостная королева,
На слезы злополучного отца!
В кровь отрока ты окунула ткань,—
А я слезами смою эту кровь.
Возьми платок, иди и хвастай им;
И если правду страшную расскажешь,
Клянусь душою, люди станут плакать;
Мои враги — и те слезу уронят.
И скажут: «Это жалости достойно».
Бери же мой венец и с ним проклятье;
Такую же отраду встретить в несчастье,
Какую мне дала рукой свирепой! —
Срази меня, жестокосердный Клиффорд!
Пусть душа моя летит на небо
А кровь — на ваши головы падет!

Н ор тем бер лен д

Будь палачом он всей моей родне,
Не мог бы я не зарыдать с ним вместе
При виде мук, что грудь ему терзают.

К о ро ле ва Мар га ри та

Как! Ты готов рыдать, Нортемберленд?
Припомни зло, что нам он причинил —
И высохнут мгновенно эти слезы.

Клиффорд

Вот за отца, вот в исполнение клятвы!

(Закалывает его.)

Королева Маргарита

А вот за мягкосердного монарха.

(Тоже наносит удар.)

Йорк

Дверь милосердия отверзни, боже!

К тебе сквозь раны дух мой отлетает.

(Умирает.)

Королева Маргарита

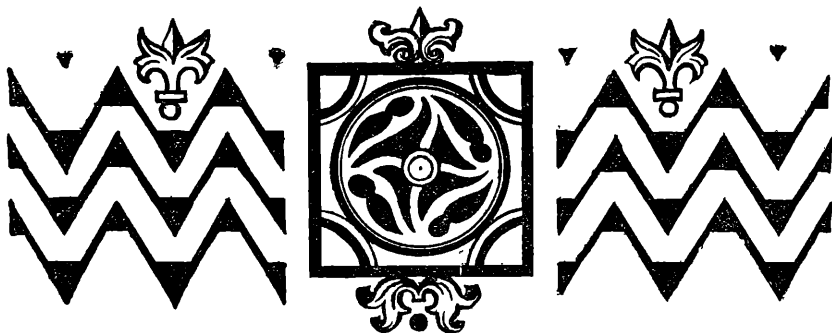
Снять голову, прибить к воротам Йорка:

Пусть Йорк обозревает город свой.

Трубы.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Равнина близ Креста Мортимера в Херифордшире.

Марш.

Входят Эдуард и Ричард с войсками.

Эдуард

Хотел бы знать я, как отец наш спасся,
И удалось иль нет ему избегнуть
Погони Клиффорда с Нортемберлендом.
Будь взят он в плен, до нас дошла бы весть;
Будь он убит, до нас дошла бы весть;
А если бы он спасся, мы б имели
Известье радостное о спасенье.—
Но что с тобою, брат? Ты так печален!

Ричард

Не радоваться мне, пока всей правды
О доблестном отце я не узнаю.
Я видел, как носился он в сраженье;
Заметил я: он Клиффорда искал.
Казалось мне, в густой толпе врагов
Он был, как лев среди коров пугливых,
Иль как медведь среди собачьей своры:
Иных, примяв, визжать заставит зверь,
Другие лают, стоя в стороне,—
Так наш отец с врагами расправлялся,

Так враг бежал от нашего отца.
Большая честь — героя сыном быть.—
Смотри: открыв ворота золотые,
Прощается заря с победным солнцем;
На щеголя-юнца оно походит,
Что пред своей красуется любимой.

Э д у а р д

Мне чудится, иль вижу я три солнца?

Р и ч а р д

Три ясных, три победоносных солнца,
Не рассеченных слоем облаков,
Но видимых раздельно в бледном небе.
Смотри, смотри, слились, как в поцелусе,
Как бы клянясь в союзе нерушимом;
Теперь они единым блеском стали,
Единым светочем, единым солнцем!
Каких событий это вещей знак?

Э д у а р д

Да, странный знак, чудесный, небывалый!
Он, мнится, брат, нас призывает в поле,
Чтоб мы, три сына доблестного Йорка,
Блистая каждый собственно славой,
Теперь слили в одно свои лучи
И озарили землю, словно солнце.
Но, что б ни означало это, впредь
Носить три солнца буду на щите.

Р и ч а р д

Нет, лучше три луны, сказать осмелюсь:
Ведь ты предпочитаешь женский пол.

Входит гонец.

Но кто ты? Взор твой мрачный предвещает,
Что новость жуткую расскажешь ты.

Г о н е ц

Ах, я один из тех, кто с болью видел,
Как умерщвлен был благородный Йорк,
Ваш царственный отец, мой господин!

Э д у а р д

О, замолчи! Сказал ты слишком много.

Р и ч а р д

Скажи, как умер он? Я знать хочу.

Г о н е ц

Он окружен был множеством врагов;
Их отражал, как Гектор, слава Трои,
Оборонял мечом от греков Трою.
Но и Геракл один не сладит с войском;
И если часто повторять удары,
Хоть мал топор, но дуб могучий срубит.
Отец ваш побежден руками многих,
Но злобною рукой его сразили
Лишь Клиффорд яростный и королева.
Она ему, глумясь, венец надела;
Когда же он от горя зарыдал,—
Дала ему, чтоб слезы утереть,
Платок, омоченный в крови невинной
Малютки Ретленда, который был
Жестокосердным Клиффордом сражен,
И после злых ругательств и обид,
Сняв голову ему, ее прибили
К воротам Йорка,— там теперь она.
Печальней зрелища я не видал!

Э д у а р д

О милый герцог Йорк! Опора наша!
Тебя не стало, и наш посох отнят.
О Клиффорд! О неукротимый Клиффорд!
Цвет рыцарства Европы ты убил!
Предательски ты одолел его;
Тебя он одолел бы в поединке.
Тюрьмою стал дворец моей души.
Ах, если бы ей вырваться оттуда,
Чтоб тело обрело в земле покой!
О, никогда мне радости не видеть!
Всех радостей отныне я лишен!

Р и ч а р д

Не в силах плакать я: вся влага тела
Огня в горниле сердца не зальет;
Не облегчить речами бремя сердца.
Ведь самое дыханье слов моих
В груди раздует угли и сожжет
Меня огнем, что залили бы слезы.

Рыданья ослабляют горечь мук...
Нет, слезы — детям; мне ж удел — отмщенье!
О Ричард! Имя я твое ношу.
Отмщу за смерть твою или умру,
Себя прославив дерзкою попыткой.

Э д у а р д

Тебе оставил имя славный герцог,
Мне ж герцогство и сан оставил он.

Р и ч а р д

Коль ты птенец могучего орла,
Взглянув на солнце, докажи свой род,—
Скажи: не «герцогство и сан», а «трон
И королевство»; иль они твои,
Иль ты не сын прославленного Йорка.

Марш.

Входят Уорик и Монтегью с войсками.

У о р и к

Что, лорды? Как дела? Какие вести?

Р и ч а р д

Могучий Уорик! Если перескажем
Мы злую нашу весть, при каждом слове
Себе пронзая грудь, пока не кончим,—
Слова больней ударов будут нам.
О славный лорд, великий Йорк убит!

Э д у а р д

Ах, Уорик, Уорик! Тот Плантагенет,
Который так тобою дорожил,
Как собственной души своей спасеньем,
От Клиффорда свирепого погиб.

У о р и к

Уж десять дней, как я омыл слезами
Ту весть; но чтоб усилить ваше горе,
Все, что потом случилось, расскажу.
Вслед за кровавым Уэкфилдским сраженьем,
Где испустил свой дух отец ваш храбрый,
Ко мне домчались спешные известья

О поражение и его кончине.
Я, в Лондоне стерегший короля,
Стянул войска, собрал толпу друзей
И, как мне думалось, вполне готовый,
К Сент-Олбенсу направился с войсками,
Чтобы пресечь дорогу королеве.
Я короля с собою взял нам в помощь,
Узнав через разведчиков своих,
Что двинулась она, чтоб уничтожить
Последнее парламента решение
О вашем праве на престол английский.
Короче, у Сент-Олбенса сошлись мы,
И оба войска яростно сражались.
Но хладнокровие ли короля,
Что за супругой с нежностью следил,
В моих войсках убило бранный пыл,
Иль слухи о победах королевы,
Иль просто страх пред Клиффордом свирепым,
Грозившим страшною расправой пленным,—
Судить я не берусь, но, молвить правду,
Как молнии сверкали их мечи,
А наши воины мечом махали,
Как филины ленивые крылами,
Иль как цепом ленивый молотильщик:
Казалось, бьют приятелей своих.
О нашей правоте им говорил я
И ободрял, награды обещая,—
Напрасно: мужества они лишились,
А мы чрез них — надежды на победу.
Бежали мы, король же — к королеве.
Лорд Джордж, ваш брат, я сам и герцог Норфолк
Соединиться с вами поспешили,
Узнав, что пребываете вы здесь
И рать собираете для новой битвы.

Э д у а р д

А где же герцог Норфолк, добрый Уорик?
Давно ль вернулся от бургундцев Джордж?

У о р и к

С войсками герцог за шесть миль отсюда;
А что до брата вашего, он послан
Бургундской герцогиней, вашей теткой,
С отрядом войск, чтоб вам помочь в войне.

Р и ч а р д

Огромен, верно, был их перевес,
Коль обратился в бегство храбрый Уорик.
Слышал я, он преследовать умеет,
Но не слышал, чтоб он бежал постыдно.

У о р и к

Про стыд мой и теперь ты не услышишь.
Знай, этой мощною рукою могу
Сорвать корону с вялого монарха
И грозный скипетр выхватить из рук,
Хотя б он так же славился отвагой,
Как благочестьем, кротостью, смиреньем.

Р и ч а р д

Я это знаю, Уорик, не сердись;
Твоею славой дорожа, сказал я.
Но что же предпринять нам в день тревоги?
Железные кольчуги снять, облечься
В одежды траурные и по четкам
Отсчитывать свои «Ave, Maria»¹
Иль мстительной рукою начертать
На шлемах вражеских молитвы наши?
Коль так решим,— тогда скорей за дело!

У о р и к

О да, затем и разыскал я вас,
Затем пришел и брат мой Монтегью.
Прошу вас выслушать меня, милорды.
Гордячка дерзостная королева,
Нортемберленд высокомерный, Клиффорд
И много птиц подобной же породы
Монарха, сердцем мягкого, как воск,
Своей жестокой воле подчинили.
Вам передать наследье он поклялся,—
В парламенте записана та клятва,—
Теперь же в Лондон двинулась вся шайка,
Чтоб уничтожить клятву ту и все,
Что может быть Ланкастерам во вред.
У них должно быть тридцать тысяч войска;
И коль подмога Норфолка с моею
И с тем отрядом из друзей, граф Марч,

---

¹ «Радуйся, дева Мария» (католическая молитва).

Что наберешь ты средь валлийцев верных,
Составят вместе тысяч двадцать пять,—
Тогда вперед! Направим путь свой в Лондон.
Поскачем вновь на взмыленных конях
И крикнем вновь: «Руби! Круши врага!»,
Но никогда не побежим назад.

Р и ч а р д

Вновь Уорика великого я слышу.
Пусть не увидит солнца, кто решится
Кричать: «Назад!», когда велит он биться.

Э д у а р д

Лорд Уорик, обопрись я на тебя,
И если ты, не дай бог, будешь сломлен,—
И я паду. Оборои нас, боже!

У о р и к

Ты был граф Марч, теперь ты герцог Йорк,
А следующий шаг — престол английский.
Ты будешь королем провозглашен
Во всех местечках, городах, поселках,
Которые мы встретим на пути.
И кто с восторгом не подбросит шапку,
Поплатится за это головой.—
Король Эдвард, брат Монтегью и Ричард,
Довольно нам о славе здесь мечтать;
Пусть трубы грянут, и скорей за дело.

Р и ч а р д

Будь, Клиффорд, у тебя стальное сердце,
Как показали нам твои поступки,—
Пронжу его или свое утрачу.

Э д у а р д

Бей, барабан! Святой Георгий с нами!

Входит гонец.

У о р и к

Ну что? Какие вести?

Г о н е ц

Велел мне герцог Норфолк вам сказать,
Что близко с мощным войском королева.
На совещанье спешно вас зовет он.

У о р и к

Отлично! Храбрые бойцы, вперед!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 2

Перед Йорком.

Трубы.

Входят король Генрих, королева Маргарита, принц
Уэльский, Клиффорд и Нортемберленд с барабанным боем
и трубами.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Привет вам, государь мой, в славном Йорке.
Вот голова проклятого врага,
Что вздумал завладеть короной вашей.
Не радует ли этот вид вам сердце?

К о р о л ь   Г е н р и х

Как моряка — скала перед крушеньем,
Мне душу это зрелище гнетет.—
Карающую руку удержи,
Великий боже! Нет на мне вины:
Ведь клятву я без умысла нарушил.

К л и ф ф о р д

Мой государь, избыток доброты
И гибельная жалость тут — некстати.
Кого встречает кротким взором лев?
Не тех, кто завладел его пещерой.
Чью руку лижет ласково медведь?
Не ту, что похищает медвежат.
Кто жала смертоносных змей избегнет?
Не тот, кто попирает их ногой.
И червь, коль на него наступят, вьется;
И горлицы, потомство защищая,
Жестокого обидчика клюют.
Йорк дерзновенный на венец твой метил.—
Ты улыбался, он же хмурил брови.
Он, герцог, прочил сына в короли,
Мечтал его, наследника, возвысить,
А ты, король, благословленный сыном,
Лишить его наследства согласился,
Себя отцом холодным показав!

Тварь неразумная детей питает;
Хоть птицам страшен человека вид,
Но все ж, птенцов своих обороняя,
Не думая трусливо улетать,—
Вы видели не раз,— крылами бьют
Того, кто проникает к ним в гнездо,
И жертвуют собою за птенцов.
Стыдись, властитель! С них бери пример.
Печально, если юноша достойный
Виною отца лишится прав наследства
И после скажет сыну своему:
«Что прадед мой и дед приобрели,
Отец беспечный отдал неразумно».
Какой позор! На юношу взгляни.
Пусть мужественный вид, сулящий принцу
Успехи, сердце закалит тебе,
Чтоб ты сберег свое добро для сына.

Король Генрих

Ты говорил, как опытный оратор,
И доводы сильнейшие привел.
Скажи, однако, разве не слыхал ты,
Что впрок нейдет неправдой нажитое?
И счастлив ли наследник, чей отец
За скопидомство угодил в геенну?
Я добрые дела оставлю сыну,
И был бы рад, когда бы мой отец
Мне ничего другого не оставил!
За прочее мы слишком много платим:
Хранить его — заботы больше стоит,
Чем радости приносит обладанье.—
Брат Йорк! Когда б твои друзья узнали,
Как тяжек мне вид головы твоей!

Королева Маргарита

Воспряньте духом, государь! Враг близок,
И вы друзей смутите малодушьем.
Сан рыцарский вы обещали сыну,
Так обнажите меч и посвятите
Скорей его.— Эдвард, склони колено.

Король Генрих

Встань рыцарем, Эдвард Плантагенет.
Меч обнажай для праведных побед.

Принц Уэльский

Отец мой добрый, с вашего согласия
Я обнажу его, как ваш наследник,
И буду драться в этом споре насмерть.

Клиффорд

Ответ, достойный доблестного принца!
Входит гонец.

Гонец

Державные вожди, готовы будьте:
С отрядом в тридцать тысяч человек
Подходит Уорик, чтоб за Йорка биться;
Его они по городам и селам
Везде провозглашают королем,
И многие перебегают к ним.
К сражению готовьтесь — близок враг.

Клиффорд

Вам лучше, государь, покинуть поле.
Без вас верней удача королевы!

Королева Маргарита

Да, удались, наш добрый повелитель,
И предоставь нас собственной судьбе.

Король Генрих

У нас одна судьба; останусь с вами.

Нортемберленд

Но лишь приняв решение сражаться.

Принц Уэльский

Ободрите, отец державный, лордов;
Вдохните пыл в бойцов и, меч подняв,
Воскликните: «Святой Георгий с нами!»

Марш.

Входят Эдуард, Джордж, Ричард, Уорик, Норфолк,
Монтегью и солдаты.

Эдуард

Клятвопреступник Генрих! О пощаде
Моли меня, колени преклонив;
Мне возложи на голову корону
Иль счастье испытай в смертельной битве.

Королева Маргарита

Брани любовниц, дерзостный мальчишка!
Как смеешь ты столь нагло говорить
С твоим монархом, королем законным?

Эдуард

Я — государь; ему — склонять колени.
Наследником я стал с его согласия,
Но клятву он нарушил. Я слышал,
Что правишь ты, хоть носит он корону.
Его склонила ты издать закон
Парламентский, где, вычеркнув меня,
Подставил имя собственного сына.

Клиффорд

И справедливо:
Кто, как не сын, отцу прямой наследник?

Ричард

Ты здесь, мясник? — О, говорить нет сил!

Клиффорд

Я здесь, горбун. Готов тебе ответить
И всем тебе подобным гордецам.

Ричард

Ведь юный Ретленд был тобой убит?

Клиффорд

И старый Йорк, но все еще мне мало.

Ричард

Сигнал подайте к битве, ради бога!

Уорик

Уступишь, Генрих, мне свою корону?

Королева Маргарита

Свой придержи язык, болтливый Уорик;
Когда в Сент-Олбенсе мы повстречались,
Вам пригодились ноги больше рук.

Уорик

Был мой черед бежать, теперь же — твой.

Клиффорд

Так говорил в тот раз ты — и бежал.

Уорик

Не ваша храбрость погнала нас, Клиффорд.

Нортемберленд

Но мужество не удержало вас.

Ричард

Нортемберленд, хочу я быть с тобою
Почтительным. Брось эти пререканья.
Едва я в силах сердце обуздать,
Что рвется мстить детоубийце злому.

Клиффорд

Отец твой мной убит, — он не дитя.

Ричард

Как трус, его убил ты, как предатель;
И так же умерщвлен мой нежный Ретленд.
Но скоро ты свой подвиг проклянешь.

Король Генрих

Довольно, лорды; дайте мне сказать.

Королева Маргарита

Брось вызов им, иль уст не размыкай.

Король Генрих

Прошу, не ставь моим речам преграды:
Ведь я король и волен говорить.

Клиффорд

Не исцелить словами, государь,
Нам раны, породившей эту встречу,
А посему замолкнуть лучше вам.

Ричард

Так обнажай, палач, скорей свой меч.
Клянусь создателем, я убежден,
Что доблестен ты только на словах.

Эдуард

Скажи, мои права признаешь, Генрих?
Отдай венец, иль тысячи людей,
Что завтракали нынче поутру,
Не будут больше никогда обедать.

Уорик

Их кровь падет на голову твою:
Ведь лишь за правду поднял Йорк оружие.

Принц Уэльский

Коль правда то, что Уорик назвал правдой,
Неправды больше нет,— все в мире правда.

Ричард

Кто б ни зачал тебя, вот мать твою:
Ты унаследовал ее язык.

Королева Маргарита

А ты не вышел ни в отца, ни в мать,
Но — безобразный, мерзостный урод —
Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,
Как ядовитых ящериц иль жаб.

Ричард

Ты, неаполитанское железо,
Покрытое английской позолотой!
Отец твой носит королевский титул,—
Как будто лужа может зваться морем!
Иль не стыдишься, зная, кто ты родом,
Речами скверну сердца обнажать?

Эдуард

Дам тысячу я крон за пук соломы,
Чтоб привести в сознание эту шлюху.
Красивее тебя была Елена;
Хоть Генрих может зваться Менелаем,
Но брат Агамемнона никогда
Так не был оскорблен женой коварной,
Как твой супруг тобой. Его отец
Отпраздновал во Франции победы;
Смирил он короля, смирил дофина,
И если б сын его себе избрал
Жену, вполне достойную по сану,
И сын бы эту славу сохранил.
Но нищенку он взял себе на ложе,

И вознесен был жалкий твой отец.
Но сразу солнца луч сменился ливнем,
Унесшим все заморские победы
И причинившим внутренний раздор.
Не ты ль, гордячка, породила смуту?
Будь кроткой ты, дремало б наше право,
И мы, жалея доброго монарха,
Свои бы отложили притязанья.

Д ж о р д ж

Но увидав, что солнцем дома Йорка
Порождена твоя весна, а лето
Нам не припосит жатв, подсекли мы
Твой чужеродный корень топором;
Хоть нас самих задело острие,
Все ж знай: начав рубить — не перестанем,
Пока тебя мы не повергнем в прах,
Или цветенье буйное твое
Не оросим своей горячей кровью.

Э д у а р д

Решился я: тебе бросаю вызов!
Переговоров больше не желаю.
Ты говорить мешаешь королю.—
Трубите сбор! Вздыхайте стяг кровавый!
Могилы ждет нас иль победы слава.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Стой, Эдуард!

Э д у а р д

Нет! Обойдутся в десять тысяч жизней,
Строптивая, твои слова отчизне.

(Уходит.)

С Ц Е Н А   3

Поле сражения между Таутоном и Секстоном в Йоркшире.

Шум битвы. Стычки.

Входит У о р и к.

У о р и к

Измучен, словно бегом скороход,
Приягу здесь, чтоб дух перевести.

Удары, что я принял и нанес,
Лишили сил мои тугие мышцы —
И, будь что будет, отдохнуть я должен.

Вбегает Эдуард.

Эдуард

О небо, улыбнись! Иль, смерть, рази!
День хмур, затмилось солнце Эдуарда.

Уорик

Что, государь? Есть на успех надежда?

Входит Джордж.

Джордж

Надежды нет у нас, пропало все!
Наш сломлен строй, за нами гибель мчится.
Скажи, что делать нам? Куда бежать?

Эдуард

К чему бежать? Они на крыльях мчатся.
Мы слабы — не уйти нам от погони.

Входит Ричард.

Ричард

Ах, Уорик! Почему ты удалился?
Уже всосала жадная земля
Кровь брата твоего, что пролил Клиффорд
Стальным копьем; кричал он в смертных муках,—
И разносился голос, как набат:
«Уорик, мой брат, отмсти за смерть мою!»
Так, распростерт под брюхами коней,
Окрашивая кровью их копыта,
Лорд благородный испустил свой дух.

Уорик

Так пусть земля упьется нашей кровью!
Убью коня,— не побегу отсюда.

Что мы стоим здесь, о потерях плача,
Как женщины, меж тем как враг бушует,
И смотрим, словно перед нами драма,
Актерами разыгранная в шутку?
Клянусь я на коленях пред всевышним,
Не отдохну, не перестану биться,
Пока мне очи не закроет смерть
Иль рок не даст исполнить меру мщенья.

Э д у а р д

Уорик! Колени преклоню с тобой
И душу клятвою свяжу с твоею!
И прежде чем с земли холодной встать,
Взор, руки, сердце обращаю к тому,
Кто королей возводит и свергает.—
Молю тебя, когда тебе угодно,
Чтобы врагам досталась эта плоть,—
Пускай разверзнутся врата небес
И примут душу грешную мою.—
Теперь простимся все до новой встречи,
Где б ни случилась — на земле иль в небс.

Р и ч а р д

Дай руку, брат.— Тебя, любезный Уорик,
Усталыми руками обниму.
Я, слез досель не знавший, ныне плачу,
Скорбя о том, что смерти зимний холод
Так уничтожил наш весенний цвет.

У о р и к

Спешим! Прощайте, милые друзья!

Д ж о р д ж

Идемте к войску нашему все вместе,
И пусть бегут все, кто не хочет драться.
Мы назовем оставшихся оплотом.
Они получают, в случае успеха,
Награды, как на олимпийских играх,
Пусть это мужество вдохнет им в грудь!
Надежда есть на жизнь и на победу,
Не будем медлить, двинемся скорей.

Уходя.

СЦЕНА 4

Другая часть поля сражения. Стычки.

Входят Р и ч а р д и К л и ф ф о р д.

Р и ч а р д

Ну, Клиффорд, ты один передо мною;
Одной рукой за Йорка отомщу,
Другую же — за Ретленда, хотя бы
Ты был стеною медной окружен.

К л и ф ф о р д

Ну, Ричард, мы наедине с тобой;
Вот этою рукой убит был Йорк,
А этою рукою — Ретленд юный,
А это сердце радо смерти их
И умертвить тебя велит рукам,
Убившим твоего отца и брата.
Итак, держись!

Они сражаются. Входит У о р и к. К л и ф ф о р д бежит.

Р и ч а р д

Нет, Уорик, выбери другого зверя,
А этот волк затравлен будет мной.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть поля сражения.

Шум битвы.

Входит король Генрих.

К о р о л ь Г е н р и х

Походит битва на рассветный час,
Где слабый мрак с растущим светом спорит,
Когда пастух, себе на пальцы дую,
Не скажет, день ли это или ночь.
То бой уносится вперед, как море,
Гонимое приливом против ветра;
То вспять несется он, как то же море,
Когда его отбросит ярость ветра.
То пересилит натиск волн, то ветер;
Здесь верх берет один, а там — другой;

Ведут, грудь с грудью, за победу бой.
Но ни один не победил, не сломлен,—
Так равны силы в этой злой войне.
Присяду здесь, на бугорке кротовом.
Пусть бог, кому захочет, даст победу.
Клиффорд и королева Маргарита
Меня прогнали с поля, поклялись,
Что без меня удачливей они.
Ах, если бы господь послал мне смерть!
Что в этом мире, кроме бед и горя?
О боже! Мнится мне, счастливый жребий —
Быть бедным деревенским пастухом,
Сидеть, как я сейчас, на бугорке
И наблюдать по солнечным часам,
Которые я сам же смастерил
Старательно, рукой неторопливой,
Как убегают тихие минуты,
И сколько их составят целый час,
И сколько взять часов, чтоб вышел день,
И сколько дней вмещается в году,
И сколько лет жить смертному дано.
А сосчитав, я разделил бы время:
Вот столько-то часов пасти мне стадо,
И столько-то могу отдать покою,
И столько-то могу я размышлять,
И столько-то могу я забавляться;
Уж столько дней, как в тягости овечки,
Чрез столько-то недель агниться им;
Чрез столько лет я буду стричь агнят.
Так дни, недели, месяцы и годы
Текли бы к predetermined цели,
Ведя к могиле седину мою.
Ах, мне мила, желанна жизнь такая!
И не отраднее ли тень куста
Для пастухов, следящих за стадами,
Чем вышитый роскошно балдахин
Для королей, устрашающихся измены?
О да, отрадней, во сто раз отрадней!
А пища пастуха, творог домашний,
Из фляги кожаной глоток воды,
Привычный сон под свежей сенью роши,
Все, чем спокойно пользуется он,—
Ценней безмерно пышности монарха.
Вин, что сверкают в кубках золотых,
Ценней его затейливого ложа,

Которое бессменно стерегут
Заботы, недоверие, измены.

Шум битвы.

Входит сын, убивший отца; он волочит за собой его тело.

Сын

Плох ветер, если дует он без пользы.
Быть может, кроны есть у человека,
Которого убил я в рукопашной.
А я, что обобрал его сейчас,
Могу отдать сегодня жизнь и деньги
Другому, как мне отдал этот мертвый.
Кто он? О боже! То черты отца,
Которого убил я невзначай.
О злые дни, когда возможно это!
Из Лондона я гризван королем;
Отец мой, графа Уорика слуга,
Им призванный, пошел за Йорка биться.
Я, получивший жизнь из рук его,
Лишил его своей рукою жизни.—
Прости мне, боже; я не знал, что делал! —
Прости, отец, я не узнал тебя!
С тебя слезами смою пятна крови;
Пока не выплачусь — ни слова больше.

Король Генрих

О дни кровавые! О вид плачевный!
Когда воюют львы из-за пещер,
От их вражды бедняги овцы терпят.
Несчастный, плачь; пролью с тобою слезы,
И пусть у нас и очи и сердца,
Подобно яростной гражданской смуте,
От слез ослепнут, разорвутся с горя.

Входит отец, убивший сына; он волочит за собой его тело.

Отец

Ты, что так храбро мне сопротивлялся,
Отдай мне золото, когда имеешь:
Его купил я сотнею ударов.
Но дай-ка, посмотрю я, враг ли это.
Ах, нет, нет, нет. Единственный мой сын!
Ах, мальчик мой! Коль жизнь в тебе осталась,
Открой глаза! Смотри, смотри, как ливень
Прольется, принесенный бурей сердца
На эти раны, что мне сердце рвут! —

О сжался, боже, над злосчастливым веком!
Что за лихие, зверские дела,
Безумные, мятежные, слепые,
Рождает ежедневно спор смертельный! —
Мой сын, тебе дал жизнь я слишком рано
И отнял жизнь я эту слишком поздно!

К о р о л ь   Г е н р и х

За горем горе! Выше меры скорбь!
О смерть моя, им положи конец!
О сжалесь, сжалесь, небеса, о сжалесь!
Я вижу на лице его две розы,
Цвета домов, что борются за власть:
На розу алую походит кровь,
И с розой белой схожа бледность черт.
Увянь одна, пусть расцветет другая.
Коль будете вы продолжать борьбу,
Должны увянуть много тысяч жизней.

С ы н

Как станет мать, узнав про смерть отца,
Меня порочить в горе безутешном!

О т е ц

Как станет бедная моя жена
Рыдать по сыне в горе безутешном!

К о р о л ь   Г е н р и х

Как станет вся страна за эти муки
Клясть государя в горе безутешном!

С ы н

Когда отца оплакивал так сын?

О т е ц

Когда отец о сыне так скорбел?

К о р о л ь   Г е н р и х

Когда король о подданных так плакал?
Огромно тяжкое страданье ваше.
Мое ж страданье много тяжелей.

С ы н

Возьму тебя, чтоб выплакаться вволю.
(Уходит, унося тело отца.)

Отец

Пусть эти руки будут саван твой,
И это сердце, сын, твоей гробницей.
Навеки сохранится в нем твой образ,
А вздохи будут погребальным звоном.
Так, сын, тебя навеки потеряв,
Отец свершит поминки по тебе,
Как царь Приам по сыновьям отважным.
Я унесу тебя отсюда прочь.
Пускай в других горит сраженья пыл;
Там, где разить не должно, я убил.

(Уходит, унося тело сына.)

Король Генрих

И тот и этот горем злым убит;
Но сам король сильнее, чем вы, скорбит.

Шум битвы, стычки.

Входят королева Маргарита, принц Уэльский и Эксетер.

Принц Уэльский

Отец, бегите! Все друзья бежали.
Как бык свирепый, разъярился Уорик.
Спешите! Гонится за нами смерть.

Королева Маргарита

Супруг мой, на коня! Скачите в Бервик!
Эдвард и Ричард, словно две борзых,
Завидевших испуганного зайца,
Со взором пламенным, горящим злобой,
И сталь кровавую зажав в руках,
Вот-вот настигнут нас. Скорей бежим!

Эксетер

Скорей! Они несут с собою месть.
Не время обсуждать дела. Спешите!
Иль следуйте за мною! Я — вперед.

Король Генрих

Нет, Эксетер, возьми меня с собой.
Остаться не страшусь, но рад идти
За королевою. Вперед! Спешим!

Уходят.

СЦЕНА 6

Там же.

Сильный шум битвы.

Входит раненый Клиффорд.

Клиффорд

Здесь, догорев, свеча моя угаснет.
Пока пылала, Генриху светила.
Сверженья твоего страшусь, Ланкастер,
Сильнее, чем разлуки духа с телом.
Любовь ко мне и страх передо мной
Немало привлекли к тебе друзей;
Но вот я пал,—связь прочная порвется,
Ослабив Генриха, усилив Йорка.
Роится чернь, подобно летним мухам;
Всегда летят на солнце комары.
Сейчас в зените Генриха враги!
О Фсб! Когда б не дал ты Фартону
Копьями огненными управлять,
Твоя пылающая колесница
Не опалила б землю. Если б, Генрих,
Ты правил, как пристало королю,
Как правили отец твой и твой дед,
Не уступая почвы дому Йорка,
Враги бы не размножились, как мухи,
И я и тысячи других в стране
Вдов не заставили б скорбеть о нас,
И ты бы в мире сохранил свой трон.
Что, как не солнце, сорняки плодит?
Что, как не снисходительность судьи,
Внушает вору дерзость и отвагу?
Бессильна скорбь, неисцелимы раны;
Для бегства нет ни силы, ни путей.
Безжалостны враги, не жду пощады:
Пощады я от них не заслужил.
Коснулся воздух ран моих смертельных,
И от потери крови я слабею.—
Йорк, Ричард, грозный Уорик, приходите:
Отцов убил я ваших,—отомстите.

(Лишается чувств.)

Шум битвы. Отбой.

Входят Эдуард, Джордж, Ричард Монтегью, Уорик и
остальные.

Э д у а р д

Передохнем. Нам позволяет счастье
Воинственно нахмуренные брови
Сменить на мирный взор. Часть наших войск —
В погоне за кровавой королевой,
Что Генриха вела, хоть он король:
Так парус, вздутый бурей свирепой,
Наперекор течению гонит судно.
Как думаете, Клиффорд с ним бежал?

У о р и к

Нет, невозможно, чтобы спасся он.
При вашем брате Ричарде скажу:
Им для могилы был отмечен Клиффорд;
И где б он ни был, — он, наверно, мертв.

Клиффорд стонет и умирает.

Р и ч а р д

Чей дух прощается так тяжело с телом?
Предсмертный стон — как при разлуке с жизнью.
Взгляни, кто это.

Э д у а р д

Бой теперь окончен;
Друг он иль враг, пускай ему помогут.

Р и ч а р д

Возьми обратно мысль о милосердье;
Ведь это Клиффорд. Недовольный тем,
Что срезал ветвь — жизнь Ретленда — в расцвете,
Всадил он смертоносный нож свой в корень,
Откуда отпрыск нежный выросал:
Им наш отец, державный Йорк, убит.

У о р и к

Снять в Йорке голову отца с ворот, —
Ту голову, что Клиффордом прибита, —
И этой головою заменить:
Так мерю мы воздадим за меру.

Э д у а р д

Подать сюда проклятого сына,
Что роду нашему лишь смерть пророчил.

Прервала смерть его грозящий голос,
И навсегда замолк язык зловеющий.

Солдаты выносят тело вперед.

У о р и к

Я думаю, утратил он сознание.—
Ты узнаешь нас, Клиффорд? Говори.—
Смерть мрачная луч жизни угасила;
Он нас не видит, слов не слышит наших.

Р и ч а р д

О, если б слышал он! Быть может, слышит?
Из хитрости он притворился мертвым,
Чтоб тяжких издевательств избежать,
Каким отца подверг он...

Д ж о р д ж

Но если так, бичуй его словами.

Р и ч а р д

Клиффорд! Проси пощады, хоть напрасно.

Э д у а р д

Клиффорд! Раскаяньем бесплодным кайся.

У о р и к

Клиффорд! Оправдывай свои грехи.

Д ж о р д ж

А мы измыслим пытки за грехи.

Р и ч а р д

Любил ты Йорка, я же — сын его.

Э д у а р д

Ты Ретленда жалел, а я — тебя.

Д ж о р д ж

Где ваш защитник, воин Маргарита?

У о р и к

Они смеются, Клиффорд, над тобой.
Ругайся же в ответ, как ты привык.

Р и ч а р д

Как! Не бранишься ты? Ну, плохо дело,
Когда друзей ругать не может Клиффорд:

Он, значит, мертв. Клянусь я, будь возможно
Ценой руки вернуть его мне к жизни
На два часа, чтоб насмеяться вволю,
Одной рукой отсек бы я другую,
Чтоб хлынувшею кровью задушило
Злодея, чьей неутомимой жажды
Насытить не могли ни Йорк, ни Ретленд.

У о р и к

Но умер он. Снять голову ему
И там, где Йорка голова, поставить!
Теперь — торжественным походом в Лондон!

(Эдуарду.)

Там Англии корону ты наденешь;
Затем во Францию поедет Уорик,
Чтобы тебе принцессу Бону сватать;
Так свяжете вы оба королевства.
Дружа с французами, не будешь ты
Своих врагов разгромленных бояться,
Хоть и грозят они подняться снова.
Пусть жалом повредить тебе не могут,
Все ж будут слух твой оскорблять жужжаньем.
Сперва хочу коронованье видеть,
Потом в Бретань отправлюсь морем я,
Чтоб этот брак устроить государю.

Э д у а р д

Пусть будет так, как ты желаешь, Уорик.
Воздвигну на твоих плечах свой трон,
И никогда не предприму я дела
Без твоего совета и согласия.—
Отныне, Ричард, будешь герцог Глостер.—
Ты — герцог Кларенс будешь, Джордж.— А Уорик,
Как мы, везде распоряжаться властен.

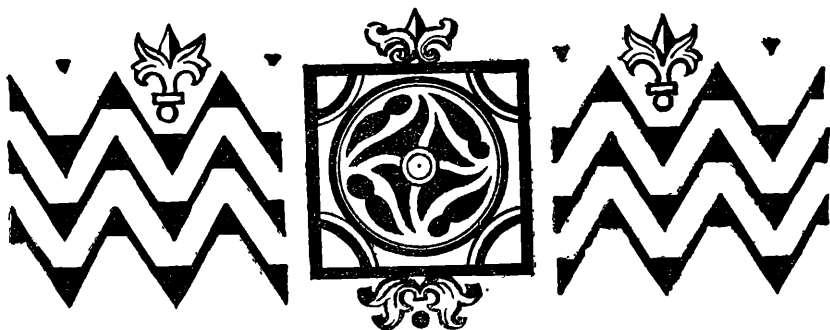
Р и ч а р д

Пусть буду Кларенс я, а Глостер — Джордж;
В том герцогстве есть что-то роковое.

У о р и к

Молчи! Вот безрассудные слова!
Ричард, будь герцог Глостер. Едем в Лондон
И почестями всеми наладимся!

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Лес на севере Англии.

Входят два лесных сторожа с арбалетами.

Первый сторож

Укроемся тут в зарослях густых.
Пройдут олени через ту поляну,
Мы в этой чаще их подкараулим
И самых лучших выберем из них.

Второй сторож

Взойду на холм, чтоб нам смотреть обоим.

Первый сторож

Нельзя. Звук арбалета твоего
Спугнет все стадо — и пропал мой выстрел.
Здесь встанем и прицелимся получше,
А чтобы не наскучило нам ждать,
Я расскажу тебе, что приключилось
Со мною раз на месте, где стоим.

Второй сторож

Тут кто-то есть. Пусть он пройдет сначала.

Входит переодетый король Генрих, с молитвенником в руках.

Король Генрих

Я из Шотландии бежал затем лишь,
Чтоб взором любящим мой край приветить.
Нет, Гарри, Гарри, этот край не твой.
Престол твой занят, выхвачен твой скипетр,
И на челе священный стерт елей.
Никто не назовет тебя монархом,
Никто не взмолится о правосудье,
Никто к твоей защите не прибегнет;
Как им помочь, коль не помог себе?

Первый сторож

А вот олень со шкурой драгоценной.—
Король наш бывший. Заберем его!

Король Генрих

Тебе, невзгода, я раскрыл объятья.
По мнению мудрецов, то путь мудрейший.

Второй сторож

Чего ж мы ждем?

Первый сторож

Повремени; послушаем еще.

Король Генрих

За помощью отправились жена
И сын во Францию; и мощный Уорик
Туда ж направился, как я слыхал,
Чтоб короля французского сестру
Эдварду сватать. Если весть правдива,—
Ах, бедные мой сын и королева,
Пропал ваш труд: оратор ловкий — Уорик,
А короля легко словами тронуть.
Зато его и Маргарита может,
Как жалости достойная, растрогать;
От слез ее грудь каменная дрогнет;
От вздохов сердце короля растает;
И тигр смирится, видя скорбь ее.
Нерон проникся бы к ней состраданьем
При виде слез и жалобам внимая.
Да, но она пришла к нему с мольбами,
А Уорик с приношениями пришел.
Она помочь монарха просит слева,—

Он королю невесту просит справа;
Она, рыдая, скажет: «Генрих свергнут»,—
А он с улыбкой: «Эдуард на троне».
От горя у бедняжки речь прервется,
А Уорик притязанья Эдуарда
Изложит королю, неправду скрасит,
Великой силы доводы найдет
И отвратит его от Маргариты,
Добившись помощи для Эдуарда
И обещанья в жены дать сестру.—
Ах, Маргарита! Так все и случится:
Уйдешь ни с чем, как и пришла, бедняжка!

Второй сторож

Кто ты, толкующий о королевах
И королях?

Король Генрих

Я больше, чем кажусь,
И менее того, чем я рожден;
Все ж человек,— ведь меньшим быть нельзя мне.
Все говорят о королях, я — тоже.

Второй сторож

Но говоришь ты, словно сам — король.

Король Генрих

Таков я духом — и с меня довольно.

Второй сторож

Но если ты король, где твой венец?

Король Генрих

Он в сердце у меня, не на челе;
Не блещет он индийскими камнями,
Незрим для глаз, зовется он довольством:
Таким венцом король владеет редкий.

Второй сторож

Коль вы король, увенчанный довольством,
То будьте со своим венцом довольны,
Что вас мы заберем. Сдается нам,
Вы тот король, что свергнут Эдуардом;
А мы ему на верность присягали
И вас задержим как его врага.

Король Генрих

А нарушать вам не случилось клятву?

Второй сторож

Такую — нет; и нынче не нарушим.

Король Генрих

Где жили вы, когда я был король?

Второй сторож

Да в этих же краях, где и теперь.

Король Генрих

На царство в колыбели я помазан;

Отец и дед мой были королями,

И клятву верности вы дали мне.

Скажите ж, не нарушили вы клятву?

Первый сторож

Нет:

Пока царили вы, верны мы были.

Король Генрих

Иль умер я? Иль перестал дышать?

Ах, простаки! Не знали, в чем клялись вы!

Смотрите, этот пух с лица я сдунул,

А ветер вновь его ко мне приносит;

То моему дыханию он послушен,

То уступает дуновенью ветра,

Сильнейшим веляньям всегда покорен.

Так легковесны вы, простые люди!

Но вы свою не нарушайте клятву:

Не попрошу вас взять на совесть грех.

Идемте же, куда угодно вам.

Повиноваться принужден король;

Вы будьте королями — покорюсь вам.

Первый сторож

Мы — верноподданные короля,

Эдварда-короля.

Король Генрих

И были б вновь

Подвластны мне, когда б я сверг Эдварда.

Первый сторож

Во имя господа и короля,
Мы вам велим идти к властям за нами.

Король Генрих

Ведите же меня во имя божье!
Почтить нам должно имя короля.
Что хочет бог,— пусть ваш король творит,
А что он хочет — я исполню кротко.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Покой во дворце.

Входят король Эдуард, Глостер, Кларенс и леди Грей.

Король Эдуард

Брат Глостер! Ричард Грей, муж этой леди,
В Сент-Олбенском сражении был убит.
Его владенья победитель взял;
Она теперь вернуть ей просит земли;
Несправедливо будет отказать ей,
Поскольку этот дворянин достойный
Утратил жизнь в борьбе за Йоркский дом.

Глостер

Вам, государь, исполнить должно просьбу;
Бесчестно было бы отказать ей в этом.

Король Эдуард

Конечно, так, но все же подождем.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

А! Вот как!

Придется леди кое-что исполнить,
Пред тем как он ее исполнит просьбу.

Кларенс

(тихо, Глостеру)

Он чует дичь: нюх у него изрядный.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Молчи.

Король Эдуард

Вдова, мы просьбу вашу разберем;
В другой раз приходите за решением.

Леди Грей

Не в силах ждать я, добрый государь;
Прошу, сейчас же дело рассудите.
Как ни решите, я на все согласна.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Ручаюсь, земли ты вернешь, вдова,
Коль то же, что ему, тебе желанно.
Держись покрепче — ты удар получишь.

Кларенс

(тихо, Глостеру)

Ей нечего бояться: лишь паденья.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Не дай бог, — он воспользуется этим.

Король Эдуард

А сколько у тебя, вдова, детей?

Кларенс

(тихо, Глостеру)

Просить ребенка хочет у нес.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Нет, пусть меня побьют, коль двух не даст ей.

Леди Грей

Их трое, государь.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Послушаешь его — четвертый будет.

Король Эдуард

Жаль было бы наследства их лишать.

Л е д и   Г р е й

Так сжальтесь, государь, и возвратите.

К о р о л ь   Э д у а р д
(*Глостеру и Кларенсу*).

Оставьте нас: вдову я испытаю.

Г л о с т е р
(*тихо, Кларенсу*)

Оставим мы тебя: живи, как хочешь.

Но скоро молодость тебя оставит,

Тебе оставив пару костылей.

(*Отходит с Кларенсом в сторону.*)

К о р о л ь   Э д у а р д

Скажи мне, любишь ты детей своих?

Л е д и   Г р е й

Да, государь, люблю их, как себя.

К о р о л ь   Э д у а р д

Готова ль ты на все для блага их?

Л е д и   Г р е й

Для блага их перенесу и зло.

К о р о л ь   Э д у а р д

Верни же земли мужа им на благо.

Л е д и   Г р е й

Затем я и пришла к вам, государь.

К о р о л ь   Э д у а р д

Скажу тебе, как им вернуть владенья.

Л е д и   Г р е й

Слугою вашей буду я навек.

К о р о л ь   Э д у а р д

Чем ты послужишь мне, коль их верну?

Л е д и   Г р е й

Скажите лишь,— все сделаю, что в силах.

Король Эдуард

Откажешься мою исполнить просьбу...

Леди Грей

Нет, разве что она мне не по силам.

Король Эдуард

О, можешь ты исполнить, что прошу.

Леди Грей

Тогда исполню ваше приказанье.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Настойчив он: а дождь и мрамор точит.

Кларенс

(тихо, Глостеру)

Он красен, как огонь! Растает воск.

Леди Грей

Умолкли вы? Так в чем моя задача?

Король Эдуард

Легка она: лишь короля любить.

Леди Грей

Как не любить? Я подданная ваша.

Король Эдуард

Коль так, тебе дарую земли мужа.

Леди Грей

Премного благодарна вам. Прощайте.

Глостер

(тихо, Кларенсу)

Торг заключен, скрепляется поклоном.

Король Эдуард

Постой. Плоды любви я разумею.

Леди Грей

Я разумею то же, повелитель.

Король Эдуард

Да, но боюсь, совсем в ином значенье.
Какой любви, ты думаешь, прошу я?

Леди Грей

Любви по гроб, признательной, смиренной,
Любви, которой ищет добродетель.

Король Эдуард

Клянусь, я разумел любовь иную.

Леди Грей

Так разумели вы не то, что я.

Король Эдуард

Теперь отчасти можешь ты понять.

Леди Грей

Я никогда не соглашусь на то,
К чему, как полагаю, вы стремитесь.

Король Эдуард

Скажу я прямо: спать с тобой хочу.

Леди Грей

Скажу я прямо: лучше спать в темнице.

Король Эдуард

Так не получишь ты владений мужа.

Леди Грей

Так будет честь мне вдовьим достоянием.
Ее потерей не куплю земель.

Король Эдуард

Ты этим повредишь немало детям.

Леди Грей

Вы этим, государь, вредите им,
А также мне. Но, государь великий,
Не соответствует ваш тон веселый
Моей печальной просьбе. Умоляю
Мне коротко ответьте: «да» или «нет».

К о р о л ь   Э д у а р д

Да, если мне ответишь «да» на просьбу;
Нет, если скажешь «нет» на предложенье.

Л е д и   Г р е й

Нет, государь. Ходатайству конец.

Г л о с т е р

(тихо, Кларенсу)

Он ей не мил; она сдвигает брови.

К л а р е н с

(тихо, Глостеру)

Глупее не ухаживал никто.

К о р о л ь   Э д у а р д

В ее глазах проглядывает скромность,
В ее речах ум виден несравненный.
Все совершенства в ней достойны власти;
Так иль иначе — стоит короля:
Быть ей любовницей иль королевой.

(Громко.)

Что если бы король тебя взял в жены?

Л е д и   Г р е й

Сказать вам легче, государь, чем сделать.
Я ваша подданная, и гожусь
Вам для забавы я, но не в супруги.

К о р о л ь   Э д у а р д

Прелестная вдова, клянусь короной,
Сказал я то, что в мыслях у меня.
Желанно мне лишь обладать тобой.

Л е д и   Г р е й

Что вам желанно — не могу исполнить.
Для королевы слишком я ничтожна
И слишком для наложницы честна.

К о р о л ь   Э д у а р д

Ты не лукавь! Сказал я: королева.

Л е д и   Г р е й

Вам неприятно будет, государь,
Когда мой сын вас назовет отцом.

Король Эдуард

Не более, чем если дочь моя
Своею матерью вас назовет.
Вдова ты и троих детей имеешь;
Хоть холост я, — клянусь святою девою, —
Я все ж детей имею; это счастье —
Быть многих сыновей отцом. Ни слова
Не возражай; ты будешь королевой.

Глостер
(*тихо, Кларенсу*)

Окончил исповедь отец духовный.

Кларенс
(*тихо, Глостеру*)

Была она уловкою любовной.

Король Эдуард
(*Глостеру и Кларенсу*)

Дивитесь вы, о чем наш разговор?

Глостер
Он не по вкусу ей: она грустна.

Король Эдуард
Вас поразит, что я ее сосватал?

Кларенс
Кому, король?

Король Эдуард
Да самому себе.

Глостер
То было бы десятидневным чудом.

Кларенс
Днем дольше, чем пристало длиться чуду.

Глостер
Зато уж чудо будет чрезвычайным.

Король Эдуард

Ну что ж, шутите, братья. Говорю вам:
Я возвращаю ей владенья мужа.

Входит дворянин.

Дворянин

Мой государь, захвачен враг ваш Генрих
И, пленный, приведен к воротам замка.

Король Эдуард

Немедленно его отправить в Тауэр.—
К поймавшему его пойдите, братья;
Расспросим, как он захватил его.

(К леди Грей.)

Идем.— Почет ей окажите, лорды.

Уходят все, кроме Глостера.

Глостер

Да, женщинам Эдвард почет окажет!
О, если бы все силы, кровь и мозг
Он истощил, чтоб не произошло
Вовек от чресл его надежной ветви,
Которая могла бы мне пресечь
К золотому дню желанную дорогу!
Все ж между мною и желаньем сердца,—
Коль даже сгинет линия прямая
Распутного Эдварда,— встанет Кларенс,
Иль Генрих с юным сыном Эдуардом:
Они со всем потомством их незванным
Займут места, пред тем как сяду я.
И это сгубит замыслы мои!
Что ж, должен только грезить я о власти,
Как человек, стоящий на мысу,
С тоскою смотрит на далекий берег,
Куда хотелось бы ему ступить,—
Мечтает он, чтоб шаг поспел за взором,
Бранит он море, что препоной служит,
И говорит: «Всю б вычерпал я воду,
Чтобы свой путь по суше совершить»,—
Так я мечтаю о венце далеком,
Так все браню, что на пути стоит,
Так говорю: «Все сокрушу преграды»
И льшу себя несбыточной надеждой.

Взор слишком быстр, и сердце слишком дерзко:
Руке и силе не поспеть за ними.
Но если Ричард не получит царства,—
Каких ему ждать радостей от мира?
Найду ль блаженство я в объятьях женских
И наряжусь ли в яркие одежды —
Пленять красавиц взором и речами?
О жалкая мечта! Ее достигнуть
Трудней, чем двадцать обрести корон.
Я в чреве матери любовью проклят:
Чтоб мне не знать ее законов нежных,
Она природу подкупила взяткой,
И та свела, как прут сухой, мне руку,
И на спину мне взгромодила гору,
Где, надо мной глумясь, сидит уродство;
И ноги сделала длины неравной;
Всем членам придала несоразмерность:
Стал я, как хаос иль как медвежонок,
Что матерью своею не облизан
И не воспринял образа ее.
Таков ли я, чтобы меня любили?
О, дикий бред — питать такую мысль!
Но раз иной нет радости мне в мире,
Как притеснять, повелевать, царить
Над теми, кто красивее меня,—
Пусть о венце мечта мне будет небом.
Всю жизнь мне будет мир казаться адом,
Пока над этим туловищем гадким
Не увенчает голову корона.
И все ж не знаю, как стяжать корону.
Стоят меж мной и тронм много жизней.
Как заблудившийся в лесу терновом,
Что рвет шипы и сам изорван ими,
Путь ищет и сбивается с пути,
Не зная, как пробиться на простор,
Но вырваться отчаянно стремясь,—
Так мучусь я, чтоб захватить корону;
И я от этих лютых мук избавлюсь,
Расчистив путь кровавым топором.
Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать: «Я рад!» — когда на сердце скорбь.
И увлажнять слезой притворной щеки
И принимать любое выраженье.
Людей сгублю я больше, чем сирена,
И больше их убью, чем василиск;

Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
Обманывать хитрее, чем Улисс,
И как Синоп, возьму вторую Трою;
Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрой Протейя облики сменяя,
В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венца не получу?
Будь вдвое дальше он, его схвачу.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Франция. Покой в королевском дворце.

Трубы.

Входят Людовик, король французский, и принцесса Бона со свитой; король садится на трон. Затем входят королева Маргарита, принц Уэльский и граф Оксфорд.

Король Людовик

Достойнейшая королева, с нами
Сядь рядом: сан и род не позволяют
Тебе стоять, когда сидит Людовик.

Королева Маргарита

Нет, государь могучий, Маргарита
Должна спустить свой парус и смириться,
Когда приказывают короли.
Да, признаюсь, в дни золотые, прежде,
Была я королевой Альбиона;
Но попораны мои права злосчастьем,
И я повержена позором в прах,
Где я должна покорно пребывать,
Мирясь с моим убогим положеньем.

Король Людовик

Что вызвало отчаянье такое?

Королева Маргарита

То, что мой взор наполнило слезами,
Сковало речь, сдавило скорбью грудь.

Король Людовик

Что б ни было, собою оставайся.

(Усаживает ее рядом с собой.)

Садись со мной и под ярмо Фортуны
Ты шею не склоняй, но пусть твой дух
Над всеми бедами восторжествует.
Поведай нам печаль, что сердце гложет,
И королеве Франция поможет.

Королева Маргарита
Твои слова живут мой дух упавший
И онемевшей скорби речь дают.
Да будет же Людовику известно,
Что Генрих, мой возлюбленный супруг,
Не государь уж больше, а изгнанник;
В Шотландии, отверженец, живет он,
Меж тем как гордый герцог Йорк, Эдвард,
Себе присвоил титул и престол
Помазанника, Англии монарха.
Вот почему в беде я, Маргарита,
И Эдуард, последний Генриха, мой сын,
Просить пришли твоей защиты правой.
Коль ты отвергнешь нас, нам нет надежды.
Шотландцы рады б, да помочь не в силах;
Совращены с пути народ и пары;
Захвачена казна, войска бежали —
И мы, как видишь, в тягостной печали.

Король Людовик
О королева славная! Терпенье!
Рассудим мы, как бурю укротить.

Королева Маргарита
Чем дольше ждать, тем враг сильнее станет.

Король Людовик
Чем дольше жду, тем больше помогу.

Королева Маргарита
О! Нетерпенье — спутник тяжелой скорби.
А вот идет виновник нашей скорби.

Входит Уоррик.

Король Людовик
Кто он, что смело так подходит к трону?

Королева Маргарита
То граф наш Уоррик, друг лучший Эдуарда.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Привет, отважный Уорик! С чем ты прибыл?

(Сходит с трона.)

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

(встает)

Вот поднимается вторая буря;
Ведь правит он ветрами и приливом.

У о р и к

От короля английского Эдварда,
Владыки моего и государя
И преданного друга твоего,
Я прихожу с любовью непритворной —
Сперва приветствовать тебя, король,
Затем искать с тобой союза дружбы
И, наконец, скрепить меж вами дружбу
Супружескими узами, коль ты
Благоволишь отдать свою сестру,
Принцессу добродетельную Бону,
В законные супруги Эдуарду.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

(в сторону)

Когда свершится это — все пропало.

У о р и к

(Боне)

Прелестная принцесса, королем
Поручено мне, с вашего согласия,
Поцеловать смиренно руку вам
И рассказать о страсти властелина.
Молва о вас его достигла слуха
И поселила в сердце образ нежный.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Король Людовик и принцесса Бона,
Пред тем, как Уорику ответить, дайте
Сказать мне. Просьба та порождена
Не честною любовью Эдуарда,
Но хитростью, внушенною нуждой.
Как мирно управлять тирану дома,
Когда союзов нет в чужих краях?
Что он тиран — вам ясно из того,

Что Генрих жив; а если б он и умер,
Вот принц Эдвард стоит, его наследник.
Смотри ж, Людовик, на себя союзом
Не навлеки позора и беды.
Хотя захватчик временно и правит,
Но праведное небо устранил
Неправду.

У о р и к

Дерзостная Маргарита!

П р и н ц У э л ь с к и й

Зачем не говоришь ты — «королева»?

У о р и к

Затем, что Генрих, твой отец, захватчик;
Как ты — не принц, она — не королева.

О к с ф о р д

Тогда отвергнут Уориком Джон Гант,
Испании завоеватель славный,
А также сын его — Четвертый Генрих,
Чья мудрость зеркалом была мудрейшим,
А вслед за ним отважный Генрих Пятый,
Что нам всю Францию завоевал.
От них свой род ведет король наш Генрих.

У о р и к

Но что ж ты в плавной речи не сказал,
Как с Генрихом Шестым мы потеряли
Все, что завоевал нам Генрих Пятый?
Смешно французским парам это слушать.
К тому ж ты говоришь о родословной,
Что шестьдесят два года лишь объемлет,—
Ничтожный срок для прав на королевство.

О к с ф о р д

Как! Говоришь ты против государя,
Которому лет сорок прослужил,—
И краска щек не обличит измену?

У о р и к

Как! Оксфорд, что всегда стоял за правду,
Щит делает для лжи из родословной?
Стыдись! Брось Генриха, признай же Эдуарда.

О к с ф о р д

Признать того, чьим лютым приговором
Мой старший брѣт, лорд Обри Вир, казнен?
Но мало этого — казнен отец мой,
Уже на склоне лет, когда природа
Его к воротам смерти подводила!
Нет, Уорик, нет. Пока в руке есть сила,
Моя рука Ланкастеров поддержит.

У о р и к

А я — дом Йорка.

К о р о л ь Л ю д о в и к

Прошу вас, королева Маргарита,
Принц Эдуард и Оксфорд, отойдите,
Пока веду я с Уориком беседу.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

(в сторону)

Дай бог, чтоб он не обольстил монарха!
(Отходит в сторону с принцем Уэльским и Оксфордом.)

К о р о л ь Л ю д о в и к

Ну, Уорик, мне по совести скажи,
Что Эдуард законный ли король? Претит мне
В союз вступать с захватчиком престола.

У о р и к

Ручаюсь именем своим и честью.

К о р о л ь Л ю д о в и к

Но мил ли он английскому народу?

У о р и к

Тем больше мил, что Генрих был несчастлив.

К о р о л ь Л ю д о в и к

Затем, притворство отложив, по правде
Поведай мне, насколько любит он
Мою сестру?

У о р и к

Так любит, государь,
Как подобает славному монарху.

Сам слышал много раз я, как он клялся,
Что страсть его — бессмертное растение,
Чей корень добродетели питают,
Плоды и листья — солнце красоты.
Его страшит не злоба — лишь презренье,
Пока в нем Бона не уймет мученья.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Теперь скажи, сестра, как ты решила.

Б о н а

Решенье ваше будет и моим.

(Уорик.)

Но, признаюсь, когда мне приходилось
О доблести его рассказы слушать,
Мой слух к нему располагал и сердце.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Так я отдам сестру за Эдуарда.
Мы тотчас договор составим, Уорик,
О том, что за женой король запишет,
Чтобы приданое уравновесить.—
Приблизься, королева Маргарита;
Свидетельницей будешь ты, что Бону
Берет в супруги английский король.

П р и н ц   У э л ь с к и й

Нет, не король, а просто Эдуард.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Лукавый Уорик! Ты союз придумал,
Расстроивший ходатайство мое.
Людвик раньше Генриху был другом!

К о р о л ь   Л ю д о в и к ,

И остаюсь по-прежнему вам другом,
Но коль слабы у вас права на трон,
Как видно из успехов Эдуарда,
То я могу, конечно, быть свободным
От обещанья оказать вам помощь,
Хоть от меня получите вы все,
Что сан ваш требует и мой дать в силах.

У о р и к

В Шотландии живет спокойно Генрих:
Там, никаких владений не имея,
Он ничего не может потерять.
А что до вас, бывшая королева,
То ваш отец пускай содержит вас.
Его бы вам, не Францию тревожить.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Молчи, молчи. бесстыдный, наглый Уорик,
Создатель и губитель королей!
Я до тех пор не удалюсь отсюда,
Пока слезами и правдивой речью
Не обличу твой замысел коварный
И Эдуарда лживую любовь:
Вы оба с ним — одной породы птицы.

За сцепой звук рожка.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

(Уорик)

Посланье это к нам или к тебе.

Входит гонец.

Г о н е ц

Милорд посол, привез я вам письмо
От брата, от маркиза Монтегю.

(Королю Людовику.)

А это вам, король, от государя.

(Королеве Маргарите.)

И вам, миледи, от кого — не знаю.

Все читают письма.

О к с ф о р д

Я рад, что королева улыбнулась,
Меж тем как Уорик гневно хмурит брови.

П р и н ц   У э л ь с к и й

Ногой Людовик топнул, словно в гневе;
Все к лучшему, надеюсь.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Какие вести, Уорик? Королева?

Королева Маргарита
Мои неожиданную дарят мне радость.

Уорик

Мои несут печаль и недовольство.

Король Людовик

Как! Ваш король на леди Грей женился
И, чтоб загладить свой и ваш обман,
Мне шлет письмо, стараясь успокоить!
Такого ль ищет с нами он союза?
Как он посмел над нами так глумиться?

Королева Маргарита

Я, государь, предупреждала вас:
Вот честность Уорика, любовь Эдварда!

Уорик

Король Людовик, я клянусь вам небом,
Надеждою на вечное спасенье,
В его поступке невиновен я.
Он не король мне, раз меня бесчестит;
Себя же самого срамит он больше,
Когда свой срам способен сознавать!
Иль я забыл, что ради дома Йорков
Отец безвременную принял смерть?
Иль я простил племянницы обиду?
Иль не возвел его я на престол?
Иль не лишил я Генриха короны?
И вот, за все я награжден позором!
Позор — ему; лишь чести я достоин.
Чтоб честь восстановить, что с ним утратил,
Его отвергну, к Генриху вернусь.—
О, королева славная, забудь
Вражду былую нашу — и отныне
Я буду преданным твоим слугой.
Я отомщу за оскорбление Боны
И Генриху верну его престол.

Королева Маргарита

Своею речью, Уорик, обратил
Ты ненависть мою в любовь. Прощаю
И забываю прежние проступки,
Я рада, что ты Генриху стал другом.

У о р и к

Таким правдивым другом, верным другом,
Что, если нам благоволит Людовик
Дать небольшой отряд солдат отборных,
Я с ними высажусь на берег наш
И силою тирана низложу.
Не у жены себе найдет он помощь;
А что до Кларенса,— как пишут мне,—
Готов от брата он отпасть за то,
Что из-за похоти женился Эдуард,
Не ради чести или укрепления
И безопасности родной страны.

Б о н а

Брат милый, чем за Бону отомстишь ты,
Коль не придешь на помощь королеве?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Король преславный, что постигнет мужа,
Коль ты его от скорби не избавишь?

Б о н а

Оскорблена я вместе с королевой.

У о р и к

И с вами я, прекрасная принцесса.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

И я с тобою, с ней и с Маргаритой.
Поэтому решился твердо я
Вам помощь оказать.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

За всех тебя благодарю смиренно.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Посол английский, возвратись поспешно
И лживому Эдварду передай,
Монарху мнимому, что посылает
Король Людовик ряженных к нему,
Чтобы его потешить с новобрачной.
Что видел здесь, ему на страх поведай.

Б о н а

Скажи, что ивовый венок надену
В надежде, что он скоро овдовеет.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Скажи ему, что траур мой окончен,
И облекусь кольчугой боевой.

У о р и к

Скажи, что им я тяжко оскорблен,
И скоро мной низложен будет он.
Возьми награду и ступай.

Г о л е ц уходит.

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Вы, Уорик,

И Оксфорд, с пятитысячным отрядом
Переплывете море и дадите
Сражение коварному Эдварду;
А в случае нужды к вам королева
И принц с подмогой свежою придут.
Но прежде чем уйдешь, реши сомненье:
Какой дашь верности залог надежный?

У о р и к

Вот верности моей залог неложный.

(Королеве Маргарите.)

Коль вам угодно, с принцем неотложно
Дочь старшую мою, отраду жизни,
Свяжу с ним узами святыми брака.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Согласна я и вас благодарю.—
Эдвард, она прекрасна и чиста,—
Так Уорику подай немедленно руку
И принеси обет ненарушимый,
Что лишь она твоей супругой станет.

П р и н ц   У э л ь с к и й

Беру ее,— она того достойна,—
И руку подаю, скрепляя клятву.

(Протягивает руку Уорику.)

К о р о л ь   Л ю д о в и к

Чего мы ждем? Собрать скорей войска! —
Великий адмирал, Бурбонский герцог,
Их переправь на наших кораблях.
Пускай же Эдуард лишится трона
За то, что посмеялся он над Бонной.

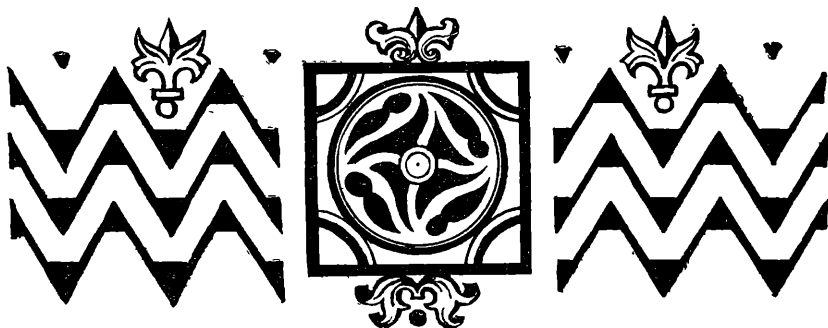
Уходят все, кроме Уорика.

У о р и к

Я прибыл как посланник Эдуарда,
Но возвращусь врагом его заклтым.
Устроить брак он дал мне порученье,
Но страшная война ответом будет.
Из всех меня посмешищем избрал он, —
И вгонит в скорбь его никто, как я.
Я Эдуарда посадил на трон
И я же с трона низведу его.
Не то, чтоб Генрих сразу стал мне мил,
Но Эдуарду отомстить решил.

(Уходит.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Лондон. Покой во дворце.

Входят Глостер, Кларенс, Сомерсет и Монтегью.

Г л о с т е р

Скажи мне, брат мой Кларенс, как ты смотришь
На этот брак Эдварда с леди Грей?
Не сделал ли наш брат достойный выбор?

К л а р е н с

Ах, далеко до Франции отсюда!
И разве мог он, Уорика дожждаться?

С о м е р с е т

Милорды, смолкните, король идет.

Г л о с т е р

А с ним — достойная его супруга.

К л а р е н с

Я откровенно все ему скажу.

Трубы.

Входят король Эдуард со свитой, леди Грей в королевском
уборе, Пембрук, Стеффорд, Хестингс и другие.

Король Эдуард

Брат Кларенс, как находишь ты наш выбор?
Задумчив ты и словно недоволен.

Кларенс

Не больше, чем Людовик и граф Уорик;
Они так слабы духом и рассудком,
Что не разгневаются за обиду.

Король Эдуард

Пускай их гnevаются без причины;
То Уорик и Людовик, я же — Эдуард,
И вам и Уорику король законный;
И поступать могу, как мне угодно.

Глостер

Да, можете, поскольку вы король;
Но редко браки спешные удачны.

Король Эдуард

И вы, брат Ричард, тоже недовольны?

Глостер

О, нет!
Избави бог, чтоб разлучить желал я,
Что сочетал господь, и было б жаль
Такую пару дружную разнять.

Король Эдуард

Отбросив и насмешки и досаду,
Скажите, отчего бы леди Грей
Не быть моей женой и королевой?
И вы, лорд Сомерсет и Монтегью,
Скажите ваше мнение.

Кларенс

Вот мнение мое: король Людовик
Врагом вам станет, потому что вы
Над ним, посватав Бону, насмеялись.

Глостер

И, выполняя ваше порученье,
Граф Уорик вашим браком опозорен.

Король Эдуард

Что если средство я изобрету
Людовика и Уорика смягчить?

Монтегью

Все ж с Францией союз посредством брака
Прочнее укрепил бы государство
От внешних бурь, чем брак внутри страны.

Хестингс

Иль ты забыл, мой добрый Монтегью,
Что нашей Англии никто не страшен,
Покуда Англия себе верна?

Монтегью

А все ж надежней с Францией союз.

Хестингс

Но Францией воспользоваться лучше,
Чем доверяться ей. Пускай нам будут
Опорой бог и бурные моря,
Что дал он нам защитой нерушимой.
В них, в нас самих — вся безопасность наша.

Кларенс

Лорд Хестингс заслужил своею речью
Наследницу взять лорда Хенгерфорда.

Король Эдуард

В чем дело? Так хотим мы, так решили.
На этот раз закон вам — наша воля.

Глостер

И все ж вы, думается, государь,
Напрасно отдали дочь лорда Скелса
За брата вашей любящей жены.
Она бы мне иль Кларенсу годилась;
Вы жертвуете братьями супруге.

Кларенс

Иначе бы наследницу Бонвиля
Не отдали вы сыну леди Грей,
Оставив братьев снова ни при чем.

Король Эдуард

Ах, бедный Кларенс! Ты из-за невесты
Разгневался! Найду тебе супругу.

Кларенс

Вы показали выбором свой разум;
Он легковесен. Разрешите мне
Быть самому ходатаем своим.
Для этого я вскоре вас покину.

Король Эдуард

Покинь или оставайся, я — король
И волей брата своего не связан.

Королева Елизавета

Милорды, перед тем, как соизволил
Наш государь меня в супруги взять, —
Должны по справедливости признать вы, —
Я низкого рожденья не была.
Бывали хуже родом королевы!
Насколько этот сан почет приносит
Мне и моим, пастолько ж неприязнь
Всех вас, кому я угодить желала б,
Мое блаженство скорбью омрачает.

Король Эдуард

Любовь моя, не лъсти их недовольству.
Какая скорбь, опасности какие
Тебе грозят, пока Эдвард — твой друг,
А также их законный государь,
Которому должны все подчиняться?
И подчинятся и тебя полюбят,
Когда не захотят навлечь мой гнев!
А коль дерзнут, — я охраню тебя
И кару гневную на них обрушу.

Глостер

(в сторону)

Я слушаю, молчу и размышляю.

Входит гонец.

Король Эдуард

Гонец, какие письма или вести
Из Франции?

Г о н е ц

Нет писем, государь, и мало слов,
Но таковы они, что их сказать
Без позволения вашего не смею..

К о р о л ь Э д у а р д

Мы разрешаем: вкратце передай
Слова их; постарайся все припомнить.
Что на письмо Людовик отвечает? '

Г о н е ц

Он отпустил меня с такою речью:
«Ты лживому Эдварду передай,
Монарху мнимому, что посылает
Король Людовик ряженных к нему,
Чтобы его потешить с новобрачной».

К о р о л ь Э д у а р д

Какой храбрец! Он думает, я Генрих?
А что принцесса Бона говорит?

Г о н е ц

Промолвила она с презреньем тихим:
«Скажи, что ивовый венок надену
В надежде, что он скоро овдовеет».

К о р о л ь Э д у а р д

Я не браню ее; того и ждал я:
Она в обиде. Ну, а Маргарита
Что говорит? Слышал я, там она.

Г о н е ц

«Скажи ему, что траур мой окончен
И облекусь кольчугой боевой».

К о р о л ь Э д у а р д

Решила амазонкой стать лихой!
Но что сказал на оскорбление Уорик?

Г о н е ц

Он разъярился больше всех, король мой;
С такою речью отпустил меня:
«Скажи, что им я тяжко оскорблен,
И скоро мной низложен будет он».

Король Эдуард

Как! Смел так дерзко говорить изменник?
Что ж, я вооружусь: предупрежден я.
Войной они поплатятся за наглость.
А что, граф Уорик дружен с Маргаритой?

Гонец

Так дружен, государь, что принц Эдвард
Решил на дочери его жениться.

Кларенс

На старшей, верно. Младшая — за мной.—
Прощайте ж, брат король, держитесь крепче.
Дочь Уорика вторую взять спешу.
Хоть я и не владею королевством,
Все ж в браке ниже вас не окажусь.—
Кто друг и мне и Уорику, за мной!
(Уходит, за ним Сомерсет.)

Глостер *(в сторону)*

Не я.
Я выше мечу, потому останусь:
Не из любви к Эдварду — для короны.

Король Эдуард

За Уорика — и Сомерсет и Кларенс!
Что ж, к худшему теперь я подготовлен.
Но в крайности такой нужна поспешность.—
Пембрук и Стефффорд, именем моим
Войска сберите и к войне готовьтесь;
Враги уж здесь иль высадятся скоро.
Я сам тотчас последую за вами.

Пембрук и Стефффорд уходят.

Но прежде чем уйду отсюда, Хестингс
И Монтегью, сомнение разрешите.
Вы двое и по крови и по дружбе
Всех ближе к Уорику. Скажите мне,
Кто вам дороже: Уорик или я?
Коль он — к нему ступайте. Предпочту
Двух недругов я двум друзьям непрочным.
Но если сохранить хотите верность,
Меня уверьте дружескою клятвой,
Чтоб не держал на подозренье вас.

Монтегью

Бог в помощь Монтегью, коль будет вереп!

Хестингс

И Хестингсу, коль вам послужит он!

Король Эдуард

А вы, брат Ричард, будете за нас?

Глостер

Всем вопреки, кто против вас пойдет.

Король Эдуард

Коль так, вполне уверен я в победе.
Скорее в путь! Ни часу не терять,
Пока не встретим в поле вражью рать.

Уходят.

СЦЕНА 2

Равнина в Уорикшире.

Входят Уорик и Оксфорд с французскими войсками.

Уорик

Милорд, поверьте, все идет прекрасно,
Простой народ к нам толпами стремится.

Входят Кларенс и Сомерсет.

Вот Сомерсет и Кларенс к нам идут!
Скорей ответьте, лорды, мы друзья?

Кларенс

Не сомневайтесь в том.

Уорик

Тогда привет тебе, любезный Кларенс.—
И вам, лорд Сомерсет.— Я был бы трусом,
Не веря тем, чье доблестное сердце
Мне руку подает залогом дружбы.
Иначе я подумал бы, что Кларенс,
Брат Эдуарда, мнимый наш сторонник.—
Прими привет; я дочь тебе отдам.

Но почему теперь, во мраке ночи,
Когда твой брат раскинул стан беспечно,
По городам рассыпались солдаты
И слабою лишь стражей он храним,—
Не захватить бы нам его врасплох?
Разведчики находят дело легким
И как Улисс и храбрый Диомед,
С отвагою и хитростью прокравшись
К палаткам Реза, вывели оттуда
Фракийских роковых коней,— так мы,
Скрытые покровом черным ночи,
Сразив неожиданно стражу Эдуарда,
Его захватим; не скажу — убьем,
Затем что я лишь взять его намерен.—
Вы, что ко мне примкнете в этом деле,
Все имя Генриха провозгласите
Вслед за своим вождем.

Все кричат: «Генрих!»

Итак, мы молча
Все двинемся вперед. Святой Георгий
За Уорика и за его друзей!

Уходят.

СЦЕНА 3

Лагерь Эдуарда близ Уорикшира.

Входят несколько часовых для охраны королевской палатки.

Первый часовой

Ступайте каждый к своему посту:
Король уселся уж и спать собрался.

Второй часовой

Как? Разве он не ляжет?

Первый часовой

Ну, нет: он дал торжественный обет,
Что он не будет почивать в постели,
Покуда Уорик не падет или он.

Второй часовой

Наверно, завтра будет этот день,
Коль верен слух, что Уорик недалеко.

Первый часовой

Но кто, скажите, этот знатный лорд,
Что с королем в шатре его остался?

Второй часовой

То Хестинге, короля ближайший друг.

Третий часовой

Вот как! Но почему велел король,
Чтоб в городах стояли полководцы,
А сам на холоду ночует в поле?

Второй часовой

Тем больше чести, что опасно это.

Третий часовой

Ах, дайте только мне покой с почетом!
Они милее мне опасной чести.
Знай Уорик, как у нас все обстоит,
Пожалуй, Эдуарда разбудил бы он.

Первый часовой

Мы алебардами закроем путь.

Второй часовой

Ну да! Затем шатер и караулим,
Чтоб от ночных врагов его хранить.

**Входят Уорик, Кларенс, Оксфорд и Сомерсет с отрядом
французских солдат.**

Уорик

Смотрите, вот шатер; а вот и стража.
Смелей, друзья! Теперь иль никогда
Стягаем честь. И Эдуарда схватим.

Первый часовой

Кто там?

Второй часовой

Стой — иль умрешь!

**Уорик и остальные с криком: «Уорик! Уорик!» — бросаются на стражу,
которая бежит, крича: «К оружию! К оружию!» Уорик и остальные
преследуют их.**

Барабанный бой и трубы.

**Возвращаются Уорик, Сомерсет и другие, неся короля Эдуарда,
сидящего в ночной одежде на кресле.
Глостер и Хестингс убегают.**

Сомерсет

Кто эти, что бегут?

Уорик

Ричард и Хестингс. Пусть их. Вот сам герцог.

Король Эдуард

Как — герцог? Уорик, ты, со мной прощаясь,
Звал королем меня!

Уорик

Все изменилось.

Когда во мне посла вы оскорбили,
Я сана королевского лишил вас;
Отныне будете вы герцог Йорк.
Увы! Где управлять вам королевством,
Не зная, как держать себя с послами,
Как быть довольным лишь одной супругой,
Как с братьями вести себя по-братски,
И как заботиться о благе края,
И как обороняться от врагов?

Король Эдуард

Как! Ты, брат Кларенс, тоже с ними здесь?
Да, вижу я, что должен пасть Эдвард! —
Что ж, Уорик, вопреки моим невздам,
Тебе и всем сообщникам твоим, —
Эдвард держаться будет королем.
Хоть свергнут с трона я Фортуной злобной,
Душа сильнее колеса ее.

Уорик

Так будь в душе английским королем.

(Снимает с его головы корону.)

Носить венец английский будет Генрих:
Он будет королем, а ты — лишь тенью. —
Лорд Сомерсет, прошу вас, позаботьтесь,
Чтоб герцог Эдуард препровожден был
В тот замок, где живет епископ Йоркский,
Мой брат. Когда я с Пембруком сражусь,
Прибеду к вам и расскажу подробно,
Какой ответ Людовик с Боной дали.
Пока прощайте, добрый герцог Йорк.

Король Эдуард

Смириться должно пред судьбы веленьем;
Борьба напрасна с ветром и теченьем.

Король Эдуард под стражей и Сомерсет уходит.

Оксфорд

Что остается, лорды, сделать нам,
Как не направиться с войсками в Лондон?

Уорик

Да, первое, что надо сделать нам,—
Из плена Генриха освободить
И возвести на королевский трон.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Покой во дворце.

Входят королева Елизавета   Риверс.

Риверс

Что, государыня, вас омрачило
Внезапно?

Королева Елизавета

Как! Брат Риверс, не слышали
Вы о беде, постигшей Эдуарда?

Риверс

Что? Много войск он потерял в сраженье?

Королева Елизавета

Нет, самого себя он потерял.

Риверс

Так государь убит?

Королева Елизавета

Почти убит, раз в плен он взят врагами.
Иль изменившей стражей был он предан,
Иль неприятелем врасплох захвачен;
И, как мне удалось потом узнать,

Его епископ Йоркский стережет,
Брат Уорика и потому наш враг.

Р и в е р с

Признаться должен, эта вестъ печальна;
Но пусть ваш дух беда не сокрушит:
Ведь победитель может быть разбит.

К о р о л е в а   Е л и з а в е т а

Надежда эта сердце мне живет.
А я отчаиваться не должна
Из нежности к плоду любви Эдварда,
Что я ношу под сердцем; это даст
Мне силы обуздать порывы скорби
И с кротостью нести страданий крест
Да, через силу я глотаю слезы
И вздохи, кровь сосущие, глушу,
Чтоб эту жизнь во мне не угасить,
Наследника в слезах не утопить.

Р и в е р с

Но с Уориком что случилось, королева?

К о р о л е в а   Е л и з а в е т а

Как мне известно, он идет на Лондон,
Чтоб вновь корону Генриху вернуть.
Что дальше — догадайтесь: пасть должны
Друзья Эдварда. Но чтоб отвратить
Кровавое пасилие тирана
(Тому не верь, кто клятве изменил!),
Скорей в святилище я удалюсь,
Спасая хоть наследника Эдварда;
Там скроюсь от насилия и коварства.
Итак, пойдем; бежим со мной тотчас.
Спасенья нет, коль Уорик схватит нас.

Уходят.

С Ц Е Н А   5

Парк близ замка Мидлхема в Йоркшире.

Входят Глостер, Хестингс, сэр Вильям Стенли и другие.

Г л о с т е р

Теперь, лорд Хестингс и сэр Вильям Стенли,
Не удивляйтесь больше, что я вас

Привел сюда, в глухое место парка.
Вот дело в чем. Наш государь, мой брат,
В плену здесь, у епископа, который
С ним хорошо обходится и даже
Ни в чем его свободы не стесняет.
Нередко под надзором слабым брат
Себя охотой в парке развлекает,
И тайно я уведомил его,
Чтоб в это время дня сюда пришел он,
Как на обычную охоту. Здесь он
Найдет друзей с конями и людьми,
Готовых выволить его из плена.

Входят король Эдуард и егерь.

Егерь

Сюда, милорд; там притаилась дичь.

Король Эдуард

Нет, друг, пойдем к охотникам вот этим.—
Ну, Глостер, Хестингс, вы сюда явились
Оленя у епископа украсть?

Глостер

Брат, торопись, опасно промедленье;
Твой конь стоит там за оградой парка.

Король Эдуард

Куда же мы поедем?

Хестингс

В Линн, государь; во Фландрию оттуда.

Глостер

Отличный план, поверь; я то же думал.

Король Эдуард

Я награжу тебя за рвенье, Стенли.

Глостер

Чего мы ждем? Не время рассуждать.

Король Эдуард

Ну, егерь, что ты скажешь? Хочешь с нами?

Егеръ

Придется, а не то меня повесят.

Глостер

Идемте же; довольно толковать.

Король Эдуард

Прощай, епископ. Уорик разъярится:

Молись о том, чтоб вновь мне воцариться.

Уходят.

СЦЕНА 6

Комната в Тауэре.

Входят король Генрих, Кларенс, Уорик, Сомерсет, молодой Ричмонд, Оксфорд, Монтегью и комендант Тауэра.

Король Генрих

Ну, комендант, теперь, когда друзья

И бог с престола свергли Эдуарда,

Мой плен опять в свободу обратили,

Мой страх — в надежду и печали — в радость.—

Чем при уходе наградить тебя?

Комендант

Не смеют подданные ничего

У властелина требовать; но если

Дозволена смиренная мольба,

Я, государь, у вас прошу прощенья.

Король Генрих

В чем, комендант? Что ты со мной был добр?

Верь, награжу я доброту твою,

Что заточенье сделала отрадой,—

Отрадою, какую птица в клетке

Испытывает после долгой грусти,

Когда, предавшись пению, она

Забудет, что свободы лишена.—

Ты, Уорик, волей божьей спас меня:

Тебе и богу благодарен я;

Он был причиной, ты— его орудьем.

И вот, чтоб отвратить Фортуны зависть,

Я стану скромно жить в уединенье,

И чтоб народ страны благословенной
От звезд моих зловредных не страдал,—
Хоть на челе моем корона, Уорик,
Я управление тебе вручаю,
Затем что ты во всех делах удачлив.

У о р и к

Вас славили всегда за добродетель.
Теперь и мудрость вы и добродетель
Являете, стремясь Фортуны зависть
Предотвратить. Немногим лишь дано
Со звездами своими быть в ладу.
В одном, король, вы все же неправы:
При Кларенсе меня избрали вы.

К л а р е н с

Нет, Уорик, ты вполне достоин власти:
Ведь при рождение присудило небо
Тебе оливы ветвь с венцом лавровым,
Благословив равно в войне и в мире;
И я тебе охотно уступаю.

У о р и к

А я хочу, чтоб Кларенс был протектор.

К о р о л ь   Г е н р и х

Кларенс и Уорик, дайте руки мне.
Соедините руки и сердца,
Чтобы раздор правленью не мешал:
Вы будете протекторами оба.
А я в уединенье, на покое
Остаток дней молитвам посвящу
И буду каяться в своих грехах,
Хвалы творцу смиренно воздавая.

У о р и к

Что Кларенс повелителю ответит?

К л а р е н с

Что он согласен, коль согласен Уорик:
Я полагаюсь на твою удачу.

У о р и к

Что ж, соглашусь и я, хоть поневоле.
Как тень двойная Генриха, впряжусь

В одно ярмо, чтоб заместить его,—
Я разумею тягости правленья.
Покой и почести ему оставим.
Ну, Кларенс, нам теперь необходимо,
Изменником Эдварда объявив,
Конфисковать имущество и земли.

Кларенс

А что еще? Определить наследство.

Уорик

Да, Кларенс в нем свою получит долю.

Король Генрих

По прежде всех важнейших ваших дел
Прошу — я не приказываю больше —
Послать за королевой и за сыном
Во Францию и спешно их вернуть.
Пока их не увижу, — страх, сомненья
Свободы радость омрачают мне.

Кларенс

Исполним тотчас это, государь.

Король Генрих

Кто этот юноша, лорд Сомерсет,
Которого храните вы так нежно?

Сомерсет

Мой государь, то молодой граф Ричмонд.

Король Генрих

Ко мне приблизься, Англии надежда.

(Кладет руку ему на голову.)

Коль силы тайные вещают правду
Пророческому духу моему,
Красивый этот мальчик принесет
Благословение родной стране.
В его чертах — спокойное величье,
И создано чело носить корону,
Рука державой править; суждено
Ему со временем престол украсить.
Его, милорды, чтите: он рожден
Исправить вред, что мною причинен.
Входит голец.

Король Генрих

Какие вести, друг?

Гонец

От брата вашего бежал Эдвард;
Потом в Бургундию, как слышно, скрылся.

Уорик

Весть горькая! Но как же он бежал?

Гонец

Он братом Глостером был увезен
И Хестингсом, что на опушке парка,
В засаде притаись, Эдварда ждали
И вырвали его у егерей:
Он ежедневно тешился охотой.

Уорик

Мой брат небрежно исполнял свой долг.—
Что ж, государь, пойдем держать совет,
Как средство нам найти от всяких бед.

Уходят все, кроме Сомерсета, Ричмонда и Оксфорда.

Сомерсет

Милорд, не нравится мне бегство это:
В Бургундии помогут Эдуарду,
И вскоре будет новая война.
Насколько предсказанье короля
Порадовало сердце мне надеждой
На молодого Ричмонда,— настолько ж
Тревожит грудь предчувствие невзгод,
Что в будущем ему и нам грозят.
Итак, лорд Оксфорд, чтобы зла избежать
Скорей отправим юношу в Бретань,
Пока гражданская не минет брань.

Оксфорд

Да, коль Эдвард опять взойдет на трон,
Погибнуть юный Ричмонд обречен.

Сомерсет

Пусть будет так; ему в Бретани жить.
Идемте, лорды: надо нам спешить.

Уходят.

СЦЕНА 7

У стен Йорка.

Входят король Эдуард, Глостер, Хестингс и войско.

Король Эдуард

Итак, брат Ричард, Хестингс и вы все,
Фортуна до сих пор к нам благосклонна
И обещает, что свое паденье
Сменю я вновь на золотой венец.
Я дважды переплыл счастливо море
И помощь из Бургундии привез.
Теперь, когда из порта Ревенсперга
К воротам Йорка мы пришли, осталось
Нам только в наше герцогство войти.

Глостер

Ворота заперты.— Недобрый знак!
Ведь кто споткнется на пороге дома,
Опасность должен в нем подозревать.

Король Эдуард

Ну, полно! Нечего примет бояться.
Добром иль худом, мы должны войти;
Наверно, в Йорке к нам примкнут друзья.

Хестингс

Я снова постучусь, чтоб нам открыли.

Всходят на стену мэр Йорка с олдермепами.

Мэр

Милорды, мы о вашем приближенье
Извещены и заперли ворота
Для безопасности, затем что ныне
Должны мы верность Генриху хранить.

Король Эдуард

Но, мэр, коль Генрих вам теперь король,
Эдвард по меньшей мере герцог Йоркский.

Мэр

Я меньшим вас, милорд, не почитаю.

Король Эдуард

Я требую лишь герцогство мое,
Которым я довольствоваться буду.

Глостер
(в сторону)

Но стоит лишь просунуть нос лисице,
Все туловище вслед за ним протащит.

Хестингс

Так что же вы стоите, мэр, в сомненье?
Ворота настежь! Мы друзья монарху.

Мэр

Ну, если так, ворота отопрем.
(Уходит с олддерменами со стены.)

Глостер

Начальник мудрый — быстро согласился!

Хестингс

Старик хотел бы, чтоб все гладко было,—
Лишь бы ему остаться в стороне.
Когда ж войдем, не сомневаюсь, быстро
Его и весь совет мы образуем.

Входят внизу мэр и два олддермена.

Король Эдуард

Ворота надо запирать, лорд-мэр,
В военное лишь время или на ночь.
Не бойся же и мне отдай ключи.
(Берет ключи.)

Эдвард тебя и город защитит
И каждого, кто за него стоит.

Марш.

Входит Монтгомери с войсками.

Г л о с т е р

Брат, к нам пришел сэр Джон Монтгомери,
Наш верный друг, коль я не ошибаюсь.

К о р о л ь Э д у а р д

Привет, сэр Джон! Зачем пришел ты с войском?

М о н т г о м е р и

Помочь Эдварду в час жестокой бури,
Как всякий честный подданный обязан.

К о р о л ь Э д у а р д

Спасибо, дорогой Монтгомери.
Но позабыл я о правах на трон
И требую лишь герцогство мое,
Пока пошлет господь мне остальное.

М о н т г о м е р и

Тогда прощайте, я покину вас.
Не герцогу служу, а королю.—
Бить в барабаны! Мы уходим прочь.

Начинаясь марш.

К о р о л ь Э д у а р д

Нет, погоди, сэр Джон, с тобой обсудим,
Как лучше мне вернуть себе корону.

М о н т г о м е р и

Чего тут обсуждать? Скажу вам сразу:
Коль не потребуете вы престола,
Судьбе вас предоставлю и уйду,
Чтоб задержать идущих к вам на помощь.
Зачем борьба, когда вам трон не нужен?

Г л о с т е р

К чему такая шепетильность, брат?

К о р о л ь Э д у а р д

Когда укрепим, мы права предъявим,
А до тех пор мудрей скрывать нам цель.

Х е с т и н г с

Сомненья прочь! Оружье все решит.

Г л о с т е р

Бесстрашный дух скорей венца достигнет.
Брат, тотчас вас объявим королем:
Молва о том к вам привлечет друзей.

К о р о л ь   Э д у а р д

Что ж, будь по-вашему. За мной права,
А Генрих вырвал у меня корону.

М о н т г о м е р и

Вот это речь, достойная монарха;
За Эдуарда стану я борцом.

Х е с т и н г с

Греми, труба! Провозгласим Эдварда! —
Сюда, солдат, читай провозглашение.

(Дает бумагу солдату.)

Трубы.

С о л д а т

«Мы, Эдуард Четвертый, милостию божией король Англии и
Франции, властитель Ирландии и прочее...».

М о н т г о м е р и

Всех, кто отрицает право Эдуарда,
На поединок я зову кровавый.

(Бросает перчатку.)

В с е

Да здравствует король Эдвард Четвертый!

К о р о л ь   Э д у а р д

Благодарю Монтгомери и всех;
Вас награжу, коль ждет меня удача.
Мы проведем здесь в Йорке эту ночь;
Когда ж золотая колесница солнца
Над горизонтом встанет, мы пойдем
Навстречу Уорику с его друзьями:
Ведь нам известно, что не воин Генрих.
Строптивый Кларенс, как тебе не стыдно
Лстить Генриху и брата оставлять?
С тобой и с Уориком я скоро встречусь.—
Вперед, солдаты! Верьте все в успех!
Вслед за победой ждет награда всех!

Уходят.

СЦЕНА 8

Лондон. Покой во дворце.

Трубы.

Входят король Генрих, Уорик, Кларенс, Монтегью, Экстер и Оксфорд.

Уорик

Что посоветуете? Эдуард
Из Бельгии вернулся во главе
Драчливых немцев и тупых голландцев,
Против благополучно переплыл
И прямо к Лондону ведет войска.
Немало сброда вокруг него теснится.

Король Генрих

Пусть войско соберут и их прогонят.

Кларенс

Легко огонь в начале затоптать;
Дай разгореться — не зальешь рекою.

Уорик

Есть в Уорикшире у меня друзья,—
Миролюбивы, но храбры в сраженьях;
Я соберу их.— Ты же, сын мой Кларенс,
Сзывай в Сеффолке, Норфолке и Кенте
Дворян и рыцарей под наше знамя.—
Брат Монтегью, найдешь ты в Бекингеме,
Нортемптоне и Лестершире много
Людей, готовых за тобой идти.—
Ты, храбрый Оксфорд, горячо любимый
В Оксфорде, там сберешь своих друзей.—
А государь, средь верных горожан,
Как остров наш, морями окруженный,
Иль скромная Диана среди нимф,
Пребудет здесь, пока мы не вернемся.
Сейчас же в путь, без возражений, лорды.—
Прощайте, государь.

Король Генрих

Прощай, мой Гектор! Ты — надежда Трои.

Кларенс

В знак верности целую руку вам.

Король Генрих

Во всем будь счастлив, мой надежный Кларенс!

Монтегью

Мужайтесь, государь. Затем — прощайте.

Оксфорд

(целуя Генриху руку)

Свою скрепляю верность. До свиданья.

Король Генрих

Друг Оксфорд, милый Монтегью и все вы,
Еще раз пожелаю счастья вам.

Уорик

Прощайте, лорды; в Ковентри сойдемся.

Уходят все, кроме короля Генриха и Эксетера.

Король Генрих

Здесь во дворце останусь я на время.—
Кузен мой Эксетер, как ваше мнение?
Мне кажется, отряды Эдуарда
Не в силах с нашим войском бой принять.

Эксетер

Не соблазнил бы только он других!

Король Генрих

Не страшно это: добротой я славлюсь;
Не заграждал я слуха к их мольбам,
Не допускал я долгих проволочек;
Я жалостью их раны исцелял
И добротою облегчал их скорбь;
Я милосердьем осушал их слезы;
Не домогался я ничьих богатств;
Налогом их не обременял;
Не мстил им,—хоть грешили предо мною,—
За что ж любить им Эдуарда больше?
Нет, Эксетер, добром за милость платят;
И если будет ласков лев с ягненком,
Ягненок, верь, последует за ним.

Крики за сценой: «Йорк!», «Йорк!»

Эксетер

Ты слышишь, государь? Что там за крики?
Входят король Эдуард и Глостер с солдатами.

Король Эдуард

Взять труса Генриха! Прочь увести!
Вновь королем меня провозгласить! —
Ты многих мелких ручейков источник,
Твой ток прерву, и воды их поглотит
Мой океан и возрастет от них. —
Скорее в Тауэр отвести его!
И говорить ему не позволяйте.

Несколько человек с королем Генрихом уходят.

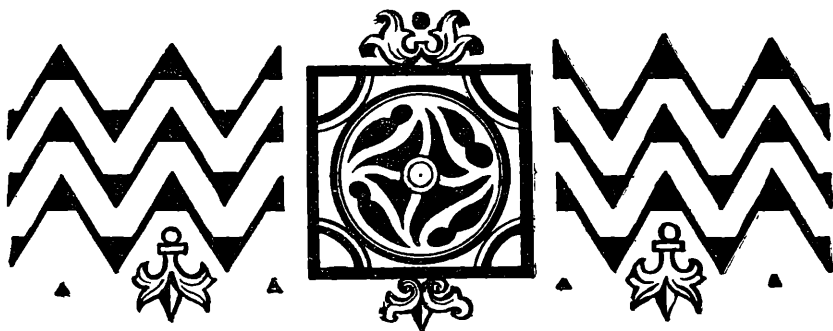
Милорды, путь свой в Ковентри направим,
Где пребывает ныне дерзкий Уорик.
День жарок. Поспешим на сенокос,
Чтоб наши травы не сгубил мороз.

Глостер

Идем, пока он не собрал войска.
Изменник слишком вырос; мы его
Врасплох захватим. В Ковентри, бойцы!

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Ковентри.

Всходят на стену Уорик, мэр Ковентри, два гонца и другие.

Уорик

Где Оксфорда отважного посланец?
Далеко ли, мой друг, твой господин?

Первый гонец

Сейчас он в Денсморе; здесь будет скоро.

Уорик

А далеко ли брат наш Монтегью?
Где гонец, что прислан Монтегью?

Второй гонец

Сейчас он в Дентри и с могучим войском.

Входит сэр Джош Сомервил.

Уорик

Что скажешь, милый сын мой Сомервил?
Как думаешь: отсюда близко Кларенс?

Сомервил

Я в Саутеме его оставил с войском;
Прибыть он должен через два часа.

Барабанный бой.

У о р и к

Подходит Кларенс — барабаны слышу.

С о м е р в и л

О, нет, милорд, там расположен Саутем,
А слышен бой с той стороны, где Уорик.

У о р и к

Кто б это был? Наверно, друг неожиданный.

С о м е р в и л

Они подходят, мы сейчас узнаем.

Марш, трубы.

Входят король Эдуард, Глостер и солдаты.

К о р о л ь Э д у а р д

Ступай, трубач; труби к переговорам.
Смотрите, на стене суровый Уорик!

У о р и к

Что вижу я! Ужель Эдвард разгульный?
Подкуплены разведчики иль спали,
Что о его приходе я не знал?

К о р о л ь Э д у а р д

Отворишь ли ты нам ворота, Уорик?
Склони колени, назови смиренно
Эдварда королем, проси пощады —
И все обиды он тебе простит.

У о р и к

Нет, лучше ты уйди с войсками прочь;
Припомни, кто возвел тебя и сверг.
Патроном Уорика признай, раскайся —
И будешь ты, как прежде, герцог Йоркский.

Г л о с т е р

Я ожидал, что скажет он: король!
Иль невзначай обмолвился он шуткой?

У о р и к

Иль герцогство, милорд, не щедрый дар?

Г л о с т е р

От графа бедного — конечно, щедрый.
Я окажу тебе взамен услугу.

У о р и к

Дал брату твоему я королевство.

К о р о л ь Э д у а р д

Тогда оно мое, хотя твой дар.

У о р и к

Не Атлас ты, чтоб это бремя снести.
Ты слаб, и Уорик дар берет назад;
Король мой — Генрих, я ему служу.

К о р о л ь Э д у а р д

Но, Уорик, твой король — Эдварда пленник.
Ответь мне на вопрос, любезный Уорик:
Без головы куда годится тело?

Г л о с т е р

Увы! Всего не мог предвидеть Уорик!
Пока тащил десятку он простую,
Был из колоды выкраден король.
Вы с Генрихом простились во дворце,
Но в Тауэре с ним встретитесь наверно.

К о р о л ь Э д у а р д

Вот именно. Но все еще ты — Уорик.

Г л о с т е р

Пока еще есть время, на колени!
Железо куй, покуда горячо.

У о р и к

Скорей себе я руку отрублю
И вам в лицо швырну другой рукою,
Чем парус опушу, себя увизив.

К о р о л ь Э д у а р д

Плыви с попутным ветром по течению!
За кудри смоляные ухватив
Отрубленную голову твою,
Пока она тепла, своей рукою
В пыли твоею кровью напишу:

«Теперь изменчивый, как ветер, Уорик
Уже не сможет больше изменить».

Входит Оксфорд с барабанным боем и знаменами.

Уорик

Знамена милые! Пришел к нам Оксфорд.

Оксфорд

Вот Оксфорд! И да здравствует Ланкастер!

(Входит с войском в город.)

Глостер

Ворота открыты — войдем и мы.

Король Эдуард

Враги другие могут в тыл ударить.

В строю мы будем ждать: они, конечно,

Наружу выйдут, чтоб сражение дать.

А если нет — их укрепления слабы:

Изменников оттуда выбьем скоро.

Уорик

Привет мой, Оксфорд! Помощь нам нужна.

Входит Монтегью с барабанным боем и знаменами.

Монтегью

Вот Монтегью! Да здравствует Ланкастер!

(Входит с войском в город.)

Глостер

И ты и брат твой драгоценной кровью

Заплатите нам скоро за измену.

Король Эдуард

Чем бой труднее, тем славней победа.

Мой дух победу предвещает мне.

Входит Сомерсет с барабанным боем и знаменами.

Сомерсет

Вот Сомерсет! Да здравствует Ланкастер!

(Входит с войском в город.)

Глостер

Два герцога, с тобою соименных,

Своею жизнью заплатили Йоркам.
Коль не изменит меч, ты будешь третьим.

Входит Кларенс с барабанным боем и знаменами.

Уорик

Смотрите: вот и Кларенс к нам идет!
Он сможет брату своему дать битву.
Стремление за правду постоять
Сильнее в нем любви к родному брату.

Глостер и Кларенс шепчутся.

Идите ж, Кларенс,— Уорик призывает.

Кларенс

Отец, понятно вам, что это значит?
(Срывает со шляпы алую розу.)

Смотри, в тебя бросаю свой позор!
Не стану разорять я дом отца,
Скрепившего своею кровью камни,
Не поддержу Ланкастера. Иль, Уорик,
Ты мнил, что Кларенс так свиреп и груб,
Что меч войны смертельной обратит
На брата и законного монарха?
Быть может, ты напommeши мне о клятве?
Сдержав ее, я был бы нечестивей,
Чем Иевфай, принесший в жертву дочь.
Нет, о своем проступке я скорблю,
И, чтобы милость брата заслужить,
Себя твоим врагом я объявляю,
Решившись твердо, где б тебя ни встретил,—
А я с тобою встречусь, только выйди,—
Отметить за то, что ты завлек меня.
Тебя, надменный Уорик, вызываю
И обращаюсь к брату со стыдом.—
Прости меня, Эдвард: вину заглажу.—
И ты не хмурься, Ричард, на меня;
Не буду больше я непостоянным.

Король Эдвард

Привет! Ты в десять раз милее нам,
Чем если бы не навлекал наш гнев.

Глостер

И мой привет! Ты поступил по-братски.

У о р и к

Изменник злой! Клятвопреступник подлый!

К о р о л ь Э д у а р д

Что, Уорик, выйдешь ты сразиться с нами,
Иль нам тебя камнями забросать?

У о р и к

Нет, я не заперся для обороны!
Направляюсь тотчас в Барнет и тебе
Сражение дам, коль ты дерзнешь принять.

К о р о л ь Э д у а р д

Дерзнет Эдвард и первым он пойдет.—
Милорды, в бой! Святой Георгий с нами!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Поле сражения близ Барнета.

Шум битвы. Стычки.

Входит король Э д у а р д, таща за собой раненого У о р и к а.

К о р о л ь Э д у а р д

Так, здесь лежи и умирай; с тобою
Умрет наш страх: нам пугалом был Уорик.—
Ну, Монтегью, держись; ищу тебя,
Чтоб рядом с Уориком сложил ты кости.

(Уходит.)

У о р и к

Ах, кто здесь? Друг иль враг, приди ко мне.
Скажи, кто победитель: Йорк иль Уорик?
К чему вопрос? Израненное тело,
И кровь и слабость — все мне говорит.
Что прах свой должен я отдать земле
И с гибелью моей — врагам победу.
Так срублен топором бывает кедр,
В чьей кроне царственный орел гнезвился,
Под чьей тенью грозный лев дремал
И чья надменная вершина выше,
Чем дерево Юпитера, вздымалась,
От зимних бурь кустарник защищая.

Мой взор, что застилают тени смерти,
Был ясным, как полуденное солнце,
И проникал все тайные измены.
Когда мой лоб, теперь окровавленный,
Я морщил, содрогались короли.
Кому б из них не вырыл я могилу?
Нахмурься я — кто смел бы улыбнуться?
Вот слава Уорика — в крови и в прахе!
Свои аллеи, парки и поместья
Утратил я; из всех земель остался
Клочок лишь мне, длиною равный телу.
Что, как не прах — власть, царственность, величье?
Как ни живи, все ж смерти ты добыча.

Входят Оксфорд и Сомерсет.

Сомерсет

Ах, Уорик, Уорик! Если б уцелел ты,
Могли бы мы вернуть свои потери!
Сейчас узнали мы: с могучим войском
Из Франции вернулась королева.
О, если бы ты с нами мог бежать!

Уорик

Все ж не бежал бы я. — Ах, Монтегью!
Коль здесь ты, милый брат, дай руку мне.
Своим дыханьем удержи мой дух.
Не любишь ты меня: когда б любил,
Слезам кровь запекшуюся смыл бы,
Которая раскрыть уста мешает.
Приди же, Монтегью, иль я умру.

Сомерсет

Ах, Уорик, Монтегью окончил жизнь,
Но до конца он призывал тебя
И говорил: «Привет мой передайте
Вы доблестному брату моему!»
Еще пытался что-то он сказать,
Но речь его, как гул в подземном склепе,
Звучала глухо, — разобрать не мог я.
Лишь под конец слова сквозь вздох расслышал:
«Прощай, мой Уорик!»

Уорик

Мир духу твоему! — Спасайтесь, лорды.
Прощаюсь с вами я до встречи в небе.

(Умирает.)

Оксфорд
Скорей навстречу войску королевы!
Уходят, унося тело Уорика.

СЦЕНА 3

Другая часть поля сражения.

Трубы.

Входит торжественно король Эдуард; с ним Кларенс, Глостер и другие.

Король Эдуард

До этих пор ведет нас в гору счастье
И триумфальными дарит венками.
Но среди дня блистательного вижу
Я черную, грозящую нам тучу,
Что повстречает наше солнце прежде,
Чем ложа своего оно достигнет.
Я разумею войско королевы,
Из Галлии прибывшее; на берег
Они уже вступили, и, как слышно,
Навстречу нам идут, чтобы сразиться.

Кларенс

Развеет эти тучи легкий ветер
И за море прогонит их назад.
Твои лучи рассеют эту мглу;
Родить грозу дано не каждой туче.

Глостер

У королевы тридцать тысяч войска,
И Сомерсет и Оксфорд к ней бежали.
Коль ей дадим передохнуть, поверь,
Пам равною она по силе станет.

Король Эдуард

Нам сообщили верные друзья,
Что в Тьюксбери направились они.
При Барнете победу одержав,
Мы поспешим туда: дорога легче,
Коль весело идти. И в каждом графстве,
Где мы пройдем, свое умножим войско.—
Бить в барабан! Кричать: «Смелей!» — и в путь.

Трубы.

Уходят.

СЦЕНА 4

Равнина близ Тьюксбери.

Марш.

Входят королева Маргарита, принц Эдуард, Сомерсет,
Оксфорд и солдаты.

Королева Маргарита

Кто мудр, не плачет о потерях, лорды,
Но бодро ищет, как исправить вред.
Пусть, бурей сломлена, упала мачта,
Канат оборван и потерян якорь,
И половина моряков погибла,—
Все ж кормчий жив. Прилично ли ему,
Как робкому мальчишке, бросить руль,
Слезами воды моря умножать,
Обилье превращая в преизбыток,
Меж тем, как разбивается о скалы
Корабль, что был бы мужеством спасен?
Какой позор! Какой проступок тяжкий!
Пусть якорем был нашим Уорик,— что ж!
И мачтой Монтегью,— что ж из того?
Снастями — павшие друзья,— так что же?
Иль якорем другим не стал нам Оксфорд,
А Сомерсет — другой надежной мачтой,
Друзья ж французы — крепкими снастями?
Хоть мы неопытны, принц Нед и я,
Заменим кормчего на этот раз.
Не бросим руль, чтобы сидеть и плакать,
Но будем править, вопреки ветрам,
Средь скал и мелей, что грозят крушеньем.
Льстить волнам иль бранить их — толку мало.
Что, как не море бурное, Эдвард?
А Кларенс — не коварная ли мель?
И Ричард — не горбатый ли утес?
Они — враги ладье несчастной нашей.
Пуститься вплавать? — Недолго проплывете.
На отмель ступите? — Пески поглотят.
Взберетесь на скалу? — Прибой вас смоем,
Иль с голоду умрете. Смерть тройная!
Я это говорю, чтоб знали вы
На случай, если б вздумал кто бежать,
Что он от братьев может ждать пощады
Не больше, чем от волн, песков и скал.

Итак, смелей! Ребячество — бояться
Иль плакать, если неизбежно зло.

П р и н ц Э д у а р д

Да, женщина с такою силой духа,
Когда бы речь ее услышал трус,
Отвагу в сердце бы ему вселила,
И он пошел бы в битву безоружный.
Я, впрочем, здесь ни в ком не сомневаюсь;
Когда б средь вас я заподозрил труса,
Заранее бы отпустил его,
Чтоб в час невзгоды он не заразил
И остальных своим тлетворным духом.
Коль есть такой,— чего избави, боже,—
Пусть он уходит до начала битвы.

О к с ф о р д

Коль женщины и дети так смелы,
А воины робеют,— вечный стыд им!
О храбрый юный принц! Твой славный дед
В тебе воскрес. Да проживешь ты долго,
Чтоб славу возродить его и образ!

С о м е р с е т

Кто ради этого не хочет биться,
Пусть ляжет спать, как сыч, средь бела дня;
А встанет — будут все над ним смеяться.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Спасибо, Сомерсет.— Спасибо, Оксфорд.

П р и н ц Э д у а р д

Примите благодарность от того,
Кто ничего другого дать не в силах.

Входит гонец.

Г о н е ц

Готовьтесь, лорды: Эдуард подходит,
Чтоб дать вам бой. Решительными будьте.

О к с ф о р д

Я так и ждал: ему прямой расчет
Спешить, чтобы застигнуть нас врасплох.

С о м е р с е т

Но ошибется он,— готовы мы.

Королева Маргарита
Усердые ваше радует мне сердце.

Оксфорд

Здесь выстроимся мы и не отступим.

Марш, трубы.

Входит король Эдуард, Глостер, Кларенс и солдаты.

Король Эдуард

Отважные друзья! Вот лес терновый,
Что с помощью небес и вашей силы
Должны до корня вырубить мы к ночи.
Мне разжигать ваш пыл теперь не надо:
И без того спалить тот лес вы рветесь.—
Сигнал подайте к бою — и вперед!

Королева Маргарита

Дворяне, лорды, рыцари! Мешают
Рыданья говорить: что б ни сказала,
При каждом слове я глотаю слезы.
Скажу вам лишь одно: король ваш Генрих
Взят в плен врагом, престол его захвачен,
Весь край наш — бойня, граждан убивают,
Казна расхищена, закон поруган;
И вот он — волк, что тот разбой творит.
Сражаетесь за правду вы, — так с богом,
Отважны будьте! — Дать сигнал к сраженью!

Оба войска уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть равнины. Шум битвы. Стычки, затем отбой.

Трубы.

Входят король Эдуард, Глостер, Кларенс и солдаты; с ними
пленные — королева Маргарита, Оксфорд и Сомерсет.

Король Эдуард

Теперь настал конец кровавым смутам.
Пусть Оксфорда отправят в Гамский замок,
А Сомерсету голову долой.
Возьмите их, я не хочу их слушать.

О к с ф о р д

Тебя словами я не потревожу.

С о м е р с е т

Ни я; перед судьбой склонюсь покорно.

О к с ф о р д и С о м е р с е т под стражей уходят.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Мы грустно расстаемся в этом мире,
Чтоб встретиться в Иерусалиме горнем.

К о р о л ь Э д у а р д

Объявлено ль, что взявший Эдуарда
Паграду получает, пленный — жизнь?

Г л о с т е р

Да, государь. А вот и Эдуард!

Входят солдаты, ведя принца Эдуарда.

К о р о л ь Э д у а р д

Сюда молодчика. Что скажет он?
Как! Юный терн уже колоться начал?
Эдвард, чем ты вину свою загладишь,
Что поднял меч, народ мой возмутил
И причинил такую мне тревогу?

П р и н ц Э д у а р д

Как подданный ты должен говорить,
Падменный, гордый Йорк! Тебе скажу я
От имени отца: отдай свой трон
И там, где я стою, склони колени —
И обращусь к тебе с такой же речью,
Какой меня, изменник, вопрошаешь.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

Ах, если б твой отец был тверд, как ты!

Г л о с т е р

Тогда б носили юбку вы, как прежде,
И у Ланкастера штанов не крали.

П р и н ц Э д у а р д

Эзопа басни — кстати в зимний вечер;
А здесь такие притчи неуместны.

Г л о с т е р

За это я тебя, щенок, замучу.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Ты для того и создан, чтобы мучить.

Г л о с т е р

Убрать отсюда эту злую бабу!

П р и н ц   Э д у а р д

Нет, лучше злого горбуна убрать!

К о р о л ь   Э д у а р д

Молчи, наглец, иль рот тебе зажму!

К л а р е н с

Мальчишка-пеуч, слишком ты заносчив

П р и н ц   Э д у а р д

Свой долг я знаю, вы же свой забыли!

Развратный Эдуард, предатель Джордж

И безобразный Дик, я говорю вам:

Я выше вас; изменники вы все.

Ты захватил престол отца и мой!

К о р о л ь   Э д у а р д

Так вот тебе, исчадь злобной ведьмы!

(Закалывает его.)

Г л о с т е р

Ты дышишь? Вот — чтоб сократить мученья.

(Тоже наносит удар.)

К л а р е н с

А вот — за обвиненье в всеростве.

(Тоже наносит удар.)

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Убей же и меня!

Г л о с т е р

Изволь, готов.

(Хочет убить ее.)

Король Эдуард
Стой, Ричард! Натворили мы довольно.

Глостер
Зачем ей жить? Чтоб языком молоть?

Король Эдуард
С ней дурно? Привести ее в сознание.

Глостер
(Кларенсу)
Пусть извинит меня король, мой брат.
По делу важному спешу я в Лондон,—
К прибытью вашему там будет новоселье.

Кларенс
Что? Что?

Глостер
Я в Тауэр! В Тауэр!
(Уходит.)

Королева Маргарита
Нед, милый Нед! Здесь мать твоя. Хоть слово
Скажи. Не можешь? Изверги! Убийцы!
Пронзивший Цезаря не пролил крови,
Не сделал зла, не заслужил хулы
В сравнение с этим зверским злодеянием
То муж был, а мой сын — почти ребенок.
Мужи не вымещают гнев на детях.
Как мне назвать вас? Вы гнусней убийц.
Нет! Нет! От речи разорвется сердце:
Что ж, буду говорить — пусть разорвется.
Мерзавцы! Людоеды! Мясники!
Какой цветок до срока вы скосили!
У вас детей нет, мясники, не то бы
Вам мысль о них внушила состраданье.
Но если суждено иметь детей вам,
Пускай их умертвят в расцвете юном,
Как вы сгубили принца, палачи!

Король Эдуард
Убрать ее! Тащите прочь отсюда!

Королева Маргарита

Не надо! Здесь покончите со мной.
Сюда ударь,— убийце я прошу.
Не хочешь ты? Тогда убей ты, Кларенс.

Кларенс

Клянусь, не дам тебе такой отрады.

Королева Маргарита

Исполни, добрый Кларенс! Милый Кларенс!

Кларенс

Иль не слыхала клятвы ты моей?

Королева Маргарита

Да, но привык ты клятвы нарушать.
То грех был, а теперь лишь милость будет.
Не хочешь ты? Где ж дьявольский мясник?
Где богомерзкий Ричард? Ричард, где ты?
Как милостыню, ты творишь убийство.
Не прогоняешь ты просящих крови.

Король Эдуард

Прочь, я сказал. Тащите прочь ее.

Королева Маргарита

Пусть будет с вами всеми то, что с принцем!

(Ее уводят силой.)

Король Эдуард

Где Ричард?

Кларенс

Он спешно отбыл в Лондон, государь;
Должно быть, на кровавый ужин в Тауэр.

Король Эдуард

Он скор бывает, что-нибудь задумав.
Теперь идемте. Заплатить солдатам
И распустить, сказав спасибо. В Лондон!
Узнаем, что с любезной королевой.
Она мне, верно, подарила сына.

Уходят.

СЦЕНА 6

Лондон. Комната в Тауэре.

Король Генрих сидит с книгой в руках; перед ним комендант Тауэра.

Входит Глостер.

Глостер

Привет, милорд, вам! Как! Вы все за книгой?

Король Генрих

Да, добрый лорд... «Милорд» — сказать бы надо.
Льстить — грех, а словом «добрый» я польстил.
Ведь «добрый Глостер» или «добрый дьявол» —
Одно и то же, и равно нелепо.
Итак, ошибся я: не «добрый лорд».

Глостер
(коменданту)

Оставьте нас; поговорить нам надо.

Комендант уходит.

Король Генрих

Пастух беспечный так бежит от волка,
Так подставляет кроткая овца
Сначала шерсть под нож, потом и горло.
Что за убийство разыграет Росций?

Глостер

Всегда в душе преступной — подозренья;
Вор принимает каждый куст за стражу.

Король Генрих

Но птице, пойманной в кустах однажды,
Сомнение внушает каждый куст;
Я ж, милого птенца отец несчастный,
Теперь того перед собою вижу,
Кем он приманен, схвачен и убит.

Глостер

Какой безмозглый дурень был критянин,
Учивший сына птичьему искусству!
Тот, несмотря на крылья, утонул.

Король Генрих

Да, я — Дедал, мой бедный сын — Икар,
Отец же твой — Минос, нам путь пресекавший;
То солнце, что спалило крылья сыну,—
Твой старший брат Эдвард, а сам ты — море,
Чьи волны поглотили жизнь его.
Убей меня оружием, не словами!
Охотней примет грудь удар кинжала,
Чем слух мой — твой трагический рассказ.
Зачем пришел ты? За мою жизнью?

Глостер

Иль принял ты меня за палача?

Король Генрих

Гонитель злобный ты, в том нет сомненья.
Когда убийство жертв невинных — казнь,
То кто же, Глостер, ты, как не палач?

Глостер

Я сына твоего убил за дерзость.

Король Генрих

Когда б за дерзость первую свою
Ты был убит, то не убил бы принца.
И я пророчу: много тысяч тех,
Кто и крупницы страха моего
Теперь не знают,— много скорбных старцев,
И вдов, и горько плачущих сирот,
Отцов, лишенных сыновей любимых,
Жен, о мужьях рыдающих, детей,
Скорбящих о родителей кончине,—
Час твоего рожденья проклянут.
Когда рождался ты, сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спустился на трубу зловещий ворон,
И хор сорок нестройно стрекотал.
И мать твоя, хотя страдала больше,
Чем матери другие, родила
Себе отрады меньше, чем должна бы,—
Бесформенный, уродливый комок,
На плод такого древа непохожий.
С зубами ты родился в знак того,

Что в мир пришел, чтобы терзать людей.
И если правда, что еще слышал я,
Пришел ты...

Г л о с т е р

Больше слушать не хочу.
Уми, пророк, своей не кончив речи!

(Закалывает его.)

Мне суждено и это было также.

К о р о л ь   Г е н р и х

...Для множества других еще убийств.
Меня помилуй, боже, и его!

(Умирает.)

Г л о с т е р

Как! Льется кровь Ланкастера на землю?
Я думал, что она взметнется к небу.
Как плачет меч о смерти короля!
Пусть льют всегда рубиновые слезы
Все, кто сулит паденье дому Йорка!
Когда хоть искру жизни сохранил ты,—
В ад, в ад ступай и Расскажи, что я
(снова пронзает его)

Тебя послал туда, что я не знаю
Ни жалости, ни страха, ни любви.
Да, правда все, что Генрих говорил:
От матери своей я часто слышал,
Что я пришел на свет вперед ногами.
Что ж, разве мне спешить не надлежало,
Чтобы сгубить лишившего нас прав?
Дивилась бабка, женщины кричали:
«Спаси, господь! Он родился с зубами!»
Таков я был, и это означало,
Что буду я рычать и грызть, как пес.
Раз небо мне дало такое тело,
Пусть ад и дух мой также искривит.
Нет братьев у меня — не схож я с ними;
И пусть любовь, что бороды седые
Зовут святой, живет в сердцах людей,
Похожих друг на друга, — не во мне.
Один я. — Кларенс, берегись: ты застишь
Мне свет, — я черный день тебе готовлю.
Я брату нашепчу таких пророчеств,

Что станет Эдуард за жизнь страшиться;
Чтоб страх унять, твою смертью стану.
И Генриха и принца нет в живых.
Сперва тебе, потом другим черед.
Пусть низок я, но ввысь мой путь ведет.

(Обращаясь к телу короля Генриха.)

Твой труп отсюда уберу скорей;
Мне в радость день погибели твоей.

(Уходит, унося тело.)

СЦЕНА 7

Лондон. Покой во дворце.

Король Эдуард сидит на троне; королева Елизавета с маленьким принцем на руках; Кларенс, Глостер, Хестингс и свита.

Король Эдуард

Вновь мы сидим на королевском троне,
Что снова куплен вражескою кровью.
Каких врагов в расцвете их гордыни
Скосили мы, как урожай осенний!
Три Сомерсета, трижды знаменитых
Неоспоримой рыцарской отвагой;
Два славных Клиффорда — отец и сын;
И два Нортемберленда, — не бывало
Храбрей бойцов на грозном поле битвы;
Два злых медведя — Уорик с Монтгью,
Что царственного льва сковали цепью
И ревом заставляли лес дрожать.
Так все угрозы устранили мы,
И стала нам подножием безопасность. —
Приблизься, Бесс, я поцелую сына. —
Ведь для тебя, мой Нед, отец и дяди
В броне зимою проводили ночи;
Пешком шагали в легкий зной палящий —
Чтоб ты владел своей короной в мире
И наших всех трудов пожал плоды.

Глостер

(в сторону)

Когда умрешь, я жатву уничтожу.
Ведь мне сейчас почету мало в мире.

Горб дан мне, чтобы тяжести носить;
Груз подыму, иль он мне сломит спину.
Ты — проложи мне путь, а ты — исполни.

Король Эдуард

Кларенс и Глостер, вас прошу: любите
Супругу нашу; поцелуйте принца.

Кларенс

Долг верности монарху своему
Скреплю, поцеловав в уста младенца.

Королева Елизавета

Спасибо, славный Кларенс; брат, спасибо.

Глостер

Свою любовь к родившему вас древу
Я докажу, целуя плод его.

(В сторону.)

Так целовал учителя Иуда,
Сказав: «Привет!» — и зло в душе тая.

Король Эдуард

Венца своих желаний я достиг:
Покой в стране, любовь в сердцах у братьев.

Кларенс

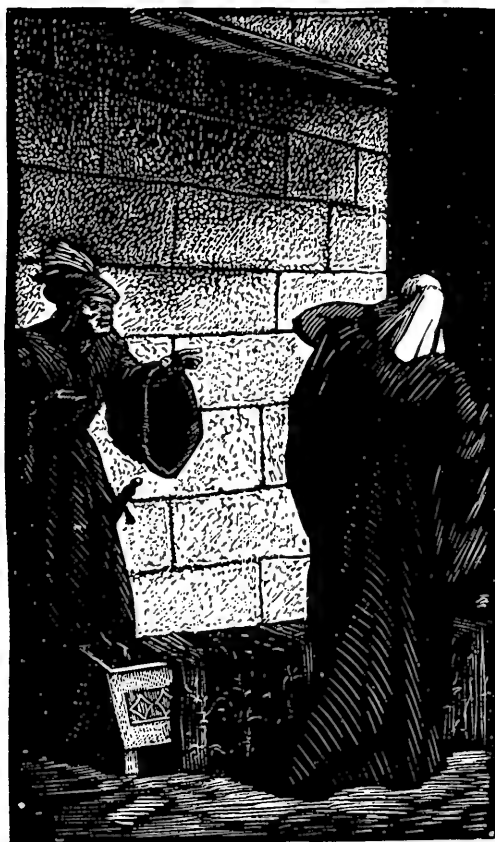
Как, государь, поступим с Маргаритой?
Ее отец Людовику в залог
Сицилию с Иерусалимом отдал —
И выкуп за нее они прислали.

Король Эдуард

Убрать ее, во Францию отправить!
Что остается нам, как не предаться
Веселым зрелищам и торжествам,
Какие подобают при дворе?
Греми, труба! Прощайте, все невзгоды!
Счастливые нас ожидают годы.

Уходят.

РИЧАРД III

**Перевод
А Н Н Ы Р А Д Л О В О Й**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Эдуард IV.

Эдуард, принц Уэльский } сыновья короля.

Ричард, герцог Йоркский }

Георг (Джордж), герцог Кларенс } братья

Ричард, герцог Глостер, } короля.

потом король Ричард III

Генрих, граф Ричмонд, потом король Генрих VII.

Кардинал Борчер, архиепископ Кентерберийский.

Томас Ротрем, архиепископ Йоркский.

Джон Мортон, епископ Илийский.

Герцог Бекингем.

Герцог Норфолк.

Граф Серри, его сын.

Граф Риверс, брат королевы Елизаветы.

Маркиз Дорсет } сыновья Елизаветы

Лорд Грей } (от первого брака).

Граф Оксфорд.

Лорд Хестингс.

Лорд Стенли.

Лорд Ловел.

Сэр Томас Воген.

Сэр Ричард Ретклиф.

Сэр Вильям Кетсби.

Сэр Джемс Тиррел.

Сэр Джемс Блент.

Сэр Уолтер Херберт.

Сэр Роберт Брекенбери, комендант

Тауэра.

Сэр Вильям Брендон.

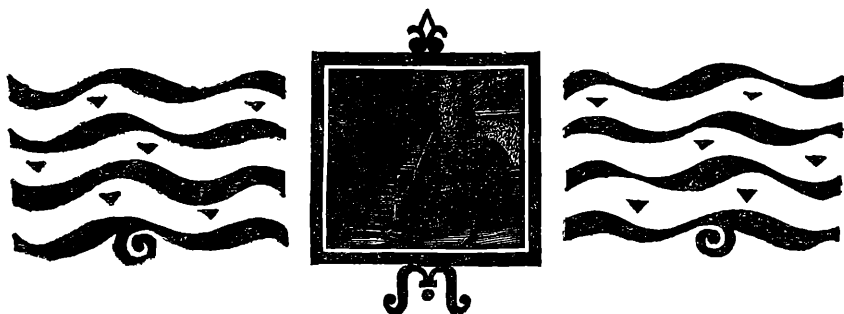
Кристофер Эрсуик, священник.

Священник.

Трессел }
Баркли } дворяне из свиты леди Анны.
Лорд-мэр Лондона.
Шериф Упльтширский.
Елизавета, королева и жена короля Эдуарда IV.
Маргарита, вдова короля Генриха VI.
Герцогиня Йоркская, мать короля Эдуарда IV.
Леди Анна, вдова Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха VI, потом — жена короля Ричарда III.
Маленький сын и маленькая дочь герцога Кларенса.
Духи убитых Ричардом III людей, лорды, придворные, слуги, рассыльный, пи-сец, горожане, убийцы, гонцы, солдаты и другие.

Место действия — Англия.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Лондон. Улица.

Входит Р и ч а р д, герцог Глостер.

Г л о с т е р

Здесь нынче солнце Йорка злую зиму
В ликующее лето превратило;
Нависшие над нашим домом тучи
Погребены в груди глубокой моря.
У нас на голове — венок победный;
Доспехи боевые — на покое;
Весельем мы сменили бранный клич
И музыкой прелестной — грубый марш.
И грозилокий бой чело разгладил;
Уж он не скачет на копях в броне,
Гоня перед собой врагов трусливых,
А ловко прыгает в гостях у дамы
Под звуки нежно-сладострастной лютни.
Но я не создан для забав любовных,
Для нежного гляденья в зеркала;
Я груб; величья не хватает мне,
Чтоб важничать пред нимфою распугной.
Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан,—

Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.
Чем в этот мирный и щедушный век
Мне наслаждаться? Разве что глядеть
На тень мою, что солнце удлиняет,
Да толковать мне о своем уродстве?
Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней.
Я клеветой, внушением опасным
О прорицаньях пьяных и о снах
Смертельную вражду посеял в братьях —
Меж братом Кларенсом и королем.
И если так же справедлив и верен
Король Эдвард, как я лукав и лжив,
Сегодня будет Кларенс в заключение,
Ибо предсказано, что буква Г
Убьет наследников Эдварда. Мысли,
На дно души нырните! — Вот и Кларенс!

Входят Кларенс под стражей и Брекенберн.

День добрый, брат. Что значит эта стража
Вкруг вашей светлости?

К л а р е н с

Король, радя

О целости моей, велел отправить
Меня под этою охраной в Тауэр.

Г л о с т е р

Но почему?

К л а р е н с

Зовут меня — Георг.

Г л о с т е р

Увы, милорд, вы в этом невинновы;
В тюрьму бы надо крестных ваших бросить.
Или его величеству угодно,
Чтоб в Тауэре вас заново крестили?
Но в чем же дело, Кларенс, расскажите.

Кларенс

Сказал бы, Ричард, если б знал; но я
Не знаю, право. Лишь одно известно,
Что снам и прорицаньям верит он.
Из азбуки изъял он букву Г.
Сказал ему какой-то чернокнижник,
Что буква Г опасна для него
И трон отнимет у его потомства.
Меня зовут Георг, и он решил,
Что это — я. Вот этот вздор — причипа,
Что заточить меня велел король.

Глостер

Вот какова власть женщин над мужьями!
Вас посылает в Тауэр не король,
А леди Грей, жена его; она
До этих крайностей его доводит.
Она и брат ее благочестивый
Энтони Вудвил королю внушили
Отправить лорда-камергера в Тауэр,
Откуда он освобожден лишь нынче.
Не в безопасности мы здесь, нет, Кларенс.

Кларенс

В опасности здесь всякий, поклянусь.
Одни лишь родственники королевы
Да те гонцы, что между королем
И миссис Шор таскаются почамы,
Здесь в безопасности. Слыхали вы,
Как Хестингс умолял ее о воле?

Глостер

Молясь смиренно божеству ее,
Лорд-камергер свободу получил.
Скажу вам: думаю, что лучший путь нам
Снискать расположение короля —
Стать слугами, носить ее ливрею.
С тех пор как брат баб этих возвеличил,
Она да перезрелая вдова
Ревнивая — хозяйки в королевстве.

Брекенбери

Прошу у ваших светлостей прощенья,
Король велел мне строго, чтоб никто —

Какого б звания ни был человек —
Беседы частной с герцогом не вел.

Г л о с т е р

Ну, что же? Вам угодно ль, Брекенбери,
Принять участие в беседе нашей?
Здесь не измена. Говорим, что мудр
Король, что королева благородна,
Почтенна, хороша и не ревнива;
У миссис Шор прелестная нога,
Рот алый, глазки, язычок веселый,
И что в чести родные королевы.
Вы, сэр, от этого не отречетесь.

Б р е к е н б е р и

До этого мне дела нет, милорд.

Г л о с т е р

До миссис Шор нет дела? Право, друг,
Всем, кроме одного, то дело делать
Наедине с ней лучше и тайком.

Б р е к е н б е р и

Какого одного, милорд?

Г л о с т е р

Ее супруга, малый. Ты предашь нас?

Б р е к е н б е р и

Милорд, молю вас извинить меня,
Но с герцогом беседу прекратите.

К л а р е н с

Тебе приказ дан — слушаться придется.

Г л о с т е р

Должны мы слушаться — в опале мы. —
Прощайте, брат. Иду я к королю.
И что бы ни пришлось для вас мне сделать, —
Хотя б сестрой назвать жену Эдварда, —
Все сделаю, чтоб вас освободить.

Опала брата для меня большее
И горестней, чем думаете вы!

Кларенс

Да, никому ведь не легко из нас.

Глостер

Недолго вы пробудете в темнице:
Освобожу вас иль за вас паду.
Пока терпите.

Кларенс

Потерплю. Прощайте.

Кларенс, Брекенбери и стража уходит.

Глостер

Ступай; ты никогда уж не вернешься,
Простак мой Кларенс! Так тебя люблю я,
Что скоро дух твой я пошлю на небо,
Коль небо примет дар из наших рук.
Кто там идет? Освобожденный Хестингс!

Входит Хестингс.

Хестингс

Привет и добрый день, светлейший герцог!

Глостер

Вам также добрый день, лорд-камергер.
Приветствовать вас рад на вольной воле.
Как ваша милость вынесла темницу?

Хестингс

Как должно узнику, милорд,— с терпеньем;
Но буду жить, чтоб отблагодарить
Тех, кто причиной были заключения.

Глостер

Да, несомненно. Так же мыслит Кларенс.
Кто вам был враг, стал и ему врагом,
Над ним такое ж совершив насилие.

Хестингс

Обидно, что орел томится в клетке,
А ястреба и коршуны летают.

Глостер

Что делается за морем?

Хестингс

Да за морем неплохо; дома хуже:
Король и слаб, и болен, и печален;
Врачи весьма боятся за него.

Глостер

Плохая весть, клянусь святым я Павлом.
О, он давно вел пагубную жизнь
И царственное тело истощал;
Но слишком тяжело об этом думать.
В постели он лежит?

Хестингс

В постели.

Глостер

Идите; я последую за вами.

Хестингс уходит.

Надюсь, он не выживет; но прежде
Пошлет на почтовых он брата к богу.
Я ж к Кларенсу его вражду усилию
Отточенной доводами ложью,
И если этот замысел удастся,
То Кларенсу не пережить и дня.
А там бог приберет и короля
И опростает в мире место мне.
Тогда на Анне Уорик я женюсь.
Что ж, что отца ее убил и мужа?
Быстрейший способ девке заплатить —
Стать мужем для нее и стать отцом.
Так поступлю не то что из любви,
А ради тайных замыслов моих,
Которых я, женись на ней, достигну.
Но раньше времени я размышлял...
Всё дышит Кларенс, и Эдвард царит;
Лишь смерть их прибыль верную сулит.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Лондон.

Другая улица.

Вносят тело короля Генриха VI в гроб. Дворяне с алебардами и леди Анна в трауре сопровождают гроб.

Леди Анна

Постойте! Опустите славный гроб!
Ужели славе быть похороненной?
Еще хочу над доблестным Ланкастром,
Над гибелью безвременной рыдать.—
Лик ледяной святого короля!
Бескровные останки царской крови!
Ты, бледный прах Ланкастерского дома!
Дано мне право дух твой призывать,
Чтоб слышал ты стенанья бедной Анны,
Жены Эдварда, сына твоего,
Убитого той самою рукой,
Что нанесла тебе вот эти раны!
Вот — окна, из которых жизнь ушла,—
В них лью бальзам бессильный бедных глаз.
Будь проклят тот, кто сделал это дело,
И дух того, кому хватило духу,
И кровь того, кто пролил кровь твою!
Пусть доля злая поразит мерзавца,
Что гибелью твоей нас обездолил,
Какой я жабам, паукам, ехиднам,
Всем гадам ядовитым не желаю!
А если у него дитя родится,
Пусть будет недоносок и урод,
Чтоб видом безобразным и ужасным
Мать, полную надежд, он поразил
И унаследовал отца пороки!
Жену ль возьмет — пускай она вдовою
Оплачет горше смерть его, чем я
Над юным мужем и тобою плачу.—
Идите в Чартси, груз святой несите,
Что взят для погребения из церкви;
А как устанете, вы отдохните —
И снова я над королем поплачу.

Входит Глостер.

Глостер

Остановитесь! Ставьте гроб на землю.

Л е д и   А н н а

Какой колдун врага сюда призвал,
Чтоб набожному делу помешать?

Г л о с т е р

На землю труп, мерзавцы, иль, клянусь,
В труп превращу того, кто непослушен.

Д в о р я н и н

Милорд, уйдите; пропустите гроб.

Г л о с т е р

Прочь, грубый пес, и слушай приказанья.
Прочь алебарду, иль, клянусь святыми,
На землю сброшу я тебя пинком,
Негодный нищий, за твое нахальство!

Несущие гроб опускают его на землю.

Л е д и   А н н а

Как? Вы дрожите? Все вы испугались?
Увы, не осуждаю вас: вы — люди,
А смертный взор пред дьяволом бессилен.
Уйди, ужасное орудье ада!
Ты властен был над этим смертным телом,—
Душа тебе не отдана; уйди.

Г л о с т е р

Молю тебя, святая, не бранись.

Л е д и   А н н а

Уйди, проклятый дьявол, не мешай нам.
Ты адом сделал радостную землю,
Проклятьями и стонами наполнил.
Коль радует тебя вид гнусных дел —
Вот образец твоей кровавой бойни.—
О, посмотрите, джентльмены, раны
Застылые открылись, кровь течет! —
Красней, красней, обрубок безобразный;
Перед тобою льется эта кровь
Из жил холодных, где уж нету крови.
Неслыханный и дикий твой поступок
Неслыханнейший вызвал здесь потоп.
Бог, кровь ты создал, отомсти за смерть!

Земля, кровь пьешь ты, отомсти за смерти!
О небо, молнией убей убийцу!
Земля, раскройся и пожри его,
Как королевскую ты кровь пожрала,
Что выпущена дьявольской рукой.

Г л о с т е р

Миледи, милосердие вам чуждо,—
Добро за зло и за проклятье — благость.

Л е д и А н н а

Чужд подлецу закон людской и божий,
А лютый зверь и тот ведь знает жалость.

Г л о с т е р

Не знаю жалости — вот и не зверь я.

Л е д и А н н а

О чудо! Дьявол правду говорит.

Г л о с т е р

Еще чудеснее, что ангел злится.—
Позвольте, совершенство среди женщин,
В моих предполагаемых злодействах
Пред вами мне, как должно, оправдаться.

Л е д и А н н а

Позволь мне, среди всех мужчин зараза,
За все известные твои злодейства
Тебя, проклятого, еще проклясть.

Г л о с т е р

Ты, чью красу бессилен описать я,
Немного потерпи: я обелюсь.

Л е д и А н н а

Ты, чье уродство сердце не измыслит,
Лишь удавившись, обелиться можешь.

Г л о с т е р

Отчаяньем лишь очерню себя.

Л е д и А н н а

Отчаяньем ты можешь оправдаться,
Себе достойно отомстив за тех,
Кого ты недостойно убивал.

Г л о с т е р

А если не убил их?

Л е д и А н н а

Значит, живы?

О нет, мертвы! Тобой убиты, пес.

Г л о с т е р

Мной муж ваш не убит.

Л е д и А н н а

Так, значит, жив он?

Г л о с т е р

Нет, умер он — убит рукой Эдварда.

Л е д и А н н а

Лжет глотка подлая! Видала меч твой
Еще от крови теплым Маргарита,—
Тот меч, которым ты уж раз грозил ей;
Но братья отклонили острие.

Г л о с т е р

Ее злым языком я вызван был,
Что приписал мне без вины вину их.

Л е д и А н н а

Ты вызван был твоим кровавым духом,
Что только бойню видит и во сне.
Убил ты короля?

Г л о с т е р

Да, признаю.

Л е д и А н н а

Признал ты, гад? Так пусть признает бог,
Что проклят будешь ты за злое дело.—
О, был он ласков, чист и милосерден!

Г л о с т е р

На небесах ему приличней быть.

Л е д и А н н а

На небесах он, где не будешь ты.

Г л о с т е р

Пускай благодарит — туда он послан,
Где быть ему пристойней, чем средь нас.

Л е д и А н н а

Тебе ж пристало только быть в аду.

Г л о с т е р

Нет, место есть еще... Сказать посмею ль?

Л е д и А н н а

Тюрьма?

Г л о с т е р

Нет, ваша спальня.

Л е д и А н н а

Пускай беда живет там, где ты спишь.

Г л о с т е р

Так это есть, пока не сплю я с вами.

Л е д и А н н а

Я полагаю.

Г л о с т е р

Это так. Миледи,
Оставим остроумья поединок
И к разговору мирному вернемся.
Не правда ли, причина ранней смерти
Эдварда, Генриха Плантагенетов
Хулы достойна так же, как палач?

Л е д и А н н а

Ты был причиной и орудьем смерти.

Г л о с т е р

Нет, ваша красота — причина смерти:
Она во сне тревожила меня,
Звала убить весь мир, чтоб час один
Прожить, прижавшись к вашей нежной груди.

Л е д и А н н а

Когда б я это думала, убийца,
Ногтями б эту красоту содрала.

Г л о с т е р

Глазам не вынести красы погибель;
При мне не надругались бы над ней.
Мне ваша красота — вся радость, так же
Как миру — солнце. Свет она и жизнь.

Л е д и А н н а

Пусть мраком станет свет твой, смертью — жизнь.

Г л о с т е р

Себя клянешь. Ты — жизнь моя и смерть.

Л е д и А н н а

О, если б так, тебе б я отомстила.

Г л о с т е р

Раздор наш против естества. Нельзя
Мстить человеку, что тебя так любит.

Л е д и А н н а

Раздор разумен наш и справедлив —
Желанье отомстить убийце мужа.

Г л о с т е р

Тот, кто лишил тебя, миледи, мужа,
Тебе поможет лучшего добыть.

Л е д и А н н а

На всей земле нет лучшего, чем он.

Г л о с т е р

Есть. Вас он любит больше, чем умерший.

Л е д и А н н а

Кто он?

Г л о с т е р

Плантагенет.

Л е д и А н н а

Его так звали.

Г л о с т е р

Да, имя то же, но покрепче нрав.

Леди Анна

Где он?

Глостер

Он здесь.

Леди Анна плюет на Глостера.

Ты на меня плюешь?

Леди Анна

Тебя бы ядом оплевала я.

Глостер

Не место яду на губах столь нежных.

Леди Анна

Но место яду на гнуснейшей жабе.

Прочь с глаз моих! Ты для меня — злой яд.

Глостер

О милая, твои глаза мне — яд.

Леди Анна

Пускай убьют тебя, как василиски.

Глостер

Пускай убьют — лишь умереть бы сразу!

Они меня разят живою смертью.

Из глаз моих они исторгли слезы

Постыдные, соленные, ребячьи,

Из глаз, не знавших жалостливых слез.

Когда над Ретлендом меч поднял Клиффорд

И, жалкий мальчика услышав стон,

Отец мой Йорк и брат Эдвард рыдали;

Когда рассказывал отец твой грозный

О смерти моего отца, слезами

Рассказ свой прерывая, как дитя;

Когда у всех залиты были лица,

Как деревья дождем, — в тот час печальный

Мои глаза пренебрегли слезами,

Но то, что вырвать горе не могло,

Ты сделала, и я ослеп от плача.

Ни друга, ни врага я не молил

И нежно-льстивых слов не знал язык мой.

Теперь краса твоя — желанный дар.
Язык мой говорит и молит сердце.

Леди Анна смотрит на него с гневом.

Ты губы гневом не криви: они
Не для презрения — для поцелуев.
Простить не может мстительное сердце —
Тогда возьми вот этот острый меч,
Ударь меня и выпусти на волю
Ты сердце, что тебя боготворит:
Нагую грудь удару открываю;
О смерти на коленях я молю.

(Открывает грудь.)

Леди Анна пытается ударить его мечом.

Не медли, нет: я Генриха убил;
Но красота твоя — тому причина.
Поторопись: я заколол Эдварда;
Но твой небесный лик меня принудил.

Леди Анна роняет меч.

Меч подыми иль подыми меня.

Леди Анна

Встань, лицемер. Тебе хочу я смерти,
Но палачом твоим быть не желаю.

Глостер

Скажи, чтоб сам себя убил,— убью.

Леди Анна

Сказала я.

Глостер

Но это было в гневе.
Лишь повтори,— и тот же, кто убил
Любовь твою, тебя любя,— убьет,
Любя тебя, любовь, что всех вернее,
И ты причиной будешь двух смертей.

Леди Анна

Твое б мне сердце знать!

Глостер

Язык о нем сказал.

Леди Анна

Боюсь, что оба лгут.

Глостер

Тогда нет правды в людях.

Леди Анна

Ну, спрячьте меч в ножны.

Глостер

Скажите, что мы в мире.

Леди Анна

Узнаешь после ты.

Глостер

В надежде жить ли мне?

Леди Анна

Все люди так живут.

Глостер

Прими кольцо мое.

Леди Анна

Но своего не дам.

(Надевает кольцо на палец.)

Глостер

Мое кольцо как тесно сжало палец!

Так сердце бедное мое — в тебе.

Носи их оба: оба ведь твои.

И если б бедный твой покорный раб

Мог милость выпросить еще одну,

Его б ты вечным счастьем одарила.

Леди Анна

Какую милость?

Глостер

Оставьте грустные заботы эти

Тому, кто в трауре быть должен первый,

А вы теперь же в Кросби удалитесь.

После того как я похороню

Достойного монарха в храме Чартси
И гроб его слезами оболью,
Я тотчас поспешу, чтоб вас увидеть.
Молю вас ради разных тайных целей
Мне милость оказать.

Леди Анна

От всей души. Какая радость мне,
Что видела я покаянье ваше.—
Баркли и Трессел, вы со мной пойдете.

Глостер

Со мной проститесь.

Леди Анна

Вы не заслужили;
Но раз вы лести учите меня,
Вообразите, что простилась с вами.

Леди Анна, Баркли и Трессел уходят.

Глостер

Возьмите тело.

Дворяне

В Чартси нам, милорд?

Глостер

В Уайт-Фрайерс, господа; меня там ждите.

Уходят все, кроме Глостера.

Кто обольщал когда-нибудь так женщин?
Кто женщину так обольстить сумел?
Она — моя! Но не нужна надолго.
Как! Я, убивший мужа и отца,
Я ею овладел в час горшей злобы,
Когда здесь, задыхаясь от проклятий,
Она рыдала над истцом кровавым!
Против меня был бог, и суд, и совесть,
И не было друзей, чтоб мне помочь.
Один лишь дьявол да притворный вид.
Мир — и ничто. И все ж она моя.
Ха-ха!

Уж своего она забыла мужа,
Эдварда храброго, что мной в сердцах

Убит три месяца тому назад.
Пленительного юношу такого,
Который был бы так красив и смел,
И мудр, и королевской чистой крови,
Уж больше в целом мире не найти.
Она свой взор теперь к тому склонила,
Кто принца нежного скосил в цвету
И дал ей вдовью горькую постель,—
Ко мне, не стоящему пол-Эдварда,
Ко мне, уродливому и хрому!
Я герцогство против гроша поставлю,
Что до сих пор в себе я ошибался.
Клянусь, хоть это мне и непонятно,
Я для нее мужчина хоть куда.
Что ж, зеркало придется покупать
Да завести десятка два портных,
Что нарядить меня бы постарались.
С тех пор как влез я в милость сам к себе,
На кой-какие я пойду издержки.
Но прежде сброшу этого в могилу,
Потом пойду к возлюбленной стонать.
Пока нет зеркала,— свети мне, день,
Чтоб, проходя, свою я видел тень.
(Уходит.)

С Ц Е Н А 3

Лондон. Дворец.

Входят королева Елизавета, Риверс и Грей.

Р и в е р с

Немного потерпите, королева:
Король поправится, конечно, скоро.

Г р е й

От вашей боли он болеет хуже
Прошу вас, ради бога, успокойтесь;
Его живым весельем развлеките.

К о р о л е в а   Е л и з а в е т а

Что станет со мной, когда умрет он?

Р и в е р с

Одна беда вас ждет — потеря мужа.

Королева Елизавета

Такого мужа потерять — все беды.

Грей

Вас бог благословил прекрасным сыном:
Он в смерти короля утешит вас.

Королева Елизавета

Он очень юн, и юность всю его
Доверил Глостеру король, тому,
Кто ни меня, ни вас совсем не любит.

Риверс

Уже правителем назначен он?

Королева Елизавета

Все решено, хоть назначенья нет.
Когда скончается король, так будет.

Входят Бекингем и Стенли.

Грей

Сюда идут лорд Бекингем и Стенли.

Бекингем

Приветствуем душевно королеву!

Стенли

И молим бога радость ей вернуть!

Королева Елизавета

На это пожелание, лорд Стенли,
Едва ль аминь графиня Ричмонд скажет.
Хоть вам она жена, милейший лорд,
И нас не любит, верьте, что я вам
За эту дерзость злобой не плачу.

Стенли

Не верьте, королева, клевете
Тех, кто ее пред вами очернил.
Но если в обвиненьях есть и правда,
То к слабостям ее не будьте строги:
Они в ней от болезни, не от злобы.

Риверс

Милорд, видали короля вы нынче?

Стенли

Вот только что с милордом Бекингемом
Его величество мы навестили.

Королева Елизавета

Похоже ли на улучшение, лорды?

Бекингем

Да, государыня; король был весел.

Королева Елизавета

Дай бог, чтоб так. Вы говорили с ним?

Бекингем

Да, королева. Хочет примирить оп
Милорда Глостера и ваших братьев,
А также всех их с лордом-камергером.
Перед собой он всем велел явиться.

Королева Елизавета

Дай бог, да только этому не быть,
Боюсь, что счастью нашему — конец.

Входят Глостер, Хестингс и Дорсет,

Глостер

Таких обид не стану я терпеть!
Кто те, что жаловались королю
Что будто бы я груб и не люблю их?
Клянусь, должно быть, дорог им король,
Что сплетнями его тревожат слух.
За то, что я не льстив, не сладкогласец,
В лицо не улыбаюсь, как француз,
Не кланяюсь с учтивостью мартышки,—
Считаюсь я злокозненным врагом!
Ужели человек прямой не может
Спокойно жить, чтоб простотой его
Не пользовались плуты и пройдохи?

Риверс

О ком здесь ваша светлость говорит?

Г л о с т е р

Да о тебе, в ком чести светлой нет!
Когда тебе вредил я, обижал
Тебя или твоих? Кого из шайки?
Чума на вас! Не может наш король,—
Храни его господь на горе вам! —
Спокойно миг прожить, чтоб не терзали
Вы жалобами гнусными его.

Королева Елизавета

Брат Глостер, вы ошиблись. Сам король —
Не под влияньем чьих-нибудь искательств,
А собственной королевской волей —
Послал за вами. Видно, он заметил
Вражду, что вы питаете ко мне
И к братьям всем моим и к сыновьям,—
Вражду, что в ваших действиях ясна.
Поэтому решил он разобрать
И устранить причины неприязни.

Г л о с т е р

Не знаю я. Так плох стал свет, что совы
Летают там, где места нет орлу.
С тех пор как каждый шут здесь дворянин,
Дворяне скоро все шутами станут.

Королева Елизавета

Мы знаем ваши мысли, герцог: зависть,
Что в милости мои друзья и я.
Дай бог нам никогда в вас не нуждаться!

Г л о с т е р

Пока бог дал, что нам нужда есть в вас.
Наш брат в тюрьме по вашим наущеньям,
А я в немилости,— и все дворянство
В пренебреженье. Каждый день возводят
В дворянство тех, кому не то что двор,
Но кол вчера в диковинку казался.

Королева Елизавета

Клянусь тем, кто меня от скромной жизни
На тяжкие высоты эти поднял,
Что против герцога я никогда
Его величество не возбуждала,

Но защищала Кларенса пред ним.
Позорным, лживым подозреньем вашим,
Милорд, меня вы подло оскорбили.

Г л о с т е р

Посмеете вы отрицать, что Хестингс
Лишь из-за вас посажен был в тюрьму?

Р и в е р с

Посмеет, потому...

Г л о с т е р

Посмеет, сэр. Кто этого не знает?
Она посмеет больше, чем отречься:
Посмеет в возвышение, сэр, помочь вам,
Потом отречься в том, что помогала,
И приписать всю честь заслугам вашим.
Чего ж ей не посметь? Клянусь, посмеет...

Р и в е р с

Ну, что «клянусь»?

Г л о с т е р

Клянусь, за короля посмеет выйти,
За холостого, милого мальчишку,
Да ваша бабка хуже замуж вышла.

К о р о л е в а Е л и з а в е т а

Лорд Глостер, слишком долго я сносила
Упреки грубые и осмеянье.
Клянусь, я государю сообщу
Об оскорблениях, что я претерпела.
Уж лучше было б мне батрачкой быть,
Чем королевой, что должна терпеть
Пренебрежение, травлю и насмешки.
Не радость быть английской королевой.

Входит сзади королева Маргарита.

К о р о л е в а М а р г а р и т а

(в сторону)

Молю, чтоб бог убавил эту радость!
Твой сан, и трон, и честь — мои по праву.

Г л о с т е р

Грозите вы все королю сказать?
Скажите, не щадя: все, что сказал я,
Решусь я подтвердить пред королем,
Хотя бы Тауэр мне грозил за это.
Пора мне говорить: мой труд забыт.

Королева Маргарита

(в сторону)

Да, дьявол, помню я твои труды:
Убит тобой был в Тауэре король мой,
При Тыюксбери — мой бедный сын Эдвард.

Г л о с т е р

Когда еще вы не царили оба,
В делах великих вашего супруга
Я выючной клячей был, бичом врагов
И другом щедрым всех его друзей.
Чтоб кровь его возвысить, отдал кровь я.

Королева Маргарита

(в сторону)

Кровь лучшую, чем в вас обоих, лил ты.

Г л о с т е р

В те годы вы и муж ваш Грей стояли
На стороне Ланкастерского дома.—
Вы также, Риверс.— Не был ли убит
В Сент-Олбенсе супруг ваш в их рядах?
И если вы забыли, вам напомню,
Чем были вы до этого, чем стали,
А также чем я был и чем я стал.

Королева Маргарита

(в сторону)

Ты был убийцей подлым и остался.

Г л о с т е р

Несчастный Кларенс Уорика оставил,
Нарушил клятву — бог, ему прости!

Королева Маргарита

(в сторону)

Бог, покарай его!

Г л о с т е р

Он перешел на сторону Эдварда,
Венец ему он добыл, и за это
Бедняга заключен. О, дай мне, боже,
Кремневое, как у Эдварда, сердце
Иль жалостное, нежное мое
Ему отдай! Я прост и глуп для мира.

Королева Маргарита

(в сторону)

Оставь наш мир и спрячься в ад, бесстыжий
И гнусный демон,— там царить ты должен!

Р и в е р с

Лорд Глостер, в эти трудные года,—
Хоть выставить хотите нас врагами,—
Мы шли за нашим королем законным.
Будь вы — король, мы также шли б за вами.

Г л о с т е р

Будь я король! Уж лучше буду я
Разносчиком. Прочь эту мысль из сердца!

Королева Елизавета

И точно: мало радостей узнали б,
Милорд, когда б вы стали королем.
Поверьте, так же мало их нашла я,
Став королевой в этом государстве.

Королева Маргарита

(в сторону)

Немного радости здесь королеве:
Да, королева я, и я несчастна.
Терпеть все это больше не могу.

(Выходит вперед.)

Эй, вы, пираты! Что ж вы разругались?
Награбленное делите добро?
Вы не дрожите, глядя на меня?
Коль вы как подданные не склонялись,—
Теперь, мятежники, вы трепещите!
А, благородный хам, ты отвернулся?

Г л о с т е р

Что, злая ведьма, хочешь от меня?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Пересчитать хочу твои злодейства;
Лишь сделав это, отпущу тебя.

Г л о с т е р

Не изгнана ли ты под страхом смерти?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Да, изгнана. Но мне изгнание хуже,
Чем смерть, что дома поразит меня.—
Отдать ты должен мне супруга, сына!

(Королеве Елизавете.)

Ты — королевство, — вы же все — покорность.
Все горести мои — по праву ваши;
А радость вы украли у меня.

Г л о с т е р

Когда отца ты моего венчала
Венцом бумажным, проклял он тебя.
Потом своим безжалостным глумленьем
Ты реки слез из глаз его исторгла.
Чтоб осушить их, герцогу дала ты
Платок в невинной Ретленда крови.
И то проклятье горестной души,
Взывая к мести, пало на тебя.
Бог, а не мы, за это дело мстит.

К о р о л е в а   Е л и з а в е т а

Бог справедлив, и мстит он за невинных.

Х е с т и н г с

О дело мерзкое — убить ребенка!
Жестокое, неслыханное дело!

Р и в е р с

Бездушные — и те тогда рыдали.

Д о р с е т

Все мненье призывали на тебя.

Бекингем

Нортемберленд был там,— он тоже плакал.

Королева Маргарита

Как! Пред моим приходом вы ругались,
Друг другу горло чуть не перегрызли,—
Теперь против меня вся ваша злоба?
Ужель проклятье Йорка больше значит,
Чем гибель Генриха, Эдварда гибель,
Потеря власти и мое изгнание?
И все за жалкого того мальчишку?
Проклятье может долететь до неба?
Раздвиньтесь, тучи, дайте путь проклятьям!
Да сгинет от обжорства ваш король,
Что королем стал, короля сгубив!
Эдвард, принц Уэльский, сын твой — за Эдварда,
Что сыном был моим и принцем Уэльским,
Безвременно пусть сгинет злою смертью!
Ты, королева, власть переживи,
Как я, несчастнейшая королева!
Живи подольше и оплачь детей;
Гляди, как я гляжу, на королеву,
Украшшую твои права и сан!
Будь долговечней счастья своего,
А умирая горестно, ты будешь
Не королева, не жена, не мать!
Вы зрителями были, Риверс, Хестингс,
Дорсет, когда кровавыми ножами
Зарезан был мой сын,— молю я бога,
Чтобы никто из вас своею смертью
Не умер! Чтоб злой случай вас сгубил!

Глостер

Заклятья кончила ты, злая ведьма?

Королева Маргарита

Забыв тебя? Нет, пес, ты стой и слушай.
Когда у бога про запас есть язы
И хуже тех, что на тебя зову я,
Пусть их хранит, пока грехи твои.
Созреют, и тогда лишь поразит
Тебя, что в бедном мире мир разрушил!
Пусть совесть душу изгрызет твою!
Всю жизнь друзей своих считай врагами,

Врагов друзьями лучшими считай!
Пусть сон коснется грешных глаз твоих
Лишь для того, чтоб в тяжких сновиденьях
Рой гнусных дьяволов тебя пугал!
Горбун ты, недоношенный свиньей!
Ты, заклеянный в час, когда родился,
Как раб природы, как отродье ада!
Ты, чрева материнского позор!
Ты, семя мерзкое отцовских чресл!
Бесчестное отребье.

Г л о с т е р

Маргарита!

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Эй, Ричард!

Г л о с т е р

Что?

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Тебя я не звала.

Г л о с т е р

Тогда прошу простить. А я подумал,
Что злобно так меня ты обозвала.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Ну да, тебя. Но мне ответ не нужен.
Дай мне проклятие мое окончить!

Г л о с т е р

Его я кончил именем твоим.

К о р о л е в а   Е л и з а в е т а

Себя вы проклинали своим проклятьем.

К о р о л е в а   М а р г а р и т а

Ты, крашенная горе-королева!
Ты, блеск пустой моей судьбы счастливой!
На паука раздувшегося сахар
Ты сыплешь, путаясь в его сетях.
О глупая, нож точишь на себя!
Наступит день — меня умолишь ты
Проклясть с тобой кривую, злую жабу!

Хестингс

Довольно, лгуны, бешеных проклятий!
Не раздражай нас на беду себе.

Королева Маргарита

Позор на вас! Меня вы разъярили.

Риверс

Услугой было б — научить вас долгу.

Королева Маргарита

Чтоб долг исполнить, мне должны служить вы.
Я — королева, подданные — вы;
И, мне служа, исполните вы долг свой.

Дорсет

Она — безумная; не спорьте с ней.

Королева Маргарита

Молчите, маркизенок. Наглы вы!
Ваш новый герб едва лишь установлен.
Судить ли может новое дворянство
О горе тех, кто потерял его?
Тот, кто высоко, вихрям всем подвержен,
И, падая, он вдребезги разбит.

Глостер

Совет, клянусь, не плох. Маркиз, учитесь.

Дорсет

Относится он также к вам, милорд.

Глостер

Да, верно. Но рожден-то я высоко.
Кто на вершине кедра свил гнездо,
Тот с ветром — друг и солнца не боится.

Королева Маргарита

Увы, но он на солнце тень бросает.
Свидетель сын мой: он в тени смертельной.
Ты злобной тучей скрыл его лучи
И в вечный мрак загнал его сиянье,
И свили в нашем вы гнезде гнездо.—
О ты, всевидящий, не потерпи,
И кровью пусть они за кровь заплатят!

Бекингем

Хоть постыдитесь! Смилуйтесь! Довольно!

Королева Маргарита

Нет милости и нет стыда во мне.
Не милостивы были вы со мной,
Бесстыдно вы надежды все убили.
Жестокость — милость, срам — вся жизнь моя;
И в сраме — бешенство печали дышит.

Бекингем

Ну, полно, полно!

Королева Маргарита

Лорд Бекингем, твою целую руку
В знак дружбы и союза. Пусть тебя
И дом твой честный счастье посетит.
Одежд не запятнал ты нашей кровью,—
Тебя мое проклятье не коснется.

Бекингем

Пусть не коснется и других. Проклятья
К губам их произнесших пристаю.

Королева Маргарита

О нет, они должны лететь на небо,
Чтоб божий тихо спящий мир нарушить.
О Бекингем, ты пса остерегайся;
Виляя, он кусает, и укус
Отравленных его зубов — смертелен.
Не знайся с ним, его ты берегись.
Грех, смерть и ад отметили его,
И слуги их ему подчинены.

Глостер

Лорд Бекингем, что вам она сказала?

Бекингем

Внимания не стоит это, герцог.

Королева Маргарита

Как! Ты глумишься над советом добрым,
И льстишь ты черту, что тебе опасен?
О, вспомни это в день, когда печалью
Твое пронзит он сердце, и скажи:
«Пророчицей была ты, Маргарита».—

Пусть каждого из вас он ненавидит,
А вы его и всех вас вместе — бог.

(Уходит.)

Хестингс

Ах, от проклятий волосы встают.

Риверс

И у меня. Зачем она на воле?

Глостер

Я не сужу. Клянусь святою девой,
Она так много претерпела зла.
Я каюсь в том, чем перед ней виновен!

Королева Елизавета

Не помню, чтоб я вред ей нанесла.

Глостер

Однако вред тот вам пошел на пользу.
Я делал слишком горячо добро
Тому, кто холодно об этом помнит.
Вот Кларенс дорого за это платит:
Он в хлев засажен, чтобы там жиреть.
Прости, господь, тех, кто виновен в этом!

Риверс

Как добродетельно, благочестиво —
Молиться за нанесших нам обиды!

Глостер

Так делаю всегда я,

(в сторону)

зная дело:

Кляня других, себя бы проклял я.

Входит Кетсби.

Кетсби

Король вас приглашает, королева.

(Глостеру.)

И вашу светлость.

(Другим.)

Также вас, милорды.

Королева Елизавета
Иду я, Кетсби.— Вы со мной, милорды?

Риверс

За вами мы идем.

Уходят все, кроме Глостера.

Глостер

Творю я зло — и сам о зле горланю;
И беды тайные, что создал я,
Тяжелым грузом на других ваю.
Пред простаками, вроде Бекингема
Иль Стенли, я над Кларенсом рыдаю,
Которого я сам в тюрьму упрятал;
И говорю, что леди Грей с родней
На брата натравила короля.
Они, мне веря, подстрекают к мести
Вогену, Риверсу и Грею. Я же
Вздыхаю, повторяя из писанья,
Что бог велит платить добром за зло.
Так прикрываю гнусность я свою
Обрывками старинных изречений,
Натасканными из священных книг.

Входят двое убийц.

Но тише! Вот идут мои ребята.—
Что, смелые и верные друзья,
Идете вы закончить это дело?

Первый убийца

Идем, милорд. За пропуском пришли мы,
Чтоб в Тауэр допустили нас к нему.

Глостер

Подумал я об этом; вот, возьмите.
Окончив дело, приходите в Кросби,
Но дело делайте внезапно, крепко;
Ему вы не давайте защищаться.
Ведь Кларенс — говорун и может вас
Растрогать, если говорить дадите.

Первый убийца

Тшш...

Милорд, не бойтесь, мы болтать не станем.
Плохой деляга — говорун; поверьте,
Не языки, а руки пустим в ход.

Глостер

Дурак льет слезы; если ж вам придется
Заплакать, то посыплется каменья.
Вы правитесь мне, молодцы. За дело!
Идите же скорей.

Первый убийца

Милорд, идем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Тауэр.

Входят Кларенс и Брекенбери.

Брекенбери

Милорд, как грустно нынче вы глядите!

Кларенс

Провел я горестную ночь. Опа
Снов страшных и уродливых видений
Была полна. Я господом клянусь,
Такой второю ночью не купил бы
Я мира целого счастливых дней,—
Так ужасов была она полна.

Брекенбери

Какой же сон вы видели, милорд?

Кларенс

Мне снилось, что из Тауэра бежал я,
На корабле в Бургундию плыву.
Со мною брат мой Глостер; будто он
Все из каюты выманить меня
На палубу желает; мы глядим
На Англию и все припоминаем
Дни тяжкие войны Ланкастера с Йорком

И все невзгоды наши; будто мы
Идем по шаткой палубе; вдруг Глостер
Споткнулся; удержать его хотел я,
Но, падая, меня толкнул он за борт
В катящуюся бездну волн морских.
И будто — боже! — тяжело мне тонуть.
Какой ужасный шум воды в ушах!
Как мерзок вид уродливых смертей!
Я видел сотни кораблей погибших!
И потонувших тысячи людей,
Которых жадно пожирали рыбы;
И будто по всему морскому дну
Разбросаны и золотые слитки,
И груды жемчуга, и якоря,
Бесценные камни и бриллианты;
Засели камни в черепах, глазницах,—
Сверкают, издеваясь над глазами,
Что некогда здесь жили, обольщают
Морское тинистое дно, смеются
Над развалившимися костяками.

Б р е к е н б е р и

Но как в предсмертную минуту вы
Поспели тайны моря рассмотреть?

К л а р е н с

Казалось, все я видел. Много раз
Старался умереть я,— злое море
Держало душу, не давая ей
Лететь в пустой и вольный чистый воздух,
И зажимало в трепетной груди,
Которая едва не разрывалась,
Стараясь в море душу изрыгнуть.

Б р е к е н б е р и

От этой муки не проснулись вы?

К л а р е н с

Нет-нет, и сон мой длился после смерти.
Тут буря началась в моей душе,
И будто мрачный лодочник, воспетый
Поэтами, через поток печальный
Меня в край вечной ночи перевез.
Скитальческую душу первый встретил
Мой знаменитый тесть, великий Уорик,

И крикнул мне: «Какая кара, Кларенс,
Клятвопреступника ждет в черном царстве?»
И он исчез. И вот за ним другая
Тень — апгела со светлыми кудрями,
Намокшими в крови; и мне кричит:
«Здесь Кларенс, лживый, вероломный Кларенс,
Злодей, под Тьюксбери меня убивший.
Тащите, фурии, его на муку!»
Тут легион чертей вокруг меня
Кружиться стал и завывать мне в уши
Так гнусно, что от этих страшных криков,
Дрожа, проснулся я. И долго после
Мне все казалось — я еще в аду:
Так было впечатление сна ужасно.

Брекенбери

Милорд, не диво, что вы испугались:
От одного рассказа жутко мне.

Кларенс

Ох, сторож, сторож, все, что сделал я
И что теперь меня же уличает,—
Все было для Эдварда. Как он платит!
О боже, если горькие молитвы
Не могут гнев твой укротить,— карай
Меня за зло, но пощади жену
Невинную мою, детей несчастных! —
Мой сторож, посиди со мной, прошу.
Мне тяжело и хочется уснуть.

Брекенбери

Я посижу, милорд. Бог с вами, спите!

Кларенс засыпает.

Печаль ломает бдение и сон,
В ночь утро превращает, в полдень — ночь,
Властителям для славы титул дан
И внешний блеск — за внутреннюю тяжесть;
И целым миром горестных забот
Они за призрак славы часто платят.
Меж титулами их и нищетою
Одна лишь разница — почет пустой.

Входят двое убийц.

Первый убийца

Эй, кто здесь?

Брекенбери

Что тебе нужно, малый, и как ты сюда забрался?

Первый убийца

Нужен мне Кларенс, а забрался я на своих собственных ногах.

Брекенбери

Что так быстро?

Второй убийца

Лучше, сэр, быстро, чем мешкотно. Без дальних разговоров покажи ему приказ.

(Дает Брекенбери бумагу, которую тот читает.)

Брекенбери

По этому приказу должен вам
Я выдать герцога. Не стану я
О том, что это значит, рассуждать,—
Хочу я чистым быть и от сужденья,—
Вот здесь ключи; вот герцог в кресле спит.
Я к королю иду и сообщу,
Что должность вам я передал свою.

Первый убийца

Ладно, сэр, это разумный выход. Будьте здоровы.

Брекенбери уходит.

Второй убийца

Что ж? Мы его стукнем во время сна?

Первый убийца

Нет, а то он скажет, что мы трусили, когда проснется.

Второй убийца

Когда проснется? Дурак! Он не проснется до Страшного суда.

Первый убийца

Зато на Страшном суде скажет, что мы убили его во время сна.

Второй убийца

Страшное слово — суд! Во мне пробудилось что-то вроде угрызений совести.

Первый убийца

Ты что, испугался?

Второй убийца

Я не боюсь убить его, потому что у меня на то есть приказ. Я боюсь быть за убийство проклятым. А от этого никакой приказ меня не спасет.

Первый убийца

Я думал, что ты твердо решился.

Второй убийца

Я твердо решился оставить ему жизнь.

Первый убийца

Ну, я пойду обратно к герцогу Глостеру и скажу ему это.

Второй убийца

Нет, прошу тебя, подожди немного. Я надеюсь, что моя святая причуда пройдет. Они у меня всегда длятся не дольше, чем поспеешь сосчитать до двадцати.

Первый убийца

Ну, а как ты себя теперь чувствуешь?

Второй убийца

По правде говоря, несколько крупниц совести во мне еще сидит.

Первый убийца

Вспомни о награде, которую мы получим, когда дело будет сделано.

Второй убийца

Черт с ним, пусть умирает! Я забыл о награде.

Первый убийца

Где же теперь твоя совесть?

Второй убийца

В кошельке герцога Глостера.

Первый убийца

Значит, когда он раскроет свой кошелек, чтобы отсюда достать нам деньги, вылетит и твоя совесть?

Второй убийца

Наплевать, пусть вылетает, никому она не нужна.

Первый убийца

А вдруг она к тебе обратно прилетит?

Второй убийца

Не стану я с ней больше возиться. Совесть — опасная штука. Она превращает человека в труса. Человек хочет украсть — совесть его осуждает. Человек хочет побожиться — совесть его удерживает. Человек хочет переспать с женой соседа — совесть его выдает. Совесть — стыдливый, краснеющий бес, который бунтует в человеческой груди и мешает во всех делах. Этот самый бес заставил меня однажды вернуть кошелек с золотом, который я случайно нашел. Он всякого человека сделает нищим. Его вышибают из всех городов и сел как опасную штуку, и всякий, кто хочет ладно жить, должен постараться прожить собственным умом и без всякого совестливого беса.

Первый убийца

Ай, ай! Вот он сейчас у меня под локтем вертится и убеждает не убивать герцога.

Второй убийца

Ты этому черту не верь, не впускай его в себя, а то он в тебя заберется, чтоб лишить тебя сил.

Первый убийца

Я достаточно силен: не так-то легко меня оседлать.

Второй убийца

Ты ладно говоришь, как порядочный человек, который дорожит своей репутацией. Ну что же, приниматься за работу?

Первый убийца

Стукни его по башке рукояткой меча, а потом бросим в бочку с мальвазией, которая стоит в той комнате.

Второй убийца

Вот хорошая выдумка! Сделаем из него славную настойку.

Первый убийца

Тише, он просыпается! Хлопнуть его?

Второй убийца

Нет, мы еще с ним побеседуем.

Кларенс
(просыпаясь)

Где сторож мой? Дай мне стакан вина.

Второй убийца

Сейчас вы получите достаточно вина, милорд.

Кларенс

Во имя бога, кто ты?

Второй убийца

Человек, как и вы.

Кларенс

Но ты не королевской крови.

Второй убийца

Зато у нас кровь почестнее вашей.

Кларенс

Твой голос будто гром, а взгляд — трусливый.

Второй убийца

Да потому, что голосом моим
Король вещает, а смотрю я сам.

Кларенс

Как ты темно и страшно говоришь.
Глаза грозят мне. Отчего бледны вы?
Кто вас послал? Зачем пришли сюда?

Оба убийцы

Чтоб, чтоб, чтоб...

Кларенс

Чтоб меня убить?

Оба убийцы

Да, да.

Кларенс

У вас едва сказать хватило духу,
А сделать это духу в вас не хватит.
Чем я обидел вас, друзья мои?

Первый убийца

Не нас обидели вы — короля.

Кларенс

Помиримся мы снова с королем.

Второй убийца

Нет, никогда, милорд; готовьтесь к смерти.

Кларенс

Из всех людей на свете вас избрали
Убить невинного? В чем я виновен?
Какие доказательства и где?
И следствие кто вел? И кто решение
Внушил судье? И кто же тот судья,
Что к горькой смерти присудил меня?
Пока законно я не обвинен,
Мне смертью незаконно угрожать.
Молю вас верой в искупление, кровью
Бесценной, пролитой Христом за нас,—
Уйдите и меня не убивайте!
Проклятое затеали вы дело.

Первый убийца

Мы по приказу делаем то дело.

Второй убийца

И тот, кто это приказал,— король наш.

Кларенс

О глупый! Ведь король над королями
Приказ свой на скрижалях написал:
Чтоб ты не убивал! И ты преступишь
Его закон в угоду человеку?
О, берегись: его рука карает
И на ослушника ложится тяжко.

Второй убийца

И та же кара на тебя ложится
За клятвопреступление и убийство.
Ты, причастясь святых даров, поклялся
За дом Ланкастеров верно воевать.

Первый убийца

И, как предатель имени господня,
Нарушил клятву ты: нож вероломный
Всадил ты в сердце сына короля.

Второй убийца

Которого ты клялся защищать.

Первый убийца

Как нам грозишь ты божеским законом,
Когда его ты до конца нарушил?

Кларенс

Ради него, увь, я согрешил,
Ради Эдварда, брата моего.
О нет,
Не он послал вас убивать меня:
Он, как и я, виновен в том грехе.
И если бог карать меня захочет,
О знайте, покарает он открыто.
Не спорьте же с его рукой всеильной:
Ему путей не нужно беззаконных,
Чтоб поразить обидчиков своих.

Первый убийца

А кто ж тебя назначил палачом,
Когда Плантагенет прекрасный, кроткий
Во цвете лет тобою был убит?

Кларенс

Любовь к Эдварду-брату, дьявол, гнев.

Первый убийца

Твой брат, любовь к нему, наш долг, твой грех
Повелевают нам убить тебя.

Кларенс

Когда вы брата любите, меня
Не ненавидьте,— брата я люблю.
Быть может, вы подкуплены? Так я
Пошлю вас к брату Глостеру. Идите ж;
За жизнь мою дороже он заплатит,
Чем брат Эдвард заплатит вам за смерть.

Второй убийца

Ошиблись вы — вас ненавидит Глостер.

Кларенс

О нет, он любит, и ему я дорог.
Пойдите же к нему.

Второй убийца

Ну да, пойдем.

Кларенс

Напомните ему, как Йорк, отец наш,
Победною рукой благословил
Трех сыновей своих и наказал им
Любить друг друга. Верно, он не думал,
Что эта дружба разобьется. Это
Скажите Глостеру, и он заплачет.

Первый убийца

Камнями, как учил он плакать нас.

Кларенс

Не клеветайте на него — он нежен.

Первый убийца

Да, да,
Как снег во время жатвы. Не надейтесь!
Он нас прислал сюда, чтоб вас убить.

Кларенс

Не может быть! Когда мы расставались,
Он плакал обо мне, и обнимал,
И обещал мне, горестно вздыхая,
Стараться о моем освобожденье.

Второй убийца

Он так и делает, освобождая
Вас от земных тягот для райских благ.

Первый убийца

Милорд, миритесь с небом перед смертью.

Кларенс

Святые чувства есть в душе у вас,—
Советуете с богом мне мириться,—

А к собственной душе совсем вы слепы?
Убийством этим боретесь вы с богом.
Поверьте, тот, кто вас послал убить,
Возненавидит вас же за убийство.

Второй убийца

Что делать?

Кларенс

Пожалейте и спасите!

Первый убийца

Жалеют только бабы или трусы.

Кларенс

Безжалостен лишь зверь, дикарь иль дьявол,
А кто из вас, когда б он принцем был
И был в тюрьме, как я, и увидал
Убийц, таких, как вы, к нему пришедших,
О жизни б не молил?
Мой друг, в твоих глазах я вижу жалость!
О, если не лгуны твои глаза,
Со мною за меня ты умолай,
Как ты молил бы, будь в моей беде.
О сжальтесь, бедняки, над бедным принцем!

Второй убийца

Милорд, назад взгляните.

Первый убийца

(убивая его)

Вот! Вот! А если этого вам мало,
В мальвазии сейчас вас утоплю.

(Уходит с трупом.)

Второй убийца

Кровавое, отчаянное дело!
Я, как Пилат, омыть хотел бы руки
От этого проклятого убийства!

Входит первый убийца.

Первый убийца

Эй ты, чего ж ты мне не помогаешь?
Узнает герцог, как ленился ты.

Второй убийца

Уж лучше б он узнал, что спас я брата.
Возьми все деньги и скажи ему:
В убийстве герцога я горько каюсь.
(Уходит.)

Первый убийца

А я не каюсь. Убирайся, трус! —
В какую бы дыру мне труп запрятать,
Пока его не велено зарыть?
Уйду подальше, получив награду:
Как все откроется, здесь быть не надо.
(Уходит.)

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Лондон. Дворец.

Входят больной король Эдуард, королева Елизавета, Дорсет, Риверс, Хестингс, Бекингем, Грей и другие.

Король Эдуард

Сегодня доброе я дело сделал.
Союз ваш тесный берегите, пэры.
Я каждый день от бога жду посланца,
Что призовет меня. Душа моя
На небо в мире отлетит теперь:
Я на земле мир для друзей устроил.
Риверс и Хестингс, протяните руки:
Конец вражде, клянитесь в вечной дружбе.

Риверс

Клянусь я богом, чист от злобы я.
Рука скрепляет верную любовь.

Хестингс

Я в том же счастьем своим клянусь!

Король Эдуард

Передо мной пустых вы бойтесь клять,
Иначе царь царей вас уличит
В обмане тайном и на смерть осудит,
Которую друг другу принесете.

Хестингс

Не знать мне счастья, если я лукавлю!

Риверс

И мне, коль Хестингса я не люблю!

Король Эдуард

Не исключенье здесь вы, королева,
Ни Дорсет, вы, наш сын, ни Бекингем,—
Друг с другом враждовали вы. Жена,
Любите Хестингса; для поцелуя
Ему вы руку протяните. То,
Что делаете, делайте от сердца.

Королева Елизавета

Вот, Хестингс,

(протягивает руку для поцелуя)

никогда не вспомню больше
Я прежнюю вражду,— клянусь всем счастьем.

Король Эдуард

Дорсет, целуй его. А вы, лорд Хестингс,
Маркиза полюбите от души.

Дорсет

Я обещаю, что в союзе нашем
Я никогда любви не изменю.

Хестингс

Ни я, милорд,— клянусь.

Обнимаются.

Король Эдуард

Теперь, лорд Бекингем, союз скрепите,
Обнявши всю родню моей жены.
Обрадуйте меня вы единеньем.

Бекингем

(королеве)

Коль Бекингем когда-нибудь вражду
На вашу милость обратит, отринув
Долг и любовь,— пусть бог меня накажет
Враждою тех, чьей дружбы жду всех больше;

И если друг понадобится мне
И буду в нем уверен я, пусть он
Окажется предателем лукавым.
Молю об этом бога, если вам
И вашим я душой не буду предан.

Обнимаются.

К о р о л ь Э д у а р д

Целебный эликсир, лорд Бекингом,—
Обет ваш сердцу моему больному.
Лишь брата Глостера недостает,
Чтоб мирный договор наш закрепить.

Б е к и н г е м

Вот, кстати, здесь и благородный герцог.

Входит Г л о с т е р.

Г л о с т е р

Склоняюсь пред четою королевской.—
Светлейшим прамам добрый день желаю.

К о р о л ь Э д у а р д

День добрый истинно мы провели
И сотворили милосердья дело;
Любовью, миром мы вражду сменили
Среди обидчивых и гордых пэров.

Г л о с т е р

Благое дело, государь, свершили,
А если кто из этого собрания
По подозрению или по доносу
Меня врагом считает;
Иль если в гневе, иль по неразумью
Кому-нибудь обиду я нанес
Из здесь присутствующих, я хотел бы
Просить его о мире и о дружбе.
Вражда мне — смерть; ее я ненавижу
И дружбы добрых всех людей желаю.—
Вас первую молю я, королева,
О милости, что службой заслужу я.—
И вас, кузен мой Бекингом, о том же
Прошу, коль ссоры между нами были.—
И вас, лорд Риверс и лорд Грей, хоть вы
И без причины на меня сердились.—
Вас герцоги и лорды, всех прошу.

Я в Англии не знаю человека,
К кому б я более вражды питал,
Чем только что родившийся ребенок,
И за свое смирение славлю бога.

Королева Елизавета

Мы этот день, как праздник, будем чтить.
Да прекратит господь все несогласья! —
Теперь, ваше величество, прошу вас,
Чтоб вами брат наш Кларенс возвращен был.

Глостер

Вам предложил любовь я, королева,
Чтоб надо мной пред королем глумились?
Все знают — благородный герцог умер!

Все встают с мест.

Не оскверняйте прах его насмешкой.

Риверс

Все знают, что он умер? Но он жив!

Королева Елизавета

О небеса! Как мир жесток и лжив!

Бекингем

Я так же бледен, как и все, лорд Дорсет?

Дорсет

Да, добрый лорд, и никого здесь нет,
Кто сохранил бы на щеках румянец.

Король Эдуард

Как! Кларенс мертв? Был отменен приказ!

Глостер

Бедняк по первому приказу умер.
Приказ тот вестник окрыленный нес;
Второй приказ нес мешкотный калека,
И он едва поспел к похоронам.
Есть люди ниже кровью и душой,
Что к помыслам кровавым были ближе,
И попустил господь, чтоб бедный Кларенс
Погиб, а тех никто не заподозрил!

Входит Стенли.

Стенли

О милости молю вас, государь!

Король Эдуард

Прошу тебя, молчи. Душа тоскует.

Стенли

О, выслушайте просьбу, иль не встану.

Король Эдуард

Тогда скорее говори, в чем дело.

Стенли

Слугу помилуйте вы моего:
Убил он дворянина-забияку,
Что в свите герцога Норфолка был.

Король Эдуард

Язык мой брата осудил на смерть,—
И этот же язык простит раба?
Мой брат ведь никого не убивал;
Его вина была лишь — помышленье,
А наказание все же — злая смерть!
Кто за него молил? Кто на коленях
В час бешенства одуматься просил?
Кто говорил о братстве, о любви?
Кто мне сказал, что Уорика мой брат
Покинул и сражался за меня?
Кто мне сказал, что в Тьюксберийском поле,
Когда меня одолевал уж Оксфорд,
Пришел он мне на помощь и воскликнул:
«Живи, мой милый брат; будь королем»?
Кто мне напомнил, как мы замерзли
На поле, как меня он укрывал
Своей одеждой, сам же, непокрытый,
Дрожал и цепенел в ночи морозной?
И скотский гнев из памяти моей
Все это вырвал; и никто из вас
Не пожалел меня и не напомнил.
Когда же конюхи и слуги ваши,
Напившись, убивают, искажая
Спасителя бесценный образ,— вы
Прощенья просите им на коленях,
И я несправедливо их прощаю!

За брата же никто не умолял,
И сам себя, негодный, не просил я
За бедного. Надменнейший из вас
Обязан многим был ему при жизни,
А жизнь его не вымолил никто.—
О боже, я боюсь, твой правый гнев
Сразит меня, и вас, моих и ваших.—
Дойти до спальни помогите, Хестингс.
О бедный Кларенс!

Король Эдуард и королева Елизавета с несколькими
лордами уходят.

Глостер

Вот опрометчивости плод. Видали,
Как при известии о смерти брата
Преступные родные королевы
Вдруг побледнели? О, они виновны
В поступке короля! Бог отомстит им!
Пойдемте, лорды, короля утешим.

Бекингем

Мы следуем за вами.

Уходят.

СЦЕНА 2

Дворец.

Входит герцогиня Йоркская с двумя детьми Кларенса.

Сын Кларенса

Скажите, бабушка, отец наш умер?

Герцогиня Йоркская

Нет, мальчик мой.

Сын Кларенса

Зачем же плачете и бьете в грудь,
Кричите: «Кларенс, мой несчастный сын!»

Дочь Кларенса

На нас глядите, головой качая,
Сиротами нас горькими зовете,
Когда отец наш благородный жив?

Герцогиня Йоркская

Внучата милые, ошиблись вы,
Я плачу о болезни короля,
А не о смерти вашего отца.
О тех, кого уж нет, напрасны слезы.

Сын Кларенса

Так, значит, бабушка, он все же умер?
Король, наш дядя, в этом виноват.
Накажет бог его. Я помолюсь,
Чтоб бог его за это наказал.

Дочь Кларенса

Я тоже помолюсь.

Герцогиня Йоркская

Молчите, дети! Любит вас король.
Вам, несмышленишкам, и не понять,
Кто в смерти вашего отца виновен.

Сын Кларенса

Все поняли мы. Добрый дядя Глостер
Сказал нам, что король жену послушал,—
В тюрьму запрятал нашего отца.
И, говоря мне это, дядя плакал
И целовал меня, жалел, просил
Его отцом считать и обещал
Любить меня, как собственного сына.

Герцогиня Йоркская

Ах, лаской ложь умеет прикрываться,
Личиной добродетели — порок!
Он сын мой и мой срам; но эту лживость
Он высосал не из моих сосков.

Сын Кларенса

Ужели, бабушка, наш дядя лжет?

Герцогиня Йоркская

Да, мальчик мой.

Сын Кларенса

Я не поверю.— Ах, что там за шум?

Входит королева Елизавета с распущенными волосами; за нею
Риверс и Дорсет.

Королева Елизавета

Кто помешает мне вопить и плакать,
Терзать себя и на судьбу роптать?
Отчаянню себя отдам я в жертву
И стану я врагом самой себе!

Герцогиня Йоркская

Что значит эта сцена иступленья?

Королева Елизавета

Трагическое действие свершилось.
Эдвард, мой муж, твой сын, король наш — мертв!
Погиб наш корень — как ветвям расти?
Иссяк в них сок — как не засохнуть им?
Живя, рыдайте иль умрите сразу,
Чтоб души наши душу короля
Нагнали иль за ней пошли покорно
Туда, где в вечном мире он царит.

Герцогиня Йоркская

Ах, я сочувствую твоей печали!
Твой славный муж — мой сын; его оплачу.
Оплакала достойного я мужа;
Жила я, глядя на его детей.
Теперь два зеркала его лица
Разбиты вдребезги зловредной смертью.
Осталось на горе одно — кривое:
В то зеркало глядясь, позор свой вижу.
Ты — мать, хотя вдовою стала ты.
Остались дети, чтоб тебя утешить;
А у меня смерть вырвала супруга,
Из слабых рук исторгла костыли:
Эдварда с Кларенсом. Твои стенанья —
Лишь половина всех моих стенаний:
В моих слезах твои потонут слезы.

Сын Кларенса

Не плакали вы, тетя, об отце, —
И вам мы нынче плакать не поможем.

Дочь Кларенса

Осталось неоплаканным сиротство, —
Пусть будет неоплаканным вдовство.

Королева Елизавета

Мне в плаче ваша помощь не пужна;
Я не бесплодна — плач могу родить.
Пусть все ручьи в моих глазах сольются,
Чтоб с помощью царицы вод — луны
Могла я затопить весь мир слезами
О милом муже, о моем Эдварде!

Дети Кларенса

И об отце, о Кларенсе любимом!

Герцогиня Йоркская

И об обоих сыновьях моих.

Королева Елизавета

Опорой был моей Эдвард,— погиб оп.

Дети Кларенса

Опорой нашей Кларенс был,— погиб оп.

Герцогиня Йоркская

Опорой оба были мне,— погибли.

Королева Елизавета

Была ли для вдовы ужасней смерть?

Дети Кларенса

Была ли для детей ужасней смерть?

Герцогиня Йоркская

Была ль для матери ужасней смерть?
Увы, увy мне! Мать я всех скорбей:
В моей печали все печали их.
Я вместе с нею плачу об Эдварде,—
Она со мной о Кларенсе не плачет.
С детьми о Кларенсе я вместе плачу,—
Со мной они не плачут об Эдварде.
Все трое обо мне, несчастной трижды,
Все слезы выплачьте — я скорбь вскормила,
И я ее стенаньем утолю.

Дорсет

О бабушка любезная, утешьтесь;
Неблагодарно бога вы гневите.
В делах зовут того неблагодарным,

Кто, получив взаймы из щедрых рук,
Заем свой неохотно отдает.
А восставить на бога много хуже
За то, что царственный заем, вам данный,
У вас потребовал обратно он.

Р и в е р с

Как мать заботливая, королева,
Подумайте о сыне вашем, принце.
За ним скорей пошлите: пусть его
Венчают королем; в нем — утешенье.
В гробу Эдварда схороните скорбь,—
И трон Эдварда радость вам вернет.

Входят Глостер, Бекингем, Стенли, Хестингс и Ретклиф.

Г л о с т е р

Сестра, утешьтесь. Все должны рыдать мы
Над нашей закатившейся звездой;
Но горе нам не утопить слезами.—
Простите, ваша светлость, мать моя,—
Не видел вас. Прошу вас на коленях
Меня благословить.

Г е р ц о г и н я Й о р к с к а я

Благослови, господь! Да ниспошлет он
Тебе смирение, и любовь, и верность!

Г л о с т е р

(в сторону)

Аминь. И умереть мне добрым старцем,—
Конец всех материнских пожеланий.
Как герцогиня это пропустила?

Б е к и н г е м

Вы, принцы грустные, вы, лорды, пэры,
Несущие груз тяжелой общей боли,
Утешимся взаимною любовью.
До жатвы короля скосила смерть,
Но сын его, как новый колос, зреет.
Окончена вражда сердец надменных,
Разрозненное связано и слито.
Должны мы эту связь беречь, хранить.
Я думаю, что хорошо послать
За принцем в Ледло небольшую свиту,
Чтоб в Лондоне его короновать.

Р и в е р с

Милорд, но почему же небольшую?

Б е к и н г е м

Да потому, милорд, что в многолюдстве
Вражды едва залеченные раны
Открыться могут,— что всего опасней
В державе молодой, без государя,
В ней конь без сдерживающей узды
Летит, куда захочется ему.
Не только что беду, но страх беды,
Мне кажется, предупредить должны мы.

Г л о с т е р

Король нас всех друг с другом помирил,
И договору верен я останусь.

Р и в е р с

Я также; также все, я полагаю.
Но договор наш юн, и мы должны
Беречь его от мнимого разрыва,
Который может возбудить толпа.
Я соглашаюсь с лордом Бекингом —
Послать за принцем небольшой отряд.

Х е с т и н г с

Я также соглашаюсь.

Г л о с т е р

Пусть будет так. Пойдемте же, решим,
Кого мы в Ледло спешно посылаем.

(Герцогине Йоркской.)

Сударыня,

(королеве Елизавете)

и вы, сестра, согласны
Советом в этом деле нам помочь?

Королева Елизавета и герцогиня Йоркская
Всем сердцем, герцог.

Уходят все, кроме Глостера и Бекингема.

Б е к и н г е м

Милорд, кого б за принцем ни послали,
Нельзя вам с вами дома оставаться.

Дорогой я придумаю, как цели
Добиться нам и принца отдалить
От наглых родственников королевы.

Г л о с т е р

Двойник мой, мой советник, мой оракул,
Пророк! Кузен мой добрый, как дитя,
Я управленью твоему вверяюсь.
Ну, в Ледло! Оставаться здесь не надо.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лондон. Улица.

Входят с разных сторон два горожанина.

Первый горожанин

Сосед, день добрый! Вы куда спешите?

Второй горожанин

Скажу вам правду, я себя не помню.
Слыхали вести?

Первый горожанин

Да, король наш умер.

Второй горожанин

Плохие вести; уж добра не ждите.
Боюсь, вся наша жизнь пойдет тут прахом.

Входит третий горожанин.

Третий горожанин

Соседи, здравствуйте.

Первый горожанин

День добрый, сэр.

Третий горожанин

Вы слышали, Эдвард наш добрый умер?

Второй горожанин

Да, это правда, сэр. Спаси нас бог!

Т р е т и й   г о р о ж а н и н
Тревожное нам время предстоит.

П е р в ы й   г о р о ж а н и н
Нет, нет; даст бог, наследник будет править.

Т р е т и й   г о р о ж а н и н
Беда стране, где царствует ребенок.

В т о р о й   г о р о ж а н и н
Найдутся уж советники, наверно,
Пока он малолетний, править будут;
Как вырастет он и созреет, сам
Отлично будет нами управлять.

П е р в ы й   г о р о ж а н и н
При Генрихе Шестом все было так же:
Он королем стал, будучи младенцем.

Т р е т и й   г о р о ж а н и н
Все было так? Нет, видит бог, не так:
Тогда страной совет мудрейший правил;
Тогда король был окружен дядьями,
Чья доблесть королю была защитой.

П е р в ы й   г о р о ж а н и н
У принца есть дядья, и с двух сторон.

Т р е т и й   г о р о ж а н и н
Уж лучше были б только по отцу,
Иль по отцу их не было бы вовсе;
А то, избави бог, они заспорят
О том, кто ближе,— все на нашу шею.
Опасен герцог Глостер, и горды,
Надменны королевы нашей братья;
И бедная страпа не отдохнет,
Пока предел их власти не положен.

П е р в ы й   г о р о ж а н и н
Мы зря боимся; полно, будет ладно.

Т р е т и й   г о р о ж а н и н
Когда на небе тучи — плащ надень;
Зима близка, коль листопад большой,

А солнце село,— всякий ночи жди;
Не вовремя дожди,— наступит голод.
Все ладно может быть, но я не верю:
Мы божьей милости не заслужили.

Второй горожанин

Нет, правда, все сердца дрожат от страха.
Ты с кем ни говори,— глядит он грустно,
И полон ужаса печальный взгляд.

Третий горожанин

Пред бедствием всегда бывает так:
Божественным чутьем мозг человека
Предчувствует опасность. Так и в море —
Пред бурей подымается вода.
Положимся на господу.— Куда вы?

Второй горожанин

За нами присылали из суда.

Третий горожанин

За мною также. Вместе мы пойдем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Дворец.

Входят архиепископ Йоркский, малолетний герцог
Йоркский, королева Елизавета и герцогиня Йоркская.

Архиепископ Йоркский

Вчера они уж были в Нортемптоне,
А нынче в ночь приедут в Стони-Стретфорд.
Здесь завтра или послезавтра будут.

Герцогиня Йоркская

Не терпится мне принца увидеть.
Я думаю, он очень сильно вырос.

Королева Елизавета

Мне говорят, что нет, и сын мой Йорк
Его уже намного перерос.

Герцог Йоркский
Да, мама, но расти б я не хотел.

Герцогиня Йоркская
Но почему? Ведь хорошо — расти.

Герцог Йоркский
За ужином недавно мы сидели,
И дядя Риверс мне сказал, что брата
Я перерос. Тут дядя Глостер молвил:
«Трава дурная хорошо растет».
С тех пор уж я и не хочу расти.
Я лучше буду маленьким цветком,
Чем длинным, безобразным сорняком.

Герцогиня Йоркская
Вот как, вот как! Но эта поговорка
Не подошла к тому, кто говорил:
Он в детстве был так хил, так плохо рос,
Что если б поговорка оправдалась,
Он вырос бы милейшим человеком.

Архиепископ Йоркский
Но так же и случилось, герцогиня.

Герцогиня Йоркская
Да; но у матери сомненья есть.

Герцог Йоркский
А, право, если б я тогда подумал
Над тем, как дядя рос, я пошутил бы
Покрепче, чем он надо мной шутил.

Герцогиня Йоркская
Как? Расскажи мне, маленький мой Йорк.

Герцог Йоркский
Да говорят, что дядя рос так быстро,
Что будто корки мог он разгрызть,
Когда ему два дня всего лишь было.
А у меня в два года вырос зуб.
Что, бабушка, зубастая ведь шутка?

Герцогиня Йоркская
Кто это рассказал тебе, мой мальчик?

Герцог Йоркский
Кормилица его.

Герцогиня Йоркская
Да ведь она
До твоего рожденья умерла.

Герцог Йоркский
Тогда уж я не знаю, кто сказал.

Королева Елизавета
Остер мальчишка! Слишком дерзок ты.

Архиепископ Йоркский
Не надо вам на мальчика сердиться.

Королева Елизавета
У стен есть уши.

Входит гонец.

Архиепископ Йоркский
Гонец! Какие вести?

Гонец
Такие, что сказать их нелегко.

Королева Елизавета
Здоров ли принц?

Гонец
Здоров он, королева.

Герцогиня Йоркская
С какими ж ты вестями?

Гонец
Лорд Грей, лорд Риверс и сэр Томас Воген —
Под стражею отправлены все в Помфрет.

Герцогиня Йоркская
Кто приказал?

Гонец
Два герцога могучих —
Глостер и Бекингем.

Королева Елизавета
Но в чем вина их?

Гонец

Все, что я знал, я вам уже открыл.
За что и почему арестовали
Обоих, мне, миледи, неизвестно.

Королева Елизавета

Увы, увы! Я вижу, дом наш гибнет.
Лань нежную схватил жестокий тигр,
И наглое бросается тиранство
На беззащитный и невинный трон.
Входите ж, кровь, опустошенье, смерть!
Конец всего я вижу, как по карте,

Герцогиня Йоркская

Проклятые дни смут, междоусобий,
Уж сколько вас глаза мои видали!
В борьбе за трон погиб супруг мой Йорк;
А сыновья то падали, печалю,
То возвышались, радуя меня.
А одолев врагов, между собой
В бой смертный победители вступали —
На брата брат и кровь на кровь родную.
Безумное насилие, прекрати
Свое неистовство иль дай мне смерть,
Чтоб мне на смерти больше не глядеть!

Королева Елизавета

Идем, идем, мой сын, скорее в храм.

(Герцогине Йоркской.)

Прощайте.

Герцогиня Йоркская

С вами вместе я пойду.

Королева Елизавета

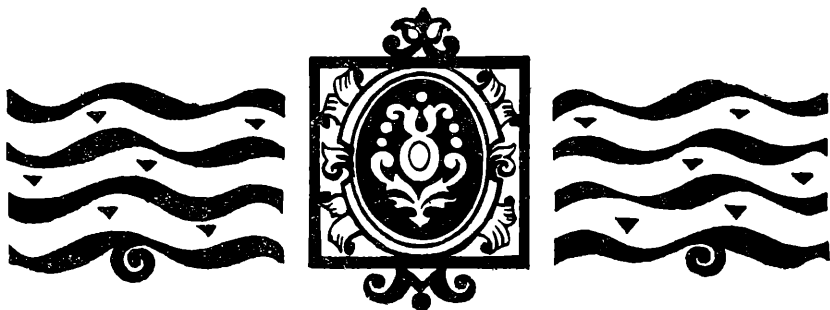
Зачем идти вам?

Архиепископ Йоркский

Королева, в путь.

Все драгоценности свои возьмите.
Я передам вам вверенную мне
Печать, и сохрани меня господь,
Как сохранить хочу я вас и ваших.
Идем. Я провожу вас в храм святой.

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА I

Лондон. Улица.

Трубы.

Входят маленький принц Уэльский, Глостер, Бекингем, кардинал Борчер, Кетсби и другие.

Бекингем

Принц, в Лондоне привет вам, в вашем доме.

Глостер

Привет, кузен, властитель дум моих.
Печальны вы, устали вы с дороги?

Принц Уэльский

Нет, дядя, хоть в ней тяготы и были,
Что скучной сделали ее и тяжелой.
Я больше дядей ожидал при встрече.

Глостер

Принц милый, чистота и юность ваша
Мешают вам понять всю лживость мира.
Вы судите еще о человеке
По внешности, а знает бог один,
Как часто внешность с сердцем не в ладу.
Те, кого ждали вы, опасны были;
Вы слышали лишь сладкие их речи,

Не видя яда, скрытого в сердцах.
Храни вас бог от лживых всех друзей!

П р и н ц   У э л ь с к и й

Храни господь! Но ведь они не лживы

Г л о с т е р

Принц, вас приветствовать идет лорд-мэр.
Идет лорд-мэр Лондона со свитой.

Л о р д - м э р

Храни вас бог, наш принц, на много лет!

П р и н ц   У э л ь с к и й

Благодарю вас, сэр,

(свите)

и вас всех также.

Лорд-мэр со свитой уходит.

Я думал, мать моя и брат мой Йорк
Навстречу выехать к нам поспешат.
Что за ленивец Хестингс! Не идет он
Сказать нам, едут ли они или нет.

Входит Хестингс.

Б е к и н г е м

Ну, в добрый час! Здесь Хестингс, весь в поту.

П р и н ц   У э л ь с к и й

Привет, милорд. Что, наша мать приедет?

Х е с т и н г с

Бог весть и почему — не знаю я,
Но королева-мать и брат ваш Йорк
Укрылись в божьем храме. Юный герцог
Хотел со мной идти встречать вас, принц,
Но не пустила матушка его.

Б е к и н г е м

Фу, странная, сварливая причуда!
Лорд-кардинал, угодно ль будет вам
Уговорить сейчас же королеву,
Чтоб герцога она послала к принцу?

А если вам откажет, пусть лорд Хестингс
Его из рук ревнивых вырвет силой.

Кардинал

Лорд Бекингем, коль слабым красноречьем
Могу я королеву убедить,—
Здесь будет герцог Йорк. Но если просьбы
Ее не тронут, боже сохрани
Убежища священные права
Нарушить нам! Нет, ни за что на свете
В таком грехе я не приму участия.

Бекингем

Упрямы вы, милорд, и неразумны,
И церемонны очень, старомодны.
Припомните его невинный возраст.
Ведь, взяв его, мы не нарушим права
Убежища. Оно осталось в силе
Для тех, кто делом заслужил его,
Или для тех, кому нужна защита,
А герцогу убежище не нужно,
И для него убежища там нет.
Я полагаю, взяв его оттуда,
Вы не нарушите закон и право.
Убежище для взрослых есть людей,
А для детей доселе не бывало.

Кардинал

Милорд, меня вполне вы убедили.—
Желаете ль идти со мной, лорд Хестингс?

Хестингс

Пойду, милорд.

Принц Уэльский

Милорды добрые, поторопитесь.

Кардинал и Хестингс уходят.

Скажите, дядя, если брат придет,
До коронации где будем жить мы?

Глостер

Где вашему высочеству угодно.
Но я советовал бы день иль два
Прожить вам в Тауэре, там отдохнуть.

Тем временем себе вы изберете
Здоровое, приятное жилище.

П р и н ц У р л ь с к и й

Мне кажется, что Тауэр — хуже всех.
Милорд, его построил Юлий Цезарь?

Б е к и н г е м

Любезный принц, он зданье заложил;
Достроили его века другие.

П р и н ц У р л ь с к и й

Из летописи это вам известно
Иль только по изустному преданью?

Б е к и н г е м

Из летописи знаем это, принц.

П р и н ц У р л ь с к и й

А если бы, милорд, не записали
Все это в летописи, все же правда
Ведь перешла бы через все века
Из уст в уста до Страшного суда?

Г л о с т е р

(в сторону)

Кто в детстве так умен, живет недолго.

П р и н ц У р л ь с к и й

Что вы сказали, дядя?

Г л о с т е р

Что слава без письмен живет недолго,

(в сторону)

Как Кривда в представленье, придаю
Я слову два различные значенья.

П р и н ц У р л ь с к и й

Великий человек был Юлий Цезарь,
Был вскормлен ум всей доблестью его,
А доблести умом запечатлел он.
Так смерть над властелином не властна:
Он хоть и мертв, но в славе жив поныне.—
Я что-то вам скажу, лорд Бекингем...

Бекингем

Что, принц любезный?

Принц Уэльский

А то, что, если вырасту большим,
Старинные владенья отвоюю
У Франции обратно иль умру
Я воином, как королем я жил.

Глостер

Горячая и бурная весна
Коротенькое лето предвещает.

Входят малолетний герцог Йоркский, Хестингс и кардинал Борчер.

Бекингем

Ну, в добрый час, подходит герцог Йоркский.

Принц Уэльский

Как поживает Ричард Йорк, наш брат?

Герцог Йоркский

Прекрасно, государь. Так должно звать вас.

Принц Уэльский

Да, к вашему и моему несчастью,
Скончался тот, кто этот сан носил,
И смерть его лишила сан величья.

Глостер

Как поживает герцог Йорк, кузен наш?

Герцог Йоркский

Благодарю вас, дядя. Ах, милорд,
Сказали вы, что лишь сорняк высок;
А принц, мой брат, меня уж перерос.

Глостер

Ну да, милорд.

Герцог Йоркский

И потому сорняк он?

Глостер

О милый мой кузен, так не скажу я.

Герцог Йоркский
Тогда вы с ним любезней, чем со мной.

Глостер
Как государь, оп мной повелевает,
А вас, как родственника, я люблю.

Герцог Йоркский
Прошу вас, дайте мне кинжал ваш, дядя.

Глостер
Кинжал, мой маленький кузен? Возьмите.

Принц Уэльский
Вы кланчите, мой брат?

Герцог Йоркский
У дяди лишь, который даст охотно.
Безделка это, и ему не жаль.

Глостер
Я большего для вас не пожалею.

Герцог Йоркский
Ах, большего? Ну, меч дадите мне?

Глостер
Охотно, если б он поменьше был.

Герцог Йоркский
Ах, вы щедры на мелкие подарки,
А в большем вы откажете: «Не кланчи».

Глостер
Для вашей светлости тяжел мой меч.

Герцог Йоркский
Он и тяжелый был бы легок мне.

Глостер
Хотите взять мой меч, милорд-малыш?

Герцог Йоркский
Да, и благодарить вас, так назвав.

Г л о с т е р

Как?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да малышом.

П р и н ц У э л ь с к и й

Несдержан на язык наш герцог Йоркский;
Но дядя с ним умеет обходиться.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да, а ходить со мною он умеет?
Над нами принц смеется, милый дядя,
Считает он, что можете ходить вы
Со мною на спине, как с обезьянкой.

Б е к и н г е м

Как рассуждает он остро и ловко!
Чтобы над дядюшкой смягчить издевку,
Как мило над собою он смеется!
Так юн и так лукав — на удивленье!

Г л о с т е р

(принцу Уэльскому)

Угодно ль вам проследовать, милорд?
А я с кузеном нашим Бекингемом
Отправлюсь к вашей матушке просить,
Чтобы она вас в Тауэре встречала.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Как! В Тауэр вы идете, государь?

П р и н ц У э л ь с к и й

Милорд-правитель этого желает.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Я в Тауэре спокойно не засну.

Г л о с т е р

Чего бояться вам?

Г е р ц о г Й о р к с к и й

Да дяди Кларенса жестокой тени:
Сказала бабушка, он там убит.

Принц Уэльский
Я мертвых дядей вовсе не боюсь.

Глостер
Ну, а живых, надеюсь, тоже?

Принц Уэльский
Пока они живут, я не боюсь.
С тяжелым сердцем, с мыслями о них
Иду я в Тауэр.

(Герцогу Йоркскому.)

Ну, идем, милорд.

Трубы.

Уходят все, кроме Глостера, Бекингема и Кетсби.

Бекингем

Милорд, ведь этот маленький болтун
Своею хитрой матерью подучен
Над вами непристойно насмехаться!

Глостер

О, несомненно. А мальчишка боек,
И дерзок, и хитер, остер и смел.
Весь в мать он с головы до пят пошел.

Бекингем

Оставим их. — Ну, Кетсби, подойди.
Ты клялся наши планы выполнять
И ото всех скрывать решения наши.
Ты ведь слышал, что по дороге в Лондон
Об этом деле толковали мы?
Как думаешь, легко ль нам убедить
Вильяма, лорда Хестингса, что должен
Взойти на королевский трон лорд Глостер,
Над славным островом став королем?

Кетсби

Чтя память короля, он любит принца:
Противником его не станет оп.

Бекингем

О Стенли что ты думаешь? Как он?

К е т с б и

Поступит точно так же он, как Хестингс.

Б е к и н г е м

Ну, хорошо. Теперь иди, мой Кетсби,
И осторожно Хестингса пощупай,
Как к делу нашему он отнесется,
И пригласи его на завтра в Тауэр
О коронации поговорить.
Когда найдешь, что к нам он расположен,
Его подбодри, расскажи все дело;
А если сух и несговорчив будет,
Таким же будь и, прекратив беседу,
Нам настроенье сообщи его.
На завтра предстоит собрать совет;
Тебе большое дело мы поручим.

Г л о с т е р

Приветствуй от меня милорда, Кетсби.
Скажи, что куче злых его врагов
В помфретском замке завтра пустят кровь.
Пусть поцелует миссис Шор послаще
На радостях от этой доброй вести.

Б е к и н г е м

Наладь же это дело, добрый Кетсби.

К е т с б и

Изю всех сил, милорды, постараюсь.

Г л о с т е р

До ночи весть вы подадите нам?

К е т с б и

Подам, милорд.

Г л о с т е р

Мы оба в Кросби будем в это время.

Б е к и н г е м

Что делать нам, когда заметим мы,
Что Хестингс в заговор наш не вступает?

Г л о с т е р

Отрубим голову ему — и все!
Смотри, когда я буду королем,
Потребуй графство Херифорд, которым
Эдвард Четвертый, брат мой, обладал.

Б е к и н г с м

Потребую из ваших рук я дара.

Г л о с т е р

И ты увидишь, что получишь это.
Пойдем пока поужинаем. После,
Переварив наш заговор, обсудим.

Уходят.

С Ц Е П А 2

Перед домом Хестингса.

Входит гонец.

Г о н е ц

Милорд, милорд!

Х е с т и н г с

(из дома)

Кто там стучит?

Г о н е ц

От лорда Стенли я.

Х е с т и н г с

(из дома)

Который час?

Г о н е ц

Четыре скоро.

Входит Хестингс.

Х е с т и н г с

Не спится лорду Стенли этой ночью?

Г о н е ц

По порученьям судя, видно, так.
Во-первых, вам он шлет поклон, милорд.

Х е с т и н г с

Ну, а затем?

Г о н е ц

Затем, милорд, он сообщает вам,
Что видел сон, как будто вепрь сорвал
Шлем с головы его; затем доносит,
Что нынче будет два собрания разных,
И на одном решиться может то,
Что на другом обоих вас загубит.
Поэтому он спрашивает вас,
Желаете ль сегодня спешно с ним
Скакать на север от беды грозящей,
Которую почуяла душа?

Х е с т и н г с

Вернись-ка, малый, к лорду своему;
Скажи, что два собрания нам не страшны,
Что он и я — в одном мы заседаем,
В другом же — друг мой Кетсби: все, что нас
Коснулось бы и нам бедой грозило,
Сейчас же будет точно мне известно.
Скажи ему, что вздорны опасенья;
А что до снов, — ужели он так прост,
Чтоб верить шуткам беспокойной дремы?
От вепря же бежать, когда на нас
Он не идет, — лишь возбуждать его
Охотиться за новою добычей. —
Иди и пригласи ко мне милорда:
Пойдем мы в Тауэр с ним, и он увидит,
Что с нами очень ласков будет вепрь.

Г о н е ц

Иду, милорд, и все я передам.

(Уходит.)

Входит К е т с б и.

К е т с б и

Привет мой благороднейшему лорду!

Х е с т и н г с

Привет мой вам; вы рано встали, Кетсби.
Что слышно в нашем шатком королевстве?

К е т с б и

Да, верно, все в нем валится, милорд.
Боюсь, что на ноги ему не встать,
Пока не будет Ричард венценосцем.

Х е с т и н г с

Что? Венценосцем? То есть королем?

К е т с б и

Ну да, милорд.

Х е с т и н г с

Скорей дам голову свою срубить,
Чем так переместить венец позволю.
Ты думаешь, он делит на него?

К е т с б и

Клянусь, что да. Он думает, что сразу
Вы станете сторонником его,
И потому вам добрую шлет весть:
Сегодня родственников королевы,
Врагов всех ваших, в Помфрете казнят.

Х е с т и н г с

Ну, да об этом плакать я не стану:
Они всегда врагами были мне.
Но чтоб за Ричарда я голос подал,
Наследника прямого обездолил,—
Нет, богом я клянусь, скорей умру!

К е т с б и

Дай бог вам быть всегда при этом мненье.

Х е с т и н г с

Но я и через год смеяться буду,
Что дожил я до гибели людей,
Навлекших на меня гнев короля.
Послушай, Кетсби...

К е т с б и

Что скажете, милорд?

Х е с т и н г с

Что не пройдет и двух недель, как я
Упрячу кой-кого, кто и не ждет.

К е т с б и

Милорд, как тяжело умирать тому,
Кто к смерти не готовился, не ждал!

Х е с т и н г с

Чудовищно! Чудовищно! Случилось
Так с Риверсом, и Вогеном, и Греем.
И так случится кое с кем, кто верит,
Что безопасен он, как ты да я.
А нас ведь Бекингом и Ричард любят!

К е т с б и

Высоко принцы ценят вас, я знаю.

(В сторону.)

Высоко голову твою воткнут.

Х е с т и н г с

Конечно, это все я заслужил.

Входит С т е н л и.

А что же вы рогатины не взяли?
Бойтесь вепря вы, а безоружны!

С т е н л и

Милорд, день добрый.— Кетсби, добрый день.—
Вы можете шутить, но, я клянусь,
Не нравятся мне эти два совета.

Х е с т и н г с

Своей, милорд, я жизнью дорожу,
Как вы — своей; и никогда мне жизнь
Такою драгоценной не казалась.
Вы думаете, был бы я так счастлив,
Когда б не знал, что безопасны вы?

С т е н л и

Те помфретские лорды выезжали
Из Лондона в веселом построенье
И в безопасность верили свою.
Им опасаться не было причины,—
А солнце их как рано закатилось!
Внезапная та месть меня пугает,
Дай бог, чтоб трусом оказался я!
Идем мы в Тауэр? Утро уж настало.

Хестингс

Ну, полно, с вами я. Известно ль вам,
Милорд, что эти господа сегодня
Голов своих лишатся?

Стенли

Уж лучше было б шляпы снять с их судей,
Чем головы за верность с них снимать.
Милорд, пойдемте.

Входит рассыльный.

Хестингс

Вперед идите. С этим славным малым
Поговорим.

Стенли и Кетсби уходят.

Как поживаешь, друг?

Рассыльный

К услугам вашей милости, отлично.

Хестингс

Скажу тебе, что я живу получше,
Чем при последней встрече нашей. Я
Тогда под стражей шел по наущению
Злых родственников королевы в Тауэр;
Теперь скажу,— но ты молчи об этом,—
Что нынче тех врагов моих казнят,
А я в чести, какой не знал я прежде.

Рассыльный

Бог ваше счастье да хранит, милорд!

Хестингс

Спасибо; выпей за мое здоровье
(Бросает ему кошелек.)

Рассыльный

Благодарю, милорд.

(Уходит.)

Входит священник

Священник

Милорд, я счастлив видеть вашу милость.

Хестингс

Благодарю тебя, сэр Джон, всем сердцем.
Я за последнюю вам должен службу;
В субботу приходите — заплачу вам.

Входит Бекингем.

Бекингем

С священником, милорд, вы говорите?
Друзьям он вашим в Помфрете нужней;
Милорд, вам исповедоваться рано.

Хестингс

О них я тоже тотчас же подумал,
Когда отца святого повстречал.
Идете в Тауэр вы?

Бекингем

Иду туда, милорд, но ненадолго.
Я прежде вас оттуда возвращусь.

Хестингс

Конечно, я останусь там обедать.

Бекингем
(в сторону)

И ужинать; но этого не знаешь.
Пойдемте вместе.

Хестингс

Я к услугам вашим.

Уходят.

СЦЕНА 3

Помфретский замок.

Входит Ретклиф со стражей, ведущей Риверса, Грея
и Вогена на казнь.

Ретклиф

Ну, выводите узников сюда.

Риверс

Позволь тебе сказать, сэр Ричард Ретклиф:
Увидишь нынче ты, как умирают
За долг, и честь, и верность государю.

Г р е й

Бог, принца сохрани от вашей своры,
Проклятая вы шайка кровопийц!

В о г е н

Вы вззоете о том, что жили вы.

Р е т к л и ф

Кончайте же; истек срок вашей жизни.

Р и в е р с

О Помфрет! О кровавая тюрьма,
Для благородных паров роковая!
За стенами преступными твоими
Ричард Второй зарублен насмерть был!
Чтобы тебя сильнее осрамить,
Зловещая, тебя своею кровью
Напоим мы.

Г р е й

На нас проклятье Маргариты пало
За то, что Ричарду мы помогали,
Когда он ее сына заколол.

Р и в е р с

И Ричарда она, и Бекингема,
И Хестингса тогда же прокляла.
Услышь, господь, о них ее молитву,
Как нынче ты ее молитве внял
О нас! Но только за сестру мою,
За царственных ее детей, о боже,
Прими кровь нашу верную, что ныне
Прольется, сам ты знаешь, незаконно!

Р е т к л и ф

Поторопитесь, пробил час ваш смертный.

Р и в е р с

Обнимемся, мой Грей, мой Воген, здесь;
До новой встречи в небесах — прощайте!

Уходят.

СЦЕНА 4

Тауэр.

Входят Бекингем, Стенли, Хестингс, епископ Илийский,
Ретклиф, Ловел и другие лорды и садятся за стол.

Хестингс

Мы, пары благородные, собрались,
Чтоб коронации назначить день.
Назначьте ж этот день, во имя божье.

Бекингем

Для коронации готово ль все?

Стенли

Готово все, лишь день нам неизвестен.

Епископ Илийский

Мне кажется, что день счастливый завтра.

Бекингем

Правителя известно ль мнение здесь?
К милорду герцогу кто ближе всех?

Епископ Илийский

Вы, герцог, легче всех могли б узнать.

Бекингем

Кто? Я, милорды? Но мы только знаем
Друг друга лица, не сердца,— и он
Меня не знает, как я вас не знаю,
И мнение его мне неизвестно.—
Лорд Хестингс, вы близки с ним.

Хестингс

Ко мне, я знаю, герцог благосклонен;
Но я его о дне коронавань
Не спрашивал, и он не поверял мне,
Что светлости его благоугодно.—
Но вы, милорды, назовите день.
Я вместо герцога подам свой голос:
Он, верно, не обидится на это.

Входит Глостер.

Епископ Илийский

Ну, в добрый час, сюда идет сам герцог.

Г л о с т е р

Милорды и кузены, добрый день.
Сегодня я проспал; но, я надеюсь,
Мое отсутствие не помешало
Делам, что должен был закончить я.

Б е к и н г е м

Когда б на реплику вы не вошли,
Сыграл бы Хестингс вашу роль, милорд;
Хочу сказать: за вас он голос подал
О том, когда нам короля венчать.

Г л о с т е р

На это мог решиться только Хестингс.
Он знает нас и любит нас сердечно.

Х е с т и н г с

Благодарю, милорд.

Г л о с т е р

Милорд епископ!

Е п и с к о п   И л и й с к и й

Милорд?

Г л о с т е р

Недавно я у вас в Холборне
В саду видал прекрасную клубнику.
Пожалуйста, за ней сейчас пошлите.

Е п и с к о п   И л и й с к и й

С большою радостью пошлю, милорд.

(Уходит.)

Г л о с т е р

(Бекингему)

Кузен, сказать мне надо вам два слова.

(Отводит его в сторону.)

Уж с Хестингсом наш Кетсби говорил,
Но был горяч упрямый дворянин:
Скорей отдаст он жизнь, чем согласится,
Чтоб отдал трон сын короля его,—
Почтительно его так называл он.

Бекингем

Уйдите ненадолго; я за вами.

Глостер и Бекингем уходят.

Стенли

Торжественный же выбрали мы день;
Но завтра, кажется мне, слишком рано.
Еще не все готово у меня,
Как будет, если этот день отложим.

Входит епископ Илийский.

Епископ Илийский

А где же лорд-правитель? За клубникой
Я уж послал.

Хестингс

Сегодня герцог весел и любезен:
Наверно, что-нибудь ему приятно —
Так ласково здоровается он.
Нет в христианском мире человека,
Кто б искреннее был в любви и злобе;
Тут по лицу сейчас же видно сердце.

Стенли

Что ж видите сегодня вы в лице?
Что сердце вам сегодня обещает?

Хестингс

Клянусь, что он никем здесь не обижен;
А был бы,— сразу бы в глазах прочли.

Стенли

Дай бог, чтоб было так, как вы сказали.

Входят Глостер и Бекингем.

Глостер

Скажите мне, что заслужили те,
Кто покушается на жизнь мою
Проклятым колдовством и тело мне
Бесовским чарованьем истощает?

Хестингс

Любовь, что я питаю к вам, милорд,
Велит мне ревностнее всех желать

Суда и кары; кто б злодей тот ни был,
Заслуживает смерти он, милорд.

Г л о с т е р

Пусть взор ваш засвидетельствует зло.
Смотрите, околдован я: рука,
Как ветка пораженная, иссохла.
Жена Эдварда, пакостная ведьма,
В союзе с непотребной шлюхой Шор,
Тавро такое наложила мне.

Х е с т и н г с

Ну, если сделали они то дело...

Г л о с т е р

Как «если»! Покровитель гнусной шлюхи!
Ты «если» говоришь? Предатель ты!
Прочь голову ему! Клянусь святыми,
Обедать я не стану до тех пор,
Пока ее не принесут. Должны вы,
Ретклиф и Ловел, дело это сделать.
Все, кому дорог я, идем за мной.

Уходят все, кроме Хестингса, Ретклифа и Ловела.

Х е с т и н г с

О горе, горе Англии! Не мне!
Предотвратить я это мог, безумный.
Во сне у Стенли шлем сорвал злой вепрь —
Я этим пренебрег, я не бежал.
Три раза спотыкался конь мой нынче
И перед Тауэрром встал на дыбы,
Как бы почуя с отвращеньем бойню.
О, нужен мне сейчас священник тот.
Я каюсь, что рассыльному сказал,
Что торжествую я, что всех врагов
Моих сегодня в Помфрете казнят,
А я в почете, в милости живу.
О Маргарита, тяжело ныне пало
На жалкую главу твою проклятье!

Р е т к л и ф

Ну, исповедь живей! Пора обедать
Уж герцогу, ждет вашей головы он.

Х е с т и н г с

О милость быстротечная людей!
Стремимся мы сильнее к ней, чем к божьей.
Кто понадеялся на вашу ласку,
Живет, как пьяный мореход на мачте;
От каждого движенья может он
Упасть в глубины роковые волн.

Л о в е л

Ну, ну, довольно! Бесполезны вопли.

Х е с т и н г с

Кровавый Ричард! Бедная земля!
Ужасное, невиданное время
Тебе пророчу.— Ну, идем на плаху.
Несите голову ему мою.
Тот, кто смеется, сам уж на краю.
Уходят.

С Ц Е Н А 5

Перед стенами Тауэра.

Входят Глостер и Бекингем в заржавленных, очень плохих
доспехах.

Г л о с т е р

Кузен, умеешь ты дрожать, бледнеть
И на полслове прерывать дыханье,
И говорить, и снова замолкать,
Как будто ты от страха обезумел?

Б е к и н г е м

Изобразю я трагика любого,
При каждом слове буду озираться,
Дрожать и содрогаться от безделки,
Боясь опасности. И мрачный взор,
Притворная улыбка — все к услугам,
Все мне готово службу сослужить
Для выполнения предназначенья.
Где ж Кетсби? Он ушел?

Г л о с т е р

Смотри, лорд-мэра он сюда ведет.

Входят лорд-мэр и Кетсби.

Бекингем
Лорд-мэр...
Глостер
Спустить подъемный мост!

Бекингем
Чу, барабан!

Глостер
Вы стены осмотрите, Кетсби.

Бекингем
Лорд-мэр, позвали вас мы...

Глостер
Гляди назад и защищайся,— враг!

Бекингем
Пусть нас хранит бог и невинность наша!

Глостер
Терпенье, здесь друзья — Ретклиф и Ловел.
Входят Ретклиф и Ловел с головой Хестингса.

Ловел
Вот голова изменника пред вами:
Казнен опасный и коварный Хестингс.

Глостер
(плачет)
Как я любил того, о ком я плачу!
Считал его невиннейшим созданием
Из всех живущих в христианском мире;
В него, как в книгу, вписывал мой дух
Своих тайнейших мыслей вереницу.
Так прикрывать постыдный свой порок
Личиной добродетели умел он,
Что кроме явного его греха,—
Хочу сказать о связи с миссис Шор,—
В нем не было заметно ни пятна.

Бекингем
Да, он был самый скрытный и лукавый
Изменник на земле.

Представить можете иль хоть поверить
(Заступничеством неба живы мы
И говорим), что этот злой предатель
Задумал нынче и в самом совете
Меня и лорда Глостера убить.

Л о р д - м э р

Ужели он задумал?

Г л о с т е р

Что, турки мы, неверные мы, что ли,
Что против правил и законов наших
Мы б скорой смерти предали злодея?
Но крайняя опасность положенья,
Мир Англии, спасенье нашей жизни
Принудили нас казнь ту совершить.

Л о р д - м э р

Бог да хранит вас! Смерть он заслужил.
Вы правильно, милорды, поступили:
Другим злодеям не повадно будет.
Я от него добра уже не ждал
С тех пор, как он связался с миссис Шор.

Г л о с т е р

Решили мы, что должен умереть он,
Как только вы на казнь, милорд, придете;
И лишь поспешность этих двух друзей
Слегка велье наше изменила.
Хотелось нам, милорд, чтоб вы слыхали,
Что говорил злодей, как он сознался
В том, как и для чего он изменил,—
Тогда могли б вы это сообщить
Всем гражданам, чтоб не было ни плача
О казни той, ни рассказней о нас.

Л о р д - м э р

Мой добрый лорд, слова мне ваши — то же,
Как если б сам все видел я и слышал.
Не сомневайтесь, принцы, сообщу я
Достойным гражданам, как в этом деле
Вы правильно и честно поступили.

Г л о с т е р

Хотелось нам, чтоб были вы при казни,
Чтоб избежать нам злобных мнений света.

Бекингем

Пришли вы позже, чем желали мы,
Но подтвердите все, что говорим.
Прощайте же, почтеннейший лорд-мэр.

Лорд-мэр уходит.

Глостер

За ним, за ним, кузен мой Бекингем!
Ты за лорд-мэром в ратушу спеши.
В толпе в момент удобный ты шепни
О том, что дети короля — ублюдки;
Припомни, как Эдвардом был казнен
Глупец один за то лишь, что сказал,
Что сын его наследует корону, —
А он шутил о вывеске своей;
О похоти Эдварда ты вверни.
Как с зверской жадностью менял он женщин;
Как лез к чужим служанкам он и женам;
Как сердце дикое п ярый глаз
Без удержу кидались на добычу.
Потом издалека меня затроньте,
Скажите — в год, когда рожала мать
Эдварда ненасытного, отец мой,
Достойный Йорк, во Франции сражался
И, сопоставив сроки, не признал он,
Чтоб им ребенок этот зачат был.
Да, впрочем, это видно по лицу —
Он с Йорком славным вовсе был несхож.
Но этого касайтесь осторожно:
Вы знаете, что мать моя жива.

Бекингем

Сыграю я оратора, милорд,
Как если б о награде золотой
Старался для себя. Милорд, прощайте.

Глостер

Когда удастся дело, всех ведите
В Бейнардский замок. Там меня найдете
Среди епископов, отцов ученых.

Бекингем

Иду — и к трем иль четырем часам
Из ратуши вестей дождетесь вы.

(Уходит.)

Г л о с т е р

Идите, Ловел, поскорей за Шоу;

(к Кетсби)

А ты — за братом Пенкером. Обоих
Просите через час в Бейнарде быть.

Ловел и Кетсби уходят.

Теперь отдать приказ мне тайный надо,
Чтобы отродье Кларенса убрали,
Да повелеть, чтоб ни одна душа
До принцев молодых не допускалась.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 6

Лондон. Улица.

Входит писец с бумагой в руке.

П и с е ц

Вот лорда Хестингса здесь приговор;
Он набело красиво переписан,
Чтоб нынче быть прочитанным в соборе.
Заметьте, как подстроено все ловко.
Одиннадцать часов его писал я,—
Его прислал мне Кетсби прошлой ночью,—
И столько же его вчерне писали,
А пять часов тому назад жил Хестингс,
Не уличен, и чист, и на свободе.
Да, свет таков! Кто может быть так глуп,
Чтоб сразу умысла здесь не увидеть?
Но кто посмеет показать, что видит?
Плох свет и хуже будет с каждым днем,
Когда такое зло творится в нем.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 7

Двор Бейnardского замка.

Входят с одной стороны Глостер, с другой — Бекингем.

Г л о с т е р

Ну как? Что горожане говорят?

Бекингем

Да что! Пречистой девою клянусь,
Безмолвствуют, не говорят ни слова.

Глостер

Сказал, что дети Эдварда ублюдки?

Бекингем

Ну да. Сказал о договоре брачном
И с леди Люси и о том, который
Во Франции послом был заключен;
О похоти сказал и о насилиях
Над горожанами, о казнях страшных
За пустяки; о том, что он ублюдок,
Что не похож он вовсе на отца;
Потом о вашем сходстве говорил я,—
Что вылитый отец вы и лицом
И благородством духа несравненным;
Шотландские победы ваши вспомнил,
И твердость на войне, и разум в мире;
Я говорил, что вы щедры, смиренны
И добродетельны; я ничего
Не упустил, что было б вам полезно.
Когда же кончил речь, я предложил
Всем тем, кто родине желает блага,
Кричать: «Да здравствует король наш Ричард!»

Глостер

Ну, а они кричали?

Бекингем

Помилуй бог, ни слова не сказали,
Как будто камни или истуканы,
И, бледные, глядели друг на друга.
Я стал их упрекать, спросил у мэра,
Что значит это дерзкое молчанье.
Он отвечал, что не привык народ
К таким речам, что здесь глашатай нужен.
Тогда его заставил повторить я
Мои слова. Сказал он: «герцог то»
Да «герцог се», а от себя ни слова.
Как кончил он, тут молодцы мои
Вверх шапки кинули, поодаль стоя,
И жидко крикнули: «Король наш Ричард!»

Воспользовался этой горстью я,
Сказал: «Друзья и граждане, спасибо.
Рукоплескания и клики ваши —
Знак мудрости и к Ричарду любви».
На этом я закончил и ушел.

Г л о с т е р

Вот глыбы безъязычные! Молчали?

Б е к и н г е м

По правде говоря, молчали.

Г л о с т е р

Что ж, с присными лорд-мэр сюда придет?

Б е к и н г е м

Он скоро будет. Страх изобразите;
Не сразу соглашайтесь слушать их;
Молитвенник в руках держите; стойте
Меж двух священников, мой добрый лорд.
Об этом я им проповедь скажу.
На просьбы не склоняйтесь: точно дева,
Твердите «нет», а все же принимайте.

Г л о с т е р

Ну, если будете вы так же сильно
Просить, как я отказываться буду,
Все к доброму концу мы приведем.

Б е к и н г е м

На галлерею! Там лорд-мэр стучится.

Г л о с т е р уходит.

Входят лорд-мэр и горожане.

Приветствую я вас, лорд-мэр. Все жду,
Не согласится ль герцог нас принять.

Входит К е т с б и.

На просьбу что милорд ответил, Кетсби?

К е т с б и

Мой благородный лорд, он просит вас
Зайти хоть завтра или послезавтра.
Сейчас он с преподобными отцами

Святому размышленью предается;
Для дел мирских покинуть не хотел бы
Своих благочестивых он занятий.

Б е к и н г е м

Вернитесь, Кетсби, к герцогу; скажите,
Что я, лорд-мэр, а также горожане
С намереньем серьезным, в важный час,
Пришли, чтоб с герцогом поговорить.

К е т с б и

Сейчас все это доложу ему.

(Уходит.)

Б е к и н г е м

Да, не похож наш герцог на Эдварда!
Днем не валяется в срамной постели,
А молится он, стоя на коленях;
Он с парой куртизанок не шалит —
С двумя монахами проводит время;
Не спит он, чтобы тело разжирело,
А молится, чтоб дух обогатить.
Счастливой Англия была б, когда
Принц этот добрый стал бы ею править!
Но я боюсь, его нам не склонить.

Л о р д - м э р

Бог да хранит нас от его отказа!

Б е к и н г е м

Боюсь, что он откажет.

Входит К е т с б и.

Ну, Кетсби, что сказал теперь милорд?

К е т с б и

Он удивляется, что вы собрали
Такую силу граждан, чтоб прийти.
Осведомлен не будучи об этом,
Бойтся он, что цель у вас дурная.

Б е к и н г е м

Жалею, что кузен мой благородный
Во мне подозревает злые мысли.

Клянусь, сюда пришли мы с чистым сердцем.
Вернитесь к герцогу, скажите это.

Кетсби уходит.

Когда возьмутся набожные души
За четки, их не оторвать от них:
Так сладок им молитвенный восторг.

Наверху появляется Глостер между двумя епископами.
Кетсби возвращается.

Лорд-мэр

Смотрите, герцог между двух духовных!

Бекингем

Для принца христианского — подпора,
Что бережет от суетных желаний.
Смотрите, и молитвенник в руках —
Святого человека украшение, —
Плантагенет светлейший, герцог славный,
Склони благоприятный слух к мольбам.
Прости нас, что осмелились прервать мы
Усердие твоих молитв святых.

Глостер

Милорд, таких не нужно оправданий.
Прошу я вас простить меня, милорд,
Что, с рвением богу моему служа,
Сначала я друзей моих не принял.
Но бросим это. Чем могу служить вам?

Бекингем

Да тем же, чем послужите и богу
И добрым людям, что живут без власти.

Глостер

Боюсь, я что-то совершил, что город
Обидою считает, и пришли вы,
Чтобы невежеством меня корить.

Бекингем

Да, совершили. Но, послушав нас,
Вы можете грех искупить, милорд.

Глостер

Да, в христианском я краю живу.

Бекингем

Так знайте же, что грех ваш — то смирение,
С каким вы гордый и высокий трон,
И ваше место, ваших предков власть,
И званье ваше, и права рожденья,
И дома королевского всю славу
Гнилой и хилой ветви отдаете.
Для блага Англии мы будим вас
От кротости сонливых ваших мыслей.
Теряет остров собственные члены;
Рубцами срама лик обезображен,
Ползучие растенья обвились
Вкруг царского ствола, и он ушел
Уж по плечи в бездонную пучину
Ничтожества и черного забвенья.
Чтоб остров наш спасти, всем сердцем просим,
Светлейший герцог, это бремя взять
По управлению нашим королевством;
Не как правитель, опекун, наместник,
Не как смиренный исполнитель власти,—
Как кровный и наследственный король
Должны державою своей вы править.
Вот почему с толпою этих граждан,—
С друзьями, почитающими вас,—
По просьбе их усердной я пришел,
Чтоб с ними вместе умолять вас, герцог.

Глостер

Для званья моего, что лучше будет —
Уйти в молчанье или горьким словом
Вас упрекнуть за предложение ваше?
Коль промолчу, вы можете решить,
Что, онемев от честолюбья, приняв
Я золотое иго царской власти,
Что вы в безумье мне надеть хотите;
И если я за ваше пожеланье,
Что выражает верную любовь,
Вас упрекну,— друзей я огорчу.
И потому, чтоб избежать укоров
И недоразумений с двух сторон,
Ответ вам окончательный даю:
Благодарю вас за любовь, но я
Не заслужил таких высоких просьб.
Ведь даже если б не было препятствий

И путь мой к трону был бы так же ясен,
Как ясно право моего рожденья,—
Так нищ я духом, а мои пороки
Так велики и так многообразны!
Скорей бы спрятался я от величья,
Чем, этого величья домогаясь,
Стал в испареньях славы задыхаться:
Мой челн не вынес бы морей могучих.
Но, слава богу, я не пужен вам.
Я слишком слаб, чтоб вам помочь в нужде.
Плод царский древо царское дало нам;
Пройдут года незримо, плод созреет,
С достоинством займет великий трон
И царствованием осчастливит нас.
Слагаю па него то, что хотели б
Вы на меня сложить,— его права
И сан, что дан ему звездой счастливой.
Не дай мне бог на это посягнуть!

Б е к и н г е м

Милорд светлейший, совестливы вы;
Но ваши доводы, как разглядишь их,
Неубедительны и щекотливы.
Эдвард — сын брата вашего? Согласен;
Но он не сын его жены законной.
Ваш брат был с леди Люси обручен,
Чему живой свидетель — ваша мать.
А после он заочно обручился
С сестрою короля французов, Боной.
Просительница жалкая обеих
Их отстранила: бедная вдова,
Увядшая мать взрослых сыновей,
Уже на склоне лучших дней своих
Его распутный взор обворожила
И вовлекла, власть захватив над ним,
В паденье гнусное и двоеженство.
С ней в беззаконной связи прижил он
Эдварда, что мы прицдем величаем.
Я мог бы привести покрепче довод,
Но, почитая тех, кто жив еще,
Грань точную я языку поставил.
Итак, милорд, возьмите на себя
Достоинство, предложенное вам,—
И если не для нас, не для страны,
То чтобы вывести ваш славный род

Из порчи, что гнездилась в нем годами,
На путь прямого престолонаследья.

Л о р д - м э р

Вас молят граждане, милорд; решайтесь!

Б е к и н г е м

Не отвергайте их любви, милорд!

К е т с б и

О, дайте радость им, исполнив просьбу!

Г л о с т е р

Увы, зачем мне этот груз забот?
Не создан я для тропы, для величья.
Прошу вас, на меня не обижайтесь —
Я не могу и не хочу вам сдаться.

Б е к и н г е м

Усердье и любовь мешают вам
С престола свергнуть этого ребенка:
Сын вашего он брата; все мы знаем,
Как сердцем женственны вы и нежны,
Как вы добры к своей родне, а также
И к людям всех сословий.
Но знайте, — вы уступите или нет, —
Эдварда сын не будет королем.
Другого мы посадим на престол,
Чтоб род ваш посрамлен был и погиб.
Так порешив, мы оставляем вас. —
Идемте, граждане. К чертям все просьбы!

Г л о с т е р

О, не бранись, мой милый Бекингем.

Бекингем и горожане уходят.

К е т с б и

Верните, герцог, их и согласитесь.

Другой из приближенных Глостера
Всей Англии отказ ваш — злое горе.

Г л о с т е р

Вы целый мир забот хотите дать мне! —

Зови обратно их.

Кетсби уходит.

Я не из камня,
И нежная мольба пробила сердце,
Хоть против этого и дух и совесть.

Входят Бекингем и другие.

Мой Бекингем и мудрые мужи,
Раз вы решили на плечи взвалить
Мне эту власть, я должен терпеливо,
Хочу или нет, тяжелый груз нести.
Но если безобразный срам, злословье
За вашим принуждением вслед придут,—
Да будет мне щитом насилье ваше
От грязной клеветы и от бесчестья.
Бог видит, видите теперь и вы,
Как от желаний этих я далек.

Лорд-мэр

Храни вас бог! Все видим, все и скажем.

Глостер

Сказавши это, скажете лишь правду.

Бекингем

Я с титулом вас поздравляю ныне:
Да здравствует король английский Ричард!

Все

Аминь.

Бекингем

Угодно ль завтра вам короноваться?

Глостер

Когда хотите, если так решили.

Бекингем

Мы завтра к вашей светлости придем
И радостно прощаемся сегодня.

Глостер

Вернемся к набожным занятиям нашим.—
Прощайте же, кузен, друзья, прощайте.

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А I

Перед Тауэром.

Входят с одной стороны — королева Елизавета, герцогиня Йоркская и маркиз Дорсет; с другой — леди Анна, герцогиня Глостерская, с леди Маргаритой Плантагенет, маленькой дочерью Кларенса.

Герцогиня Йоркская

Кто к нам идет? Плантагенета впучка
И милая с ней вместе Анна Глостер.
Они идут, клянусь я жизнью, в Тауэр
Приветствовать сердечно милых принцев. —
День добрый, дочь моя!

Леди Анна

Пошли господь
Обеим вам счастливый, ясный день!

Королева Елизавета

И также вам, сестра! Куда идете?

Леди Анна

Да в Тауэр, и не дальше я иду,
С таким же полным сердцем, как и вы,
Поздравить благородных принцев наших.

Королева Елизавета

Благодарю, сестра. Войдем мы вместе.

Входит Брекенбери.

А вот и комендант сюда идет.—
Вы можете сказать нам, комендант,
Как поживают принц и герцог Йоркский?

Брекенбери

Здоровы, королева. Но, простите,
Никак к ним допустить вас не могу,
Король мне это крепко наказал.

Королева Елизавета

Король? Какой король?

Брекенбери

Прошу прощения: лорд-протектор, то есть...

Королева Елизавета

От сана королевского спаси
Его господь! Между детьми моими
И мною он решился грань поставить?
Я мать — кто преградит мне к ним дорогу?

Герцогиня Йоркская

Я — мать отца их и хочу их видеть.

Леди Анна

Я по родству им тетка — мать в любви к ним.
Веди меня. На свой беру я страх
Проступок твой по службе; не страшись.

Брекенбери

Нет, госпожа, так я не поступлю.
Я связан клятвой, потому простите.

(Уходит.)

Входит Степли.

Степли

(герцогине Йоркской)

Когда бы часом позже я вас встретил,
Приветствовал бы я вас, герцогиня,
Как мать двух королев.

(Леди Анне.)

О госпожа,
Должны скорее вы идти в Уестминстер:
Там с Ричардом венчают вас на царство.

Королева Елизавета
Шнурки разрежьте мне скорей, скорее!
На волю сердце вы мое пустите!
А то от вести смертной упаду.

Леди Анна
Весть гнусная! О гибельная новость!

Дорсет
Ну, успокойтесь.— Матушка, что с вами?

Королева Елизавета
Не говори со мной; беги, мой Дорсет!
Смерть за тобой несется по пятам:
Зловеще имя матери твоей.
Чтоб смерть и ад тебя здесь не настигли,
Ты за море, ты к Ричмонду беги,
Спасайся, торопись из живодерни;
Счет трупов ты собой не умножай:
Не дай проклятью Маргариты сбыться,
Что я умру, все потеряв при жизни,—
Венец английский, мужа и детей.

Стенли
Совет ваш, королева, очень мудр.—
(*Дорсету.*)

Воспользуйтесь недолгими часами.—
Я сыну напишу, и эти письма
Получите вы от меня в пути.
Поторопитесь, вам пора идти.

Герцогиня Йоркская
О горе сеющий злосчастья ветер!
Проклятая утроба, ложе смерти!
Ты выкинула василиска в мир,
Чей неминуемый смертелеп взгляд!

Стенли
(*леди Анне*)
Идите ж, королева. Дело спешно.

Леди Анна

С великим отвращеньем я иду.
Пусть обруч золотой каленой сталью
Мне ляжет на чело и мозг прожжет;
Пусть ядом умастят меня и смерть
Меня постигнет прежде, чем услышу:
«Храни, о боже, нашу королеву!»

Королева Елизавета

Иди, бедняжка!
Я славе не завидую твоей;
Зла не желай себе, чтоб нас утешить.

Леди Анна

Увы, я зла себе уж пожелала!
Когда пришел тот, кто супругом стал мне,
За телом Генриха в слезах я шла,—
Его едва отмыты были руки
От крови ангела, что был мне мужем,
И от его отца пречистой крови,—
О, я взглянула Ричарду в лицо:
«Будь проклят,— говорю,— я молода,
А ты меня вдовою старой сделал!
Как женишься, тоска к твоей постели
Привяжется; жена — когда найдешь ты
Безумную — твоею смертью будет
Несчастнее, чем я потерей мужа!»
Проклятья не успела б повторить я,
В столь краткий срок медовыми словами
Моим он женским сердцем овладел.
Мое ж проклятье на меня упало.
С тех пор не знают отдыха глаза,
И часа одного в его постели
Я не вкусила золотого сна.
От снов его ужасных просыпаюсь...
Дочь Уорика — меня он ненавидит,
И скоро он развяжется со мной.

Королева Елизавета

Прощай! Тебя жалею я, бедняжка.

Леди Анна

О вашей скорби всей душой скорблю!

Дорсет

Прощай, несчастная, идешь ты к славе!

Леди Анна

Прощай, печальный, с нею ты простился!

Герцогиня Йоркская

(Дорсету)

Ты к Ричмонду иди! Твой спутник — счастье.

(Анне.)

Ты — к Ричарду! Храни тебя господь.

(Елизавете.)

Ты — в церковь! Мысль благую бог пошлет.

А я — в могилу: мир, покой там ждет.

Жила я восемьдесят горьких лет:

Час радости — неделя скорби вслед.

Королева Елизавета

Останься, погляди со мной на Тауэр,—

Ты, камень старый, пожалей малюток,

Которых скрыл в твоих стенах завистник!

Ты, люлька жесткая для малых деток!

Ты, нянька грубая, пестун суровый,

С детьми моими ласков, Тауэр, будь!

Прощай, боль бешеная рвет мне грудь.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Дворец.

Входят Ричард, одетый как король, с короной па голове; Бекингем, Кетсби, паж и другие.

Король Ричард

Все отойдите.— Бекингем, кузен мой!

Бекингем

Что, государь, угодно?

Король Ричард

Дай руку.

(Садится на трон.)

По совету твоему
И с помощью твоей король здесь — Ричард.
На день ли краткий эта слава нам,
Иль долго ею наслаждаться будем?

Бекингем

Пускай живет она и навсегда.

Король Ричард

Ах, Бекингем, теперь я испытаю,
Из чистого ли золота ты отлит.
Жив маленький Эдвард. Меня ты понял?

Бекингем

Скажите, государь любезный...

Король Ричард

Сказал уж я. Хочу быть королем.

Бекингем

Ведь вы король, мой государь великий.

Король Ричард

Как! Я король? Ну да! Но жив Эдвард.

Бекингем

Да, правда, государь.

Король Ричард

Конец печальный —
Что будет жить Эдвард. «Да, государь!»
Кузен, ты не был до сих пор так глуп.
Ясней? Хочу, чтоб умерли ублюдки,
Чтоб это выполнено было сразу.
Что скажешь? Отвечай мне сразу, кратко.

Бекингем

Как вашему величеству угодно.

Король Ричард

Эх! Ты — как лед, и стыну я невольно
От ледяной учтивости твоей.
Скажи мне, на их смерть согласен ты?

Б е к и н г е м

Вздохнуть мне дайте, государь, подумать...
Тогда на это прямо я отвечу.
Я скоро сообщу решение вам.

(Уходит.)

К е т с б и

(тихо, одному из присутствующих)

Король сердит. Как он кусает губы!

К о р о л ь Р и ч а р д

Уж лучше с меднолобыми глупцами,
С мальчишками мне говорить, чем с теми,
Кто осторожно на меня глядит.
Стал боязлив надменный Бекингем.—
Эй, малый!

П а ж

Я здесь, милорд.

К о р о л ь Р и ч а р д

Не знаешь ли, кто, золотом прельщенный,
Решился бы на темное убийство?

П а ж

Один есть недовольный дворянин,
Чьи средства скромные и гордый дух
Не ладят. Золото его прельстит
Сильней ораторов на что угодно.

К о р о л ь Р и ч а р д

А как зовут его, скажи мне.

П а ж

Тиррел.

К о р о л ь Р и ч а р д

Его немного знаю. Ну, зови.

П а ж уходит.

Увертливый и хитрый Бекингем
Мне близким уж советником не будет.
Без устали со мною шел он вместе;
Теперь вздохнуть он хочет?

Входит С т е н л и.

Ну что, какие вести?

С т е н л и

Слышал я, будто за море бежал
Лорд Дорсет и соединился там
Он с Ричмондом.

(Отходит в сторону.)

К о р о л ь   Р и ч а р д
К е т с б и !

К е т с б и

Что, государь?

К о р о л ь   Р и ч а р д

Слух распусти повсюду,
Что леди Анна тяжело заболела;
А я велю ее держать в затворе.
Да дворянина поищи в мужья
Для дочки Кларенса, из захудалых.
Сын — глуп, и потому он мне не страшен.
Спишь, что ли? Я сказал: слух распусти,
Что королева Анна умирает.
Ну, шевелись! Мне очень важно в корне
Пресечь надежды, что вредить мне могут.

К е т с б и уходит.

Дочь брата в жены я себе возьму,
А то мой трон — на хрупком хрустале.
Зарезав братьев, на сестре жениться!
Северный путь! Но нет уже помех.
Я в кровь вошел, и грех мой вырвет грех;
И слезы жалости мне не идут.

Входят паж и сэр Джемс Тиррел.

Так Тиррелом тебя зовут, скажи мне?

Т и р р е л

Джемс Тиррел и слуга покорный ваш.

К о р о л ь   Р и ч а р д

Покорный ли?

Т и р р е л

Милорд, вы испытайте.

Король Ричард
Решишься друга моего убить?

Тиррел
Готов, милорд;
Но предпочел бы двух врагов убить.

Король Ричард
Ну, ладно. Есть два кровные врага,
Враги покоя и помеха сну.
Я на руки сдаю тебе их, Тиррел,—
Ублюдков тех, что в Тауэре сидят.

Тиррел
Велите только доступ к ним мне дать,—
И я от страха вас освобожу.

Король Ричард
Как музыка — слова твои! Стань ближе.
Вот пропуск; подойди и дай мне ухо.
(Шепчет ему на ухо.)

Ну, вот и все. Скажи, что все готово,—
Я полюблю и отличу тебя.

Тиррел
Все сделано, милорд.

Король Ричард
Услышим ли мы, Тиррел, о тебе
Еще до сна?

Тиррел
Услышите, милорд.
(Уходит.)

Входит Бекингем.

Бекингем
Мой государь, последний ваш приказ,
Который вы мне дали, я обдумал.

Король Ричард
Оставим. Дорсет к Ричмонду бежал.

Б е к и н г е м

Я слышал эту новость.

К о р о л ь Р и ч а р д

Он пасынок ваш, Стенли,— берегитесь.

Б е к и н г е м

Милорд, прощу обещанного дара,
Ведь ваша честь была тому порукой:
Вы обещали — графством Херифорд
И всем, что есть в нем, буду я владеть.

К о р о л ь Р и ч а р д¹

(к Стенли)

Смотрите, Стенли, за женой своей;
И если Ричмонду она напишет
Письмо, то вы ответите за это.

Б е к и н г е м

Что скажете, милорд, на эту просьбу?

К о р о л ь Р и ч а р д

Я помню, предсказал когда-то Генрих
Шестой, что Ричмонд будет королем.
Тогда был Ричмонд хнычущим мальчишкой.
Быть может... королем...

Б е к и н г е м

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д

Но почему пророк тогда же мне
Не предсказал, что я его убью?

Б е к и н г е м

Мой государь, вы графство обещали...

К о р о л ь Р и ч а р д

Ричмонд... Я в Эксетере был недавно,
И мэр любезно замок показал мне
И назвал Руджмонтом. Я содрогнулся:
Какой-то бард ирландский предсказал мне:
«Увидев Ричмонд, долго жить не будешь».

Бекингем

Мой государь!

Король Ричард
Который час?

Бекингем

Осмелюсь вашей милости напомнить
О вашем обещанье.

Король Ричард
Ну да; который час?

Бекингем

Сейчас бьет десять.

Король Ричард
Пусть бьет.

Бекингем

Но почему «пусть бьет», милорд?

Король Ричард
Да потому, что, как дурак, ты бьешься,
И клянишь, и мешаешь думать мне.
Дарить сегодня я не расположен.

Бекингем

Тогда скажите прямо: да иль нет?

Король Ричард

Тшш... Тшш...

Ты мне мешаешь; я не расположен.

Уходит все, кроме Бекингема.

Бекингем

Ах, так презрение — награда мне?
Для этого его короновал я?
О, вспомни Хестингса — и в Брекнок в путь,
Чтоб голову спасти мне как-нибудь.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Там же.

Входит Тиррел.

Тиррел

Кровавое свершилось злодеянье,
Ужасное и жалкое убийство,
В каком еще не грешен был наш край!
Дайтон и Форрест, купленные мною,
Чтоб в бойне жесточайшей поработать,
Два стервеца, два кровожадных пса,
Мне говоря о жалостном убийстве.
Растроганные, плакали, как дети.
«Вот так, — сказал мне Дайтон, — дети спали». —
«Так, — Форрест перебил, — обняв друг друга
Невинными и белыми руками.
Их губы, как четыре красных розы
На летней ветке, целовались нежно.
Молитвенник лежал на их подушке;
И это все во мне перевернуло;
Но дьявол...» — тут мой негодяй замолк,
И Дайтон продолжал: «Мы задушили
Сладчайшие, нежнейшие создания,
Которые природа сотворила».
Раскаяньем и совестью терзаясь,
Они умолкли; я оставил их.
Весть королю кровавому принес я.
Вот он идет.

Входит король Ричард.

Привет вам, государь!

Король Ричард

Весть добрую услышу ль, славный Тиррел?

Тиррел

Когда исполненное порученье —
Добро для вас, то радуйтесь: оно
Исполнено.

Король Ричард

Ты трупы видел их?

Тиррел

Да, видел.

К о р о л ь Р и ч а р д

И зарыл их, милый Тиррел?

Т и р р е л

Священник Тауэра похоронил их;
А где — по правде вам сказать, не знаю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты после ужина ко мне приди,
О смерти их расскажешь по порядку.
Тем временем подумай о награде,
И я желание твое исполню.
Прощай.

Т и р р е л уходит.

Ну, сына Кларенса я крепко запер,
А дочь я замуж выдал кое-как;
Эдварда дети — в лоне Авраама;
Простилась королева Анна с миром.
Я знаю, Ричмонд целит в дочь Эдварда,
Елизавету. Через этот брак
Уверенней глядит он на корону;
Но я веселым женихом пойду к ней.

Входит Кетсби.

К е т с б и

Мой государь!

К о р о л ь Р и ч а р д

Что ломишься? С плохой иль доброй вестью?

К е т с б и

С плохой, милорд: у Ричмонда Джон Мортон;
С валлийцами в союзе Бекингом
Уж выступил, и войско все растет.

К о р о л ь Р и ч а р д

Гораздо мне опасней Ричмонд с Или,
Чем Бекингом с своим разбойным сбродом.
Не надо мне трусливых рассуждений:
Они — рабы медлительных отсрочек;
Им вслед ползет улиткою бессилье.
Мне будет натиск с огненным крылом —

Меркурием, божественным гонцом! —
Сбирай войска! Советом будет щит.
Не надо медлить — в поле враг стоит.
Уходят.

СЦЕНА 4

Перед дворцом.

Входит королева Маргарита.

Королева Маргарита

Созрело благоденствие врагов
И льется в гнилостную смерти пасть.
В пределах этих пряталась хитро я,
Ущерб врагов моих подстерегая.
И вижу я ужасное начало.
Во Францию уеду, но надеюсь,
Что горек, черен будет их конец.
Куда мне спрятаться, злосчастной? Кто там?

(Отходит в сторону.)

Входят королева Елизавета и герцогиня Йоркская.

Королева Елизавета

О дети нежные мои! О принцы!
О бедные, нецветшие цветы!
Коль в воздухе витают ваши души
И вечной нет обители у вас, —
Ко мне на легких крыльях вы слетите,
Чтобы стенанья матери услышать!

Королева Маргарита

(в сторону)

Слетите к ней, скажите: кровь за кровь.
Ночь погасила утро и любовь.

Герцогиня Йоркская

Бесчисленные беды надломили
Мой голос, и язык мой тих и нем.
Эдвард Плантагенет, зачем ты умер?

Королева Маргарита

(в сторону)

Плантагенет Плантагенету долг
Свой смертный заплатил, Эдвард — Эдварду.

Королева Елизавета

Зачем, господь, ты от ягнят бежал
И в волчью пасть их бросил? Или спал ты,
Когда такое дело совершалось?

Королева Маргарита

(в сторону)

Как и в тот час, что Генрих пал и сын мой.

Герцогиня Йоркская

Жизнь мертвая и взор слепой, дух смертный,
Срам мира, труп, украденный из гроба,
И книга скорбная печальных дней,
Найди покой на той земле законной,
Что незаконно кровью опоили!

(Садится на землю.)

Королева Елизавета

Земля, дала бы ты могилу мне,
Как место грустное ты мне даешь!
Я б не садилась, кости б я сложила.
Ах, чье страданье больше моего?

(Садится рядом с нею.)

Королева Маргарита

(выходя вперед)

А если старая печаль почтенней,
Воздайте мне почет по старшинству
И превосходству горя моего.

(Садится рядом с ними.)

И если сообща скорбеть мы можем,
Скажите ваше горе, я — свое.
Эдвард, мой сын, был Ричардом убит;
И Генрих, муж мой, Ричардом убит;
И твой Эдвард был Ричардом убит;
И Ричард твой был Ричардом убит.

Герцогиня Йоркская
(Маргарите)

Жил Ричард мой — его убила ты.
Жил Ретленд — помогла его убить ты.

Королева Маргарита

Жил Кларенс твой — он Ричардом убит.
Из логова твоей утробы выполз
Пес дьявольский, что к смерти всех нас гонит.
Еще без глаз он был, но уж зубаст,
Чтобы терзать агнят и кровь лакать;
Созданий божьих гнусный истребитель
И величайший на земле тиран,
Что среди тленья царствует и воплей,—
Его ты выпустила из утробы,
Чтоб он в могилы нас скорей загнал.
О боже праведный и справедливый,
Благодарю за то, что жадный пес
Плод тела материнского сжирает,
И плакать ей приходится с другими!

Герцогиня Йоркская

О Генриха жена! Не смейся горю;
Я слезы проливала над твоим.

Королева Маргарита

Терпи меня. На мщенье голодна я;
Теперь я насыщаюсь видом горя.
Эдвард твой умер, что убил Эдварда;
За моего убит второй Эдвард;
И Йорк твой — лишь привесок: кровь обоих
Не оплатила мне Эдварда кровь.
И Кларенс мертв твой, что убил Эдварда,
И зрители трагедии ужасной —
Распутный Хестингс, Риверс, Воген, Грей —
В могилах мрачных все уж задохнулись.
Но Ричард, черный маклер ада, жив:
Для ада покупает души он,
Туда их шлет. Но скоро, скоро, скоро
Конец наступит жалкий, всем желанный.
Земля зияет, и пылает ад,
И дьяволы вопят, святые молят,
Чтоб он скорей отсюда был извергнут.
Из жизни вымарай его, о боже,
Чтоб я, дожив, могла сказать: «Сдох пес!»

Королева Елизавета

Ты напророчила, что будет время —
Тебя я умолю проклясть со мною
Кривую жабу, паука, пиявку...

Королева Маргарита

Тебя судьбы моей пустым сияньем
Звала я, крашеною королевой,
Подобьем лживым моего величья,
Прологом радостным ужасной драмы.
Ты вознеслась, чтоб сброшенной быть в бездну;
Тебе даны в насмешку были дети;
Теперь ты — сон о том, чем ты была,
Цветной значок — цель выстрелов опасных,
Величья вывеска, пузырь, и вздох,
И королева только на подмостках.
Где твой супруг? Где братья, сыновья?
Где радости твои? Кто на коленях
Кричит: «Храни, о боже, королеву»?
Склоненные и льстивые где пэры?
Бегущий за тобой толпой народ?
Припомни все; смотри, что ты теперь.
Ты не жена — несчастная вдова;
Не радостная — плачущая мать;
Не милуешь — о милостях ты молишь;
Последняя раба в короне бед;
Ты презирала — презираю я;
Тебя боялись все — ты всех боишься.
Уже не слушают твоих велений,
Уж повернулось колесо судьбы,
И отдана ты времени в добычу.
О том, чем ты была, осталась память,
Чтобы пытать тебя, чем стала ты.
Ты место отняла мое — теперь
Возьми по праву часть моих печалей.
Несешь ты нынче половину груза,
Но скоро с головы усталой ношу
Всю на тебя переложу. Прощай,
Бед королева! Франция — путь мой;
Там над английской посмеюсь бедой.

Королева Елизавета

Останься здесь, искусница в проклятьях,
И научи, как клясть моих врагов!

Королева Маргарита

Не знай ночного сна и днем постись;
Сравни живое горе с мертвым счастьем;
Преувеличь красу своих детей
И гнусности того, кто их убил.
Чем чище жертва, изверг тем черней,—
Тебя научит это клясть сильнее.

Королева Елизавета

Тупы слова... Меня б ты научила!

Королева Маргарита

Печалью ты б их быстро наточила.
(Уходит.)

Герцогиня Йоркская

Зачем страданью избылье слов?

Королева Елизавета

Воздушные ходатаи печали,
Летучие преемники веселья
И бедные ораторы скорбей!
Слова хоть не помогут ничему,
Но с ними легче сердцу моему.

Герцогиня Йоркская

А если так, язык свой развяжи.
Пойдем, словами горькими задушим
Проклятого мы сына моего,
Что задушил твоих сыночков бедных.
Чу, барабан! На вопли будь щедр.

Входит под звуки труб и барабанов король Ричард.

Король Ричард

Кто пресекает мне в походе путь?

Герцогиня Йоркская

Та, что пресечь могла все злодеянья,
Что совершил ты, гад, когда б тебя
В утробе окаянной задавила.

Королева Елизавета

Ты спрятал лоб под золотым венцом.
Клейму б там быть, коль правом было б право!

Убийством принца добыл ты венец
И смертью сыновей моих и братьев.
Скажи, злодей, где сыновья мои?

Герцогиня Йоркская
О жаба гнусная, где брат твой Кларенс?
И Нед Плантагенет, его дитя?

Королева Елизавета
Где добрый Хестингс, Риверс, Воген, Грей?

Король Ричард
Тревогу бейте и трубите, трубы,
Чтоб небо не слыхало глупых баб,
Что лают на помазанника божья!

Трубы и барабаны.

Ко мне приветливо и терпеливо
Вы обращайтесь или вопли ваши
Я бранным шумом тотчас заглушу.

Герцогиня Йоркская
Ты сын ли мой?

Король Ричард
Да, слава богу, и отцу и вам.

Герцогиня Йоркская
Тогда без гнева гнев мой выноси.

Король Ричард
На вас похож я нравом, герцогиня,
И я упреки плохо выношу.

Герцогиня Йоркская
О, дай сказать!

Король Ричард
Но слушать я не буду.

Герцогиня Йоркская
В словах я буду ласковой и кроткой.

Король Ричард
И краткой, матушка: я тороплюсь.

Герцогиня Йоркская
Торописья? А я тебя ждала,
Бог весть как, в смертных муках и страданиях.

Король Ричард
И вот, чтоб прекратить их, я родился.

Герцогиня Йоркская
Родился ты, клянусь распятем я,—
И стала адом бедная земля.
Младенчество твое мне тяжким было,
И школьником ты бешен был и дик,
И юношей неукротим и дерзок,
А возмужав, ты стал хитер, коварен,
Высокомерен и кровав,— опасен
Тем, что под простотой ты злобу скрыл.
Назвать ты можешь ли единый час,
Когда меня порадовал собой?

Король Ричард
Да нет, пожалуй; разве что случайно,
Когда вы завтракали без меня.
Когда вам так не мил я, мне позвольте,
Не оскорбляя вашу милость видом,
Идти в поход. Бей, барабан!

Герцогиня Йоркская
Послушай!

Король Ричард
Горьки слова у вас.

Герцогиня Йоркская
Одно лишь слово;
С тобой не буду больше говорить.

Король Ричард
Ну!

Герцогиня Йоркская
Иль справедливо бог тебя убьет,
Не дав с победою домой вернуться,
Иль я умру от старости и горя,—
Но я тебя уж больше не увижу.
Неси с собой тягчайшее проклятье;

Пусть утомит тебя оно в день битвы
Твоих доспехов тяжких тяжелей!
На стороне врагов — мои молитвы,
И души нежные детей Эдварда
Подымут дух у недругов твоих,
Им принесут победу и успех.
Кровав ты был, и кровью кончишь ты;
Жил в сраме — и умрешь средь срамоты.

(Уходит.)

Королева Елизавета

Сильней бы клясть тебя, да нету сил.
Я на слова ее «аминь» скажу.

(Хочет уйти.)

Король Ричард

Постойте, с вами падо говорить мне.

Королева Елизавета

Уж сыновей и принцев не осталось
Тебе под нож, а дочери мои
Не царствовать — монашествовать будут,
Поэтому их жизни не лишай.

Король Ричард

У вас осталась дочь — Елизавета:
Она красива, царственна, мила.

Королева Елизавета

За это — смерть ей? О, оставь ей жизнь!
Испорчу я ее, обезображу,
Скажу, что изменила я Эдварду,
Наброшу на нее покров позора;
Чтоб ей кровавой смерти не бояться,
Скажу, что не Эдварда дочь она.

Король Ричард

Зачем бесчестить? Царская в ней кровь!

Королева Елизавета

Чтоб жизнь ее спасти, я отрекусь.

Король Ричард

Но эта кровь — ей лучшая защита.

Королева Елизавета
За эту кровь ее погибли братья.

Король Ричард
Враждебна жизни их была звезда.

Королева Елизавета
Друзья дурные жить им помешали.

Король Ричард
Для всех неотвратим судьбы закон.

Королева Елизавета
Свое безбожье ты судьбой считаешь?
Другой бы смерть моих детей была,
Когда б другую жизнь тебе дал бог.

Король Ричард
Вы говорите, будто я убил их!

Королева Елизавета
Конечно! У племянников ты отнял
Родню и волю, королевство, жизнь.
И чья б рука сердца их ни пронзила,
Я знаю — руку ту твой дух направил.
Был нож убийцы туп, пока его
О сердце ты кремневое свое
Не наточил и не послал его
В груди ягнят несчастных шировать.
Когда б от горя горе не слабело,
Я мальчиков моих не назвала б,
Пока в глаза тебе, как якорями,
Ногтями б не впились и, как челнок,
В заливе смерти потерявший снасти
И паруса, разбилась бы я в щепки
О грудь скалистую твою, о Ричард.

Король Ричард
Так сильно, как успеха я желаю
Себе в походах и кровавых войнах,
Так дому вашему желаю блага,
Чтоб вред загладить, что я вам нанес!

Королева Елизавета
Что в небесах еще скрываться может?
Что вскроется ко благу моему?

Король Ричард

Миледи, возвышение детей.

Королева Елизавета

На плаху? Чтоб там головы оставить?

Король Ричард

На высоту величия и счастья

И на вершину славы всей земной.

Королева Елизавета

Ласкай же рассказами скорбь мою.

Каким почетом, честью и величием

Ты можешь одарить моих детей?

Король Ричард

Все, что имею, самого себя

Отдать готов я твоему дитяти.

Лишь в Лете опечаленной души

Скорее утопи воспоминанье

О зле, что будто я тебе нанес.

Королева Елизавета

Будь кратким, а иначе кротость эта

Короче будет твоего рассказа.

Король Ричард

Знай, дочь твою я всей душой люблю.

Королева Елизавета

Мать дочери моей душой всей верит.

Король Ричард

Во что вы верите?

Королева Елизавета

В то, что ее ты всей душою любишь,

Как всей душой ее любил ты братьев,

А я благодарю тебя всем сердцем.

Король Ричард

Не искажай поспешно мысль мою.

Я говорю: твою люблю я дочь;

Венец английской королевы дам ей.

Королева Елизавета
Кто ж будет королем у королевы?

Король Ричард
Кто королевой сделает ее.

Королева Елизавета
Как! Ты?

Король Ричард
Ну да. Что думаете вы?

Королева Елизавета
Как к ней посватаешься?

Король Ричард
Научите:
Вам лучше прав ее знаком, чем мне.

Королева Елизавета
Меня слушаешься?

Король Ричард
Да, всем сердцем.

Королева Елизавета
Пошли ей с тем, кто братьев умертвил,
Два сердца их кровавых: на одном
«Эдвард» ты вырежешь, «Йорк» на другом;
Когда она заплачет, дай платок ей,—
Как подала когда-то Маргарита
Платок кровавый твоему отцу;
Скажи, что он напился красным соком
Из тел ее убитых братьев; пусть
Она глаза свои платком тем вытрет.
А если не полюбит и тогда,
Пошли ей список дел твоих прекрасных:
Что дядю Кларенса ее убил,
И дядю Риверса, да из любви к ней
Покончил с доброй ее теткой Анной.

Король Ричард
Вы надо мной смеетесь. Путь ли это —
Поправиться?

Королева Елизавета

Ведь ты никак переменить не можешь
Обличье, чтобы Ричардом не быть,
Все эти преступления совершившим.

Король Ричард

Скажи, что все я сделал из любви к ней.

Королева Елизавета

Она тебя лишь ненавидеть может,
Купив любовь такой ценой кровавой.

Король Ричард

Что сделано, того уж не исправить.
Ошибки часто люди совершают.—
Приходится в них каяться потом.
У ваших сыновей венец я отнял.
Но, каясь, дочери его даю.
Детей утробы вашей я убил,
Но заменю я их потомством новым
От вашей дочери и от меня:
Название бабки по любви не меньше,
Чем обожаемое имя — мать.
Внучата — дети, лишь коленом ниже,
От вашей же любви, от вашей крови;
Но только та в стенаньях их родит,
Ради кого страданья вы узнали.
Вы в молодости мучились детьми,
Мои же — старость вашу успокоят.
Вы сына потеряли — короля,
Но этим королевой стала дочь.
Я не могу всего вам возвратить,—
Примите то, что я вам дать могу.
Лорд Дорсет, сын ваш, с трепетной душой
Мятежником блуждает на чужбине,—
Домой его союз наш возвратит
К великим почестям, высоким званьям:
Король, муж дочери прекрасной вашей,
Звать будет Дорсета любимым братом,
И матерью вас будет звать король.
И все развалины ужасных дней
Поднимутся с удвоенным богатством.
Да, перед нами — золотые дни!
И слезы, что вы пролили когда-то,
Восточным жемчугом вернутся к вам.

Их в двадцать раз повысится цена,
И нарастут на них проценты счастья.
Идите ж к дочери, о мать моя!
Ей опытом своим внушите смелость;
Пусть слух готовит к ласковым речам,
И в сердце нежном пламя честолюбья
Зажгите и принцессе расскажите
О сладких, нежных свадебных часах.
Когда я покараю Бекингема,
Ничтожного мятежника, глупца,
Приду в венце победном, дочь твоя
На ложе победителя возляжет,
Возьмет мою победную добычу
И цезаря, как Цезарь, победит.

Королева Елизавета

Как лучше мне сказать? Что брат отца
Супругом хочет быть ее? Иль дядя?
Иль тот, кто братьев и дядей убил?
Под именем каким тебя представлю,
Чтоб бог, закон, любовь ее и честь
Могли потворствовать, тебе внимая?

Король Ричард

Скажи: мир Англии — в союзе этом.

Королева Елизавета

Войной придется мира ей достичь.

Король Ричард

Король ей может повелеть, но молит.

Королева Елизавета

Король всех королей ей не велит.

Король Ричард

Она могучей королевой будет.

Королева Елизавета

Чтобы над саном плакать, как и мать.

Король Ричард

Скажи, что буду век ее любить.

Королева Елизавета
Но долго ли продлится этот век?

Король Ричард
Всю жизнь ее я нежен буду с ней.

Королева Елизавета
Но долго ль нежная продлится жизнь?

Король Ричард
Как небо и природа пожелают.

Королева Елизавета
Как ад и Ричард захотят того.

Король Ричард
Властитель я, но подданный ее.

Королева Елизавета
Ей, подданной, противна эта власть.

Король Ричард
Красноречивой будь, чтоб мне помочь.

Королева Елизавета
Речь честная от простоты успешней.

Король Ричард
Так просто расскажи любовь мою.

Королева Елизавета
Но просто и бесчестно — будет грубо.

Король Ричард
Сужденья ваши все пусты и мелки.

Королева Елизавета
О нет! Они зарыты глубоко,
Как дети мертвые мои зарыты.

Король Ричард
Не трогайте тех струн — ведь все прошло.

Королева Елизавета
Замолкну, когда струны сердца лопнут.

Король Ричард
Святым Георгом, орденом Подвязки
И королевским я венцом клянусь...

Королева Елизавета
Два первых осрамил, украл ты третье.

Король Ричард
Клянусь...

Королева Елизавета
Ничем! Нет клятвы для тебя!
Святой Георг лишен тобою чести,
Запятнан рыцарский Подвязки орден,
И обесславлен краденый венец.
Ты хочешь, чтоб поверили тебе,—
Клянись тем, что еще не оскорбил ты.

Король Ричард
Клянусь я светом...

Королева Елизавета
Полн твоих злодейств он.

Король Ричард
Отца могилой...

Королева Елизавета
Жизнь твоя — ей срам.

Король Ричард
Самим собой...

Королева Елизавета
Себя ты опозорил.

Король Ричард
Ну, богом...

Королева Елизавета
Бога оскорбил всех боле.
Когда бы ты боялся божьей клятвы,
Ты б не разбил согласие, что устроил
Король — супруг мой, не убил бы братьев.

Когда бы клятвы этой ты боялся,
Не на тебе б сиял металл державный,
А сына нежный лоб он украшал бы,
И оба принца жили бы! Теперь,
Клятвопреступник, ты их уложил,
Как ласковых товарищей, вдвоем
В могилу. Там их пожирают черви.
Чем клясться будешь?

Король Ричард

Будущим своим.

Королева Елизавета

Ты будущее прошлым запятнал;
И у меня слез хватит для того,
Чтоб зло твое и в будущем оплакать.
Есть дети беспризорные — отцов их
Убил ты; слез до старости им хватит.
Отцы есть, чьих детей зарезал ты;
Всю жизнь они, как травы, будут сохнуть.
Нет, не клянись ты будущим — оно
Злодейством прежним все искажено.

Король Ричард

Клянусь, я каюсь так же, как хочу
Себе успеха в этом бранном деле!
Пусть сам себя я уничтожу! Пусть
Отнимет небо у меня все счастье!
Пусть день не даст мне света, ночь — покоя,
Пусть звезды против дел моих восстанут,
Когда всем сердцем, свято, чисто, верно
И преданно я не люблю твою
Прекрасную и царственную дочь!
В ней все мое блаженство и твое.
А без нее — тебя, меня, весь край
И многих христиан ждет злое горе,
И смерть, и разрушение, и гибель.
Лишь брак наш это может отвратить.
Лишь брак наш должен это отвратить.
Мать милая, — так звать тебя мне падо, —
Будь перед ней ходатаем моим;
Скажи, чем буду я — не чем я был;
Что заслужу — не то, что заслужил я.
О благе государственном скажи ей
И замыслов великих не губи.

Королева Елизавета
Не дьявол ли меня здесь искушает?

Король Ричард
Но дьявол к благу ведь тебя ведет.

Королева Елизавета
Чтоб быть собою, мне себя забыть?

Король Ричард
Одно лишь зло вам память причиняет.

Королева Елизавета
Но все же ты убил моих детей!

Король Ричард
В утробе дочери их схороню;
И в ней они, как феникс, возродятся
И явятся на свет вам в утешенье.

Королева Елизавета
Мне ль дочь мою склонять к такой любви!

Король Ричард
Так матерью счастливой станешь ты.

Королева Елизавета
Иду. Скорей письмо мне напиши —
И от меня ее узнаешь волю.

Король Ричард
Снеси ей этот поцелуй.

(Целует ее.)

Прощай.

Елизавета уходит.
Растаяла, пустая дура-баба!
Входит Ретклиф, за ним Кетсби.
Ну что, какие вести?

Ретклиф
У западного берега, милорд,
Флот сильный появился, и туда

Неверные друзья толпой бегут,
Но без оружия и не для боя.
Все думают, что Ричмонд флот ведет
И на море подмоги ожидает,
Что с берега подаст лорд Бекингом.

К о р о л ь Р и ч а р д

Скорее шлите к Норфолку гонца:
Ретклиф... ты сам иль Кетсби... Где же он?

К е т с б и

Здесь, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты — к Норфолку,—

(Ретклифу)

ты к Солсбери спеши;

Когда приедешь...

(К Кетсби.)

Хам беспечный, глупый,
Чего стоишь и к герцогу не едешь?

К е т с б и

Скажите вашу волю, государь,—
От вас что герцогу сказать я должен?

К о р о л ь Р и ч а р д

Да, верно, добрый Кетсби... Ты скажи,
Чтоб поскорей все войско он собрал
И в Солсбери он встретился со мной.

К е т с б и

Иду.

(Уходит.)

Р е т к л и ф

Что в Солсбери прикажет делать мне
Ваше величество?

К о р о л ь Р и ч а р д

Тебе — что делать? Сам туда я еду!

Р е т к л и ф

Велели, государь, туда скакать мне.

К о р о л ь   Р и ч а р д

Я передумал, сэр, я передумал.

Входит Стенли.

Пу, что у вас за вести?

С т е н л и

Нет, государь, особенно хороших,
Но также и худых особо нет.

К о р о л ь   Р и ч а р д

Вот так загадка — ни худых, ни добрых!
Чего кругом ты скачешь сотни миль,
Когда прямым путем короче скажешь?
Какие ж вести?

С т е н л и

Вышел в море Ричмонд.

К о р о л ь   Р и ч а р д

Пусть это море поглотит его!
Беглец трусливый! Что ему там делать?

С т е н л и

Могу предполагать лишь, государь...

К о р о л ь   Р и ч а р д

«Предполагать», сэр? Что предполагать?

С т е н л и

Что с Дорсетом и Бекингемом вместе
Идет сюда он требовать венца.

К о р о л ь   Р и ч а р д

Что? Трон мой пуст? Иль выпал меч из рук?
Иль мертв король? Или страна без власти?
Не я ль — живой наследник Йорка? Кто,
Как не наследник Йорка, здесь король?
Скажи, куда он по морю идет?

С т е н л и

Я этого не знаю, государь,

К о р о л ь Р и ч а р д

Чтоб вашим государем стать, идет он.
Зачем идет валлиец, ты не знаешь?
А я боюсь, бежать к нему ты хочешь.

С т е н л и

Напрасно подозрение, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

А где ж твои войска, чтоб их отбить?
Где ленники твои? Твои где слуги?
На западный они умчались берег,
Чтоб в высадке мятежникам помочь!

С т е н л и

Нет, государь, на севере они.

К о р о л ь Р и ч а р д

Друзья холодные! Зачем им север,
Когда на западе должны служить нам?

С т е н л и

Король могучий, не было приказа.
Угодно будет отпустить меня —
Я соберу друзей и встречу вас
Там, где угодно будет государю.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну да, ты хочешь к Ричмонду добратся.
Нет, я тебе не верю.

С т е н л и

Государь,
Причины нет меня подозревать:
Изменником я не был и не буду.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну ладно.
Иди собирай войска; но здесь оставь
Георга, сына. Будь же сердцем крепок,
Чтоб крепко голова его держалась

С т е н л и

Порукой он, что буду верен я.

(Уходит.)

Входит первый гонец.

Первый гонец

Великий государь, из Девоншира
Я весть привез от преданных друзей.
Сэр Эдвард Кортни, брат его прелат,
Высокомерный Экстерский епископ,
С союзниками подвняли восстание.

Входит второй гонец.

Второй гонец

Мой повелитель, графство Кент восстало,
И к Гилдфордам все новые подходят
Друзья; растут их силы с каждым часом.

Входит третий гонец.

Третий гонец

Отряды Бекингема, государь...

Король Ричард

Прочь, сын! И ты поешь о смерти песню?

(Бьет его.)

На, вот тебе. Носи получше вести.

Третий гонец

Принес я, государь, вам весть о том,
Что бурю внезапною и ливнем
Рассеяны отряды Бекингема;
Что сам он убежал совсем один,
Неведомо куда.

Король Ричард

Прости меня!

Вот кошелек тебе, чтоб синяки
Твои лечить. Объявлена награда
Тому, кто к нам предателя доставит?

Третий гонец

Объявлена награда, государь.

Входит четвертый гонец.

Четвертый гонец

Лорд Дорсет и сэр Томас Ловел бунт
В Йоркшире подняли, мой государь;
Но весть вторая успокоит вас:
Бретонский флот рассеян бурей; Ричмонд
На берег Дорсетширский выслал лодку,
Чтоб расспросить отряд на берегу —
Союзники они ему иль нет.
Они ответили, что Бекингом их
Послал к нему; но Ричмонд не поверил
И, паруса подняв, пошел в Бретань.

Король Ричард

Вперед, вперед! Оружье пригодится —
И если не для боя с иноземцем,
То чтоб своих мятежников карать.

Входит Кетсби.

Кетсби

Мой государь, захвачен Бекингом.
Весть эта добрая, но есть похуже;
Сказать ее вам все же надо: Ричмонд
У Милфорда с могучим войском вышел.

Король Ричард

Скорее в Солсбери! Мы здесь болтаем,
А можем выиграть иль проиграть
Наш царский бой. Пусть кто-нибудь доставит
Мне Бекингема. Ну, вперед, за мной.

Трубы.

Все уходят.

СЦЕНА 5

В доме лорда Стенли.

Входят Стенли и священник Кристофер Эрсуик.

Стенли

Сэр Эрсуик, вот что Ричмонду скажи:
Кровавый боров у себя в хлеву
Заложником Георга Стенли держит;
И, если я восстану, голова

Георга, сына моего, слетит.
Лишь этот страх пристать к вам не дает мне.
Скажи, где царственный наш Ричмонд нынче?

С в я щ е н н и к

Он в Уэльсе, в Пембруке иль Харфордурсте.

С т е н л и

А кто с ним из людей, известных нам?

С в я щ е н н и к

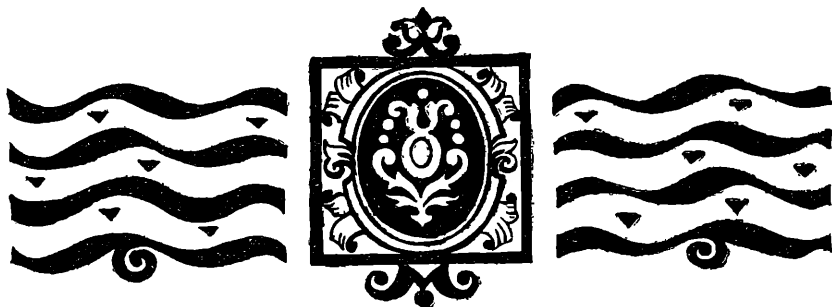
Сэр Уолтер Херберт, знаменитый воин.
Сэр Гилберт Толбот и сэр Вильям Стенли,
Великий Пембрук, Оксфорд, сэр Джеймс Блент
И Райс ап-Томас с кучей храбрецов,
И много именем и делом знатных;
И все они войска ведут на Лондон,
Коль по пути им не придется драться.

С т е н л и

Ты Ричмонду привет мой отвези;
Скажи ему, что королева рада
Ему дать в жены дочь Елизавету.
Из этого письма он все узнает.
Прощай.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Солсбери. Открытое место.

Входят шериф Уильтширский и стража с Бекингемом,
которого ведут на казнь.

Б е к и н г е м

Король мне не позволит говорить с ним?

Ш е р и ф

Нет, добрый лорд; с судьбою примиритесь.

Б е к и н г е м

Эдварда дети, Воген, Риверс, Грей,
Святой король наш Генрих, принц Эдвард,
Вы все, погубленные потаенно
Бессовестным и гнусным беззаконьем,—
О, если вы с печалию и гневом
Глядите с облаков на этот час,
Возвеселитесь гибелью моей!
Сегодня день поминовенья мертвых?

Ш е р и ф

Да, сэр.

Б е к и н г е м

День поминанья судным днем мне будет,
Я в этот день при короле Эдварде

Звал на себя погибель, если я
Его детей и братьев обману;
И в этот день звал гибель на себя
От Ричарда, к кому всех больше верил.
Пришел, пришел ты, поминальный день,
И стал днем мести за мои грехи!
Всевидающий, которым я шутил,
Той ложной клятвой поразил меня
И то дал вправду, что просил я зря.
Так направляет он оружие злых
В их собственную грудь. Как тяжко пало
Проклятье королевы Маргариты:
«Когда тебя пронзит он скорбью, скажешь:
Пророчицей была ты, Маргарита!»
Пойдем, там плаха для меня стоит,
Да будет зло за зло и стыд за стыд.
Уходят.

СЦЕНА 2

Поле близ Темуорта.

Входят с барабанами и знаменами Ричмонд, Оксфорд, Блэпт,
Херберт и другие военачальники с войсками.

Ричмонд

Вы, по оружию верные друзья,
Измученные игом тирании,
До сердца нашей родины дошли мы,
Не встретивши препятствий на пути.
От лорда Стенли, моего отца,
Здесь бодрое письмо я получил.
Кровавый, злой и беззаконный боров,
Поля и виноградники топтавший,
Как теплые помои, пивший кровь
И выедавший внутренности ваши
Из вас, как из корыта, — гнусный боров
Залег здесь, как мы только что узнали,
У Лестера, в одном лишь переходе.
Во имя бога, храбрые друзья,
Одним кровавым, смертным испытаньем
Мы жатву мира вечного пожнем!

Оксфорд

В душе у нас по тысяче мечей,
Чтобы сразить преступного убийцу.

Х е р б е р т

Его друзья переметнутся к нам.

Б л е н т

Нет у него друзей,— друзья из страха
Его покинут в горестной нужде.

Р и ч м о н д

Тем лучше нам! Вперед, во имя бога!
Лети, надежда, ласточки быстрей;
Король с ней — бог среди смертных королей.
Уходят.

С Ц Е Н А 3

Босуортское поле.

Входят король Ричард, вооруженный, герцог Норфолк,
граф Серри и другие.

К о р о л ь Р и ч а р д

Разбить шатры здесь, на Босуортском поле.—
Лорд Серри, почему вы так печальны?

С е р р и

Мой дух бодрей, чем взгляд мой, в десять раз.

К о р о л ь Р и ч а р д

Лорд Норфолк...

Н о р ф о л к

Государь, я здесь пред вами.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ударов нам не избежать, мой Норфолк!

Н о р ф о л к

Не избежать ни им, ни нам ударов.

К о р о л ь Р и ч а р д

Сюда — шатер! Я пынче здесь ночую.

С о л д а т ы расставляют шатер.

А завтра — где? Ну, ладно, все равно.
Изменников известны силы нам?

Н о р ф о л к

Их тысяча шесть или семь, никак не больше.

К о р о л ь Р и ч а р д

Так, значит, мы сильнее их в три раза;
И с нами имя короля, как крепость,—
А этого недостает врагу.—
Скорей шатер! — Пойдемте, господа,
Осмотрим местность, и людей искусных
С собой возьмем, и всем распорядимся.
Отбросим же медлительность и лень:
Нас, господа, ждет завтра трудный день.

Уходят.

Входят с другого конца поля Ричмонд, сэр Вильям Брендон, Оксфорд и другие военачальники. Солдаты ставят шатер Ричмонда.

Р и ч м о н д

Усталое уж закатилось солнце;
След колесницы огненной его
Пророчит нам на завтра день прекрасный.—
Сэр Брендон, вы штандарт мой понесете.—
В шатер мне принести чернил, бумаги:
Там план сраженья начерчу и всем
Военачальникам места назначу,
На точные отряды разделю
Все небольшое наше войско.— Оксфорд,
Сэр Брендон и сэр Херберт, здесь побудьте.
Граф Пембрук со своим полком остался.—
Мой добрый Блент, привет ему снесите
И попросите в два часа утра
Прийти ко мне в шатер. Еще скажите,
Мой добрый капитан,— вам не известно,
Где лорда Стенли полк расположился?

Б л е н т

Когда его знамена я не спутал
С чужими, в чем вполне уверен я,
Его отряд южнее на полмили
Стоит от сильных королевских войск.

Р и ч м о н д

Мой милый Блент, коль это не опасно
Для жизни, способ вы найдите к Стенли
Снести вот это важное письмо.

Б л е н т

Я это сделаю, клянусь я жизнью.
Бог да пошлет вам тихий сон, милорд.

Р и ч м о н д

Прощайте, Блент.— Пойдемте, господа,
Поговорим о завтрашнем сраженьи
В моем шатре: здесь воздух очень резок.

Все входят в шатер.

Подходят к своему шатру король Ричард, Норфолк, Ретклиф,
Кетсби и другие.

К о р о л ь Р и ч а р д

Который час?

К е т с б и

Час ужина, милорд:

Уж било девять.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ужинать не буду.

Чернил, бумаги дай.

Исправили мой шлем — удобней стал он?

Снесли мое оружие в шатер?

К е т с б и

Да, государь, для вас уж все готово.

К о р о л ь Р и ч а р д

На пост свой поспеши, мой добрый Норфолк,
И выбери нам верных часовых.

Н о р ф о л к

Иду, мой государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты с жаворонком встань, мой славный Норфолк.

Н о р ф о л к

Исполню, государь.

(Уходит.)

К о р о л ь Р и ч а р д

Кетсби!

К е т с б и

Я здесь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ты к Стенли вестника пошли,
Чтоб до восхода он свои войска
Привел,— иначе сын его Георг
Падет в слепую яму вечной ночи.

К е т с б и уходит.

(Одному из слуг.)

Налей стакан вина и дай ночник.
В бой Серри белого мне оседлай
И копыа осмотри, легки ль и крепки.—
Ретклиф!

Р е т к л и ф

Что, государь?

К о р о л ь Р и ч а р д

Нортемберленда грустного ты видел?

Р е т к л и ф

Да, видел; он и с ним граф Томас Серри
До сумерек по лагерю бродили,
Подбадривая воинов своих.

К о р о л ь Р и ч а р д

Ну, хорошо. Дай мне стакан вина,
Во мне веселья духа нынче нет,
Ни бодрости, к которой я привык.
Поставь стакан. Чернила приготовил?

Р е т к л и ф

Да, государь.

К о р о л ь Р и ч а р д

Прощай; и стражу там мою проверь.
А на рассвете приходи в шатер
Помочь надеть доспехи мне. Прощай.

Ретклиф и другие слуги уходят.

Входят в шатер Ричмонда Стенли, лорды и слуги.

С т е н л и

На шлем твой я победу призываю!

Р и ч м о н д

Мой отчим благородный, все те блага,
Что ночь таит, пусть даст она тебе!
Скажи, как мать любимая моя?

С т е н л и

Ее благословенье я принес:
О Ричмонде все молится она.
Но к делу! Тихие часы скользят,
И на востоке мрак густой светлеет.
Нужда мне кратким быть велит. Готовь
Свои войска для боя рано утром;
Свою судьбу отдай на суд кровавый
Ударов и войны смертельно зоркой.
Как только я смогу (теперь нельзя мне),
Я время обману и появлюсь
Тебе помочь в сомнительном сраженье,
Но стать теперь в твоих рядах не смею —
Иначе брата твоего Георга
Казнят тотчас же на глазах отца.
Прощай. Опасно нам и недосуг
Слова учтивой дружбы говорить,
Обмениваясь нежными речами.
Бог да пошлет нам вольно исполнять
Обряды нежной дружбы!
Прощай, прощай; будь смел и торопись!

Р и ч м о н д

Милорда Стенли проводите, лорды.—
Хоть дух тревожен, все ж заснуть хочу,
А то меня придавит сон свинцовый,
Когда нужны победные крыла.
Покойной ночи, лорды и дворяне.

Уходят все, кроме Ричмонда.

О ты, чьим воином себя считаю,
Взгляни на воинов моих с любовью,
Вложи им в руки правый меч возмездья,—
Пусть сокрушат их тяжкие удары
Противников злокозненные шлемы!
Да будем мы орудием отмщенья,
Чтоб восхвалить тебя победой нашей!
Тебе свой дух бессонный отдаю,

Пока я век своих не опускаю.
И в бдении и в сне храни меня!

(Засыпает.)

Появляется дух принца Эдуарда, сына Генриха VI.

Д у х Э д у а р д а

(Ричарду)

Как бремя, завтра ляжет на тебя
Эдвард Плантагенет, принц Уэльский! Вспомни,
Как в Тьюксбери меня во цвете лет
Зарезал ты. Отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Будь весел, Ричмонд. Души оскорбленных
Убитых принцев за тебя стоят.
Сын Генриха тебя поддержит, Ричмонд.

Появляется дух короля Генриха VI.

Д у х Г е н р и х а VI

(Ричарду)

Когда я жил, помазанное тело
Ты дырами смертельными пробил.
Припомни все, отчайся и умри!
Генрих велит, отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Будь победителем, святой и добрый!
Тебе предрекший королевство Генрих —
Во сне с тобой: будь счастлив и живи!

Появляется дух Кларенса.

Д у х К л а р е н с а

(Ричарду)

Как бремя, завтра лягу на тебя
Я, смытый в смерть твоим вином проклятым,
Предательски тобой убитый Кларенс!
В бою ты вспомни завтра обо мне,
Меч вырони — отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Ланкастра отпрыск, за тебя молитвы
Обиженные дети Йорка шлют.
Пусть ангелы хранят твой меч; будь счастлив!

Появляются духи Риверса, Грея и Вогена.

Д у х Р и в е р с а

(Ричарду)

Как бремя, завтра лягу на тебя
Я — Риверс! О, отчайся и умри!

Д у х Г р е я

(Ричарду)

Ты завтра Грея вспомни — и отчайся!

Д у х В о г е н а

(Ричарду)

Припомни Вогена, в преступном страхе
Меч вырони, отчайся и умри!

В с е т р о е

(Ричмонду)

Вставай! Обиды наши уж вонзились
В грудь Ричарда. Вставай и побеждай!

Появляется дух Хестингса.

Д у х Х е с т и н г с а

(Ричарду)

Кровав и грешен, ты в грехе проснешься
И жизнь свою в кровавой битве кончишь!
Лорд Хестингс я — отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Невинная душа, вставай, вставай!
Вооружайся, бей и побеждай!

Появляются духи двух маленьких принцев.

Д у х и п р и н ц е в

(Ричарду)

Детей, тобою в Тауэре убитых,
Ты вспомни, Ричард. Ляжем мы свинцом

На грудь твою, потянем в смерть и гибель!
Велим тебе: отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Спи мирно, Ричмонд, радостно проснись.
От вепря ангелы тебя хранят!
Родоначальником стань королей!
Эдварда дети мы. Живи, будь счастлив!

Появляется дух леди Анны.

Дух леди Анны

(Ричарду)

О Ричард, Анна жалкая твоя,
Твоя жена, что сна с тобой не знала,
Теперь твой сон тревогою волнует.
В бою ты вспомни завтра обо мне,
Меч вырони, отчайся и умри!

(Ричмонду.)

Спокойная душа, спокойно спи!
Победу пусть тебе трубят рога!
Молилась о тебе жена врага.

Появляется дух Бекингема.

Дух Бекингема

(Ричарду)

В борьбе за трон я первый помогал,
Последним пал от твоего злодейства.
В бою о Бекингеме вспомни, вспомни
И в ужасе умри от злодеяний!
О крови грезь, о смерти — до зари;
Лишившись сил, в отчаянье умри!

(Ричмонду.)

Я умер, не поспев тебе помочь,
Будь духом бодр и смел. Да сгинет ночь!
И ангелы и бог с тобой в бою,
А Ричард перед бездной на краю!

Духи исчезают.

Ричард просыпается.

Король Ричард

Коня сменить! Перевяжите раны!
Помилуй, боже! — Шш... Все это сон.
О совесть робкая, как мучишь ты!

Огни синеют. Мертв полночный час.
В поту холодном трепетное тело.
Боюсь себя? Ведь никого здесь нет.
Я — я, и Ричард Ричардом любим.
Убийца здесь? Нет! Да! Убийца я!
Бежать? Но от себя? И от чего?
От мести. Сам себе я буду мстить?
Увы, люблю себя. За что? За благо,
Что самому себе принес? Увы!
Скорее сам себя я ненавижу
За зло, что самому себе нанес!
Подлец я! Нет, я лгу, я не подлец!
Шут, похвали себя. Шут, не хвались.
У совести моей сто языков,
Все разные рассказывают сказки,
Но каждый подлецом меня зовет.
Я клятвы нарушал — как много раз!
Я счет убийствам страшным потерял.
Грехи мои — чернее нет грехов —
В суде толпятся и кричат: «Виновен!»
Отчаянье! Никто меня не любит.
Никто, когда умру, не пожалеет.
Как им жалеть, когда в самом себе
К себе я жалости не нахожу?
Казалось мне, все души мной убитых
Сошлись в шатер и каждый звал на утро
Возмездие на голову мою.

Входит Ретклиф.

Ретклиф

Мой государь!

Король Ричард

Черт! Кто здесь?

Ретклиф

Я, Ретклиф, сэр! Уж дважды петухи
Приветствовали утро громким криком.
Друзья уж встали и вооружились.

Король Ричард

О Ретклиф, мне приснился страшный сон!
Как думаешь, верны ль друзья нам будут?

Ретклиф

Конечно, государь.

Король Ричард

Боюсь я, Ретклиф...

Ретклиф

Нет, государь мой, теней вы не бойтесь.

Король Ричард

Клянусь, что эти тени нынче ночью
Сильнее ужас Ричарду внушили,
Чем десять тысяч воинов живых,
Которых жалкий Ричмонд поведет.
Еще далек рассвет. Пойдем со мной;
Подслушаем, что говорят в шатрах —
Не думает ли кто-нибудь бежать.

Уходят.

Ричмонд просыпается; в его шатер входят лорды.

Лорды

День добрый, Ричмонд!

Ричмонд

Прошу прощенья, бдительные лорды,
Что я, как лежебок, еще валяюсь.

Лорды

Как спали вы, милорд?

Ричмонд

Сладчайший сон, нежнейшие из грез,
Когда-либо приснившиеся людям,
Меня минувшей ночью посетили.
Мне снилось: души Ричардом убитых
Пришли ко мне, победу возвещая.
Клянусь, что сердце радостно ликует,
Такой прекрасный вспоминая сон.
Уж утро позднее, — скажите, лорды?

Л о р д ы

Сейчас четыре будет.

Р и ч м о н д

Пора, вооружась, полки вести.

(Выходит к войскам.)

Уж с вами говорил я, земляки,
И больше говорить теперь не время.
Одно запомните — что бог и право
Сражаются на нашей стороне.
Молитвы всех святых и всех убитых
Послужат нам высокою стеной.
Из всех врагов один лишь Ричард нам
Желает гибели, себе — победы.
Да кто врагов ведет? Друзья, ведь правда,
Что он тиран кровавый и убийца,
В крови поднявшийся, в крови живущий,
Не разбиравший средств, ведущих к цели,
Убивший тех, кто средством в этом был;
Фальшивый камень, ставший драгоценным
Лишь от фальги английского престола,
И человек, что божьим был врагом.
Вы против божьего врага деретесь —
Бог сохранит вас, как своих солдат;
Коль вы потрудитесь тирана свергнуть,
Заснете сладко вы, убив тирана;
Сражаетесь с врагом земли своей,
Земля родная вам воздаст сторицей;
Сражаетесь, чтоб жен своих спасти,—
Как победителей вас жены встретят;
Детей спасаете вы от меча,
И старость вашу внуки успокоят.
Во имя бога и во имя права —
Вперед, знамена, и вперед, мечи!
А я, если дерзка моя попытка,
Готов как выкуп лечь холодным трупом
Здесь, на земле холодной; но успех
Последний из всех вас со мной разделит.
Трубите, трубы, весело и бодро;
Господь! Святой Георг! Победа! Ричмонд!

Уходят.

Входят Ричард, Ретклиф, свита и войска.

Король Ричард
Что говорит Нортемберленд о нем?

Ретклиф
Что Ричмонд не умеет воевать.

Король Ричард
Сказал он правду. Серри что сказал?

Ретклиф
Сказал с улыбкою: «Для нас тем лучше».

Король Ричард
Он прав; конечно, так оно и есть.

Бьют часы.
Который час? Подай мне календарь.
Кто видел нынче солнце?

Ретклиф
Не видал я.

Король Ричард
Оно светить не хочет; а по книге
Уж час тому назад оно взошло.
Кому-нибудь день этот черным будет.—
Ретклиф!

Ретклиф
Я здесь.

Король Ричард
Не хочет солнце показаться,
И небо хмурится над нашим войском.
Хотел бы я, чтоб эти слезы были
Земной росой. Сегодня света нет!
Но это точно так же для меня,
Как и для Ричмонда. И то же небо
С печалью той же на него глядит.

Входит Норфолк.

Норфолк
Вооружайтесь! В поле уж враги.

К о р о л ь   Р и ч а р д

Живей! Покройте чепраком коня!
Велите Стенли привести полки;
Сам в бой я поведу своих солдат.
И вот приказ мой по моим войскам:
Во всю длину развернут будет фронт
Пехотными и конными рядами;
Стрелков на середину мы поставим;
Джон, герцог Норфолк и граф Томас Серри
И конницу ведут и пехотинцев.
Когда построятся, за ними следом
Пойдем и мы, и будут наши силы
Отборной конницей окрылены.
Святой Георг за нас! Что скажешь, Норфолк?

Н о р ф о л к

Приказ хорош, воинственный монарх.
Но вот что нынче я в шатре нашел.

(Подает ему бумагу.)

К о р о л ь   Р и ч а р д

«Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно:
Хозяин твой Дикон уж продан давно».
Придумана врагами эта штука.—
Идите ж, господа, все по местам,
Да не смутят пустые сны наш дух:
Ведь совесть — слово, созданное трусом,
Чтоб сильных напугать и остеречь.
Кулак нам — совесть, и закон нам — меч.
Сомкнитесь, смело на врага вперед,
Не в рай, так в ад наш тесный строй войдет.

(Обращаясь к войскам.)

Я все сказал; что вам еще сказать?
Припомните, с кем боретесь вы нынче:
Со стадом плутов, беглецов, бродяг,
С бретонской сволочью и жалкой гнилью,
Что выблевала полная земля
Для гнусных подвигов и разрушений.
Был мирен сон ваш, мира вас лишили;
У вас земля, красивы ваши жены —
Им надо землю взять, жен обесчестить.
А кто ведет их? Жалкий тот нахлебник,
Что жил у матери моей в Бретани,

Молокосос, что холод испытал,
Лишь по снегу гуляя в башмаках!
Сметем же плетью за море бродяг,
Французских крыс, из-за моря пришедших.
Постыла жизнь голодным попрошайкам,
Которым без надежды на грабеж
От нищеты повеситься пришлось бы.
Коль битым надо быть, пусть бьют нас люди —
Не выродки бретонские, которых
На родине топтали наши предки;
Побив, ублюдков оставляли им.
Такой возьмет наш край и будет спать
С твоей женой иль дочь твою похитит?

Издали доносятся бой барабанов и звуки труб.

Чу, трубы! В бой, дворяне! В бой, крестьяне!
Стрелки, стреляйте в голову врагу!
Пришпорьте гордых коней! Вскачь! И в кровь!
Ломайте копья, изумляйте небо!

Входит гонец.

Что Стенли говорит? Ведет полки он?

Г о н е ц

К вам, государь, идти он отказался.

К о р о л ь Р и ч а р д

Долой же голову его, Георга!

Н о р ф о л к

Враги уже болото перешли;
Георгу казнь назначьте после боя.

К о р о л ь Р и ч а р д

В груди забились тысяча сердец.
Вперед знамена — и врага разите!
Старинный наш пароль, «святой Георг»,
Вдохни в нас злобу огненных драконов!
Над шлемами победа реет. В бой!

Уходит.

СЦЕНА 4

Другая часть поля.

Шум сражения.

Входит Норфолк с войском, к нему навстречу — Кетсби.

Кетсби

На помощь к нам! На помощь! Чудеса
Невиданные там король творит,
Навстречу всем опасностям кидаясь.
Коня под ним убили; пеший бьется,
И Ричмонда в глотке смерти он ищет.
На помощь, добрый лорд, иль все погибло!

Входит король Ричард.

Король Ричард

Коня, коня! Венец мой за коня!

Кетсби

Спасайтесь, государь! Коня доставу.

Король Ричард

Раб, жизнь свою поставил я и буду
Стоять, покуда кончится игра.
Мне кажется, шесть Ричмондов здесь в поле!
Убил я пятерых, но цел единый.
Коня, коня! Венец мой за коня!

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть поля.

Шум битвы.

Входят король Ричард и Ричмонд, сражаясь; Ричмонд убивает короля Ричарда и уходит. Отступление войск короля Ричарда. Трубы.
Входят Ричмонд, Стенли, несущий корону, лорды и войско.

Ричмонд

Оружью слава вашему и богу!
Победа наша; сдох кровавый пес.

С т е н л и

Надежды оправдал ты, славный Ричмонд.

(Подает ему корону.)

Вот он, давно похищенный венец.
Я с мертвой головы кровавой твари
Сорвал его, чтоб увенчать тебя:
Носи его на радость и на благо.

Р и ч м о н д

И бог великий скажет нам: аминь!
Скажите мне скорей: жив юный Стенли?

С т е н л и

Он жив и в Лейстере нас ждет, милорд,
Куда пойдем мы, если вы велите.

Р и ч м о н д

Кто с двух сторон из знати пал в сраженье?

С т е н л и

Джон герцог Норфолк и лорд Уолтер Феррерс,
Сэр Роберт Брекенбери и сэр Брендон.

Р и ч м о н д

С почетом должным их предать земле
И объявить прощенье всем солдатам,
Которые с повинной к нам придут.
А причастившись тайн, соединим
Мы с Белой розой Алюю навек,
И единенью улыбнется небо,
Что долго хмурилось на их вражду.
Предатель лишь «аминь» не скажет нам.
О, долго Англия была безумна,
Сама себя терзала в исступленье:
Брат брата убивал в слепом бою,
Отец убийцей был родного сына,
Сын по приказу убивал отца.
Повинны в этом Йорки и Ланкастры:
Раздор их дикий рвал на части мир.
Теперь же Ричмонд и Елизавета,
Наследники двух царственных домов,
Соединятся божьим изволением!

А если бог благословит, их дети
Вернут на землю нежноликий мир,
И благоденствие, и изобилье!
А если меч предательский восстанет
И снова дни кровавые вернет,
И Англия кровавыми слезами
Вновь обольется,— меч, господь, разбей,
Не дай увидеть торжество обмана.
Междоусобий затянулась рана.
Спокойствие настало. Злоба, сгинь!
Да будет мир! Господь изрек: аминь!

Уходят.

**СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ДОМА XIV—XVI ВЕКОВ

ЭДУАРД III
(1327—1377)

1. Эдуард
Черный принц
(ум. 1376)

2. Уильям
Хетфилд
(ум. 1336)

3. Лайонел
(ум. 1368)

4. Джон Гант,
герцог Ланкастерский
(ум. 1399)

5. Эдмунд,
герцог Йоркский
(ум. 1402)

6. Томас Вудсток,
граф Глостер
(убит 1397)

РИЧАРД II
(годы правл.
1377—1399)

Филиппа
(в браке с Эдмундом Мортимером,
графом Марч)
(ум. 1398)

1. ГЕНРИХ IV
(Боллингброк)
(годы правл.
1399—1413)

2. Джон Бофорт,
граф Сомерсет

3. Генрих Бофорт,
епископ
Уинчестерский

4. Томас,
граф Энсестер

1. Эдмунд Плантагенет,
герцог Йоркский

2. Ричард,
граф Кембриджский
(в браке с Анной
Мортимер)
(назн. 1415)

1. Роджер Мортимер,
граф Марч
(ум. 1398)

2. Эдмунд Мортимер
(зять Ллендаура)

ГЕНРИХ V
(годы правл.
1413—1422)

Джон Бофорт,
герцог Сомерсет

Ричард Плантагенет,
герцог Йоркский

1. Эдмунд Мортимер,
граф Марч
(ум. 1425)

2. Анна Мортимер
(в браке с Ричардом,
графом Кембриджским)

ГЕНРИХ VI
(годы правл.
1422—1461)

Маргарита
(в браке с Эдмундом
Тюдором,
графом Ричмондом)

1. ЭДУАРД IV
(годы правл.
1461—1483)

2. Эдмунд,
граф Ретленд
(убит 1460)

3. Гоорт,
герцог Кларенс
(убит 1478)

4. РИЧАРД III
(Глостер)
(годы правл.
1483—1485)

Эдуард,
принц Уэльсский
(убит 1471)

ГЕНРИХ VII ТЮДОР
(Ричмонд)
(годы правл.
1485—1509)
(в браке с Елизаветой
Йоркской)

1. Елизавета Йоркская
(в браке с Генрихом VII)

2. ЭДУАРД V
(род. 1470—убит 1483)

3. Ричард,
герцог Йоркский
(род. 1474—убит 1483)

1. Маргарита
(в браке с Яковом IV Шотландским)

2. ГЕНРИХ VIII
(годы правл.
1509—1547)

(в браке с Екатериной Арагонской) (в браке с Анной Бовейн) (в браке с Джейн Сеймур)

Яков V Шотландский
(годы правл.
1513—1542)

1. МАРИЯ КРОВАВАЯ
(годы правл. 1553—1558)
(в браке с Филиппом II
Испанским)

2. ЕЛИЗАВЕТА
(годы правл.
1558—1603)

3. ЭДУАРД VI
(годы правл.
1547—1553)

Мария Стюарт
(назн. 1587)

Яков I Английский
(годы правл.
1603—1625)

«ГЕНРИХ VI»

Перед нами, по всей вероятности, самые первые произведения Шекспира. Уже с конца XVIII века исследователи сходятся в том, что из всех пьес, составляющих шекспировский канон, три драмы, изображающие события царствования Генриха VI, были написаны ранее других. Но созданы они не в той последовательности, которая соответствует хронологии представленных в них событий. Сначала возникла вторая часть (1590), затем третья (1591) и, наконец, та пьеса, которая стала первой частью (1592) трилогии. Лишь в самое последнее время стали выдвигать предположение, что первая часть была написана до второй и третьей.

Вопрос о последовательности написания частей трилогии упирается в другой вопрос: был ли у Шекспира с самого начала замысел создания цикла исторических пьес, или трилогия сформировалась как бы сама собой. На это трудно ответить, ибо столь же вероятны оба предположения. Конечно, соблазнительно поверить в то, что всеобъемлющий ум Шекспира уже с самого начала строил план серии пьес, охватывающих большой и важный период истории Англии. Но не менее естественно предположить, что, начиная драматургическую деятельность, он сначала выбрал одну тему, затем, убедившись в успехе, развил ее и довел свой цикл пьес сначала до объема трилогии, а затем и тетралогии (включая «Ричарда III», непосредственно примыкающего к третьей части «Генриха VI»).

Для публики шекспировского театра каждая из составляющих трилогию пьес существовала как самостоятельное драматическое произведение, и они ставились порознь. Более тесно связаны друг с другом вторая и третья пьесы, первая же стоит от них особняком, хотя сюжетные нити, связывающие их, протянуты между всеми частями цикла вплоть до «Ричарда III».

Основу канонического текста трилогии составляет текст, напечатанный в посмертном Собрании сочинений Шекспира в 1623 году. Издатели собрания Хеминг и Конделл не сомневались в принадлежности этих пьес Шекспиру. Но в конце XVIII века авторитетнейший шекспировед того времени Эдуард Мелон выдвинул положение о том, что Шекспир не был автором трилогии.

Мелон исходил прежде всего из критериев эстетических. Он считал эти пьесы недостойными пера автора «Гамлета». Свою точку зрения он

попытался обосновать, опираясь на объективные данные. Главной опорой ему послужило одно место в предсмертном памфлете Роберта Грина «На грош ума, купленного за миллион раскаяния» (1592). Обращаясь к собратиям по профессии, драматургам Марло, Пилю, Нешу, Грин заклинал их не доверять актерам. В особенности его возмущение вызвало то, что среди последних завелся один, кого он называет «вороной-выскачкой, украшающейся нашими перьями». Этот актер стал писать пьесы и, по словам Грина, «считает себя единственным потрясателем сцены (shakescene) в стране». Игра слов ясно показывает, что Грин имел в виду Шекспира. Он при этом пародирует одну строку из третьей части «Генриха VI» («О сердце тигра в обличье женщины!») и следующим образом применяет ее к Шекспиру: «О сердце тигра в обличье актера!» Мелон истолковал это высказывание Грина так: Шекспир, мол, присвоил себе чужую пьесу и теперь красуется в чужих перьях.

Версия о Шекспире-плагиате просуществовала по крайней мере столетие. Ей искали и находили всяческие подтверждения.

Указывалось на несовершенство этих пьес по сравнению со зрелым творчеством Шекспира. Отмечались стилиевые и фразеологические совпадения с произведениями современников. Но в особенности использовалось для отрицания авторства Шекспира следующее обстоятельство.

В 1594 году была напечатана пьеса, носившая пространное название: «Первая часть вражды между славными домами Йорк и Ланкастер, включающая смерть доброго герцога Хемфри, изгнание и смерть герцога Сеффолка, трагический конец гордого кардинала Уинчестера, известное восстание Джека Кеда и первые притязания герцога Йоркского на корону». Содержание пьесы соответствует второй части «Генриха VI», но текст существенно отличается от текста F 1623 года.

Эта хроника имела продолжение, опубликованное в 1595 году. «Правдивая трагедия о Ричарде, герцоге Йоркском, включающая смерть доброго короля Генриха VI». Она соответствует по содержанию третьей части «Генриха VI».

Значительная часть шекспироведов XIX века считала, что эти две хроники принадлежат перу неизвестного предшественника Шекспира и что они-то будто бы послужили молодому стретфордцу источником для написания его пьес. Иначе говоря, считалось, что эти пьесы Шекспир присвоил себе, несколько подновив текст. Авторами «Первой части вражды между славными домами Йорк и Ланкастер» и «Правдивой трагедии Ричарда, герцога Йоркского», по мнению ряда критиков, могли быть Марло, Грин, Пиль или Кид.

Уже в XIX веке некоторые авторитетные шекспироведы отвергали все эти предположения и признавали Шекспира автором трилогии «Генрих VI». В 1864 году Томас Кенни в своем труде «Жизнь и гений Шекспира» высказал мнение, что две хроники, считавшиеся дошекспировскими, представляют собой не что иное, как искаженные, «пиратские» издания хроник самого Шекспира. Тогда на это высказывание не обратили внимания, но в наше время, когда текстологи установили действительно существовавшее деление прижизненных изданий пьес Шекспира на так называемые «хорошие» и «дурные» кварталы, точка зрения Кенни получила подтверждение. Питер Александер в 1924 году доказал, что Кенни был прав и что названные две пьесы-хроники являются не источниками второй и третьей частей «Генриха VI», а их «пиратскими», искаженными вариантами.

Таким образом отпало самое «веское» доказательство, которым оперировали критики, отрицавшие авторство Шекспира. Что касается отзыва Грина, то смысл его не тот, какой ему приписывал Мелон. Дело в том, что писание пьес составляло профессию литераторов, обладавших упи-

верситетским образованием. То обстоятельство, что среди актеров завелся драматург, сочинявший пьесы не хуже «университетских умов», не на шутку перепугало их. Грина возмущало не то, что Шекспир будто бы присваивал чужие пьесы, а то, что он вторгся в чужую профессию.

Что касается эстетических и стилевых критериев, применявшихся в доказательство того, что Шекспир не был автором трилогии «Генрих VI», то они оказываются также несостоятельными. Несовершенство пьес вполне объяснимо молодостью автора и его неопытностью. Но даже при всех недостатках, которые может обнаружить в них строгая эстетическая критика, они написаны в общем на уровне, соответствующем состоянию английской драмы тех лет.

Наконец, стилевое сходство и фразеологические совпадения с произведениями других драматургов также не могут служить свидетельствами против авторства Шекспира. Это явление естественное, вытекающее как из единства стилевых особенностей господствующей драматургической школы, так и из того неопровержимого факта, что писатели черпают лексический и фразеологический материал из разговорной речи и литературного языка эпохи.

Скрупулезный стилистовый анализ, расщепляющий произведения на отдельные мелкие элементы, имеет значение для решения частных вопросов художественной формы. Но при этом не следует упускать из виду целого. А рассмотрение драм молодого Шекспира в их цельности с несомненностью показывает, что элементы внешней подражательности в них не так значительны, как своеобразие, отличающее их идейную и художественную направленность, которая у автора «Генриха VI» была иной, чем у двух ведущих драматургов той поры — Марло и Грина, наиболее часто называемых возможными авторами трилогии.

У Марло в «Эдуарде II», как и в других трагедиях, на первом плане была проблема личности. История служила ему лишь фоном или поводом для решения именно этой проблемы, волновавшей его более, чем другие вопросы, выдвинутые эпохой. Проблема личности не стоит ни в одной из пьес трилогии «Генрих VI», пафос которой составляет скорее антииндивидуализм. Шекспир здесь явно не следовал Марло. Его тема — судьба государства в целом. В этом он ближе к Грину, для которого тоже была характерна постановка проблем общества и государства. Но Грин решал их в идиллически патриархальном духе: король и народ едины в борьбе против произвола феодальных баронов.

Шекспиру чужды идиллические тенденции Грина. Какую бы часть трилогии мы ни взяли, мы видим нечто совершенно противоположное: распад всех патриархальных связей. В его пьесах вассалы восстают против короля, слуги — против господ, народ — против феодалов.

В исторических драмах Грина были значительны фольклорные («Джордж Грин, уэксфилдский полевой сторож») и романтические элементы («Иаков IV»). История для него во многом похожа на легенду или сказку. Иначе смотрит на нее Шекспир. Она для него — летопись судеб государства и народа.

Государственность — вот что отличает исторические драмы Шекспира уже в первую пору его творчества. Его исходная позиция определяется общенациональными интересами. И в этом смысле даже молодой Шекспир был национальным поэтом в самом точном смысле слова.

Начало драматургической деятельности Шекспира совпадает с периодом подъема национального самосознания английского народа. Этот подъем был обусловлен и тем, что завершился процесс формирования английской национальной монархии, и тем, что государство должно было отстаивать себя в борьбе против феодально-католической реакции, пы-

тавшей, главным образом извне, навязать реставрацию старых порядков. Разгром «Непобедимой Армады» (1588), посланной с этой целью испанским королем Филиппом II к берегам Англии, необычайно стимулировал национальные патристические чувства народа.

Но Шекспир создал не только этот факт. Его превосходство над Гринном состояло в том, что он видел не только центристские, но и центробежные силы, действовавшие в обществе, не только стремление к прочному государственному единству, но и тенденции, враждебные ему. Национальное и государственное единство было проблематичным. Пережитки старых сословных антагонизмов переплетались с нарождающимися новыми классовыми противоречиями. Стяжательские стремления всякого рода — и прежние династические, фамильные, основанные на феодальных привилегиях, и новые, покоившиеся на богатстве или личных притязаниях, — превращали общество в арену непрерывной и ожесточенной борьбы.

Такова картина, предстающая перед нами в трилогии «Генрих VI». Раздоры, смуты и войны сотрясают страну. Здесь нет законов и царит одно лишь право сильного. В этой анархии и заключается суть трагедии, переживаемой Англией. Основная идея трилогии, как и всех остальных пьес Шекспира из истории Англии, — идея необходимости национального единства, которое может быть обеспечено крепкой централизованной властью, возглавляемой королем. Именно эту позицию занимали гуманисты в борьбе против всего того, что мешало осуществлению их идеалов общественной гармонии. На том этапе такая позиция была прогрессивной.

Шекспир утверждает свою идею через раскрытие того зла, какое несут обществу и государству смуты и раздоры. Инстинкт подлинного драматурга подсказал ему именно такое, драматическое воплощение идеи.

Художественная форма, в которую Шекспир облек свои замыслы, была подготовлена предшествующим развитием драмы. Английский театр эпохи Возрождения уже с первых шагов создает особый жанр, получивший название пьес-хроник (chronicle plays) или исторических хроник (histories). Они представляли собой драматизированные и сценированные исторические события. С самого начала пьесы этого типа имели ясно выраженный политический тенденциозный характер. Прошлое в них рассматривалось как политический урок для современности. Особые условия делали это прошлое не столь отдаленным для зрителей шекспировского театра. Формы государственного и общественного быта феодальной эпохи еще далеко не были изжиты. Если буржуазное развитие и родило новые социальные отношения, то зачастую они еще отливались внешне в старую форму. Обуржуазившееся дворянство — достаточно показательный пример этого.

В жанровом отношении пьесы-хроники не обладали определенностью. Для многих из них было характерно эпическое построение действия. Такими были, в частности, пьесы-хроники, составившие данную трилогию. Впоследствии Шекспир сделает опыт приблизить хронику к трагедии («Ричард III», «Ричард II»), однако эпичность остается законом композиции большинства его драм из истории Англии.

Главным для молодого драматурга было насытить действие событиями. Они следуют одно за другим с калейдоскопическим разнообразием. Искусство раскрытия характеров, отличающее зрелое творчество Шекспира, еще находится здесь на примитивной стадии. Персонажи трилогии сравнительно мало индивидуализированы, характеры их одно-сторонни, они не развиваются перед нами. Пока что их главной чертой остается лишь определенность стремлений, заключающихся в большин-

стве случаев в борьбе за утверждение себя, в жажде господства над другими, в мести и т. п. Но если психология шекспировских героев на этой стадии еще примитивна, то, во всяком случае, она достоверна и не поражает неестественностью, как это нередко случалось в драме на той стадии ее развития.

Уже в этих ранних пьесах сказывается важнейшая особенность шекспировской драматургии — ее поэтичность. Речи действующих лиц изобилуют яркими метафорами, красочными сравнениями, ибо герои Шекспира, как и сам он, мыслят образами. Однако пьесы трилогии, как и вся ранняя драматургия Шекспира, характеризуются в стилевом отношении тем, что все ресурсы образной речи лишь украшают ее, но еще не связаны столь органически с характером, поступками и драматической идеей произведения, как это будет у зрелого Шекспира. Стоит только персонажам коснуться какой-либо темы, как тотчас же рождаются образы и речь их складывается из сравнений и метафор, не необходимых для действия, но зато украшающих каждую мысль, высказываемую ими. Между поэзией, перлы которой встречаются уже в этих ранних пьесах, и действием нет того органического единства, которое составит одно из главных достоинств зрелой драматургии Шекспира. Вместе с тем уже здесь мы встречаемся со специфическим шекспировским умением чеканить выразительные поэтические определения, придающие афористичность языку его драм.

«О, как возрадовался бы доблестный Толбот, гроза французов, узнай, что, пролежав двести лет в гробу, он снова одерживает победы на сцене, а гибель его вызывает слезы на глазах по меньшей мере у десяти тысяч зрителей, которые, смотря трагедию в разное время, глядя на трагика, воплощающего его личность, воображают, что видит его самого, источающего кровь из свежих ран», — так писал Томас Нэш (1592) о впечатлении, произведенном на современников первой частью «Генриха VI».

Действительно, король, имя которого посит пьеса, не является ее героем. В хронике вообще нет героя, вокруг которого строилось бы все действие, но Толбот является персонажем, привлекающим наибольшие симпатии.

В его лице Шекспиром представлен герой эпического типа. Толбот — рыцарь без страха и упрека, движимый любовью к родной стране, славу которой он стремится приумножить своими подвигами. Он одновременно посетитель древних героических доблестей и живое воплощение идеи служения государству. Есть в Толботе черта, роднящая его с витязями старинных эпических поэм, не отделявших себя от народа. В этом смысле Толбот — полная противоположность герою-воителю типа Тамерлана у Марло, в котором преобладающим качеством было его стремление к утверждению своего господства над миром. Толбот — воплощенное отрицание индивидуализма и эгоизма, но как таковой он исторически мог быть у Шекспира только носителем патриархальной традиции.

Сущность его героизма прекрасно выражена в той сцене (II, 3), когда графиня Овернская заманивает его в свой замок. Графиня, торжествующей, что ей удалось поймать Толбота в ловушку и тем самым лишить англичан их главной силы, доблестный воин отвечает, что она видит не Толбота, а лишь тень его, «малую толику», а весь он не вместились бы под кровлей замка.

На трубный зов Толбота откликаются его воины, они вторгаются в замок, и рыцарь говорит графине, указывая на них: «Вот сущность — руки, мускулы и сила».

Да, сила Толбота — в его единстве с народом страны, составляющим войнство. И в этом смысле он противопоставлен Шекспиром Жанне д'Арк.

Изображение французской национальной героини в пьесе Шекспира вызвало у многих позднейших критиков резкое осуждение. Английского драматурга обвинили в том, что слепой национализм помешал ему увидеть Жанну во всем ее героическом величии. Но упреки, предъявляемые Шекспиру, исторически неосновательны. Можно ли было требовать от него большего, чем от соотечественников Орлеанской девы, сжегших ее на костре как колдунью? И разве мог Шекспир увидеть Жанну д'Арк не такой, какой она была в сознании английского народа, воевавшего против Франции целое столетие? Такой рисовали Жанну д'Арк английские хроники, и следует удивляться другому: несмотря на все предубеждение, укоренившееся в Англии против Жанны д'Арк, Шекспир нашел какие-то краски, чтобы сделать ее образ человеческим. Шекспир не отказывает Жанне ни в храбрости, ни в уме, ни в способности возглавлять войска. Она фанатично любит Францию, ради которой готова пожертвовать спасением своей души. Своим патриотизмом Жанна умеет зажечь других. Так, ей удастся вернуть на сторону французов переметнувшегося было к англичанам герцога Бургундского.

Не приходится отрицать то, что в пьесе Шекспира Толбот и Жанна д'Арк противопоставлены друг другу как два разных воплощения воинственности и героизма. Однако главный акцент в этом контрастировании героев сделан не столько на национальных, сколько на социально-этических качествах. Толбот всегда вызывает к лучшим побуждениям своих соотечественников, тогда как Жанна играет на их эгоизме, тщеславии и других подобных качествах. Символически это представлено в том, что Жанна обращается за помощью к злым духам (V, 3). В этом вообще суть ее колдовства, которое служит аллегорическим выражением того, что Жанна опирается на силы зла и тьмы.

Но если Шекспир лишил французскую героиню тех достоинств, которые обесмертили ее, то он наделил ими Толбота. Этот исторически существовавший, но малопримечательный воин, ничем не отличавшийся от других английских феодалов, превращен Шекспиром в идеального народного героя. Наделив его патриотизмом, самоотверженностью, высоким сознанием долга, Шекспир противопоставил Толбота не только французской вонительнице, но и английским феодалам.

Если французский лагерь представлен в пьесе как сборище хищных и себлюбивых дворян, то и англичане, за исключением Толбота и его сына, да еще слабовольного Генриха VI, выглядят не лучше. Над еще не остывшим трупом Генриха V возникает ссора лорда-протектора Хемфри Глостера с епископом Уипчестерским. В то время как они борются между собой за власть, возникает еще более страшная междоусобица: образуются партии Алой и Белой розы. Корыстные интересы феодалов берут верх над их долгом по отношению к нации и государству: Сомерсет оставляет Толбота без поддержки, и тот героически погибает в неравном бою против французов.

Достоин, в ореоле мученичества и героизма умирает Толбот, позорной казни предают Жанну д'Арк. Но дева, безуспешно пытавшаяся смягчить палачей и вымолить себе спасение, проклинает победителей, призывая на их головы все ужасы мрака, разрушения и смерти. И зритель шекспировского театра знал, что означало это проклятие: оно было пророчеством о кровавой междоусобице, начало которой изображено в этой пьесе.

Сцена в саду около Тауэра, когда главы враждующих королевских семейств срывают цветы, — Ланкастер красную розу, Йорк белую розу, — стала хрестоматийной. Но в истории о ней ничего нет. Это одна из тех поэтических фантазий Шекспира, удивительно угадывающего дух прошлого, придающего наглядность и выразительность тому, что в науке

остается абстракцией. У Шекспира геральдическая метафора облекается художественной плотью.

Общие контуры исторических событий переданы Шекспиром в соответствии с его источниками — хрониками Холла и Холиншеда. Следя за тем, как под пером молодого драматурга эпическое повествование преобразуется в цепь эпизодов, остроконфликтных по своему характеру, мы видим некоторые черты зарождающегося мастерства исторической драмы у Шекспира, который уже здесь, в одной из первых своих пьес, проявил дар живости и действенности в воспроизведении прошлого.

...Печально время наше.

Задушена здесь доблесть честолюбьем,
И милосердие изгнано враждою;
Повсюду злые козни и интриги;
Нет справедливости в стране родной.

Эти слова Глостера (III, 1) выражают центральную идею второй пьесы трилогии. Внешний конфликт — война с Францией — здесь уступает место изображению внутренних смут. Вражда между династиями Ланкастеров и Йорков перерастает в междоусобную войну. Перед нами картина государственной борьбы хищнических стремлений. Между феодальными баронами идет война не на жизнь, а на смерть. Они не брезгают никакими средствами, чтобы уничтожить соперников. Коварные интриги, злобные паветы, тайные убийства и открытые козни — все пущено в ход лордами, которые одержимы честолюбием и жаждой власти.

Лишь один из всей царственной знати — «добрый герцог Хемфри» Глостер — противопоставит этому разгулу хищнического индивидуализма и феодальной спеси. Подобно тому как в первой части Толбот воплощал идеал самоотверженного патриотизма, так Глостер в этой пьесе выражает идеал бескорыстного служения государству. Одиноким среди бушующего моря кровавых интриг двора, он пользуется любовью народа, который видит в нем защитника закона и справедливости. Но Глостер все же феодал, и ему даже не приходит в голову опереться на поддержку народа ради утверждения мира и порядка, тогда как его противники готовы прибегнуть к любому средству, вплоть до использования в своих целях народа, который они презирают.

Благородство Глостера, его искреннее законопослушание раскрываются не только в контрасте с анархическим своеволием феодальных баронов, но и в сопоставлении с честолюбием его жены, мечтающей о короне. В облике герцогини Глостер нетрудно увидеть первый набросок характера, который предстанет перед нами впоследствии в леди Макбет. Здесь есть даже ведьмы-предсказательницы, правда, не столь поэтичные и символические, как в позднейшей трагедии; к тому же они возбуждают честолюбие жены, а не мужа и делают это не по велению таинственной Судьбы, а подосланные королевой, задумавшей сгубить свою надменную соперницу. Для Глостера закон выше даже его любви к жене. Узнав, что она осуждена за то, что прибегла к помощи колдовства, он признает приговор справедливым. Но честность и законопослушание ни к чему в этом мире беззакония, и Глостер погибает, став жертвой козней его врагов.

Говоря, что Глостер одинок, мы не забыли о короле Генрихе VI. Он, правда, тоже прямодушен и безлобен, но, преданный молитвам и постам, этот набожный монарх оказывается игрушкой в руках своей властолюбивой жены Маргариты и ее любовника Сеффолка. Беда госу-

дарства в том и состоит, что король — человек бессильный и неспособен взять в узду непокорных баронов. Он не в состоянии воспрепятствовать гибели единственного из своих приближенных, искренно преданного ему, — Глостера.

Большая трагедия, переживаемая государством, складывается из нескольких личных трагедий, сопутствующих судьбе различных деятелей этой обширной исторической драмы. Гибнет честный Глостер, но погибает и его враг кардинал Бофорт (он же епископ Уинчестерский в первой части трилогии). Прелат умирает, не добившись удовлетворения своих честолюбивых стремлений, и на смертном ложе с уст этого служителя церкви срываются богохульственные проклятия. Погибает и властолюбивый Сеффолк. Он уже был у цели: его любила королева, а ее власть давала ему возможность вершить судьбы страны. Но пужно было устранить последнее препятствие — Глостера, и убийство доброго герцога оказалось роковым для Сеффолка. Народ потребовал искупительной жертвы за своего любимца, и Сеффолк был изгнан. Он пал бесславно от рук пиратов. Герцогиня Глостер, мечтавшая о короне и уже видевшая ее в своих снах на голове, подвергается унижительной казни. Наконец, мятежный самозванец Джек Кед, достигнув Лондона на грёбе пародного восстания, оказывается покинутым своими прежними соратниками и погибает жалкой смертью.

Так одного за другим — и правого и виноватого — настигает гибель, ибо в этом хаосе царит смерть. Но главным страдальцем является не кто-либо из этих гибнущих людей, а государство. Смерть большинства из них, исключая Глостера, является заслуженным возмездием за то, что свои интересы они поставили выше забот о благе страны. Даже интересы целого сословия, в глазах Шекспира, не могут быть поставлены выше общих целей и задач государства.

Как ни драматично изображение отдельных личных судеб в этой пьесе, содержащей в зародыше трагические мотивы и «Макбета» (герцогиня Глостер), и «Антония и Клеопатры» (Сеффолк и Маргарита), и некоторых других трагедий Шекспира, наибольшее значение имеет то, что Шекспир расширил поле исторической драмы, выведя на сцену народ. Уже в этой ранней пьесе Шекспира мы встречаемся с тем, что история рассматривается драматургом не только как поприще деяний выдающихся личностей, но и как арена социальной борьбы, в которой участвуют массы простых людей, составляющих непривилегированную часть общества. Уже сам по себе этот факт является лишним свидетельством авторства Шекспира, ибо он согласуется с тем раскрытием исторического процесса, какое мы находим в зрелых и неоспариваемых произведениях драматурга. Но не только это: трактовка народа во второй части «Генриха VI», в сущности, едина с той, которая дается Шекспиром в «Ричарде III», «Генрихе V», «Юлии Цезаре», «Гамлете» и «Кориолане».

О народе у Шекспира написано много, и много неверного, главным образом по причине неисторического подхода к этому вопросу. В частности, это относится к знаменитым сценам восстания Джека Кеда во второй части трилогии «Генрих VI».

Шекспира упрекали в том, что он враждебно относился к народу. Проявление этого видели в показе им анархических действий толпы, ее некультурности и, как говорили, бесцельной жестокости. Сцены восстания Джека Кеда толковались как выражение аристократизма Шекспира.

Неверно это прежде всего потому, что аристократия в данной пьесе, как и в других хрониках, предстает отнюдь не в более благоприятном освещении, чем народ. Нельзя сказать, что все эти Сеффолки, Бофорты,

Сомерсеты, Йорки нравственно превосходят простых людей. И те и другие одинаково непослушны закону, стремясь к удовлетворению своих интересов. Вернее здесь подчеркнуть иное, а именно то, что Шекспир глубоко почувствовал социальные корни борьбы, происходившей в обществе. У каждого сословия есть сознание своих интересов, и именно это движет им. Подобно тому как Шекспир точно отразил стяжательские стремления феодальных баронов, так же показал он и жажду народа удовлетворить свои первейшие материальные потребности.

Приглядимся внимательно к народному восстанию, изображенному в пьесе. Честолюбивый Йорк, посланный своими соперниками в Ирландию для подавления мятежа, придумывает способ, чтобы вернуться в Англию. Среди своих солдат он имеет преданного человека, которому поручает поднять народный бунт. Йорк рассчитывает на то, что страх перед восставшими крестьянами побудит врагов вызвать его для умирения бунтовщиков. Первое, что следует отметить: Йорк понимает, насколько накалилось недовольство народа феодальным режимом.

Когда Джек Кед выдает себя за графа Мортимера и заявляет о своих притязаниях на корону, среди народа находятся люди, отлично понимающие, что он самозванец, но это не мешает им последовать за Кедом. Народу безразличен повод, по ему нужен вождь и важна цель восстания. Чего желает народ, Джеку Кеду отлично известно, и он провозглашает это своей программой: «Так будьте же храбры, потому что начальник ваш храбр и клянется изменить все порядки. В Англии будут продавать семь полуенсовых булок за один пенс; кружка пива будет в десять мер, а не в три; и я объявляю государственной изменой потребление легкого пива. Все в королевстве будет общим... А когда я стану королем — а я им стану... — денег тогда не будет вовсе; все будут пить и есть на мой счет; и я всех наряжу в одинаковую одежду, чтобы все ладили между собой, как братья, и почитали меня, как своего государя» (IV, 2). Войдя победителем в Лондон, Джек Кед провозглашает: «Отныне все будет общим» (IV, 7).

Поразительна та точность, с какой Шекспир раскрывает действительные социальные стремления народа. Создавая этот эпизод, драматург сочетал в нем черты двух народных восстаний: Джека Струи и Роберта Кета. Восстание, поднятое по наущению Йорка, было тактическим ходом этого честолюбивого феодального барона в борьбе за свои притязания на престол. Шекспир, однако, придал этому эпизоду более глубокий смысл. Если Джек Кед и действовал в интересах Йорка, то крестьяне преследовали иные цели: они в самом деле борются за свои интересы. Программа, которую излагает Джек Кед, отражает стремление крестьянских масс к социальной справедливости. В ней выражен идеал уравнительного коммунизма. Средневековые хроники Англии сохранили тексты лозунгов и прокламаций крестьянских восстаний той эпохи. То, о чем говорит Джек Кед, местами почти дословное повторение прокламации Роберта Кета, призывавшего к установлению общности имущества и примитивного равенства. Таким образом, Шекспир здесь отразил действительные стремления народа, жаждавшего замены феодальной эксплуатации строем, основанным на справедливости.

Эпизоды восстания, подавшие повод для обвинения Шекспира в антидемократизме, в действительности свидетельствуют о том, что драматург с большой реалистической правдивостью отразил характерные черты крестьянских восстаний средневековья. Естественно, что народный бунт принимал форму стихийных действий. Не менее естественна и та мстительность, которую проявили восставшие крестьяне по отношению к своим угнетателям. Шекспир это и показал. Понятно, что реакционные буржуазные критики смотрят на эти эпизоды в драме Шекспира гла-

зами людей господствующего класса и видят в действиях мятежных крестьян только разгул анархической стихии. Мы смотрим на это глазами объективных историков, и для нас очевидно, что действия, кажущиеся незаконными, на деле выражают справедливый гнев народа.

Восставшие крестьяне вешают чешемского клерка за то, что он грамотен и умеет подписать свое имя буквами, а не «каким-нибудь знаком, как все добрые честные люди». Ненависть восставших крестьян к грамотности понятна, ибо и она служила средством в руках эксплуататоров против народа. Податные списки, судебные повестки, несправедливые приговоры — в таком виде представляла письменность перед крестьянами. Вот почему они так враждебно относятся и к феодальной «законности». Джек Кед выражает то, что думали крестьяне, когда он заявляет лорду Сею: «Ты поставил мировых судей, чтобы они волокли на суд бедняков по таким делам, каких им и понять не под силу. Мало того, ты сажал их в тюрьмы, а если они не умели читать — вешал их. А между тем они только потому и были достойны жизни». И тот же Кед задает лорду Сею вопрос: «Ты едешь на лошади, покрытой попоной, ведь правда?» На педоумение знатного лорда, который не видит в этом ничего преступного, Джек Кед отвечает: «Не дело это — прикрывать свою лошадь плащом, когда люди почестнее тебя ходят в штанах и куртках» (IV, 7).

Картина народного восстания, созданная Шекспиром, передает типичные черты крестьянских волнений эпохи средневековья: протест против несправедливостей экономической и политической системы феодализма, стремление к социальному равенству, ненависть к угнетателям и их культуре, плебейские методы расправы с эксплуататорами.

Шекспир видел не только силу, но и слабость народных движений средневековья. Он показывает неустойчивость восставших крестьян, их податливость на уговоры и веру в доброту монарха. Полна глубокого трагического смысла сцена, когда Клиффорд уговаривает крестьян сложить оружие, а Джек Кед призывает их не смиряться (IV, 8). Этот эпизод напоминает знаменитую сцену на форуме в «Юлии Цезаре». Кеду не удается удержать крестьян. Живая демагогия Клиффорда принимается ими за чистую монету. Он вызывает к их патриотизму и соблазняет выгодами от побед над французами. Джек Кед с горечью констатирует, что толпа с удивительной легкостью переметнулась на сторону короля и лордов.

Оставшись в одиночестве, Кед пытается скрыться. Образ этого авантюриста обрисован Шекспиром весьма выразительно. Хотя в уста Кеда вложены речи, выражающие действительные нужды и стремления народа, сам он отнюдь не был искренним защитником интересов крестьян, чье недовольство использовалось им как в интересах его покровителя Йорка, так и для собственного возвышения. Теперь, когда парод его покинул, Кед бесславно погибает.

Мелкий помещик, сквайр Айден (IV, 10), персонаж эпизодический, является носителем патриархальных добродетелей, и именно он осуществляет возмездие Кеду за ту смуту, которую тот внес, подняв народ на восстание. Но этот кептский сквайр — фигура не столько реальная, сколько идеальная. Ибо мир и порядок, во имя которого он убивает Джека Кеда, в государстве не существуют. Он приписит королю отрубленную голову Кеда, наивно думая, что уничтожил источник смут в королевстве. Но тут же при нем происходит ссора сторонников Ланкастерского и Йоркского домов, а затем с катастрофической быстротой начинается разворачиваться борьба между двумя династическими ветвями, соперничающими в своих притязаниях на престол.

Вторая часть трилогии «Генрих VI» завершается не обычным для драмы финалом — победой или примирением, — а, наоборот, взрывом вражды и ненависти между противниками, и это предвещает ту жестокую кровопролитную борьбу, которая составит содержание следующей части.

Третья часть трилогии переносит нас в самый разгар войны Алой и Белой розы. Шекспир, следуя повествованию Холла и Холиншеда, отобрал наиболее выразительные эпизоды кровавой вражды между Ланкастерским и Йоркским домами. Более чем в первой и второй частях, драматизм здесь имеет чисто внешний характер. Словесные схватки сменяются поединками на мечах, враги беспощадно сражаются друг с другом, и кровь льется потоком. Йорки и Ланкастеры как бы состязаются в жестокости, достигающей кульминации в двух эпизодах. Клиффорд убивает беззащитного юного Ретленда, а королева Маргарита, поиздевавшись сначала, приканчивает Ричарда Йорка, сын которого мстит за это, убивая Генриха VI. Борьба идет с переменным успехом. Сначала Йорку удается согнать с престола Генриха VI, затем ланкастерская партия возвращается к власти, и, наконец, уже после гибели Ричарда Йорка его сыновья одерживают победу.

В этом круговороте кровавой борьбы выделяется личность одного из феодалов — «делателя королей» Уорика. Сначала он поддерживает Белую розу, и при его содействии Ричард Йорк достигает трона, но затем обидя, нанесенная ему, побуждает его стать сторонником Алой розы, и он содействует восстановлению на престоле Генриха VI. Но и сам «делатель королей» не избегает превратностей войны. Он гибнет, и с его смертью партия Алой розы терпит поражение.

Уорик не единственный представитель жестокой силы феодальной знати. Почти все значительные персонажи пьесы отличаются энергией, мужеством, целеустремленностью и беспощадностью в борьбе. Таков Ричард Йорк, глава Белой розы, таковы его сыновья Эдуард и горбун Ричард, а в противоположном лагере — Клиффорд и королева Маргарита — «сердце тигра в обличье женщины», возглавляющая партию Алой розы. Именно она, а не ее слабовольный муж Генрих VI возглавляет ланкастерский лагерь.

Король Генрих VI, как и в предыдущих частях трилогии, здесь предстает человеком набожным, миролюбивым и совершенно бессильным совладать с непокорными феодалами. Хотя он и является как бы знаменем ланкастерской партии, но его же сторонники смотрят на него как на помеху и во время одной из битв прогоняют его с поля сражений.

В отдалении от поля битвы, сидя на холме, Генрих VI предается размышлениям. Он мечтает о тихой, мирной жизни и жалеет, что не родился бедным пастухом (II, 5).

Идиллические размышления короля прерываются аллегорическим эпизодом. Сначала с поля битвы приходит солдат, влача за собой труп убитого врага, которого он собирается ограбить, и узнает в нем собственного отца, а затем появляется солдат, убивший в битве своего сына.

Генрих VI, с печалью вззирающий на кровопролитие, произносит слова, полные глубокого смысла. Он как бы подводит итог всему своему царствованию:

О дни кровавые! О вид плачевный!

Когда воюют львы из-за пещер,

От их вражды бедняги-овцы терпят (II, 5).

Жанр хроники, взятый в целом, отличался тем, что абстрактному изображению добра и зла в средневековых моралистах противопоставил конкретное изображение лиц и событий. В сцене, о которой мы гово-

рим, Шекспир вернулся к методу аллегории, присущему моралите, для того чтобы подчеркнуть собщающее значение эпизода. Но в остальном драматург остается на почве реальных событий, связанных с династической борьбой.

В финале хроники намечается новая тема, связывающая ее со следующей пьесой. Начинает выдвигаться фигура сына герцога Йоркского — Ричарда Глостера, впоследствии короля Ричарда III. Ричард убивает Генриха VI, который перед смертью говорит в лицо палачу о неисчислимых бедствиях, которые тот принесет народу и стране своей жестокостью. А Ричард, пронзив мечом Генриха VI, предается мыслям о своем будущем, и в его речи звучат те же мотивы, которые мы услышим в первом монологе последней пьесы тетралогии — «Ричарде III». Он признает, что в душе его «нет места ни жалости, ни страху, ни любви». Природа, создав его уродом, лишила радостей любви, и у него остается одна цель в жизни — власть, к которой он пойдет, шагая через трупы собственных братьев (II, 6).

Подлинно трагической проницей наполнен финал хроники. Старший из сыновей убитого Йорка, король Эдуард, торжествует победу: «...снова мы на английском престоле, искупленном погибелью врагов». Белая роза победила, но один из победителей, Ричард Глостер, клянется «испортить эту жатву». Новый король, Эдуард, призывает братьев Кларенса и Глостера поцеловать его поворожденного сына и наследника, и горбатый Ричард, прикладываясь устами к младенцу, своей будущей жертве, шепчет про себя: «Так целовал Иуда...».

Торжество Йоркского дома мнимое. Червь междоусобицы подтачивает уже самую семью победителей. Зритель шекспировского театра знал, что мир в стране не наступил и еще предстоит долгая кровавая борьба, прежде чем утвердится порядок. Но перспектива замиренной, единой Англии виделась автору и зрителям уже в этой пьесе, в числе действующих лиц которой оказывается Ричмонд, будущий Генрих VII, основатель династии Тюдоров. И Генрих VI пророчит: «Красивый этот мальчик принесет благословение родной стране» (IV, 6).

Здесь важен не этот реверанс по адресу царствующей династии, а тот гуманистический идеал внутреннего мира и государственного единства, который составляет пафос всей исторической трилогии молодого Шекспира.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ ТРИЛОГИИ «ГЕНРИХ VI»

Действующие лица

Чтобы помочь читателю разобраться в сложных личных и политических отношениях между действующими лицами трех частей трилогии, даем краткие исторические сведения о них. Для более ясной картины династических отношений, облегчающей понимание некоторых подробностей борьбы за престол, изображенной как в данной трилогии, так и в трагедии «Ричард II» и двух частях трагедии «Генрих IV», мы даем в приложении генеалогическую таблицу английского королевского дома с XIV по XVI век.

Король Генрих (1422—1461; ум. 1471) был коронован девятимесячным ребенком. Тотчас же был создан регентский совет во главе с герцогом Бедфордом, заместителем которого (на время его отсутствия, так как Бедфорд был одновременно назначен регентом Фран-

ции) являлся герцог Глостер. События царствования Генриха VI, нашедшие отражение в драме, сводятся к войне с Францией и борьбе партий внутри государства. Хронологическая последовательность их такова.

Сразу после смерти Генриха V и почти одновременной смерти своего отца, малоумного Карла VI, дофин объявил себя французским королем под именем Карла VII и возобновил войну с Англией. Около 1430 года в народных массах Франции возникло мощное патриотическое движение, возглавленное простой крестьянкой Жанной д'Арк. Дела англичан резко ухудшились. Жанна д'Арк освободила от осады Орлеан. Вскоре крупнейший английский полководец Толбот попал в плен к французам, а другой военачальник, Фастолф, позорно бежал с поля сражения. Но в 1430 году Жанна была захвачена англичанами и через год, осужденная высшим французским церковным судом на оккупированной англичанами территории, сожжена как ведьма. В 1431 году девятилетний Генрих был коронован в Париже как король Франции. Все это, однако, мало улучшило положение англичан. В 1435 году их союзник герцог Бургундский перешел на сторону Франции. В том же году в Руане умер Бедфорд, после чего регентом Франции сделался до 1445 года герцог Ричард Йоркский. Ведение войны во Франции сильно затруднялось для англичан недостатком денег, раздором партий в Англии, а главное, ростом национального сознания в широких массах французского населения. В 1445 году Генрих женился на Маргарите, дочери очень бедного и почти безземельного короля Рене, и вскоре затем отдал ее отцу французские провинции Анжу и Мен. За годы 1449—1453 англичане потеряли свои последние владения во Франции — Гюйенну и Гасконь, которые упорно защищал Толбот. Война закончилась без официального заключения мира.

В самой Англии тем временем происходила ожесточенная борьба между партией войны с Францией (эту партию возглавлял Глостер) и партией мира (епископ Уинчестерский и Сеффолк). Верх взяла вторая из них. Глостер был арестован и умер в 1447 году. Сеффолк, устроивший брак Генриха с Маргаритой во имя примирения с Францией, стал первым лицом в государстве, действуя в союзе с честолюбивой и властной Маргаритой. Для распространенного в населении мнения о любовной связи между Сеффолком и Маргаритой серьезных оснований не имеется. Однако Сеффолк восстановил против себя средние и низшие слои населения своей непомерной алчностью и надменностью. Многие лорды, недовольные окончанием войны и хищениями королевы и Сеффолка, стали открыто обвинять Сеффолка в государственной измене. В 1450 году король, хотя и неохотно, дал согласие на изгнание Сеффолка из Англии на пять лет, но сразу же после своего отплытия Сеффолк погиб от руки неизвестных убийц. Его заменил, как неофициальный правитель и помощник королевы, Сомерсет. В 1450 году Ричард Йоркский вернулся с войском из Ирландии и начал подготавливать государственный переворот. Он добился того, что ввиду бездетности Генриха парламент назначил Йорка наследником престола. Но в 1453 году у Генриха родился сын, принц Эдуард. Вскоре, однако, Генрих заболел тяжелым наследственным недугом (перешедшим к нему от деда с материнской стороны, Карла VI) и стал совершенно неспособен к правлению. Йорк был назначен регентом, но, когда вскоре Генриху стало немного лучше, регентство было отменено. Тогда Йорк потерял терпение и поднял восстание. В битве при Сент-Олбенсе (1455) королевское войско понесло тяжелое поражение. Сомерсет был убит, а Генрих попал в плен. Йорк удовлетворился возвращением ему звания протектора и наслед-

ника престола, согласившись на то, что Генрих пожизненно сохранит сан короля и связанные с этим преимущества. Но уже в следующем году было объявлено об улучшении в состоянии здоровья короля, протекторат был вновь отменен, а фактической правительницей страны стала Маргарита.

В 1459 году началась открытая война. Сторонник Йорка граф Уорик в 1460 году захватил Генриха в плен; Йорк был восстановлен в прежнем положении. Но в конце того же года Маргарита, собрав новое войско, в битве при Уэксфилде одержала крупную победу. Йорк был убит в сражении, а Солсбери взят в плен и казнен. В начале 1461 года Маргарита освободила Генриха из плена, в котором его держал Уорик. Однако армия ее пачала таять, и ей пришлось отступить. Эдуард Йоркский, сын бывшего протектора, вступил в Лондон и короновался. В решающей битве при Таутоне 29 марта 1461 года войско Ланкастеров оказалось разбитым паголову, и Маргарита бежала в Шотландию, откуда безуспешно пыталась продолжать борьбу, добываясь помощи от французского короля. Генрих в 1465 году был захвачен и заключен в Тауэр. Но власть Эдуарда была еще непрочна, и среди его сторонников началось брожение, особенно после брака Эдуарда в 1464 году с Елизаветой Грей. Новый король подпал под сильное влияние жены, награждая многочисленную ее родню землями и почестями в ущерб своим старым приверженцам. Вскоре от него отпали Уорик и женившийся на дочери Уорика брат Эдуарда Кларенс, после брака короля потерявший надежду на престол. Приняв участие в неудачном восстании 1470 года, они оба бежали во Францию, где, помирившись с находившейся там Маргаритой, образовали при помощи французского короля новую коалицию. В 1470 году Уорик высадился с вооруженным отрядом в Англии, где сразу нашел многочисленных сторонников, и восстановил Генриха на престоле. Эдуард бежал к Бургундскому герцогу, но через год вернулся, одержал ряд побед, занял Лондон и захватил в плен Генриха. Кларенс поспешил примкнуть к брату. В битве при Барнете Уорик потерпел поражение и был убит вместе со своим братом Монтегью. Вскоре из Франции прибыла с новым войском Маргарита, но и она была разбита в 1471 году при Тьюксбери. Принц Эдуард погиб в этом сражении, а Маргарита попала в плен, из которого ее освободил за большой выкуп в 1475 году французский король, после чего она провела остаток жизни во Франции. В день вступления Эдуарда в Лондон его сторонники умертвили заключенного в Тауэре Генриха.

Из сопоставления этого очерка с трилогией Шекспира можно заключить о степени близости драматурга к исторической канве событий, взятой в целом. Отдельные мелкие отступления Шекспира от фактических данных по большей части отмечены в примечаниях к тексту.

Часть первая

Стр. 88. Мы в трауре,—зачем мы не в крови? — Мстя французам, ибо Генрих V умер во время войны с Францией, хотя и не на поле битвы, а от болезни.

Стр. 90. С герба у нас все лилии сорвали.— Лилии были изображены на гербе французских королей. После номинального присоединения при Генрихе II всей Франции к Англии лилии стали изображать также на английском гербе.

Стр. 93. Марс — в двойном значении: на земле — как бог войны, и в небе — как планета. Путь планеты Марс в то время еще не был изучен.

Стр. 94. Фруассар (1338—1410) — известный французский хронист, историк Столетней войны.

Оливье — соратник Роланда в «Песни о Роланде», старофранцузской героической поэме (ок. 1100 г.).

Их руки, верно, тайная пружина заводит, чтобы били как часы. — Образ, подсказанный распространенным в то время типом стенных или башенных часов с фигуркой, отбивающей молотком время.

Стр. 96. Дебора — пророчица и воительница, упоминаемая в Библии.

Стр. 98. Но я подобна дерзостной галере, что Цезаря с его судьбой неслла. — Плутарх рассказывает, что однажды Юлий Цезарь, желая незаметно пробраться к своим войскам, сел на корабль, переодевшись рабом. Поднялась буря, вызвавшая среди матросов панику. Тогда Цезарь, подойдя к кормчему, открылся ему и сказал: «Друг, ты везешь Цезаря, а вместе с ним его счастье». Матросы сразу успокоились, и корабль благополучно закончил свое плавание.

Не вдохновлял ли голубь Магомета? — Во «Всемирной истории» современника Шекспира Вольтера Роли рассказывается, что Магомет, приучив голубя клевать у него с уха пшеничные зерна, убедил арабов, что это посланец святого духа, напештывающий ему божественное откровение.

Елена, мать римского императора Константина, сделавшего христианство государственной религией (IV в. н. э.), считалась пророчицей, так же как и «четыре дочери Филиппа», упоминаемые в «Деяниях апостолов».

Стр. 100. ...в бурых кафтанах. — В бурых кафтанах ходили прислужники духовного суда. Слуги Глостера, как служители светской власти, были одеты в синие кафтаны.

Ты, бритый поп... — У католических духовных лиц выбривается кружок на темени (тонзура).

Распутникам грехи ты отпускаешь... — Одной из статей дохода епископа Уинчестерского был налог, взимаемый с публичных домов в Саутуорке, предместье Лондона.

Тебя в твою же шляпу я упрячу. — Намек на широкополю шляпу, какие носят кардиналы.

Здесь твой Дамаск... Коль хочешь, брата Авеля убей. — По преданию, Каин убил Авеля в окрестностях Дамаска.

Стр. 105. Отмшу, Плантагенет... — Солсбери, сын Эдуарда III, послал королевскую фамилию Плантагенет.

...гром и молния. — Очевидно, гром и молния вызваны «чарами» Жанны д'Арк.

Стр. 106. Дофин и дева, девка и дельфин. — Толбот, издаваясь, играет созвучиями слов: дофин — дельфин, дева — девка.

Я кровь тебе пушу... — Существовало поверье, что пустивший колдунье кровь становился неподвластным ее чарам.

Стр. 107. Как Ганнибал, не силой — страхом... — Намек на военную хитрость Ганнибала, который спасся от римлян тем, что погнал на них стадо быков с горящими ветвями на рогах.

Стр. 108. Астрея — дочь Юпитера, богиня справедливости; согласно мифу, она в незапамятные времена покинула землю и с тех пор под именем девы сияет на небе в качестве одного из созвездий.

Как сад Адониса... — В праздник Адониса (олицетворяющего умирающую зимой и затем оживающую весной растительность) древние греки сажали в горшки или черепки с землей быстро расцветающие и так же быстро гибнущие растения.

Родопа (VI в. до н. э.) — греческая куртизанка; по преданию, воздвигла в свою честь пирамиду в Египте.

Чем Дарня блистательный ларец.— Среди добычи, захваченной Александром Македонским, когда он победил персидского царя Дария, был драгоценный ларец, в котором впоследствии Александр хранил список поэм Гомера.

Святая Франции — лишь Жанна д'Арк.— Патроном Франции издавна был св. Дионисий (Сен-Дени), в аббатстве которого близ Парижа находилась усыпальница французских королей.

Стр. 115. Скифяпка Томирис...— Царица скифского племени массагетов Томирис, мстя за убийство своего сына персидским царем Киром, убила Кира и погрузила его отрубленную голову в сосуд с кровью, дабы кровожадность его могла насытиться.

Стр. 122. Де-Ла-Пуль, сокращенно Пуль — фамилия (старинного нормандского происхождения) Сеффолка.

Сейчас ему охраной это место.— Темпл, владение рыцарей-тамплиеров (храмовников), считался священным местом, где воспрещалось всякое насилие.

Стр. 125. Генрих Монмут — король Генрих V, получивший такое прозвание по месту своего рождения.

Стр. 135. Элтем — дом, где Генрих воспитывался до провозглашения его королем.

Стр. 140. Геката, у римлян — богиня ада, в средневековых поверьях — повелительница ведьм.

Синьор — модное в то время обращение (по происхождению итальянское), употребленное здесь в насмешку.

Стр. 141. Пендрагон — легендарный отец героя старых английских сказаний короля Артура.

Стр. 143. Дух-покровитель — очевидно, злой дух или дьявол, который ей помогает.

Стр. 148. При коронации займите место.— Генрих, уже коронованный королем Англии, говорит здесь о предстоящем ему короновании королем Франции.

Повинен смерти обнаживший меч.— Воспрещалось обнажать оружие в тех местностях, где в данный момент пребывал король.

Стр. 154. ...Король шотландский тоже, мол, в короне? — Мысль Генриха VI, выраженная темного туманно, заключается в следующем: выбор алой розы так же мало свидетельствует о его пристрастии к Сомерсету, как и ношение короны — о симпатии к исконному врагу Англии королю Шотландии, который также носит корону.

Стр. 157. Песок, что начал сыпаться в часах, теченья своего не завершит.— То есть не пройдет и часа (обычная мера времени на песочных часах).

Стр. 165. Так за отцом иди, Икар злосчастный! — Подобно тому как Дедал сам изготовил для своего сына Икара крылья, ставшие причиной гибели юноши, так и Толбот увлек на войну сына, которому было суждено на ней погибнуть.

Смерть горестная, плена жребий злой, вы мне смешны, коль здесь мой сын — герой.— Выражение «плена жребий злой» не вполне понятно в подлиннике. Видимо, Толбот у Шекспира хочет сказать: если даже враги, прежде чем я умру, успеют захватить меня в плен, тем самым еще отягчив мои предсмертные страдания, то и эти муки окупятся сознанием, что мой сын вел себя как герой.

Стр. 167. Алкид — одно из наименований Геркулеса.

Стр. 169. Римский император — этот титул, в те времена уже чисто номинальный, носил германский император.

Стр. 170. Лорд Уинчестер уж повышен в званье, и получил он кардинальский сан? — Небрежность Шекспира, — Уинчестер уже раньше (акт I, сцена 3) был изображен кардиналом.

Стр. 173. Вы, что владыке севера покорны... — Главным местопребыванием злых духов считался Северный полюс.

Стр. 174. В знак мира вечного л эти пальцы целую и кладу на бок твой нежный. — Из почтительности Сеффолк целует не ее руку, а свою и затем уже позволяет себе поддерживать ее за талию.

Часть вторая

Стр. 197. Пятнадцатую долю просит Сеффолк... — В случае экстренных расходов с населения взимался дополнительный налог в размере одной пятнадцатой всех обычных налогов за год.

Стр. 199. Пошло вслед за гордыней — честолюбье. — Гордыня — Сеффолк и Уинчестер, честолюбье — Бекингем и Сомерсет. Брат Йорк... — Йорк был женат на сестре Солсбери.

Йорк то же говорит, и с большим правом. — Йорк считает себя имеющим права на престол.

Стр. 200. ...Как роковая голова Алфеи срослась когда-то с сердцем Мелеагра. — Матери Мелеагра Алфее было предсказано, что жизнь ее сына будет длиться, пока будет сохраняться выхваченная ею из очага головня. Алфея долго берегла эту головню, но однажды, рассердившись на сына, бросила головню в огонь, и, когда она догорела, Мелеагр умер.

Невиллы — здесь расширительно, в применении к Йорку и Солсбери, состоявшим в родстве с этой знатной фамилией.

Стр. 205. ...огородившего Мелфордские выгопы. — В XV и XVI веках английские помещики усиленно занимались огораживанием, то есть экспроприацией общинных крестьянских земель, обращая их в пастбища для своих овец, что приводило к обогащению помещиков и разорению деревенской бедноты. Процесс этот с исчерпывающей полнотой освещен К. Марксом в «Капитале» (т. I, гл. XXIV).

Стр. 211. Лорд Сомерсет меня удержит здесь без отпуска, без денег и оружия, пока дофин не забрет весь край. — Намек на поведение Сеффолка в отношении Толбота (см. часть первую, акт IV, сцены 3 и 4).

Стр. 216. Однако он переживет его. — Нарочитая неясность (кто кого переживет?), типичная для «предсказателей».

Латинская цитата: *Aio te...* — знаменитый двусмысленный ответ дельфийского оракула эпирскому царю Пирру, означающий либо: «Эакид [то есть Пирр] может победить римлян», либо: «Римляне могут победить Эакиду».

Стр. 217. Старый Джон — кличка одного из соколов.

Стр. 219. Двуручный меч — тяжелый меч с широкой рукоятью, за которую брались двумя руками.

Стр. 228—229. Тот Эдмунд... потребовал корону... — Шекспир, следуя Холиншеду, допускает здесь ту же ошибку, что и в первой части «Генриха VI», а также в «Генрихе IV»: претендентом на престол был не упомянутый здесь Эдмунд Мортимер, а его племянник, тоже называвшийся Эдмундом Мортимером, сын рано умершего Роджера Мортимера, старшего сына Филиппа.

Стр. 232. ...привешен мешок с песком.— В отличие от дворян, сражавшихся на поединках мечами, горожане дрались между собой палками с привешенными к ним мешочками с песком.

Стр. 246. ...как стенаньем прохожих привлекает крокодил.— Старинное поверье, на котором основано выражение «крокодиловы слезы».

Стр. 247. И стану я духовником его.— То есть готовлю к смерти, облегчу ему смерть.

Стр. 249. К е р н ы — легковооруженные ирландские воины-крестьяне.

Стр. 251. ...Как в пляске дикий мавр.— Речь идет не о подлинных маврах, а об исполнителях весьма популярной в Англии «Мавританской пляски».

Стр. 254. В а с п и л с к — сказочный зверь, убивающий одним своим взглядом.

Стр. 255. Я вихри добрые кляла, а также того, кто выпустил их из пещеры.— Бог ветров Эол держал ветры запертыми в пещере, откуда иногда выпускал их на волю.

Как некогда повествовал Асканий... с тех пор, как в пламени погибла Троя.— Эпизод из «Энеиды» Вергилия. Под видом Аскания, сына Энея, с Дидоной беседовал Амур, стремившийся внушить ей любовь к Энею.

Стр. 262. Как стоны мандрагоры...— По народному поверью, когда вырывают из земли корни мандрагоры, она издает стоны, как живое существо.

Стр. 264. И слезы лью, подобно южным тучам! — Дождь в Англии обычно вызывается облаками, приписанными южным ветром.

Стр. 265. Ирида — вестница богов, которая, выполняя их поручения, проникала иногда в морские глубины и даже в преисподнюю.

Стр. 267. ...гонят кляч, что тащат ночь, исполненную скорби.— Мифологический образ Ночи, которую влекут драконы, здесь фигурально названные клячами.

Пинасса — большое парусное судно, приспособленное для дальних плаваний.

Стр. 269. Готь е — старинная, иногда употреблявшаяся в дворянских грамотах форма имени Уолтер. Последнее созвучно со словом «уотр» (water — вода), пугающим Сеффолка (см. предсказание духа в акте I, сцене 4), и потому Сеффолк пытается заменить его архаической формой «Готь е».

Стр. 270. Сэр Пуль! Милорд болотный! — Пуль (фамилия Сеффолка) созвучно с английским словом «пул» (pool) — лужа, прудок.

Сердце матери пожрав...— Мать — в смысле «родина».

Стр. 271. Убийством невинного монарха.— Ричарда II (см. трагедию Шекспира «Ричард II»).

Баргул, Илирии прославленный пират.— Об этом пирате древности, малоизвестном в истории, упоминает в одном из своих сочинений Цицерон.

Стр. 272. ...римский раб зарезал Туллия; бастардом Брутом заколот Юлий Цезарь; дикарями Помпей...— Туллий — Марк Туллий Цицерон. Брут, по преданию, был незаконным сыном Юлия Цезаря. Помпей, соперник Юлия Цезаря, был убит не дикарями, а правителями Египта, желавшими угодить Цезарю.

Стр. 276. Чипсай д — одна из людных лондонских улиц, которую Кед намеревался превратить в общий луг.

Жалит пчелиный воск.— Восковая печать прикладывалась к долговым обязательствам.

Стр. 277. Эммануил... Да ведь это имя пишут в заголовках бумаг.— Словом «Эммануил», означающим по-древнееврейски «с нами бог», начинались многие официальные бумаги.

...есть свой особенный знак.— Неграмотные вместо подписи ставили на документах знак. Впрочем, то же самое нередко делали и грамотные.

Стр. 281. Пусть будет пост вдвое длиннее... бить сто штук без одной.— Дику предоставляется монополия на убой скота во время великого поста (длящегося семь недель перед праздником пасхи), тогда как другие мясники лишены были этого права.

Стр. 282. Саутуорк—предмесье Лондона за Темзой, к югу от города.

Стр. 283. Киллингворт—ныне Кенильворт, город и замок близ Стретфорда.

Стр. 285. Лондонский камень—старинный камень неизвестного происхождения, находящийся в лондонском Сити. Прикосновение к нему считалось символом овладения Лондоном.

Стр. 286—287. Безимекю—искажение грубого французского ругательства («поцелуй меня в...»).

Стр. 287. В своих «Записках»...— В «Записках о галльской войне».

Стр. 293. Галлогласы—тяжеловооруженные прландские воины.

Стр. 298. И словно в древности Аякс, готов я обрушить ярость на быков и коз.— Аякс, один из героев сказания о Троянской войне, хотел отомстить оскорбившим его грекам. Но Афина Паллада, желая охранить их, помрачила его разум, и он стал избивать рогатый скот, приняв стада его за греков.

Стр. 301. И взор мой, как Ахиллово копье...— Копье Ахилла обладало тем чудесным свойством, что, нанеся рану, само же могло исцелить ее прикосновением к ней.

Стр. 303. Позвать двух храбрых медведей моих... Пусть Солсбери и Уорик к нам придут...— На гербе Невиллов, фамилию которых носили Солсбери и Уорик, был изображен медведь, посаженный на цепь.

Стр. 304. ...И сквозь очки выскивать беду?— Предполагается, что Солсбери от старости стал плохо видеть, и, чтобы разглядеть зло, ему надо было надеть очки.

Стр. 305. Клейменный зверь...— Природа «заклеймила» Ричарда уродством.

Стр. 308. Пусть грозно грянет судная труба...— По христианскому верованию, в день Страшного суда громкая труба пробудит всех умерших, над которыми бог произнесет свой приговор, отправив души одних навеки в ад, а души других—в рай.

...как Медея изрезала Абсирта молодого.— В сказании об аргонавтах рассказывается, что дочь колхидского царя Медея бежала с обольстившим ее Ясоном, который похитил у ее отца «золотое руно». Когда, уплывая на корабле возлюбленного, она увидела преследующие их корабли отца, она разрубила на куски захваченного ею с собой маленького брата Абсирта и побросала их в море. Царь остановил свой корабль, чтобы собрать останки сына, а беглецы воспользовались этим и ускользнули.

Как некогда Эней Анхиза нес.— В «Энеиде» Вергилия рассказывается, что Эней выпес на плечах из пылающей Трои своего дряхлого отца Анхиза.

Так-то герцог Сомерсет своею смертью колдуна прославил.— Сомерсету было предсказано, что он должен опасаться «замков». По соседству с местом его смерти оказался трактир под вывеской: «Сент-Олбенский замок» (обычная двусмысленность предсказаний).

Часть третья

Стр. 313. ...лорд Клиффорд и лорд Стеффорд... погибли от мечей простых солдат.— Небрежность Шекспира: в первой части трилогии (акт V, сцена 2) Клиффорд погибает от меча Йорка. Здесь Шекспир следует Холиншеду, от которого ранее отступил.

Стр. 314. Вот короля трусливого дворец.— Так названо здесь, в переносном смысле, здание парламента.

Стр. 315. Лишь звякну я бубенчиком своим.— Уорик сравнивает себя с одним из охотничьих соколов, к лапкам которых привязывались бубенчики.

Стр. 316. Мое наследье— герцогство и графство.— От отца Йорк наследовал герцогство Йоркское, от матери— графство Марч.

Стр. 317. Отцов убили ваших. Отца Клиффорда и отца Портамберленда.

Стр. 318. Брат милый...— В расширительном смысле: родственник. Шекспир ошибочно считал, что Монтегью был зятем Йорка.

Стр. 322. Песчинки жизни сочтены в часах.— В воображаемых песочных «часах жизни».

Фаэтон— сын бога Аполлона, выпросивший у отца разрешение править «колесницей Солнца», но не сумевший сдержать разбежавшихся коней и разбившийся насмерть. «Фаэтоном» иронически называет Клиффорд Йорка, который не справился с поставленной им себе задачей.

Стр. 334. Дик— уменьшительное от имени Ричард.

Стр. 335. Родитель твой зовется королем Иерусалимским, Неаполитанским и Сицилийским.— Все перечисленные владения принадлежали Рене лишь номинально.

Стр. 336. О, злее в десять раз гирканских львов.— Гирканией у античных географов называлась область, простиравшаяся к югу от Каспийского моря. Гирканские тигры считались в древности особенно свирепыми.

Стр. 350. Ты, неаполитанское железо, покрытое английской позолотой.— Намек на бедность Маргариты, дочери Рене, который лишь считался неаполитанским королем.

Дам тысячу я крон за пук соломы...— Распутных или очень сварливых женщин наказывали тем, что предавали их публичному осмеянию, привязав к ним пучок соломы.

Стр. 352. Кровь брата твоего, что пролил Клиффорд.— Речь идет не о Монтегью (единственным брате Уорика, который выведен в трилогии; он погибнет позже, см. акт V, сцена 2), а о каком-то малоизвестном побочном сыне Солсбери, о котором Холиншед вскользь сообщает, что он пал в битве при Таутоне.

Стр. 353. Молю тебя...— Эдуард обращается к богу.

Стр. 354. Когда пастух себе на пальцы дуя...— Чтобы согреть их в морозное утро.

Стр. 356. Плох ветер, если дует он без пользы.— Пословица, имеющая тот смысл, что нужно уметь из всего извлекать пользу.

Стр. 357. Мой сын, тебе дал жизнь я слишком рано, и отнял жизнь я эту слишком поздно!— Эта фраза,

толкование которой сильно затрудняет комментаторов, по-видимому, должна означать следующее: я слишком поторопился дать тебе жизнь, то есть дал ее тебе необдуманно, напрасно, а раз уж так случилось, то лучше бы уж я отнял ее тогда, когда ты был несмыслищим младенцем, и я еще не успел к тебе привязаться.

Стр. 362. Пусть буду Кларенс я, а Глостер — Джордж; в том герцогстве есть что-то роковое. — Несколько герцогов Глостерских, живших в ту эпоху, окончили жизнь трагически, как и сам Ричард, говоривший эти слова.

Стр. 367. Ричард Грей... — Маленькая неточность со стороны Шекспира: мужа леди Грей звали Джоном.

Утратил жизнь в борьбе за Йоркский дом. — Другое отступление Шекспира от хроники Холиншеда, на этот раз, вероятно, сознательное: Джон Грей погиб, сражаясь на стороне Ланкастеров.

Стр. 373. Днем дольше, чем пристало длиться чуду. — Существовала пословица: «Чудеса длятся девять дней».

Стр. 375. ...ишь как медвежонок, что матерью своею не облизан и не воспринял образа ее. — Существовало мнение, что новорожденный медвежонок представляет собой бесформенную массу и приобретает очертания лишь после того, как медведица его облизет.

Стр. 376. Синон — греческий воин, придумавший хитрость с деревянным конем, при помощи которой греки проникли в Трою и овладели ею.

Протей — греческое божество, обладающее способностью менять свой облик.

Стр. 377. То граф наш Уорик... — По понятиям Маргариты, всякий английский граф — ее подданный, «ее граф», хотя бы он и восставал против нее.

Стр. 378. Вот поднимается вторая буря. — Намек на предыдущие слова Людовика XI: «Рассудим мы, как бурю укротить».

Благоволишь отдать свою сестру, принцессу добродетельную Бону. — Фактическая неточность: Бона была сестрой не французского короля Людовика XI, а его жены.

Стр. 379. Джон Гант, Испании завоеватель славный. — Некоторое преувеличение. Джон Гант на основании своего брака с дочерью короля Кастилии Педро Жестокого заявил притязания на кастильский престол. Он предпринял поход в Испанию и одержал там несколько небольших побед, но вскоре был вынужден безрезультатно вернуться домой.

Стр. 381. Его страшит не злоба — лишь презренье. — Эдуарда страшит не чья-либо зависть или злоба, а лишь опасение как бы Бона не отвергла его любовь.

Стр. 383. Иль я простил племянницы обиду? — Холиншед сообщает, что однажды Эдуард, гостя в замке у Уорика, пытался обесчестить не то дочь его, не то племянницу.

Стр. 384. ...что посылает король Людовик ряженных к нему. — Существовал обычай посылать на свадьбу к друзьям ряженных. Здесь под «ряженными» Людовик подразумевает войска.

Стр. 385. Скажи, что ивовый венок надену. — Ивовый венок — один из излюбленных образов английской народной поэзии, символ несчастной любви. Здесь он употреблен иронически.

Дочь старшую мою, отраду жизни, свяжу с ним узами святого брака. — Неточность: с прицем Эдуардом была обручена не старшая, а младшая дочь Уорика, леди Анна. Старшая дочь

была отдана в жены Кларенсу. Свою ошибку Шекспир исправил в «Ричарде III», где вдовой принца Эдуарда изображена леди Анна.

Стр. 389. Лорд Хестингс заслужил своею речью наследницу взять лорда Хенгерфорда.— Когда умирал глава владетельного рода, то в случае отсутствия у него наследников мужского пола и наличия женского потомства король имел право выбрать для наследницы мужа. Этой привилегией короли пользовались для возвышения и обогащения своих любимцев. В данном случае король женил на наследнице лорда Хенгерфорда не Хестингса, а его сына.

Стр. 390. Я низкого рождения не была.— Леди Грей по женской линии была в родстве с Генрихом V.

Стр. 392. Младшая—за мной.—Как уже отмечено, Кларенс женился на старшей дочери Уорика.

Стр. 394. И как Улисс и храбрый Диомед... вывели оттуда фракийских роковых коней...— Грекам было предсказано, что они не смогут взять Трои, если кони фракийского царя Реза, союзника троянцев, хоть один раз насытятся троянским кормом и напоятся из протекавшей у стен Трои реки Ксанфа. Узнав об этом, греки сразу же по прибытии к Трое Реза, пользуясь ночной темнотой, выкрали его коней.

Стр. 402. Ко мне приблизься, Англии надежда.— Это подчеркивание значения юного Ричмонда, права которого на корону были ничтожны (см. об этом ниже, в заметке о действующих лицах «Ричарда III»), объясняется той ролью, какую он впоследствии сыграл в политической истории Англии, став основателем династии Тюдоров и дедом королевы Елизаветы (см. генеалогическую таблицу).

Стр. 413. Атлас (или Атлант)—мифический великан, поддерживающий на своих плечах небосвод.

Стр. 415. Иевфай—упоминаемый в библии вождь израильский, который, ведя в бой войска, дал обет богу в случае победы принести ему в жертву первого, кто выйдет ему навстречу из города. Первой вышла его собственная дочь, которую он и принес в жертву.

Стр. 416. Чем дерево Юпитера...— Священным деревом Юпитера считался дуб.

Стр. 419. Нед—уменьшительное от имени Эдуард.

Стр. 421. Гамский замок находился в Пикардии, которая в ту пору была еще под властью англичан.

Стр. 422. Чтоб встретиться в Иерусалиме горнем.— В раю.

Эзоп басни...— Колкость этого замечания заключается в том, что Эзоп, по преданию, был горбат, как и Ричард.

Стр. 426. Росций (III в. до н. э.)—знаменитый римский актер.

Стр. 427. Да, я—Дедал, мой бедный сын—Икар... чьи волны поглотили жизнь его.— Спасаясь от преследований критского царя Миноса, Дедал смастерил для себя и для своего сына Икара крылья из воска. Но, когда они полетели, юноша слишком приблизился к солнцу, которое растопило воск. Икар упал в море и утонул.

Пришел ты...—Он не успевает, по-видимому, договорить: [родился] ногами вперед, что считалось приметой злодея. Получив смертельный удар, Генрих заканчивает фразу иначе.

Стр. 429. Ты—проложи мне путь, а ты—исполни.—Произнося первое «ты», он показывает на свою голову, произнося второе—на руку.

Стр. 430. ...как не предаться веселым зрелищам.— Имеются в виду театральные зрелища.

Трагедия о Ричарде II до F 1623 года издавалась отдельно шесть раз — больше, чем какая-либо другая пьеса Шекспира. Она была издана отдельно еще два раза даже после F — в 1629 и 1634 годах. Первое из этих — Q — вышло в 1597 году под широковещательным заглавием: «Трагедия о короле Ричарде III, содержащая его предательские козни против брата его Кларенса, жалостное убийство его невинных племянников, злодейский захват им престола, со всеми прочими подробностями его мерзостной жизни и вполне заслуженной смерти». Имя автора здесь не обозначено, но оно приведено во втором и во всех последующих изданиях, из которых каждое представляет собой перепечатку предыдущего с сохранением большого количества пропусков и ошибок. Лишь F дает удовлетворительный текст пьесы.

О ранних постановках трагедии сведений до нас не дошло. Но так как по стилю она принадлежит к ранним произведениям Шекспира, а в сюжетном отношении тесно примыкает к трилогии о Генрихе VI, то несомненно, что «Ричард III» был написан вскоре после этой трилогии, в 1592 или 1593 году.

Большое количество изданий трагедии, а также тот факт, что роль заглавного героя исполнял знаменитый трагик Ричард Бербедж, не оставляет сомнений в том, что пьеса имела у публики успех. Этому успеху способствовала также популярность сюжета. В народной памяти надолго закрепился образ злодея на троне, получившего заслуженное возмездие, и во времена Шекспира о нем ходили рассказы и распевались народные баллады. Существовало еще несколько пьес о Ричарде III помимо шекспировской. В 1579 году доктор Легг написал латинскую трагедию «Richardus Tertius», исполнявшуюся студентами Кембриджского университета. В 1594 году была напечатана анонимная трагедия на ту же тему, также исполнявшаяся на сцене. Наконец, в 1602 году антрепренер Хенсло заказал Бену Джонсону пьесу «Ричард Горбун», начатую драматургом, но не законченную им. Могли быть и другие пьесы о Ричарде, но все они, без сомнения, не были известны Шекспиру, единственным источником которому послужила, как и для «Генриха VI», хроника Холиншеда. Но в данном случае этот единственный источник оказался двумя источниками сразу, притом плохо согласованными между собой.

Дело в том, что до момента смерти Эдуарда IV Холиншед в изложении событий следует старой хронике о войне Алой и Белой розы — Холла, рисующей Ричарда более пылким и решительным, более неприимным и, быть может, жестоким, чем другие члены рода Йорков, по отнюдь не низким преступником и вероломным злодеем. Равным образом, хотя здесь и отмечаются изъяны в телосложении Ричарда — одна нога немного короче другой и одно плечо выше другого (причем известно, что в результате постоянных физических упражнений Ричард сделал эти дефекты очень мало заметными), — ни о каком ужасающем безобразии его — горб, кривобокость и т. п. — нет и речи. Однако, начиная с указанного места и вплоть до момента гибели Ричарда, Холиншед, отступив от хроники Холла, почти полностью включил в свое повествование, переведенное им на английский язык, латинское жизнеописание Ричарда III, составленное знаменитым гуманистом, автором «Утопии», канцлером Генриха VIII Томасом Мором, окончившим жизнь в 1535 году на плахе по приказу этого короля, против жестокого деспотизма которого Мор решился протестовать. И здесь Ричард получает совсем другую характеристику: это физическое и нравственное чудовище.

Такая тенденция у Мора объясняется тем, что его главным информатором был кардинал Джон Мортон, взявший Мора в свой дом еще ре-

бенком и воспитавший его. Этот прелат, выведенный в шекспировской пьесе под именем Мортона, епископа Илийского (III, 4; см. также упоминание о нем в конце сцены IV, 3 как об опаснейшем противнике Ричарда), был ярым приверженцем Ланкастерского дома и помощником Ричмонда в изложении Ричарда Йоркского. Отсюда — крайнее очернение Ричарда в хронике Мора. Можно, впрочем, догадываться, что великим гуманистом здесь руководило не одно лишь слепое доверие к рассказам его воспитателя, но также и то, что, рано проникшись ненавистью к королевскому самоуправству и деспотизму, будущий автор «Утопии» воспользовался случаем, чтобы живо и выразительно нарисовать типический образ коронованного изверга.

Что касается самого Шекспира, то он близко следует Холиншеду, отражая двойственность последнего в обрисовке Ричарда. Но в целом он явно отдает предпочтение концепции Мора перед той, которую Холиншед перенял от Холла. Это сказалось уже в двух последних частях «Генриха VI», создавая которые Шекспир, конечно, был знаком и с продолжением рассказа Холиншеда (то есть самого Мора) о царствовании Ричарда III. А именно, не делая почти никаких фактических отступлений от рассказа Холла — Холиншеда, Шекспир иногда сгущает краски, особенно подчеркивая дерзость, жестокость и честолюбие Ричарда, беспощадно борющегося за власть, хоть и не для себя, а для отца, для брата, вообще для дома Йорков. В конце второй части Ричард изображен активным участником первой большой битвы в войне двух Роз — сражения при Сент-Олбенсе, хотя историческому Ричарду было в то время два года. У Шекспира Ричард выручает здесь Солсбери и убивает Сомерсета. В начале третьей части (I, 3) Ричард пытается убедить отца нарушить компромиссный договор, заключенный после названной битвы, и немедленно захватить престол. Уже в этой сцене он предстает ловким оратором и пылким честолюбцем. И дальше он проявляет себя наиболее активным и страстным борцом за дело Йорков, поддерживая дух своих близких в трудную минуту, оказывая им в критический момент помощь, проявляя во всех делах удивительную смелость, хитрость и жестокость.

Все это служит известной подготовкой к повороту в поведении и в характере Ричарда, не меняющимися по существу, но получающими новый оттенок и другую направленность. Сцена сватовства Эдуарда к леди Грей (III, 2), вызвавшая такое возмущение у его братьев, завершается монологом Ричарда, раскрывающего свои тайные помыслы. Здесь впервые появляется мотив физического уродства Ричарда, закрывающего ему путь ко всем другим радостям в жизни и оставляющего ему лишь одну отраду — «притеснять, повелевать, царить» над теми, кто обладает красотой. И одновременно из борца за фамильное дело Йорков он превращается в честолюбца, жаждущего короны лично для себя и готового «расчистить [себе] путь кровавым топором». И с этого момента начинается серия знаменитых убийств Ричарда и сопутствующих им проявлений вероломства. Еще в «Генрихе VI» (часть третья) он убивает в битве при Тьюксбери Эдуарда, принца Уэльского, затем — заточенного в Тауэре короля Генриха VI, дальше — уже в посвященной ему трагедии — брата, жену, маленьких принцев, своих же собственных пособников и т. д. В самом конце третьей части «Генриха VI» (V, 7) Ричард произносит свой второй монолог с такой же автохарактеристикой, как и в III, 2, но еще более острой, циничной и темпераментной.

Несомненно, что уже во время работы над «Генрихом VI» Шекспир обдумывал и подготавливал тот образ Ричарда, который он развернул в трагедии о нем. Эта трагедия не столько завершает, сколько увенчивает трилогию, ибо, подводя итог всему изображенному в ней (разгул фео-

дальных страстей, нарастание жестокости, распад власти, страдания народа), она вместе с тем является вполне самостоятельной пьесой, по жанру и идеям отличной от трилогии.

Внешне Шекспир и здесь соблюдает унаследованный от средневековых мистерий метод разветвления действия путем показа сменяющих друг друга ярких и более или менее изолированных эпизодов. Но в то же время он и преодолевает этот метод, внося в пьесу глубокое единство как центральным образом героя, так и единой идеей, положенной в основу трагедии. Это первая «замкнутая» пьеса, написанная Шекспиром. Говоря о событиях, исключительно важных для судеб его родины, Шекспир концентрирует их вокруг личности одного героя. Это преобладание центрального персонажа, делающее пьесу своего рода «монойграммой», сказывается хотя бы уже в том, что из 3603 строк текста трагедии 1128, то есть почти третья часть его, составляют роль Ричарда.

С виду это та «трагедия превратностей» — картина возвышения и падения властителя, — которая доминировала на английской сцене до выступления «университетских умов» и особенно до появления подлинных трагедий Шекспира. Чувство фатальности, вторжение в действие карающей Немезиды, столь характерные для драм Сенеки, остро ощущаются в этой трагедии. Но вместе с тем в ней намечается уже и новое, подлинно шекспировское понимание трагедии как неизбежного конфликта борющихся между собой исторических сил. Ричард не просто сильная и яркая личность. Его страсти, склад его ума и чувство жизни окрашены определенным образом, отличным от раскраски прежних героев трилогии. Все эти Уоррики, Сеффорки, Клиффорды, Толботы при всей их монументальности и подчас даже героизме сильно уступают Ричарду не только размерами энергии и дарований, но и иной «психической структурой». По сравнению с ним они слишком прямолинейны, элементарны, схематичны. Ричард безмерно превосходит их своей гибкостью, изобретательностью, страстным напряжением воли и всех умственных способностей, устремленных на одну огромную, головокружительную цель. Это годлинный «герой» в стиле Марло (Тамерлан, Фауст, Варавва из «Малтийского еврея»), один из «титанов» Возрождения, хотя титанизм его и направлен на зло, тогда как все остальные персонажи — представители уходящего феодального средневековья.

Своим превосходством Ричард пугает всех окружающих, не находящих в себе силы для сопротивления. В сравнении с Ричардом все они — будь то его враги или приверженцы — жалкие пигмеи. Таковы немощный сластолюбец король Эдуард, бесцветный и незадачливый интриган Кларенс, чванная и алчная родня королевы — Риверс, Дорсет Грей, — беспринципный карьерист Бекингам, глупый и тусклый Хестингс, двуличный дипломат Стенли, верный раб тирана Кетсби. Если Ричард — грандиозный злодей, то все они такие же хищники, только мелкоотравчатые и неумелые. Ни один из них не в состоянии потягаться с Ричардом или оказать ему отпор. Из трех проклинающих Ричарда королей (см. замечательную сцену IV, 3) лишь Маргарита могла бы поспорить с Ричардом своей моральной силой, но роль ее уже сыграна, а главное, она еще более, чем две другие, изображена абстрактно, словно некая фурия, воплощение Немезиды. Правда, в финале выведен писквозь «светлый» и на вид героичный Ричмонд, никак, однако, не очерченный. Но это фигура чисто условная, объясняемая верой молодого Шекспира в моральную правоту и общественную полезность монархии Тюдоров, основанной этим самым Ричмондом, впоследствии Генрихом VII, дедом королевы Елизаветы.

Сурово осуждая Ричарда, стремясь вызвать у зрителя ужас и отвращение к нему, Шекспир вместе с тем и восхищается им, как мощной

человеческой личностью, примером яркого раскрытия неисчерпаемых сил и возможностей человека. Рисуя нам историю Ричарда, Шекспир, видимо, исходил из следующего положения: когда подорваны основы здоровой государственной жизни, когда справедливость попорана и страна погружилась в хаос, высший успех выпадает на долю самого сильного, самого ловкого и самого бессовестного. Таков Ричард, провозглашающий лозунг: «Кулак — нам совесть, и закон нам — меч!» (V, 3).

Но это слишком общо. «Кулачное право» одинаково характеризует как средневековых хищников-феодалов, так и кондотьеров или конкистадоров эпохи первоначального капиталистического накопления. Фактически жизненная практика Ричарда много шире и топыше лозунга, провозглашаемого им. Он действует не только мечом, но, сообразно обстоятельствам, и сложной интригой, и хитрыми доводами, и вкрадчивой речью, и своей темпераментностью. Было отмечено богатство речевой характеристики Ричарда, который меняет тон в зависимости от того, к кому и в какой момент он обращается: ирония — в разговоре со стражниками, наигранная дружеская простота — с Кларенсом и Хестингом, патетическое красноречие — с леди Анной, подчеркнутая грубость — с королевой Елизаветой.

При всей своей определенности и законченности характера, делающими его подобным героям Марло, Ричард отличается от них тем, что он многогранен и многолик. Ему свойственен замечательный актерский талант, талант трансформатора, и свою сложную роль он играет не только для определенной практической цели, но и потому, что упивается своей виртуозностью, дающей ему ощущение превосходства над другими. Притворство, лицемерие — его основная черта и главный его талант. Все это и делает его представителем уже не примитивного средневековья, а новой эпохи. Сходные свойства, но в комическом плане мы найдем позже у Фальстафа, такого же виртуоза притворства и такой же стихийно-материалистской натуры, что также обуславливает его умственное превосходство над окружающими.

Замечательно первая же сцена, где Ричард показывает себя во весь свой рост, — сцена обольщения им леди Анны у гроба короля Генриха (I, 2). Силой своего дьявольского красноречия, хитрейшей казуистики и изумительного актерского дара он достигает своей цели, и жертва его злодейств с трепетом, веря и не веря, словно загнипнотизированная, идет с ним к алтарю, чтобы стать его женой. Некоторые критики упрекали Шекспира в неправдоподобии этой сцены, считая, что такая метаморфоза в душе Анны совершенно невозможна. Они забывают о том, что историческая Анна, дочь Уорика, действительно вышла замуж за Ричарда Глостера, гонителя и убийцу ее родни и самых близких ей людей. Вместо того чтобы винить Шекспира в воспроизведении исторического факта, надо, напротив, удивляться мастерству драматурга, сумевшего сделать этот факт правдоподобным. Глубокое проникновение в сложные переживания женской души, чистой, доверчивой и притом по-женски слабой (вроде позднейших шекспировских образов Офелии и особенно Гертруды), подтверждается тем, что Пушкин оценил шекспировский замысел в несомненно подсказанной ему этим эпизодом весьма аналогичной сцене обольщения Дон Гуаном Дони Анны у гроба ее мужа.

Мастерски сделаны и другие эпизоды, где лицемерие и актерство Ричарда проявляются по-иному, но столь же блистательно. Отметим из них одну — сцену «избрания» Ричарда на царство (III, 7). Решающей здесь оказывается позиция лондонских горожан. Уже в «Генрихе VI» Шекспир показал народ как грозную силу и вместе с тем как выразителя нравственной правды (вынужденное изгнание Сеффолка, восстание Кеда). Но обычно это сила пассивная, нерешительная, неспособная к

мощной инициативе. В «Ричарде III» горожане оценивают события, здраво судят о них, но активно не выступают. Уже в предыдущей сцене шпеер (вспомним летописца в пушкинском «Борисе Годунове») замечает, что нет глупца, который бы не понял, в чем тут дело, но только никто не смеет показать, что он понимает. Рассказывая об избрании Ричарда, Холиншед дает оценку совершившемуся: «Не было человека столь тупого, который не понял бы, что все было заранее улажено между ними... Но мудрым людям не следует вмешиваться в эти королевские игры». Хитрый Ричард превосходно этим пользуется. Он высылает вперед Бекингема, который как по нотам разыгрывает продиктованную ему роль. Но с обычной своей прямолинейностью он достигает лишь весьма умеренного успеха. И тогда вступает в действие сам Ричард. Зная набожность лондонских горожан, он выходит к ним с молитвенником в руках и окруженный двумя епископами (эту последнюю деталь Шекспир добавил от себя); он закатывает глаза, разыгрывает смирение и в конце концов добивается того, что его «просят» о том, чего он сам страстно жаждет. «Народ безмолвствует»...

Сквозным свойством Ричарда, больше всего помогающим ему добиться цели, является полное отсутствие совести. Он глумится над стонами своих жертв, заглушает барабанным боем укоры матери. словно для того, чтобы отвлечь эту полнейшую неподвластность Ричарда призывам совести, Шекспир показывает душевное смятение и раскаяние убийцы маленьких принцев. В противоположность им Ричард остается бесчувственным к голосу совести.

Однако наступает момент, когда и в его душе происходит какой-то странный не то чтобы перелом, а скорее «надлом». Холиншед рассказывает, что после убийства маленьких принцев (даже в те времена убийство детей считалось особенно тяжким преступлением) Ричард утратил душевный покой: он не спал по ночам, вскакивал, хватаясь за кинжал, что-то бормотал... У Шекспира эта перемена в состоянии Ричарда показана шире и много выразительнее. В трагедии решающим моментом оказывается проклятие матери (IV, 3). Ричард теряет былую самоуверенность, и характер его как-то меняется, утрачивает гранитную устойчивость характеров марловских героев. Образ Ричарда не то что «развивается», по он трансформируется особым образом. В Ричарде отнюдь не пробуждается совесть, по она как бы вторгается в него, просачивается извне. Частично поддаваясь и вместе с тем яростно сопротивляясь этому, Ричард надламывается и расщепляется. Прежние сила и ясность покидают его. Он начинает чувствовать, что ступил на неверный путь, что царство его «из тонкого стекла». Хорошо было бы вернуться, по он зашел слишком далеко. Он становится раздражительным, бессмысленно подозрительным, и дальнейшие убийства, совершаемые им, — лишь бесполезная бойня. Эта деградация Ричарда, нарастание в нем патологических черт прослеживаются Шекспиром с большой наблюдательностью. Второе сватовство Ричарда заканчивается лишь полууспехом. Ричард уже не владеет собой так, как владел прежде. Все его раздражает. Привычные доспехи кажутся ему тесными или слишком тяжелыми. Он отдает противоречивые приказания. Ряды его сторонников редеют, и никто так не способствует этому, как он сам.

Это — крах индивидуализма, гибель личности, отмежевавшейся от всего остального мира и противопоставившей себя ему. Гибель Ричарда показана здесь одновременно в двух планах: лично человеческом и политическом — параллелизм, который в углубленной форме мы встретим и в великих трагедиях Шекспира. Как конкретная человеческая личность Ричард заходит в тупик и как бы раздваивается. Ярче всего это раздвоение проявляется в его последнем монологе (V, 3), где одно его

«я» выступает судьей другого «я». Но у этого второго «я» (прежнего его «я») — ни малейшего признака раскаяния, ни тени душевного сокрушения, одно лишь отчаяние и скорбь. Ричард ненавидит себя «за зло, что самому себе нанес», но измениться он уже не может. И у него вырывается дикий, отчаянный вопль: «Никто меня не любит! Никто, когда умру, не пожалеет!» И в самом деле, как другим жалеть его, когда он сам в себе не находит к себе жалости?

То же самое и в плане политическом. Ричард всех оттолкнул от себя, создал вокруг себя пустоту и гибнет, не найдя никакой опоры, никакой защиты от поднявшего на него меч мстителя — Ричмонда. Но в последний момент в нем вспыхивает пламя прежней энергии и прежней страсти. Он произносит блестящую речь перед войсками и кидается в бой. Но это бой уже не за власть, не за престол. Это бой за свою несломленную гордость, за «гордыню ума», по меткому выражению английского критика Даудена. «Коня, коня! Венец мой за коня!» — таков последний возглас Ричарда, сумевшего погибнуть величаво, несломленным и до конца верным себе.

Все краски Шекспира в этой трагедии ушли на обрисовку Ричарда. На остальные персонажи их осталось мало. Но это вполне соответствует всему замыслу этой «монодрамы», в которой, подобно «Макбету», все остальное — лишь фон для центральной фигуры титанического, выходящего за рамки нормальной жизни героя. Есть прекрасные, выразительные и волнующие сцены с лорд-мэром, с маленькими принцами, со скорбными королевами, но все это дано в несколько приглушенных тонах, с нарочито ослабленной — для оттенения главной фигуры — индивидуализацией.

Зато образ самого Ричарда, раскрытый диалектически и при всей своей монолитности многогранный и полный внутреннего движения, тщательно продуман и выполнен замечательно. «Ричард III» по жанру — переход от хроники к трагедии. Образ Ричарда — подготовка образов Яго, Эдмунда, Макбета, как и сама пьеса во многих отношениях — подготовка будущих «великих трагедий» Шекспира.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «РИЧАРД III»

Действующие лица

Приводим краткие сведения об исторических прототипах персонажей шекспировской трагедии, отмечая главнейшие отступления, сделанные Шекспиром, от фактов, найденных им в источниках, которыми он располагал.

Король Эдуард IV (1461—1483) сразу после восшествия на престол безудержно предался распутству и всяким излишествам, от которых и умер всего сорока одного года отроду. Последней его любовью была Джен Шор, жена лондонского купца. Герцог Кларенс вел предательскую политику по отношению к своему брату Эдуарду IV и домогался престола. В 1478 году (то есть за пять лет до смерти Эдуарда) он был приговорен к смерти за государственную измену, но Эдуард, не решаясь казнить его публично, предпочел подослать к нему в Тауэр тайных убийц. Ричарда, герцога Глостера, затем Ричарда III (1483 — 1485, род. 1452), историки характеризуют как весьма способного государя, издавшего ряд полезных для развития страны законов. Он намеревался женить своего сына Эдуарда на принцессе Елизавете, дочери

Эдуарда IV, и только после внезапной смерти сына в 1484 году возмел мысль сам жениться на ней, однако по совету приближенных почти тотчас же отказался от этого проекта, как слишком смелого. Граф Ричмонд (род. 1456) получил права на престол через свою мать Иоанну Бофорт, внучку Джона Бофорта, брата Генриха IV, которая в первом браке была замужем за Эдмундом Тюдором, графом Ричмондом (отцом Ричмонда), во втором — за графом Стеффордом, в третьем — за графом Стенли. Королева Елизавета была в первом браке замужем за сэром Джоном Греем (ум. 1461). Королева Маргарита вскоре после водворения Эдуарда IV бежала во Францию, затем, через семь лет, предприняла попытку вооруженной силой вернуть себе английский престол и заключена была в Тауэр, где просидела четыре года, после чего была выпущена на свободу и уехала во Францию, где и умерла в 1481 году. Леди Анна, младшая дочь графа Уорика (изображенного в «Генрихе VI»), была не женой, а лишь невестой принца Эдуарда, и о чувствах ее к жениху в ту эпоху, когда браки среди высшей аристократии были откровенными сделками, основанными на расчете, хроники ничего не говорят. Причина ее ранней смерти в 1485 году неизвестна. Брексенбери был назначен комендантом Тауэра лишь после водворения Ричарда III. Подобного рода отступления от исторической точности нередки в пьесе.

Стр. 433. Здесь ныне солнце Йорка...— После битвы при Таутоне, доставившей Йоркам престол, Эдуард IV велел изобразить на своем гербе солнце.

Стр. 434. ...что в Тауэре вас заново крестили? — Завещающий намек на дальнейшие события, изображенные в трагедии: подосланные Глостером убийцы бросят тело Кларенса в бочку (заменяющую «купель»), только наполненную не водой, в которой крестят младенцев, а вином.

Стр. 435. Энтони Вудвил — имя графа Риверса, брата королевы.

Стр. 439. Чартси — маленький монастырь под Лондоном, куда тело Генриха VI было перенесено после отпевания в соборе св. Павла.

Стр. 440. Какой колдун врага сюда призвал... — «Враг рода человеческого» (или просто «враг») — дьявол.

Стр. 445. Они меня разят живою смертью. — Глостер хочет сказать: моя жизнь подобна смерти.

Стр. 447. Кросби — название дома, принадлежавшего Глостеру.

Стр. 448. Уайт-Фрайерс (буквально — белые монахи) — монастырь кармелитов в Лондоне.

Стр. 450. Хотя вам она жена, милейший лорд... — Маргарита Бофорт, в первом браке графиня Ричмонд, мать будущего короля Генриха VII, происходила из Ланкастерского дома и, следовательно, была врагом дома Йорков.

Стр. 454. Несчастный Кларенс Уорик оставил... — Уорик, тесть Кларенса, был сначала приверженцем Йорков, но затем изменил им и перешел на сторону Ланкастеров. Через некоторое время после того Кларенс отошел от Уорика.

Стр. 458. Горбун ты, недоношенный свиньей! — На гербе Глостера был изображен дикий кабан.

Стр. 465. Тень — ангела со светлыми кудрями. — Тень Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха VI.

Стр. 484. Дедло — название дворца принца Уэльского.

Стр. 485. ...который может возбудить толпа. — Большая вооруженная свита могла бы вызвать впечатление, что мир нарушен.

Стр. 488. Нортемптон и Стони-Стретфорд — города, расположенные на дороге из Честера в Лондон.

Стр. 491. Я передам вам вверенную мне печать. — Так называемая «большая королевская печать», хранившаяся лорд-канцлером, каковым в это время был архиепископ Йоркский.

Стр. 492. ...в вашем доме. — В торжественных случаях Лондон именовался «королевским чертогом (или домом)».

Стр. 495. Любезный принц, он зданье заложил... — Предание о том, что постройку Тауэра начал Юлий Цезарь, лишено всякого исторического основания.

Кривда, или Порок — традиционный персонаж средневекового театра.

Был вскормлен ум всей доблестью его, а доблесть умом запечатлел он. — Принц Уэльский хочет сказать: доблесть Юлиа Цезаря способствовала развитию его ума, а благодаря этому уму он смог закрепить в памяти потомства свою доблесть. Имеются в виду «Записки о галльской войне», где Юлий Цезарь излагает историю завоевания им Галлии. Книга эта считается образцом классической латинской прозы.

Стр. 500. Пусть поцелует миссис Шор послаще... — Сразу после смерти Эдуарда IV его любовница Джен Шор стала любовницей Хестингса.

Стр. 502. ...как будто вепрь сорвал шлем с головы его. — Намек на вепря (или кабана), изображенного на гербе Глостера.

Стр. 515. ...о награде золотой. — О короне.

Бейнардский замок — дом в Лондоне, принадлежавший Йоркам.

Стр. 516. Шоу и Пенкер — два августинских монаха, известные проповедники, приверженцы Шоу.

Стр. 517. Ну, да. Сказал о договоре брачном... — До своего брака с Елизаветой Грей Эдуард был в связи с леди Люси и, по ее словам, обещал на ней жениться. Велись также переговоры о его браке с французской принцессой.

Стр. 522. Просительница жалкал. — Елизавета Грей (см. «Генрих VI», часть третья, акт III, сцена 2).

Стр. 527. Я сыну напишу... — Ричмонду, который приходился Стенли пасынком.

Стр. 534. ...и назвал Руджмонтом. — Ричард испугался созвучия имен — Руджмонт и Ричмонд; второе из них — имя его врага Ричмонда и в то же время название графства, обещанного Ричардом Бекингеми.

Стр. 535. Брекнок — город в Южном Уэльсе, где находился родовой замок Бекингемов.

Стр. 545. Или. — Мортон, епископ Илийский.

Стр. 556. Иль выпал меч из рук? — Меч — в смысле «власть».

Стр. 566. В бой, Серри... — Здесь Серри — имя коня Ричарда.

Стр. 575. Дикон — уменьшительная форма имени Ричард (Дик).

...Полная земля — перенаселенный край (Бретань).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
<i>А. Смирнов. Уильям Шекспир</i>	7
ГЕНРИХ VI. Часть первая. Перевод Е. Би- руковой	85
ГЕНРИХ VI. Часть вторая. Перевод Е. Би- руковой	191
ГЕНРИХ VI. Часть третья. Перевод Е. Би- руковой	311
РИЧАРД III. Перевод Анны Радловой	431
Статья «Генрих VI» А. Аникста . . .	585
Статья «Ричард III» А. Смирнова . . .	607

Примечания к текстам пьес составлены
А. Смирновым

Уильям Шекспир
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ, т. 1

Редактор *Т. А. Путинцева*
Оформление художников
А. Д. Гончарова и А. В. Ермакова
Портрет (вклейка) работы
художника *А. В. Алемасова*
Художественный редактор *В. П. Богданов*
Технический редактор *Г. Я. Шебалина*
Корректоры
З. Д. Гинзбург и М. И. Цециор

Сдано в набор 8/IX 1956 г. Подп. к печ. 26/1 1957 г.
Форм. бум. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 39,875.
Уч.-изд. л. 36,486. Тираж 150 000 экз.
Ш 02055. Изд. № 12071. Заказ тип. № 1838.

«Искусство» Москва, Цветной бульвар, 25.

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфпрома Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 15 руб.

